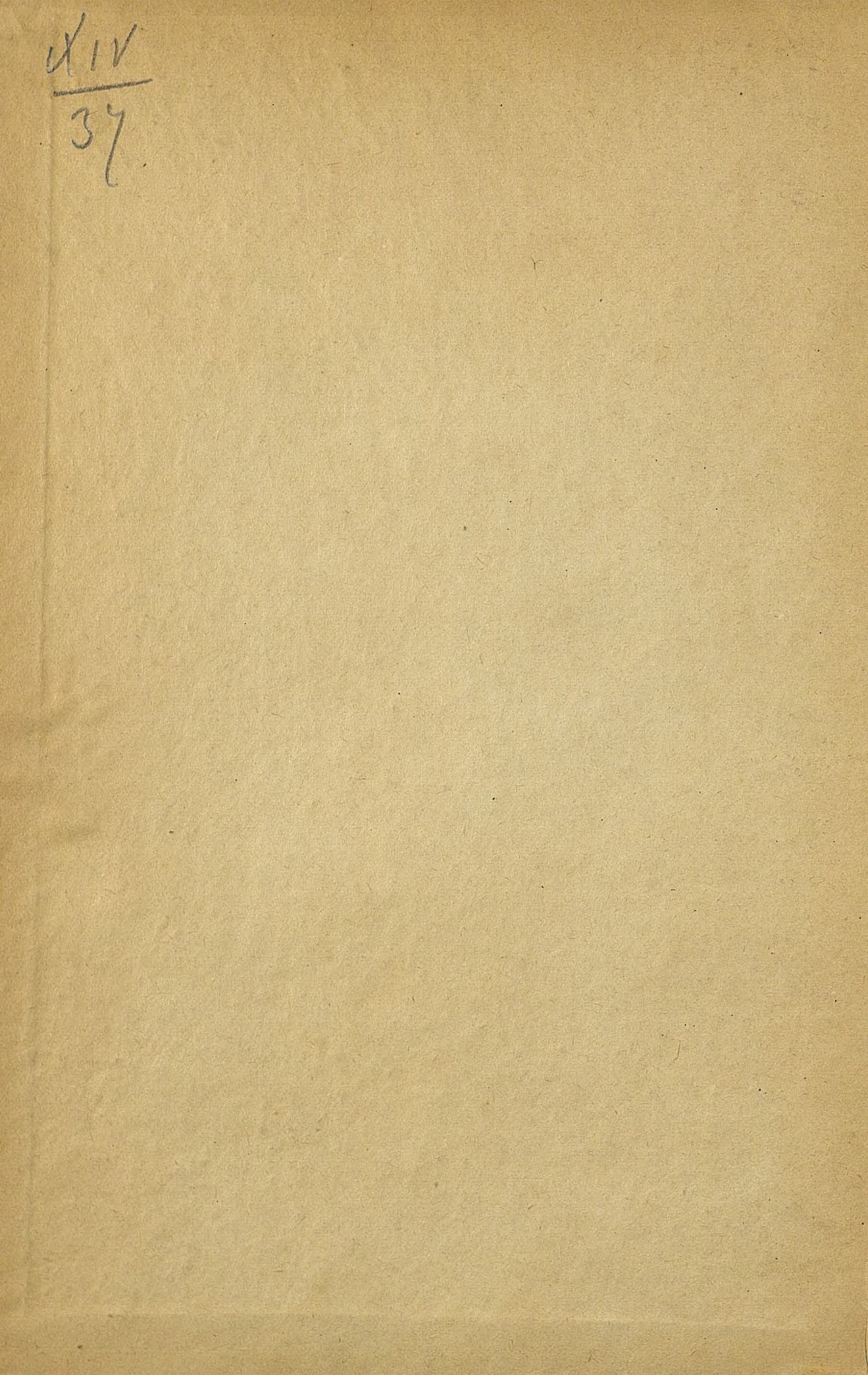

XIV
37

М. Н. Ясинскій.

Очерки по исторіи судоустройства въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

ГЛАВНЫЙ ЛИТОВСКІЙ ТРИБУНАЛЪ,

его происхожденіе, организація и компетенція.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Происхожденіе Гл. Лит. Трибунала.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительск. 14.
1901.

М. Н. Ясинскій.

Очерки по исторіи судоустройства въ Литовско-Русскомъ государствѣ.

ГЛАВНЫЙ ЛИТОВСКІЙ ТРИБУНАЛЪ,

его происхожденіе, организація и компетенція.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

Происхожденіе Гл. Лит. Трибунала.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ. Трехсвятительск. 14.
1901.

По опредѣленію Юридическаго факультета Университета Св. Владиміра печатать дозволяется. 24 Октября 1900 г.

Деканъ *А. В. Р.-Славатинскій.*

Занимаясь исторіей западно-русскаго процесса преимущественно же судоустройства, и производя съ этой цѣлью архивныя изысканія, я натолкнулся въ актовыхъ книгахъ Кіевскаго Центральнаго архива на рядъ документовъ, давшихъ мнѣ возможность въ вышедшемъ недавно очеркѣ „выяснить, выражаясь словами весьма компетентнаго рецензента означеннаго очерка, темный эпизодъ изъ исторіи польскаго судоустройства XVI в.“ [1]), а именно: представить, насколько то позволяли открытые мною документы и другія данныя, исторію возникновенія и кратковременнаго существованія Луцкаго Трибунала, дѣйствовавшаго параллельно съ Коронным Трибуналомъ. Изученіе исторіи двухъ названныхъ высшихъ судовъ обратило мое вниманіе на третье аналогичное учрежденіе, существовавшее въ соединенномъ съ Польшей личной и парламентской уніей Литовскомъ государствѣ—на Главный судъ или Трибуналъ Литовскій, и направило въ эту сторону мои дальнѣйшія заня-

---

1) См. Kwartalnik Historyczny 1900 г., zezsyt II, гдѣ на стр. 292—296 помѣщена рецензія проф. Освальда Бальцера на нашъ очеркъ: „Луцкій Трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.“ (Кіевъ, 1900 г., стр. 72+34).

тія. Плодомъ послѣднихъ явился предлагаемый трудъ, первая часть котораго, нынѣ выпускаемая въ свѣтъ, посвящена вопросу о происхожденіи Литовскаго Трибунала.

Подробное знакомство съ судебными порядками, существовавшими въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ XVI в., убѣждаетъ, что чрезмѣрное, въ силу различныхъ обстоятельствъ, обремененіе вел. князей литовскихъ судебными дѣлами заставило это государство уже довольно рано вступить на путь реформъ въ области судоустройства и процесса вообще и что созданіе Гл. Литовскаго Трибунала, завершившее циклъ судебныхъ реформъ, было неизбѣжнымъ и вполнѣ логическимъ результатомъ обоихъ названныхъ сейчасъ явленій, находившихся въ тѣсной между собою связи. Этимъ, надѣюсь, вполнѣ объясняется расположеніе, объемъ и содержаніе составныхъ частей настоящаго выпуска моей работы и въ частности—почему я считалъ необходимымъ (особенно при отсутствіи спеціальныхъ трудовъ, на которые можно было бы ссылаться) [1]) остановиться съ нѣкоторой подробностью на вопросахъ: о формахъ и компетенціи великокняжескаго суда, о радѣ, какъ самостоятельномъ судилищѣ, и прочихъ судебныхъ инстанціяхъ, о докладѣ и апелляціи, и нѣкот. друг.

---

[1]) Намъ приходилось между прочимъ касаться рады и сеймовъ въ вел. княж. Литовскомъ, о которыхъ до послѣдняго времени не существовало спеціальныхъ изслѣдованій. Лишь въ декабрѣ 1900 г. появилось въ одномъ изъ повременныхъ изданій начало обширной монографіи г. Любавскаго о сеймахъ. Къ сожалѣнію, я уже не имѣлъ возможности воспользоваться этимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ значительная часть моей работы была къ тому времени отпечатана.

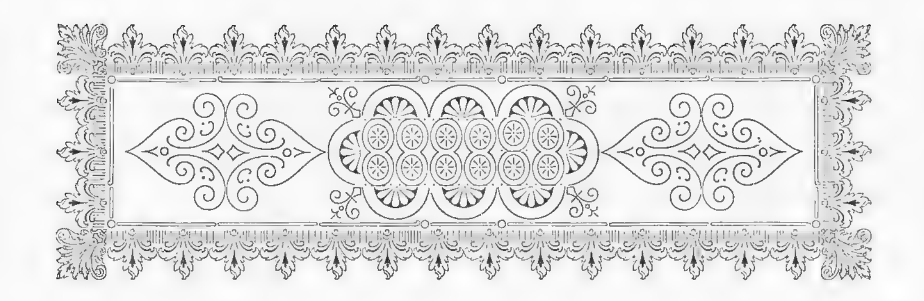
Что касается второй части (выпуска) предлагаемаго труда, посвященной организаціи и компетенціи Литовскаго Трибунала на основаніи его устава, а отчасти и Лит. Статута 1588 г., то она выйдетъ въ весьма непродолжительномъ времени. Къ этой части будетъ приложенъ текстъ устава Гл. Лит. Трибунала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ виленской типографіи Мамоничей въ 1586 г.

Въ заключеніе приношу мою глубокую благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, такъ или иначе содѣйствовавшимъ появленію настоящей работы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Охрана государства отъ внѣшнихъ враговъ и отправленіе правосудія представлялись главнѣйшими задачами дѣятельности государя не только во времена Рюриковичей, но и во времена ихъ преемниковъ по обладанію западно-русскими областями—литовскихъ великихъ князей, или господарей. Преобладаніе заботъ объ охранѣ подданныхъ мечемъ и судомъ надъ всѣми прочими рельефно выступаетъ и въ сношеніяхъ вел. князей литовскихъ съ Радою во время пребыванія ихъ въ Польшѣ и въ актахъ сеймовой дѣятельности. Указанныя задачи, несмотря на ихъ примитивность, были однако, по крайней мѣрѣ въ описываемое время (въ XVI ст.), отнюдь не легки. Вотъ что, напр., писала въ 1521 г. Рада вел. княж. Литовскаго, или литовско-русскій сенатъ, которому поручено было управленіе государствомъ и охрана его отъ внѣшнихъ враговъ на время одной изъ довольно частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ Сигизмунда I въ Польшу: „Ваша милость, Господаръ нашъ милостивый, рачыли всказати до насъ, слугъ вашое милости, абыхмо зголдивымъ обычаемъ дела вашое милости господарскии и земскии справовали . . . . Мы, дали Богъ, яко верныи слуги и подданыи и рады вашое милости . . . з великою пилъностью охотне речи вашое милости господарскии и земскии справовали и стерегли . . “. Находя, однако, что такое бремя впредь непосильно для ихъ „головъ и розумовъ“ и усердно приглашая вел. князя поскорѣе возвращаться въ предѣлы Литовскаго государства, радные паны прибавляютъ:

„бо, милостивый Господарю, не только въ таковомъ папъстве широкомъ, але и в кляшторе без небытности старшого не могуть ся добре законы справовати, ту тежъ ваша милость рачте вбачити и розумомъ своимъ панскимъ огорнути, можемъ ли мы, слуги вашое милости, черезъ такъ долгий часъ, безъ бытности вашое милости господарское такъ великую а трудную речъ на себе взяти, а тому досыть вчинити“ [1]). То, однако, что́, несмотря на заочное руководство со стороны вел. князя и предоставленныя имъ Радѣ широкія полномочія, казалось ближайшимъ сотрудникамъ государя, или его совѣту, состоявшему изъ высшихъ сановниковъ государства, непосильнымъ бременемъ,—то составляло предметъ постоянной дѣятельности вел. князя, то было его прямой обязанностью и его правомъ въ одно и то же время.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что изъ всѣхъ функцій, входившихъ въ кругъ дѣятельности литовскаго государя, наиболѣе обременительными и трудными были функціи судебныя. Какъ много времени, труда и энергіи отнимала у вел. князей литовскихъ эта сторона ихъ дѣятельности, о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и опубликованныя доселѣ судебныя рѣшенія, древнѣйшія изъ которыхъ восходятъ ко временамъ Витовта, Казимира и Александра, и составъ книгъ великокняжеской канцеляріи (Литовской Метрики), значительная часть которыхъ наполнена судебными рѣшеніями вел. князей литовскихъ, и, наконецъ, содержаніе законодательныхъ памятниковъ, какъ предшествовавшихъ Литовскимъ Статутамъ, такъ и этихъ послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вел. князь литовскій былъ прежде всего верховнымъ судьею по всѣмъ дѣламъ, восходившимъ къ нему по докладу судей или по жалобѣ сторонъ отъ низшихъ судебныхъ мѣстъ (ниже мы увидимъ, какъ почти безгранично было право апелляціи къ вел. князю). Но независимо отъ права контроля надъ всѣми органами суда, въ качествѣ „сторожа справедливости“ [2]),

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юстиціи, т. I (1897 г.), стр. 513—514.

[2]) Такъ, въ качествѣ верховнаго судьи и охранителя правосудія, называется иногда вел. князь. См. Лит. Статутъ 1588 г., р. I, арт. 8.

т. е. верховнаго блюстителя правосудія, независимо отъ права окончательнаго разрѣшенія судебныхъ дѣлъ и всѣхъ возникавшихъ при разборѣ этихъ послѣднихъ въ низшихъ судахъ недоумѣній по вопросамъ права, литовскіе вел. князья выступали также въ роли непосредственныхъ судей по цѣлому ряду дѣлъ, почему-либо изъятыхъ изъ-подъ компетенціи низшихъ судебныхъ властей, и надъ многими разрядами лицъ, свободныхъ отъ подсудности этимъ послѣднимъ, и являлись во всѣхъ этихъ случаяхъ не только высшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ первой и единственной судебной инстанціей. Словомъ, литовско-русскіе вел. князья не только были главнымъ и заключительнымъ звеномъ въ литовскомъ судоустройствѣ,—органомъ, задача котораго устранять или исправлять несправедливыя или неосновательныя рѣшенія низшихъ судебныхъ инстанцій, но и брали на себя значительную, какъ мы увидимъ, долю обязанностей этихъ послѣднихъ, дополняли ихъ дѣятельность непосредственнымъ отправленіемъ правосудія.

Указанное явленіе, имѣвшее своимъ непосредственнымъ результатомъ крайнее обремененіе господарей судебными дѣлами, обусловливалось нѣсколькими причинами, частью общими, т. е. свойственными господствовавшимъ понятіямъ того времени и наблюдаемыми также въ другихъ странахъ, частью же мѣстными, т. е. такими, которыя могли существовать и не существовать въ другихъ государствахъ. Къ числу первыхъ относится упомянутый нами общераспространенный въ то время взглядъ на задачи дѣятельности государя, главнѣйшей изъ которыхъ считалось отправленіе правосудія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Взглядомъ этимъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ различныя данныя, проникнуты были въ Литвѣ одинаково и подданные и ихъ верховный вождь, хотя, быть можетъ, принципіальная сторона этого взгляда осложнялась у первыхъ и у послѣдняго различными практическими соображеніями: первые видѣли въ судѣ вел. князя, на котораго взирали, какъ на своего естественнаго судью и защитника, залогъ нелицепріятнаго суда, а потому всячески стре-

мились или вовсе избавиться отъ подсудности низшимъ органамъ, или, по крайней мѣрѣ, добиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы ихъ тяжба попала на судъ вел. князя [1]); послѣдній же видѣлъ въ непосредственномъ отправленіи правосудія не только свою главную миссію, свою священную обязанность, но, повидимому, также и одно изъ могущественныхъ средствъ удержанія и упроченія своей верховной власти [2]). Какъ бы то ни было, но вел. князья литовскіе еще въ первой половинѣ XVI в. ревниво охраняли не только свои права на верховенство въ области юстиціи, но также и свое право, являвшееся въ сущности лишь весьма тяжкой обязанностью,—быть непосредственнымъ судьею въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны почему-либо обращались къ нимъ, минуя низшія инстанціи, и чинить судъ не только въ предѣлахъ государства, но, вопреки обычаю [3]), и внѣ ихъ. Когда на Новгородскомъ сеймѣ 1538 г. радные паны и „рыцерство" указывали на неудобство такихъ порядковъ и находили ихъ не вполнѣ согласными съ Л. Статутомъ, Сигизмундъ I отвѣчалъ: „Не была бы речъ слушная, жебы его королевская милость на докуки подданыхъ своихъ не рачилъ литости мѣти и справедливости имъ мѣлъ у себе боронити, бо ачъ-кольве его милость рачилъ статутъ правъ писаныхъ тамошнему панству его милости, великому князству Литовскому, дати, вѣдже его милость руки а моцы своее имъ не замкнулъ и того въ статутѣ не выписалъ, жебы его милость, будучи въ панствѣ своемъ корунномъ, не мѣлъ подданнымъ своимъ великого князства позвовъ своихъ давати и справедливости имъ чи-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, I, стр. 100.

[2]) Этими именно соображеніями можно объяснить продолжительный неуспѣхъ многихъ ходатайствъ шляхты о реформѣ областнаго судоустройства и въ частности объ учрежденіи „повѣтовыхъ" судовъ, которые въ значительной степени должны были сократить юрисдикцію короля и вел. князя. См. Zbior praw litewskich, p. 411; Акты Зап. Россіи III, стр. 8, 104 и др.

[3]) Ясныя указанія, что предшественники Сигизмунда I избѣгали производить судъ за предѣлами страны, см. въ Акт. Лит. Метр., изд. проф. Леонтовичемъ, №№ 62, 65 и А. Ю. и З. Р. I, стр. 93—94.

нити“ [1]). Подчеркивая свое право чинить судъ всюду, на всякомъ мѣстѣ, и удовлетворять въ этомъ отношеніи всѣхъ, кто только ищетъ у него правосудія, король проникнутъ въ то же время глубокимъ убѣжденіемъ, что отправленіе судебныхъ функцій есть не только его право, но и его прямая обязанность: „виненъ его милость—говоритъ далѣе въ томъ же посланіи Сигизмундъ I,—кождому съ подданыхъ своихъ, а звлаща тымъ, которые зъ жалобами своими ку его милости приходять, справедливость дѣлати зъ вирхности своее господарское, чого жъ панове рады и все рыцерство не мають собе на короля его милость тяжити“ [2]). Впрочемъ, радные паны и все „рыцерство“, или „посполъство“, и сами нисколько не сомнѣвались въ непреложности тѣхъ истинъ, которыя имъ преподалъ король въ своей только-что процитованной отповѣди, и вообще — въ полнотѣ и широтѣ его верховной власти, особенно же судебной; это видно изъ одного пункта сеймовой петиціи, которая вызвала между прочимъ вышеприведенный королевскій отвѣтъ: „Милостивый королю!—говорится тамъ по поводу заявленія (оказавшагося, однако, неосновательнымъ) опекуна надъ дѣтьми и имуществомъ п. Немиры, что онъ вмѣстѣ съ опекаемыми имъ имѣніями изъятъ королемъ отъ подсудности всякимъ судамъ вел. княж. Литовскаго,—слуги а рады вашое милости и все посполъство казали вашое милости повѣдить: ачъ кольвекъ ваша милость,

---

1) А. Ю. и З. Р. I, № 101. Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что уже въ 1542 г. вел. князь рѣшился воспретить литовской шляхтѣ обращаться съ своими тяжбами къ нему во время пребыванія его въ Польшѣ. См. Ак. З. Р. II, № 222. То же подтверждено въ 1547 г. Ibid. III, № 4, п. 12.

2) А. Ю. и З. Р. I, стр. 101.—Въ другомъ случаѣ тотъ же король пишетъ кн. Юрію Слуцкому, на урядника котораго поступила жалоба еврея Еска, слѣд.: „Ино, княже Юрій, самъ ты добре тому розумѣешъ, ижъ яко богатымъ и паномъ преложенымъ, такъ и вбогому кождому справедливость однакова маеть быти захована. А тотъ подданый Нашъ, ачколвекъ есть жидъ а легкая особа, однако . . . . коли онъ за жалобою до Насъ ся втекъ, Намъ ся годить подданыхъ Нашихъ боронити“. („Документы и Регесты“, изданные С. А. Бершадскимъ, т. I, № 165).

яко панъ звирхный, може то вчинити, а (въ) присудъ свой взяти, але.... покорнѣ просятъ etc." [1]).

Не менѣе энергично проводилъ тѣ же мысли, что́ и Сигизмундъ I, и осуществлялъ ихъ на практикѣ его сынъ и преемникъ Сигизмундъ Августъ, который между проч. на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. категорически подтвердилъ, что въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, возбужденныхъ противъ шляхтича, „судъ никому иному властнѣ не належитъ, одно его королевской милости самому, яко пану зверхному" [2]).

Неудивительно поэтому, что вел. князья были завалены судебными дѣлами, что къ нимъ непосредственно (особенно въ первыя десятилѣтія XVI в.) обращались съ различными своими тяжбами и жалобами не только лица высшихъ привилегированныхъ классовъ, или, выражаясь словами Сигизмунда I, „зъ высокихъ преложоныхъ домовъ" и „отъ шляхты—посполитого чоловѣка" [3]), но и низшихъ—люди путные, волостные [4]) и всякіе другіе, кто въ отличіе отъ „богатыхъ и пановъ преложоныхъ" нерѣдко именовался „вбогими" и „легкими особами" [5]).

Другою не менѣе важною, хотя и болѣе преходящею причиною обремененія вел. князей литовскихъ судебными дѣлами было состояніе западно-русскаго законодательства, а именно отсутствіе въ Литвѣ до 1529 г. общаго сборника законовъ [6]), а затѣмъ, съ изданіемъ перваго Л. Статута, неполнота этого кодекса, особенно въ процессуальной его части. Указанныя обстоятельства нерѣдко заставляли судей пере-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I, стр. 90.

[2]) Ак. З. Р. III, стр. 27. См. также примѣч. 2 на стр. 4.

[3]) А. Ю. и З. Р. I, стр. 100.

[4]) См., напр., Акты Лит.-Русск. госуд., вып. I (М. 1900 г.) № 172; Акты Л. Метр. изд. проф. Леонтовичемъ, №№ 375, 433; Archiwum ks. Sanguszków, IV, № 138 и др.

[5]) Док. и Рег., изд. Бершадскимъ, I, стр. 212.

[6]) Правда, еще въ 1468 г. былъ изданъ Казимиромъ Литовскій Судебникъ, но онъ, какъ извѣстно, почти исключительно посвященъ вопросу о татьбѣ.

носить поступавшія къ нимъ дѣла на усмотрѣніе вел. князя, которому по частному случаю приходилось въ одно и то же время выступать и въ роли судьи и въ роли законодателя, пополнявшаго встрѣтившіеся въ законахъ или въ существовавшихъ юридич. обычаяхъ пробѣлы. Извѣстно, что многіе отдѣльные законы, такъ наз. „уставы“ и „уфалы“, обязаны своимъ бытіемъ именно великокняжескимъ судебнымъ „вырокамъ“, или рѣшеніямъ. Такъ, напр., въ 1509 г. король съ панами-радой, разсмотрѣвъ тяжбу Ад. Михайловича и двухъ друг. земянъ съ вдовой п. Алекс. Монгирдовича, претендовавшихъ въ лицѣ своихъ женъ на имущество Монгирдовича, издалъ очень важную уфалу о порядкѣ записи вѣна и вообще объ объемѣ правъ вдовъ на имущество ихъ мужей въ случаѣ новаго замужества, бездѣтности и пр. [1]) Приведемъ еще примѣръ. Въ 1540 г. Сигизмундъ I, разсмотрѣвъ дѣло по доносу на литовскихъ евреевъ о совращеніи ими христіанскихъ младенцевъ и пр. и оправдавъ обвиняемыхъ, счелъ нужнымъ подтвердить правило о ненаказуемости по заочному обвиненію и дать рядъ законодательныхъ дополненій по вопросу объ отношеніяхъ евреевъ къ христіанамъ [2]).

Съ другой стороны, отсутствіе общаго законодательнаго кодеска, какъ то было до 1529 г., или существенные пробѣлы въ законодательствѣ, не устраненные первымъ и даже вторымъ Л. Статутами, открывали широкій просторъ не только судейскому усмотрѣнію, но и произволу судей. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самъ Сигизмундъ I въ своемъ знаменитомъ эдиктѣ, опубликованномъ на Виленскомъ сеймѣ въ декабрѣ 1522 г. и содержащемъ въ себѣ торжественное обѣщаніе дать Литвѣ „unum jus scriptum atque unam legem sub constitutionibus et statutis certis in scripta redactis.....“ [3]). Неспра-

---

[1]) Skarbiec diplomatów, сост. Даниловичемъ, № 2207. — Нѣсколько ранѣе (въ 1495 г.), при рѣшеніи тяжбы о вотчинѣ между кн. Сем. Бѣльскимъ и его племянниками, вел. кн. Александръ далъ разъясненіе, что въ имѣніи измѣнника нѣтъ наслѣдованія. А. З. Р. I, № 126.

[2]) А. Ю. и З. Р. I, № 104.

[3]) Zb. pr. lit., p. 122.

ведливыя рѣшенія, явно пристрастныя или несогласныя съ существовавшими законами, — рѣшенія, имѣвшія мѣсто не только до изданія „unum jus scriptum" въ видѣ Л. Статута 1529 г., но и послѣ него (несмотря на строгое воспрещеніе этимъ статутомъ всякаго неправосудія) [1]), вызывали, въ свою очередь, жалобы, которыя приходилось въ громадномъ большинствѣ случаевъ разрѣшать никому иному, а все тому же вел. князю.

Наконецъ, третьей причиной обремененія вел. князей литовскихъ судебными функціями,—причиной, находящейся въ нѣкоторой связи съ двумя предыдущими и особенно съ первой, такъ какъ эта послѣдняя отчасти ею обусловливалась, было неустройство вплоть до изданія второго Статута судебной части въ провинціяхъ, а именно малочисленность областныхъ органовъ общаго суда, обремененіе ихъ не только судебными, но и административными функціями, а нерѣдко и небрежное отношеніе мѣстныхъ судей къ своимъ судейскимъ обязанностямъ.

Если мы сопоставимъ тогдашнее областное судоустройство Литвы съ провинціальнымъ судоустройствомъ сосѣдней Польши, соединенной съ Литовско-Русскимъ государствомъ личной уніей, то первое изъ нихъ поражаетъ своей примитивностью, напоминающей тѣ сравнительно отдаленныя времена (земскій періодъ), когда, сверхъ князя, дѣйствовали въ качествѣ судебныхъ органовъ посадники, тіуны и отчасти вирники. Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ, и притомъ уже издавна, существовала цѣлая серія провинціальныхъ судовъ, между которыми болѣе или менѣе равномѣрно распредѣлялись судебныя дѣла, а именно: земскіе, гродскіе или старостинскіе, подкоморскіе и вѣчевые (sądy wiecowe, wiece, coloquia generalia) [2]) суды, организовавшіеся преимущественно

---

[1]) Л. Статутъ 1529 г., р. VI, арт. 1—2.

[2]) Подъ такимъ названіемъ эти суды (вѣчевые) извѣстны были въ Малой Польшѣ, въ Великой же Польшѣ они именовались roki wielki, или по-латыни—magni termini. См. Hube: „Sądy, ich praktyka i stosunki prawne...". Warsz. 1886, p. 288, 290.

въ XIV, а отчасти въ XV вв. (древнѣйшіе изъ нихъ — земскіе, которые ведутъ свое начало съ первыхъ годовъ XIV ст.) [1]). Нѣкоторые изъ этихъ судовъ, а именно суды гродскіе и вѣчевые, имѣли въ XIV—XV вв. значеніе высшихъ инстанцій, т. е. рѣшенія ихъ не подлежали апелляціи [2]). Правда, эта многочисленность провинціальныхъ органовъ судебной власти не спасла польскихъ королей, въ лицѣ послѣднихъ Ягеллоновъ, отъ обремененія судебными дѣлами; правда и то, что стройность и законченность въ инстанціонномъ отношеніи указанныхъ провинціальныхъ польскихъ судовъ уже къ началу XVI в. были нарушены, такъ какъ вѣчевые суды, хотя и продолжали стоять во главѣ всѣхъ прочихъ судовъ провинціи, низведены были на рангъ среднихъ судебныхъ мѣстъ [3]). Но на все это существовали свои особыя причины, отнюдь не находившіяся въ какой-либо связи съ судоустройствомъ, и притомъ причины, которыя не имѣли и не могли имѣть мѣста въ Литвѣ, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVI в. [4]). Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ въ Польшѣ не было основанія, какъ то было въ Литвѣ, жаловаться на недостаточность мѣстныхъ правительственныхъ органовъ судебной власти [5]), на подсудность самыхъ разно-

---

[1]) Piekosiński: „Sądownictwo w Polsce wieków średnich", Kraków, 1898, p. 15 sq.; O. Balzer: „Geneza trybunału koronnego", W. 1886, p. 80.

[2]) O. Balzer, op. cit., 12—14.

[3]) Ibid., p. 18—20, 22—23, 80.

[4]) Ibid., p. 15 и слѣд. Къ числу такихъ причинъ относится между проч. усиленіе въ Польшѣ со 2-ой полов. XV в. значенія шляхты, которая, подъ вліяніемъ своей господствующей политической роли въ государствѣ, усвоила себѣ идею о неподсудности шляхтича суду равныхъ, а такими, конечно, являлись всѣ судьи, кромѣ одного короля.

[5]) См., наприм., сѣтованія (впрочемъ, нѣсколько преувеличенныя) Михалона Литвина на малочисленность судей въ Литвѣ: „De moribus tartarorum, litvanorum et moscorum", p. 40—41 (по изд. Калачова, въ Арх. ист.—юрид. свѣд., кн. 2). Въ виду дальнѣйшихъ ссылокъ на означеннаго автора, считаемъ не лишнимъ прибавить, что названное сочиненіе Михалона написано около половины XVI в., а именно послѣ 1544 г. См. Jaroszewicz: „Obraz Litwy", t. II, p. 289—291.

образныхъ по роду и значенію дѣлъ однѣмъ и тѣмъ же низшимъ судебнымъ инстанціямъ.

Не то было въ Литовско-Русскомъ государствѣ! Судебная власть [1]) во всѣхъ областяхъ этого послѣдняго (за исключеніемъ Подляшскаго воеводства, гдѣ дѣйствовало польское право и существовали нѣкоторые суды по польскому образцу) [2]) принадлежала послѣ упраздненія удѣловъ великокняжескимъ урядникамъ, или чиновникамъ—воеводамъ, старостамъ и державцамъ, которые вмѣстѣ съ судебною властью соединяли и административную [3]). Этимъ урядникамъ, впрочемъ отличав-

---

[1]) Здѣсь и ниже мы говоримъ лишь о государственныхъ органахъ суда и не касаемся вовсе сословныхъ и частныхъ судовъ, изъ которыхъ многіе (мѣстскіе, или городскіе, копные, панскіе, или вотчинные, и полюбовные) играли громадную роль въ жизни мѣстнаго населенія и въ значительной степени уменьшали судебныя тяготы провинціальныхъ правителей—судей.

[2]) Подляшское воеводство, учрежденное около 1513 г., состояло изъ повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго, управляемыхъ старостами. Въ немъ дѣйствовало польское право, введенное въ XV в. (въ Бѣльскомъ пов. въ 1501 г.), и существовали земскіе и гродскіе суды по образцу Польши. См. наше изслѣдованіе: „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русск. госуд.", стр. 41, 44, 71—72, и М. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управл. Л.—Р. госуд.", стр. 18—20.—Подкоморскіе суды были введены въ Подляшскомъ воеводствѣ лишь въ 1547 г. См. „Док. Моск. Арх. Мин. Юст." I, стр. 534. Судебныхъ вѣчъ, какія существовали въ Польшѣ, въ Подляхіи до самой Люблинской уніи (1569 г.), повидимому, не было; по крайней мѣрѣ въ документахъ, касающихся судоустройства Подляхіи, никакихъ указаній и даже намековъ на судебныя вѣча ранѣе этого времени не имѣется. Первое извѣстіе о вѣчахъ въ Подляхіи относится къ 1569 г., когда они были введены и въ Кіевскомъ воеводствѣ. См. Vol. leg. II, 790—91.

[3]) Подробнѣе о судѣ воеводъ и старостъ см. наше изслѣд.: „Уставн. земск. гр. Л.—Р. госуд.", стр. 181—195, а также М. Любавскаго: указ. соч., стр. 808 и слѣд., 861 и слѣд. Что касается державцевъ, то это были органы суда и управленія въ болѣе мелкихъ округахъ, чѣмъ тѣ, которые находились подъ властью воеводъ и старостъ, и были подчинены послѣднимъ, какъ высшей судебной инстанціи. Въ составъ державцевъ входили, кромѣ намѣстниковъ - державцевъ, и тивуны, которые незадолго предъ изданіемъ 1-го Л. Статута были переименованы въ державцевъ;

шимся другъ отъ друга по компетенціи власти и величинѣ управляемыхъ ими округовъ [1]), а равно и зависимымъ отъ названныхъ урядниковъ низшимъ чиновникамъ (намѣстникамъ, подстаростамъ, маршалкамъ воеводъ и пр.), которые заступали мѣста своихъ принципаловъ въ ихъ отсутствіе, подсудны были всѣ дѣла, которыя въ Польшѣ распредѣлялись между земскими, гродскими и подкоморскими судами, и, за нѣкоторыми исключеніями, съ которыми мы познакомимся ниже, судебная власть этихъ органовъ распространялась на все населеніе ихъ „повѣтовъ“ [2]), не подчиненное особымъ присудамъ (каковы, напр., мѣщане и частновладѣльческіе крестьяне). Такъ было до изданія Л. Статута 1529 г., такъ осталось и послѣ изданія названнаго кодекса [3]) съ тою лишь разницею, что этотъ послѣдній предписалъ воеводамъ, старостамъ и державцамъ избирать каждому въ своемъ „повѣтѣ“ въ помощь себѣ двухъ земянъ, которые назывались „земянами присяжными“ и которые должны были вмѣстѣ „з наместники и маршалки тых панов врадников“ разбирать и рѣшать судебныя дѣла въ отсутствіе воеводъ, старостъ и державцевъ [4]).

Если мы примемъ во вниманіе, что воеводы, старосты и державцы, сверхъ широкой, какъ мы видѣли, юрисдикціи, несли массу другихъ обязанностей чисто административнаго свойства, что они обыкновенно были въ то же время членами великокняжеской рады или состояли въ различныхъ при-

---

послѣдніе не могли судить шляхты (Лит. Статутъ 1529 г., VI, 33). Послѣ Литовскаго Статута 1529 г. тивуны въ качествѣ органовъ общаго суда и управленія остались только въ Жмудской землѣ. См. М. Любавскій, ук. соч., 68—71, 421—424.

[1]) См. предыд. примѣч., а также Любавскаго ук. соч., 70.

[2]) Терминъ „повѣтъ“ употреблялся и въ Л. Статутѣ 1529 г. и въ друг. современныхъ ему актахъ для обозначенія правительственныхъ округовъ самой различной величины: воеводствъ, староствъ, округовъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. См. Лит. Стат. 1529 г., VI, 1, 3 и др. Подр. см. у Любавскаго, ук. соч., 74—77.

[3]) Л. Статутъ 1529 г., VI, 1, 3, 33—34. См. также А. З. Р. II, № 222.

[4]) Ibid. VI, 3.

дворныхъ должностяхъ, что едва ли не всѣ воеводы, старосты и державцы были одновременно правителями нѣсколькихъ областей или округовъ[1]), что они, наряду съ государственными, заботились весьма усердно также и о своихъ частныхъ дѣлахъ, то естественно прійти къ заключенію, что мѣстные правители не могли аккуратно исполнять порученныхъ имъ судебныхъ функцій и вообще успѣшно справляться съ ролью областныхъ судей. Правда, въ случаѣ отсутствія или обремененія воеводъ, старостъ и державцевъ друг. дѣлами вмѣсто нихъ въ роли судей выступали ихъ намѣстники и маршалки совмѣстно съ присяжными земянами, но, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, судъ этихъ лицъ, особенно въ глазахъ шляхтичей, не пользовался такимъ авторитетомъ, какъ непосредственный судъ воеводъ и старостъ; къ тому же указанные замѣстители не могли разрѣшать наиболѣе важныхъ дѣлъ и должны были передавать таковыя на усмотрѣніе своихъ принципаловъ (воеводъ и старостъ). Если мы, наконецъ, ко всему сказанному прибавимъ, что не только воеводы, старосты и державцы, но даже ихъ намѣстники часто манкировали своими судейскими обязанностями, нерѣдко не имѣли

---

[1]) Такъ, напр., въ 1529 г. п. Петръ Станиславовичъ (Кишка) былъ не только воеводою полоцкимъ, но одновременно и старостою дорогицкимъ и державцею ожскимъ и переломскимъ (см. А. Л.—Р. госуд., в. I, стр. 242); воевода трокскій кн. К. И. Острожскій былъ въ то же время старостою брацлавскимъ и винницкимъ (ibid., 213); п. Иванъ Горностай въ 1538 г. совмѣщалъ въ своемъ лицѣ слѣд. разнообразныя должности: подскарбія земскаго, маршалка дворнаго, писаря господарскаго, справцы воеводства (т. е. исполняющаго должность воеводы) трокскаго, старосты слонимскаго и мстибоговскаго, державцы бирштанскаго, дорсунишскаго и зельвенскаго („Дек. и рег.“ Бершадскаго, т. I, стр. 220). Такихъ примѣровъ можно найти въ актахъ огромное количество. См. также извѣстный трудъ Wolff'a: „Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Lit.“, гдѣ приведены списки должностныхъ лицъ. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ должностей, какъ обычное явленіе, отмѣчаетъ и Михалонъ (op. cit., p. 57): „Въ Литвѣ одинъ чиновникъ занимаетъ десять должностей, а прочіе удалены отъ правительственныхъ дѣлъ; московитяне же соблюдаютъ равенство между своими и не даютъ одному многихъ должностей...“

опредѣленныхъ мѣстъ для засѣданій и въ частности позволяли себѣ производить судъ въ своихъ имѣніяхъ (иногда за предѣлами своихъ округовъ), чѣмъ приводили тяжущихся къ потерѣ времени и къ излишнимъ издержкамъ [1]), то станетъ вполнѣ понятно, почему тяжущіеся, избѣгая излишней волокиты, ища болѣе авторитетнаго и безпристрастнаго суда, предпочитали, минуя низшія провинціальныя инстанціи, обращаться къ непосредственному суду вел. князей и обременяли ихъ массой дѣлъ, отъ личнаго разбора которыхъ они по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отказывались обыкновенно лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ [2]). Послѣднее же обстоятельство,

---

[1]) Подтвержденіе сказанному можно найти не только въ запискахъ современниковъ, но и въ правительственныхъ и судебныхъ актахъ. См. соч. Михалона, р. 41—43, гдѣ мрачными красками рисуется картина провинціальнаго суда: воеводы разсматриваютъ дѣла, когда бываютъ наиболѣе свободны, тяжущіеся вынуждены гоняться за судьей (persequi judicem), намѣстники воеводъ отправляютъ правосудіе при шумѣ пирующихъ гостей.—Немало указаній, что стороны, явившіяся въ срокъ въ резиденцію воеводъ или старостъ, не находили ихъ тамъ и вынуждены бывали отправляться въ ихъ имѣнія, можно найти и въ судебныхъ книгахъ; см., напр., Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ XVI, л. 138—139 (актъ относится къ 1533 г.).—Жалобы, что воеводы, намѣстники и державцы не судятъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, а творятъ правосудіе въ своихъ частныхъ имѣніяхъ, иногда даже за предѣлами своихъ округовъ, и этимъ вводятъ въ расходы тяжущихся, раздавались и на сеймахъ 1544 и 1551 гг., см. Zb. pr. lit, р. 411 и А. З. Р. III, р. 32—33. Сами радные паны жаловались въ 1529 г. вел. князю, что воеводы полоцкій и витебскій даже въ трудныя минуты для означенныхъ воеводствъ (въ виду военной грозы) продолжаютъ проживать въ своихъ частныхъ литовскихъ имѣніяхъ; см. А. Л.—Р. госуд. I, № 242.—Бывали и случаи отказа въ правосудіи; такъ нѣкій Станко Дидюлиса заявлялъ въ великокняж. судѣ, что по дѣлу о наѣздѣ на его домъ, грабежѣ и проч. онъ жаловался воеводѣ виленскому, но тотъ „права ему не далъ“. См. Лит. Метр., Кн. Суд. дѣлъ VI, л. 1 об.

[2]) Вел. князья литовскіе, по крайней мѣрѣ въ эпоху перваго Статута, весьма рѣдко пользовались тѣмъ средствомъ, которое довольно часто практиковалось въ Польшѣ въ видахъ освобожденія короля отъ разсмотрѣнія массы маловажныхъ дѣлъ и носило названіе *ремиссіи* (remissio, remisya, odsyłka). Путемъ *ремиссіи* всѣ дѣла, которыя по своей при-

въ свою очередь, неизбѣжно создавало застой въ области юстиціи, какъ естественный результатъ чрезмѣрнаго отягощенія вел. князей судебными дѣлами.

Таковы были главнѣйшія причины обремененія литовско-русскихъ вел. князей судебными функціями, — обремененія, которое мы будемъ имѣть случай иллюстрировать болѣе или менѣе подробно.

Нельзя сказать, чтобы современники въ лицѣ правительства и высшихъ классовъ населенія не понимали причинъ указаннаго явленія и не сознавали самой ненормальности этого послѣдняго; нельзя сказать также, чтобы они мирились съ этимъ явленіемъ, не боролись съ нимъ и не принимали болѣе или менѣе дѣйствительныхъ мѣръ съ цѣлью устранить однѣ или въ значительной степени ослабить другія изъ причинъ, вызывавшихъ чрезмѣрное расширеніе великокняжеской юрисдикціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ нежелательный застой въ отправленіи правосудія. Если первая изъ разсмотрѣнныхъ выше причинъ—стремленіе вел. князей удержать въ своихъ рукахъ судебныя функціи, вполнѣ гармонировавшее съ стремленіемъ подданныхъ судиться непосредственно у своихъ господарей—не могла быть вполнѣ устранена, ибо для этого требовалось слишкомъ многое и прежде всего радикальное измѣ-

---

родѣ вовсе не требовали суда самого короля и попадали къ нему, минуя обычныя низшія инстанціи, препровождались въ извѣстныхъ случаяхъ (при „лимитаціяхъ") въ эти послѣднія (remissio ad proprios districtus). См. подр. Balzer, op. cit, pp. 27, 55, 100—101. Въ Литовско-Русск. государствѣ, насколько можно судить по существующимъ даннымъ, вел. князья не только рѣдко пользовались ремиссіей (намъ извѣстно сравнительно немного случаевъ, когда вел. князья поступавшія къ нимъ тяжбы, преимущественно земельныя, направляли къ областнымъ правителямъ, — см. Акты Лит. Метрики, изд. проф. Леонтовичемъ №№ 165, 431; Archiwum ks. Sanguszków, t. IV, №№ 36, 184, 291, 302; Док. и Рег., изд. Бершадскимъ, I, № 137), но, напротивъ, весьма часто заявляли, что то или другое отнюдь не важное дѣло они желаютъ разсмотрѣть непремѣнно лично („мы сами хочемъ того досмотрѣти и справедливость тому вчинити"),—см., напр., Arch. ks. Sang. III, №№ 213, 299.

ненie господствовавшихъ въ то время взглядовъ на задачи государственной дѣятельности (а этого не случилось не только въ XVI в., но и позже) [1]), то зато двѣ другiя изъ указанныхъ причинъ могли быть устранены съ бóльшею легкостью. И, дѣйствительно, на нихъ главнымъ образомъ и стали воздѣйствовать прежде всего само правительство, а нѣсколько позже и шляхетство, чтó особенно выразилось въ судебной реформѣ, проведенной вторымъ Лит. Статутомъ. Созданiе общихъ законодательныхъ кодексовъ, увеличенiе и упорядоченiе низшихъ органовъ судебной власти -- были результатомъ этихъ совокупныхъ усилiй правительства и общества, наглядно выразившихся въ рядѣ великокняжескихъ уставовъ и сеймовыхъ уфалъ, а еще болѣе въ Литовскихъ Статутахъ. Циклъ реформъ XVI в. въ области законодательства и судоустройства завершился учрежденiемъ Главнаго Литовскаго Трибунала, составляющаго конечную цѣль настоящаго изслѣдованiя.

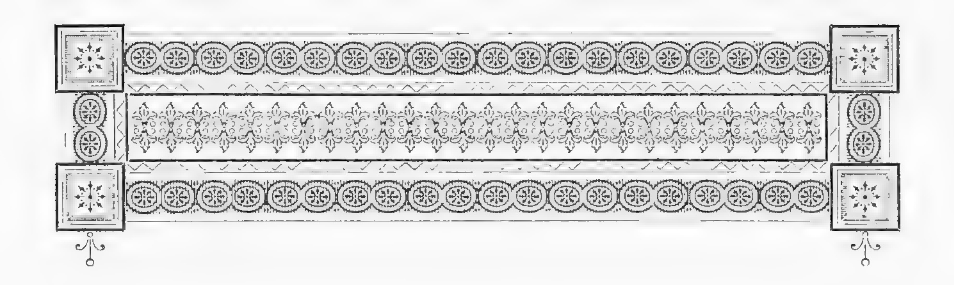
Возможно подробное ознакомленiе съ отмѣченнымъ выше явленiемъ, съ усилiями законодательства устранить или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени уменьшить зло, созданное чрезмѣрнымъ обремененiемъ вел. князя судебными функцiями, и съ установленiемъ и организацiей Главн. Лит. Трибунала, какъ заключительнымъ звеномъ въ рядѣ судебныхъ реформъ, явившихся результатомъ этихъ усилiй, —и составляетъ предметъ нашего дальнѣйшаго изложенiя. Во главѣ этого изложенiя естественно и даже необходимо поставить ознакомленiе съ тѣмъ учрежденiемъ, чрезмѣрное обремененiе котораго вызывало многiя справедливыя нареканiя и необходимость реформъ въ области судоустройства и процесса вообще. Мы разумѣемъ господарскiе, или велико-

---

[1]) Даже съ учрежденiемъ въ 1581 г. Главнаго Литовскаго Трибунала и съ изданiемъ въ 1588 г. 3-го Лит. Статута вел. князья литовскiе, бывшiе въ то же время и королями польскими, не освободились отъ судебныхъ функцiй и продолжали вѣдать своимъ непосредственнымъ судомъ многiя (важнѣйшiя) дѣла.

княжескіе, суды. Знакомство съ ихъ организаціей и компетенціей, а попутно со всѣмъ литовско-русскимъ судоустройствомъ XVI в.—въ главнѣйшихъ, конечно, чертахъ—несомнѣнно, выяснитъ намъ не только потребность судебной реформы и ея направленіе, но и тѣ основанія, на которыхъ она должна была покоиться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Господарскіе или великокняжескіе суды въ эпоху первыхъ двухъ Лит. Статутовъ.

I.

Приступая къ изложенію организаціи литовско-русскихъ господарскихъ, или великокняжескихъ, судовъ, намъ приходится прежде всего отмѣтить, что количество и составъ опубликованныхъ источниковъ не даютъ возможности изслѣдовать данный вопросъ съ желательной полнотою и той опредѣленностью, какая исключала бы всякія сомнѣнія: наша литература, къ сожалѣнію, не обладаетъ такимъ цѣннымъ и незамѣнимымъ для подобной задачи изданіемъ, какое, напр., существуетъ въ польской литературѣ въ видѣ „Decreta in judiciis regalibus tempore Sigismundi I, regis Poloniae“ [1]). Правда, въ нашемъ распоряженіи имѣется около 300 великокняжескихъ

[1]) Декреты эти, обнимающіе время съ 1507 по 1531 г. и выпущенные въ свѣтъ въ 1881 г. подъ редакціей проф. М. Бобржинскаго, составляютъ VI-й томъ издаваемыхъ Краковской академіей „Starodawne prawa polskiego pomniki“. Для болѣе ранняго времени такое же капитальное значеніе имѣютъ изданные Гельцелемъ и входящіе въ составъ первыхъ двухъ томовъ упом. „Star. pr. polsk. pomn.“ акты земскихъ, гродскихъ и королевскихъ судовъ въ Краковѣ за время 1388—1506 гг.

2

„выроковъ", „декретовъ", или судебныхъ рѣшеній, доселѣ опубликованныхъ, хотя и разбросанныхъ по многимъ печатнымъ сборникамъ документовъ [1]); но рѣшенія эти, охватывающія громадный періодъ со второй, приблизительно, половины XV до 80-хъ годовъ XVI ст. включительно, распредѣляются весьма неравномѣрно по отдѣльнымъ эпохамъ [2]), являются довольно однообразными по содержанію [3]), обязаны въ большинствѣ случаевъ своимъ появленіемъ въ печати болѣе или менѣе случайнымъ причинамъ [4]), а потому подборъ ихъ, съ

---

1) Опубликованныя доселѣ великокняжескія рѣшенія, древнѣйшія изъ которыхъ относятся (если не считать одного судебн. рѣшенія Витовта, напеч. въ I т. А. З. Р.) ко временамъ Казимира Ягеллончика, вошли въ составъ нижеслѣдующихъ изданій, которыми мы пользовались при настоящей работѣ: Акты Зап. Россіи (I—III тт.); Акты Южн. и Зап. Россіи (1-й т.), Skarbiec diplomatów, составл. Даниловичемъ; Археографическій Сборникъ; Грамоты вел. кн. Лит., изд. Антоновичемъ и Козловскимъ; Документы и Регесты, изд. Бершадскимъ; Акты Лит. — Русск. госуд. (вып. 1-й), изд. г. Довнаръ-Запольскимъ; Archiwum ks. Sanguszków w Slawucie (тт. I, III — IV), и Акты Литовской Метрики, изд. проф. Леонтовичемъ (2 вып.). Кромѣ того, отдѣльныя судебн. рѣшенія великихъ князей можно встрѣтить въ изданіяхъ Виленской и Кіевской археограф. комиссій. Слѣдуетъ упомянуть также, что довольно подробныя выдержки изъ ненапечатанныхъ великокняж. выроковъ вошли въ составъ богатаго архивными данными назв. выше труда М. Любавскаго: „Областное дѣленіе etc."—Большинство (около двухъ третей) напечатанныхъ великокняжескихъ рѣшеній вошло въ два послѣднихъ изъ перечисл. выше сборн. документовъ (Акты Л. М. и Arch. ks. Sang.).

2) Почти половина опубликованныхъ рѣшеній (и въ томъ числѣ почти всѣ, за немногими исключеніями, напечатанныя проф. Леонтовичемъ) относится ко временамъ вел. кн. Александра и главнымъ образомъ къ концу XV в. Наиболѣе бѣдно представлена эпоха 1-го и 2-го Лит. Статутовъ, особенно вторая половина XVI в. (со временъ Сигизмунда Августа).

3) Среди нихъ преобладаютъ рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ, особенно по земельнымъ тяжбамъ.

4) Такъ, издатели Акт. Зап. Россіи интересовались лишь тѣми рѣшеніями, которыя касались видныхъ княжескихъ фамилій; издатели Arch. ks. Sang. печатали лишь тѣ декреты, которые сохранились въ фамильномъ архивѣ кн. Сангушковъ или которые имѣли к.-л. отношеніе къ этимъ послѣднимъ (часть документовъ для Arch. ks. Sang. взята изъ

точки зрѣнія изслѣдователя организаціи и компетенціи великокняжескихъ судовъ, представляется во многихъ отношеніяхъ довольно неудовлетворительнымъ [1]). Это тѣмъ болѣе досадно, что такой драгоцѣнный для исторіи различныхъ отраслей права источникъ, какимъ является Литовскій Статутъ въ трехъ его редакціяхъ, совершенно умалчиваетъ объ организаціи великокняжескихъ судовъ и вообще очень мало восполняетъ тѣ пробѣлы, какіе замѣчаются въ напечатанныхъ доселѣ рѣшеніяхъ названныхъ судовъ. Впрочемъ, несмотря на сравнительную скудость, неполноту и односторонность опубликованныхъ матеріаловъ, ихъ можно, однако, признать болѣе или менѣе достаточными для того краткаго очерка о великокняжескихъ судахъ, которому въ предѣлахъ нашей работы мы можемъ удѣлить мѣсто и который, конечно, не претендуетъ на полную и окончательную обработку даннаго сюжета; къ тому же въ дополненіе къ печатному матеріалу мы располагаемъ нѣкоторымъ, хотя, къ сожалѣнію, и небольшимъ количествомъ архивныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ Литовской Метрики и Кіевск. Центр. Архива.

На основаніи тщательнаго изученія опубликованныхъ великокняжескихъ рѣшеній и указанныхъ выше архивныхъ матеріаловъ можно прійти прежде всего къ выводу, что литовско-русскіе господарскіе, или великокняжескіе, суды въ разсматриваемое время отличались отъ польскихъ королевскихъ судовъ, во 1-хъ, своимъ личнымъ составомъ, а во 2-хъ, боль-

---

Лит. Метрики); покойный проф. Бершадскій извлекъ изъ архивовъ лишь тѣ рѣшенія, которыя такъ или иначе касались евреевъ; наконецъ, въ 1-й вып. Актовъ Лит.-Русск. госуд. вошли лишь тѣ выроки или декреты, которые имѣютъ отношеніе къ исторіи финансоваго управленія.—Изъ этого перечня видно, что издатели архивныхъ документовъ и въ томъ числѣ великокняж. рѣшеній интересовались различными темами, но отнюдь не организаціей и компетенціей великокняжескихъ судовъ. Отсюда же видно, въ какомъ смыслѣ мы употребили и въ какомъ надо понимать наши слова (см. текстъ): „обязаны . . . случайнымъ причинамъ“.

[1]) Крайняя бѣдность и вообще неудовлетворительность подбора напечатанныхъ судебныхъ рѣшеній особенно даетъ себя чувствовать при опредѣленіи формъ великокняжескихъ судовъ.

шимъ разнообразіемъ формъ, хотя, повидимому, не всѣ изъ нихъ успѣли въ описываемое время принять столь опредѣленныя и ясныя очертанія, какими обладали въ то время соотвѣтственныя формы королевскихъ судовъ въ Польшѣ.

Въ видахъ лучшаго уясненія организаціи литовскихъ великокняжескихъ судовъ между прочимъ при помощи сравненія ихъ съ польскими королевскими судами, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ.

Общее наименованіе для суда королевскаго въ Польшѣ безъ различія тѣхъ формъ, въ которыя онъ облекался, и мѣста, гдѣ онъ производился, было judicium regale или termini regales; но такъ какъ всякій королевскій судъ функціонировалъ на королевскомъ дворѣ или вообще въ мѣстѣ пребыванія короля (постояннаго или временнаго), то обыкновенно судъ этотъ назывался судомъ надворнымъ или задворнымъ—judicium in curia [1]), jud. post curiam (sąd nadworny, zadworny) [2]). Въ составъ этого суда входили: 1) сенаторы изъ числа тѣхъ, которые находились при королѣ въ мѣстѣ его постояннаго или временнаго пребыванія и которые выступали въ роли совѣтниковъ, асессоровъ или засѣдателей (участіе сенаторовъ покоилось не на законѣ, а на обычаѣ; число и выборъ ихъ для этой цѣли зависѣли всякій разъ отъ короля); 2) члены земскаго суда (судья, подсудокъ и писарь) той земли или области, въ которой король находился въ данный моментъ и производилъ судъ (участіе этого элемента основывалось на прямомъ требованіи закона со временъ Казимира Вел.), и 3) начиная съ 1507 г., два особыхъ чиновника (духовный и свѣтскій), которые назывались референдаріями (referendarze) и задача которыхъ состояла въ пріемѣ жалобъ, подаваемыхъ въ корол. судъ, ознакомленіи съ поступавши-

---

[1]) Iudicium in curia Sacrae Regiae Majestatis.

[2]) Объ организаціи корол. судовъ въ Польшѣ во времена послѣднихъ Ягеллоновъ см. предисловіе проф. Бобржинскаго къ упомян. выше изданію „Decreta Sigismundi I“, p. 13 sq. и болѣе подробно у проф. Бальцера: op. cit., p. 40 sq. О судахъ корол. въ болѣе древнее время см. Piekosiński, op. cit., p. 2—7; Hube, op. cit., p. 288.

ми туда дѣлами и докладѣ ихъ суду. Въ такомъ составѣ и подъ личнымъ предсѣдательствомъ короля, которому одному только и принадлежало исключительное право изрекать рѣшенія или приговоры (прочіе составные элементы являлись лишь въ роли совѣтниковъ и помощниковъ), судъ являлся судомъ королевскимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова—judicium proprium Regiae Majestatis. Но королевскій или надворный судъ могъ въ извѣстныхъ случаяхъ (при разборѣ менѣе важныхъ дѣлъ) функціонировать и безъ личнаго участія короля — это была вторая форма корол. суда—и тогда судъ этотъ назывался асессорскимъ (jud. assessorium) [1]. Слѣдуетъ къ сказанному прибавить, что съ конца XV в., а особенно со временъ Сигизмунда I, короли польскіе усвоили обыкновеніе наиболѣе важныя дѣла, поступившія на ихъ судъ, отсрочивать до сейма, когда вокругъ короля собиралось бо́льшее число сенаторовъ, и рѣшать эти дѣла во время сейма. Такъ положено было начало суду сеймовому; но этотъ послѣдній по своему составу всегда [2], а по названію и даже по компетенціи еще

---

[1]) Названіе это окончательно установилось съ 1518 г. См. Balzer: op. cit., p. 47.—Кромѣ терминовъ надворный (задворный) и асессорскій, которыми обозначались двѣ установившіяся формы корол. суда и изъ которыхъ первый былъ общимъ для обѣихъ формъ, существовалъ еще одинъ терминъ—судъ задворный асессорскій (sąd zadworny assessorski). Въ позднѣйшей (послѣ Сигизмунда Августа) организаціи польскаго судоустройства названіе это имѣетъ опредѣленное значеніе: означаетъ судъ канцлерскій, вѣдающій главнымъ образомъ мѣстскую или городскую юрисдикцію. Хотя при Сигизмундѣ Августѣ и встрѣчаются упоминанія о существованіи особаго вида королевскаго суда для разрѣшенія городскихъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе, какъ доказываетъ проф. Бальцеръ, нѣтъ никакого основанія въ теченіе всей эпохи Ягеллоновъ судамъ канцлерскимъ по городскимъ дѣламъ присвоивать исключительно наименованіе судовъ задворныхъ или асессорскихъ, ибо, съ одной стороны, всякій корол. судъ, безразлично, какія бы онъ ни разрѣшалъ дѣла, назывался всегда судомъ асессорскимъ, какъ только король въ немъ не участвовалъ; а съ другой, королевскій судъ независимо отъ того, происходилъ ли онъ съ участіемъ короля или безъ него, именовался не только судомъ надворнымъ, но также и задворнымъ. Balzer, op. cit., p. 48, uw. 1.

[2]) И на сеймѣ, какъ и при дворѣ, судили или король съ своими обычными ассистентами, или одни только сенаторы и члены земск. суда

долго не представлялъ никакихъ особенностей отъ обѣихъ обычныхъ формъ королевскаго суда, отличаясь отъ нихъ лишь временемъ своего дѣйствія[1]). Чтобы покончить съ краткимъ обзоромъ видовъ и состава польскихъ королевскихъ судовъ, намъ остается упомянуть еще, что къ числу этихъ послѣднихъ, какъ особую ихъ форму сверхъ двухъ указанныхъ выше, слѣдуетъ отнести и такъ назыв. комиссарскій судъ, т. е. судъ комиссаровъ, или лицъ, уполномоченныхъ королемъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе одного какого-либо дѣла изъ числа поступившихъ къ нему[2]).

безъ короля (sądy assessorskie sejmowe), а потому королевскій судъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ функціонировалъ на сеймѣ, долго еще носилъ прежнее наименованіе—надворнаго.

[1]) Въ началѣ XVI в. компетенція сеймоваго суда ничѣмъ не отличалась отъ компетенціи обычныхъ корол. судовъ: аналогичныя дѣла рѣшалъ то сеймовый судъ, то обыкновенный надворный судъ. Позже суду сеймовому было присвоено рѣшеніе наиболѣе важныхъ дѣлъ и особенно апелляцій. Но даже и тогда, когда сеймовый судъ пріобрѣлъ значеніе самаго высшаго суда въ государствѣ и тѣмъ ослабилъ значеніе королевскихъ судовъ, дѣйствовавшихъ въ обычное (внѣ сейма) время, онъ во всѣхъ своихъ основахъ оставался тѣмъ же надворнымъ судомъ, но только, въ отличіе отъ этого послѣдняго, судомъ, функціонировавшимъ не внѣ сейма, а во время сейма.

[2]) Такъ какъ комиссарскій судъ (judicium commissariale, sąd komisarski) являлся судомъ временнымъ и спеціальнымъ, т. е., друг. словами, не имѣлъ характера постояннаго учрежденія, и такъ какъ онъ рѣзко отличался своимъ составомъ отъ личнаго королевскаго и асессорскаго судовъ (между проч. въ обоихъ назв. видахъ корол. судовъ однимъ изъ обязательныхъ составныхъ элементовъ были члены земскаго суда, въ комиссарск. же судахъ ихъ могло и не быть), то польскіе историки-юристы обыкновенно разсматриваютъ комиссарскій судъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ формъ королевскихъ судовъ, какъ сдѣлалъ, напр., проф. Бальцеръ въ указ. выше соч., или же вовсе умалчиваютъ о немъ при обзорѣ формъ королевскихъ судовъ, какъ поступилъ проф. Бобржинскій въ своемъ предисловіи къ изданнымъ имъ декретамъ Сигизмунда I. — По существу же своему комиссарскій судъ являлся, несомнѣнно, одной изъ формъ корол. судовъ, ибо онъ, во 1-хъ, дѣйствовалъ по уполномочію короля, подобно суду асессорскому, а во 2-хъ, разрѣшалъ, въ случаѣ даннаго ему порученія, одно изъ дѣлъ, подлежавшихъ юрисдик-

Обращаясь затѣмъ къ господарскимъ, или великокняжескимъ, судамъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ, необходимо прежде всего отмѣтить, что тамъ очень долго, по крайней мѣрѣ во все описываемое время, не существовало особыхъ техническихъ терминовъ для обозначенія этихъ судовъ и въ частности такихъ, какіе употреблялись въ Польшѣ. И въ памятникахъ законодательства XV в., и въ Литовскомъ Статутѣ (всѣхъ трехъ редакцій), и въ уставѣ Главн. Лит. Трибунала, и въ извѣстныхъ намъ великокняжескихъ вырокахъ (до конца XVI ст.) мы не встрѣчаемъ терминовъ „надворный, задворный, асессорскій". Всюду, когда идетъ рѣчь о непосредственномъ судѣ вел. князя, онъ называется просто „судомъ господарскимъ", иногда „власнымъ судомъ господарскимъ" или „судомъ передъ обличностью господарскою" („маестатомъ господ.") [1]), а рѣшенія такого суда—„выpокомъ (или „розсудкомъ") господарскимъ" [2]). Судъ же литовскихъ сенаторовъ, или сеноторовъ-радъ, когда они судятъ безъ вел. князя, и ихъ рѣшенія такъ и именуются: „судомъ пановъ—радъ" „врокомъ пановъ - радъ" [3]). Впервые термины „задворный" и „асессорскій" въ приложеніи къ господарскому, или великокняжескому, суду встрѣчаются лишь въ сеймовой

ціи короля. Впрочемъ, законъ 1505 г. чрезвычайно сузилъ компетенцію комис. судовъ.—Подр. о комисс. судѣ см. Hube: op. cit., p. 285 sq., Balzer, op. cit., p. 11—12, 21—22, 46.

[1]) Л. Стат. 1529 г., VI, 36; Л. Ст. 1566 г., IV, 68; „Поправы статутовыя" 1578 г. по изд. Моск. Общ. Ист. и Древн., стр. 208; Л. Стат. 1588 г. IV, 26, 86, 90, IX, 24; Док. М. Арх. М. Юст. I, стр. 482; Ак. З. Р. III, №№ 4, 64, 100; Arch. Sang. III, № 416; Док. и Рег., изд. Бершадскимъ, II, №№ 74 и 240.

[2]) Л. Стат. 1529 г., I, 23; Л. Ст. 1566 г., I, 27, II, 14 и др.; А. Ю. и З. Р. I, №№ 104, 114 и 173; Arch. ks. Sang., Ш, №№ 371, 414, IV, №№ 126, 352, 355, 398 и 412; Док. и Рег. Бершадск. I, №№ 113, 287, 321, 345, II, №№ 74, 160, 202, 240 и 337.; Лит. Метрика: кн. Судн. дѣлъ X, л. I об.; кн. Записей XXVII, л. 4, 5 об., кн. Зап. XV, л. 95.

[3]) Судебн. Казимира 1468 г., ст. 21; Л. Стат. 1529 г. VI, 1, 2, 4, 8, 37, IV, 7; Л. Ст. 1566 г., Ш, 39, IX, 7, 15, 16; А. З. Р. Ш, № 4, п. 12, № 11 п. 2, № 13. п. 3.

конституціи 1598 г. [1]) и въ актахъ, относящихся къ началу XVII ст. [2]). Тѣмъ не менѣе въ виду несомнѣннаго проникновенія въ Литву означенныхъ терминовъ уже въ концѣ XVI и распространенія ихъ въ первой четверти XVII ст., въ виду сильнаго сближенія со временъ второго Лит. Статута судоустройства обоихъ государствъ—Польши и Литвы, связанныхъ сначала личной, а съ 1569 года и болѣе тѣсной — парламентской уніей, въ виду, наконецъ, того, что русскіе изслѣдователи въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда имъ приходилось упоминать о литовско-русскихъ великокняжескихъ судахъ, пользуются установившимися въ Польшѣ названіями [3]),—нѣтъ, кажется, особенныхъ основаній отказываться отъ этихъ терминовъ и избѣгать ихъ въ приложеніи къ литовско-русскимъ великокняжескимъ судамъ болѣе ранней эпохи, т. е. XVI в., хотя—спѣшимъ оговорить-

---

[1]) Vol. leg. II, 1463: „O pozwiech zadwornych w wielkim xięstwie Litewskim“.

[2]) См. Археогр. Сборн. IV, №№ 40 и 41 (1601 г.); А. Ю. и З. Р. II, №№ 20—22 (1605 г.) и № 34 (1609 г.).—Позднее, сравнительно, появленіе терминовъ „задворный“ и „асессорскій“ въ примѣненіи къ великокняж. суду подтверждается и составомъ книгъ Лит. Метрики по отдѣлу судныхъ дѣлъ; такъ, лишь книги №№ 89 и 90, относящ. къ 1623 и послѣд. годамъ, говорятъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ „справы“ судовъ задворныхъ и асессорскихъ. См. Опис. кн. и акт. Лит. Метр., сост. Пташицкимъ, стр. 122.—Необходимо, однако, отмѣтить, что уже очень рано, приблизительно начиная съ первой четверти XVI ст., практикуется терминъ „дворный“ (Лит. Метрика, кн. Зап. XV, л. 30; Док. и Рег. I, № 337, II, № 254; см. также Л. Стат. 1566 г., IV, 18; Л. Ст. 1588, II, 9) въ приложеніи къ суду, функціонировавшему въ мѣстѣ пребыванія вел. князя; но этимъ терминомъ обозначается не непосредственный судъ этого послѣдняго, а тѣхъ лицъ, которымъ онъ поручилъ отправленіе правосудія вмѣсто себя (объ этомъ см. ниже въ текстѣ). Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, во избѣжаніе смѣшенія, что терминъ „дворный“ употребляется часто, особенно въ Лит. Стат. 1566 г., для обозначенія замковаго или гродскаго суда, какъ равнозначущій съ двумя послѣдними наименованіями. См. означ. Статутъ, IV, 25, 42, 69 и др.

[3]) См., напр., Бершадскій: Литовскій Статутъ и польскія конституціи. Спб. 1893 г., стр. 46 и 52; проф. Леонтовичъ: Спорные вопросы по исторіи русско-лит. права. Спб. 1893, стр. 57.

са—они и не обнимаютъ собою всѣхъ формъ, въ которыхъ выражались эти суды въ Литвѣ и Западной Руси. Термины „надворный“ и „задворный“ здѣсь тѣмъ болѣе пригодны, что „господарскій дворъ“ по свидѣтельству источниковъ и есть именно то мѣсто, гдѣ совершался великокняжескій судъ [1]).

Литовскіе господари, подобно древне-русскимъ князьямъ и польскимъ князьямъ и королямъ, отправляли правосудіе, творили судъ и расправу не только въ своей столицѣ—Вильнѣ, гдѣ помѣщался ихъ главный господарскій „дворъ“, ихъ „палацъ“ (aula), но и въ другихъ мѣстахъ государства, при объѣздѣ страны, по которой были разбросаны господарскіе замки, гдѣ имѣли свою резиденцію воеводы и старосты, и многочисленные господарскіе дворы, гдѣ сидѣли великокняжескіе тивуны, а потомъ державцы. Особенно сильно напоминаютъ древне-русскихъ князей съ ихъ объѣздами своихъ владѣній для суда и управы Казимиръ Ягеллончикъ и его сынъ Александръ. Изъ опубликованныхъ великокняжескихъ рѣшеній XV—XVI вв. видно, что они состоялись не только въ Вильнѣ и различныхъ крупныхъ областныхъ центрахъ (Трокахъ, Городнѣ, Минскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Берестьѣ, Смоленскѣ и пр.), но и въ менѣе значительныхъ пунктахъ (Меречи, Берштахъ, Заскоркахъ, Диснахъ, Волкиникахъ и т. д.) [2]) и даже (во времена Сигизмунда I) за предѣлами государства (въ Кра-

---

[1]) См. Лит. Стат. 1529 г., VI, 14; Лит. Стат. 1566 г. I, 9, IV, 18; Стат. Поправы 1578 г., стр. 208 („на дворѣ нашемъ, гдѣ на тотъ часъ будемъ“); А. Ю. и З. Р. I, № 215; Arch. Sang. III, № 438, IV, № 250; Док. и Рег. II, №№ 74, 160, 202;—Иногда въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о столицѣ, вмѣсто „дворъ“ употребляется „палацъ („полацъ“) господарскій“. См. Л. Ст. 1529 г., VI, 5 (въ латинск. текстѣ этого Статута: „aula Principis Vilnae“); А. Ю. и З. Р. I, стр. 94; Лит. Метр.: кн. Зап. XXVII, л. 1 и кн. Судн. дѣлъ L, л. 1, 2 об.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ суда вел. князя въ незначит. пунктахъ государства: Акты Лит. Метр., изд. Леонтовичемъ, №№ 56, 217, 247, 249, 253, 640 и мн. др. А. З. Р. I № 95, 148; Arch. Sang. III, № 15, IV, № 250 и др.

ковѣ, Петроковѣ, Львовѣ, Неполоницахъ) [1]). Словомъ, великокняжескій судъ не былъ прикрѣпленъ къ столицѣ, а былъ весьма, такъ сказать, подвиженъ, ибо функціонировалъ всюду, гдѣ въ тотъ или другой моментъ находился господарь, или, выражаясь словами судебныхъ актовъ, „где его королевская милость на тотъ часъ дворомъ своимъ господарскимъ быти рачилъ“ [2]).

Посмотримъ теперь, каковъ былъ личный составъ великокняжескаго суда и въ какихъ формахъ онъ функціонировалъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ польскихъ королевскихъ судовъ — члены земскаго суда, въ литовскомъ господарскомъ судѣ совершенно отсутствовалъ [3]). Объясняется это, конечно, тѣмъ, что земскихъ судовъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ до временъ второго Л. Статута вовсе не было. Впрочемъ, и послѣ введенія этихъ послѣднихъ члены ихъ по-

---

[1]) См. Skarbiec dipl. № 2243; Arch. ks. Sang. III №№ 100, 187, 414, 416, IV, 80, 97, 126, 145; Док. и Рег. I, №№ 68, 137, 179; А. Л.—Р. госуд. I, №№ 99, 128, 129.

[2]) Кн. Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 102, актъ № 104; Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ L, л. 2 („будучи намъ господару на тотъ часъ дворомъ Нашымъ в панствѣ Нашомъ“). Обычная формула корол. позвовъ: „передъ Нами стати . . . где-кольвекъ Мы дворомъ Нашимъ будемъ мешкати“ (Arch. Sang. III, № 438). Особенно широко о мѣстѣ своего будущаго суда по тому или друг. дѣлу выражался Сигизмундъ I: „где-кольвек на онъ часъ дворомъ Нашимъ въ Коруне Польской, або у великом князстве Литовскомъ будемъ“ (Arch. ks. Sang. IV, № 145)

[3]) Участіе мѣстнаго земскаго суда въ засѣданіяхъ польскаго корол. суда объясняется не только тѣмъ, что обычная самостоятельная дѣятельность перваго прекращалась съ королевскимъ пріѣздомъ въ ту или друг. землю или область и члены его, въ силу требованія закона, входили въ составъ королевскаго суда, но и самымъ происхожденіемъ должности земскихъ судей (судьи и подсудка): нѣкогда они являлись придворными судьями и превратились въ самостоятельныхъ земскихъ судей лишь въ началѣ XIV в. См. Fr. Piekosiński: op. cit. p. 15—19. Такимъ образомъ, участіе членовъ земскаго суда въ судахъ королевскихъ можно объяснить историческими условіями, которыя не имѣли мѣста въ Литовской Руси.

прежнему не входятъ въ составъ великокняжескихъ судовъ [1]). Мало того: есть основаніе думать, что присутствіе областныхъ и вообще мѣстныхъ судей—воеводъ, старостъ и державцевъ (которые до учрежденія земскихъ судовъ вѣдали въ числѣ прочихъ также и дѣла, составлявшія впослѣдствіи вѣдомство этихъ послѣднихъ), на великокняжескомъ судѣ, даже когда онъ функціонировалъ внѣ столицы, отнюдь не было обязательнымъ [2]).

Не входили затѣмъ въ составъ господарскихъ судовъ и референдаріи, или докладчики, какъ спеціальные чиновники, призванные къ участію въ польскихъ королевскихъ судахъ закономъ 1507 г. Это видно изъ ненапечатанной доселѣ уфалы Городенскаго сейма 1567 г. [3]), на которомъ ко-

---

[1]) Не только 2-й Лит. Статутъ, санкціонировавшій бытіе земскихъ судовъ, но и 3-й Статутъ ясно говорятъ, что въ великокняжескомъ судѣ принимаютъ участіе лишь члены Рады—паны-рады, и ни словомъ не упоминаютъ о членахъ земскаго суда (см., напр., Л. Статутъ 1588 г., I, 3, 4, 9, 15 и др.). То же подтверждаютъ и современные имъ судебные акты.

[2]) Такъ, напр., при разсмотрѣніи въ 1509 г. въ Смоленскѣ жалобы людей Дубровенскаго пути (волости) на господ. дворянина Даниловича на великокняжескомъ судѣ сидѣли три радныхъ пана, но между ними не было смоленскаго намѣстника (воеводы). Ак. Л.—Р. госуд., I, № 117. Другой примѣръ: при разсмотрѣніи королемъ въ Городнѣ жалобы госп. дворянина Ходковича на господарск. дублянскихъ крестьянъ Городенскаго повѣта о томъ, что они сожгли его дворъ и пр., отсутствовалъ мѣстный (городенскій) намѣстникъ. См. Акты Л. М., изд. Леонтовичемъ, № 220. Впрочемъ, надо думать, что мѣстные правители (воеводы, старосты или державцы) обыкновенно участвовали въ господарскомъ судѣ, но участіе это можно объяснить именно тѣмъ, что большинство изъ нихъ принадлежало къ составу великокняжеской рады.

[3]) Упомянутая сейчасъ уфала входитъ въ составъ Почаевской рукописи 2-го Лит. Статута (объ этой рукописи см. нашъ очеркъ „Луцкій Трибуналъ etc.," стр. 55 и слѣд.) и носитъ слѣд. заглавіе: „Отказъ от господаря короля его милости и вел. князя Жикгимонта Августа на прозбы княжат, панят, врядников земских дворных и послов земских, поданые и принесеные перед господаря его милости на сойме велиском валном Городенскомъ". Датированъ этотъ документъ 3 января 1567 г. (Поч.

роль отклонилъ ходатайство чиновъ Литовскаго государства объ установленіи нѣсколькихъ, по усмотрѣнію короля, должностей референдаріевъ, находя что обязанности послѣднихъ могутъ съ успѣхомъ выполнять существующіе „вряды старые . . . . зъвлаща панове маршалки и панове печатари“ [1]). Паны же „печатари“, т. е. канцлеръ и подканцлеръ (вице-канцлеръ) [2]), а также маршалки, о которыхъ здѣсь говорится и которые, сверхъ другихъ функцій, исполняли нерѣдко и обязанности докладчиковъ, входили въ составъ великокняжеской рады, а потому, какъ это мы сейчасъ увидимъ,

---

рук., л. 131—132). Къ сожалѣнію, онъ дефектенъ, ибо обрывается на 8-мъ пунктѣ. Означенную уфалу не слѣдуетъ смѣшивать съ другой уфалой того же сейма, напечатанной подъ № XVIII въ „Док. Моск. Арх. Мин. Юст.,“ т. I (на основаніи текста Лит. Метрики) и имѣющейся также въ означ. рукописи Почаевской лавры.

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести полностью данное мѣсто упомянутой уфалы, составляющее 4-й пунктъ ея:

Прозба.

„Еще теж просите короля его милости, пана нашего милостивого, о референдары, абы были уставлены для отправованя апеляцый, такъ много, якобы се его кролевской милости видело“.

Отказ.

„Господар его милость на то вам повѣдити росказати рачил, иж сут таковые вряды старые, которые тые речи отправовати будуть, зъвлаща панове маршалки и панове печатари“.

(Почаевская рукопись Л. Статута 1566 г., л. 132).

[2]) Печатари (pieczętarze) суть канцлеръ (kanclerz, cancellarius) и подканцлеръ (podkanclerzy). См. Vol. leg. I, 296, 361; ср. также Inwentarz къ Vol. leg., I, 141, II, 89. Первый изъ нихъ—хранитель государств. печати и завѣдывающій господарской канцеляріей; второй—его помощникъ и замѣститель. Должность канцлера, несомнѣнно, соотвѣтствуетъ должности „печатника“, упоминаемаго въ числѣ чиновниковъ, состоявшихъ при галицкихъ князьяхъ въ XIII в. См. Ипат. лѣт., 526 (по этому поводу проф. Линниченко въ своемъ трудѣ „Черты изъ исторіи сословій Галицкой Руси“, на стр. 14 говоритъ: „Роль печатника установить также трудно“). —При вел. кн. Свидригайлѣ, когда онъ былъ удѣльнымъ княземъ Волынской земли, въ составъ его рады входили также канцлеръ и под-

уже въ силу своего званія пановъ-радъ, а отнюдь не въ силу только что означенныхъ обязанностей, принимали участіе въ великокняжескихъ судахъ.

Если, такимъ образомъ, въ западно-русскихъ господарскихъ судахъ отсутствовали два изъ трехъ составныхъ элементовъ польскихъ королевскихъ судовъ (члены земскихъ судовъ и референдаріи), то зато въ первыхъ изъ нихъ и въ частности въ личномъ судѣ вел. князей литовскихъ принимали участіе не только паны-рада, или сенаторы, какъ то было и въ Польшѣ[1]), но также различные придворные чины, которые могли быть и не быть радными панами, а равно и такія лица, которыя въ данный моментъ несомнѣнно не состояли да и не могли по своему служебному и общественному положенію состоять радными панами[2]). Послѣднее видно изъ нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшеній вел. кн. Александра. Такъ, изъ нихъ мы узнаемъ, что въ одномъ случаѣ на судѣ вел. князя въ качествѣ засѣдателя и притомъ единственнаго былъ намѣстникъ незначительнаго Олитскаго го-

---

канцлеръ. Послѣдній изъ нихъ упоминается въ одной грамотѣ назв. князя, отъ 1438 г., см. А. З. Р. I № 36. Канцлеры вел. княжества Литовскаго существовали уже въ XV в. и въ частности при Казимирѣ. Что же касается подканцлера вел. кн. Литовскаго, то эта должность, какъ утверждаетъ Вольфъ, была учреждена лишь въ 1566 г. (1565 г.?) и первымъ подканцлеромъ литовскимъ былъ Остафій Воловичъ. См. Wolff: op. cit., p. 163. Не мѣшаетъ прибавить, что всѣ канцлеры лит. съ полов. XV в. до 1579 г. были въ то же время и воеводами виленскими. См. м. пр. ibid., p. 160.

[1]) Польскій сенатъ, составлявшій королевскій совѣтъ и если не обыкновенно, то чаще всего такъ и называвшійся (Rada J. Kr. Mci), вполнѣ соотвѣтствуетъ Литовской радѣ.

[2]) Правда, и въ Польшѣ еще въ XV в. по волѣ короля принимаютъ иногда участіе въ его судѣ лица, не принадлежащія къ числу сенаторовъ и не состоящія ни въ какой земской или придворной должности, но это прекратилось уже во времена Сигизмунда I, и въ XVI в. сверхъ членовъ земскаго суда и референдаріевъ въ корол. судѣ принимаютъ участіе одни только сенаторы. Balzer, op. cit., p. 43, cp. Bobrzyński: Decreta Sig., p. 13.

сподарскаго двора [1]; въ другомъ случаѣ [2]) въ числѣ многочисленныхъ засѣдателей, или асессоровъ, былъ намѣстникъ Радуньскаго двора и волости [3]) Янушъ Костевичъ, именовавшійся раньше тивуномъ того же двора [4]), и, наконецъ, въ третьемъ случаѣ изъ трехъ лицъ, засѣдавшихъ на великокняжескомъ судѣ, однимъ былъ фигурировавшій безъ всякаго титула, но незадолго передъ тѣмъ упоминаемый въ актахъ, какъ намѣстникъ Молодеченской волости, Богданъ Корейвичъ [5]), а другимъ обыкновенный, повидимому, католическій священникъ [6]).

---

[1]) Акты Л. М., изд. проф. Леонтовичемъ, № 257: „Самъ Александръ Б. м. Смотрѣли есмо того дѣла . . . . . При томъ былъ намѣстникъ Олитскій п. Петръ Олехновичъ". Олитскій дворъ съ волостью находился въ Трокскомъ воеводствѣ; во главѣ этой волости стояли при Казимирѣ тивуны, именовавшіеся при вел. кн. Александрѣ уже намѣстниками. См. Любавскій: op. cit., p. 147. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что означ. П. Олехновичъ съ 1494 г. состоялъ въ придворной должности кухмистра. Wolff: op. cit., p. 231.

[2]) Акты Л. М., № 621 (1502 г.).

[3]) Волость эта находилась также въ Трокскомъ воеводствѣ. См. Любавскаго op. cit., p. 152.

[4]) Ibid. Означенный Янушъ Костевичъ былъ въ данное время (1502 г.) лишь намѣстникомъ радуньскимъ и ни въ какихъ др. должностяхъ и въ частности придворныхъ не состоялъ; лишь нѣсколько позже онъ достигъ высшихъ ступеней, которыя ему давали право на мѣсто въ Радѣ: въ 1508 г. былъ сдѣланъ маршалкомъ, а въ 1514 г. и воеводой витебскимъ. См. Wolff, op. cit., 86, 242.

[5]) Означенная волость находилась въ Виленскомъ воеводствѣ. См. Любавскій: op. cit., 113. О Богданѣ Корейвичѣ, какъ молодеченскомъ намѣстникѣ, упом. ibid. и въ Акт. Л. М. № 455, 475, 484. Другихъ должностей онъ не имѣлъ. Позже тотъ же Б. Корейвичъ названъ бояриномъ, см. Акт. Л. М. № 676 ср. съ № 258.

[6]) Акты Л. М. № 654 (1503 г.): „А при его мил. на тотъ часъ были: подчашій п. Миколай Миколаевичъ (Радивиловичъ), а Богданъ Корейвичъ, а князь Туръ". О Корейвичѣ см. предыд. примѣч.; что же касается „князя Тура", то, сколько извѣстно, князей съ такой фамиліей не было. Туры—фамилія земянская. См. Указат. Новицкаго къ изд. К. Арх. Ком. и Акты Л. М. № 479. См. также Arch. Sang. I, № 146, гдѣ подъ 1501 г. упоминается нѣкій Иванъ Туръ, какъ господарскій дворянинъ. Такимъ

Вообще несмотря на трудность, а иногда и полную невозможность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и по отношенію ко всѣмъ присутствовавшимъ на великокняжескомъ судѣ лицамъ (въ качествѣ засѣдателей) опредѣлить, кто изъ нихъ былъ безъ всякаго сомнѣнія раднымъ паномъ, а кто нѣтъ [1]), можно, однако, утверждать, что въ составѣ господарскихъ судовъ во все описываемое время различались какъ бы два отдѣльныхъ элемента: 1) паны—рада и 2) „иншые врядники", а преимущественно „врядники дворные", т. е. придворные чиновники, изъ которыхъ не всѣ имѣли званіе раднаго пана, а если и имѣли, то фигурировали независимо отъ своего сенаторскаго званія. Справедливость сказаннаго сейчасъ подтверждается прямыми указаніями нѣкоторыхъ изъ великокняжескихъ судебныхъ рѣшеній. Такъ, въ одномъ изъ такихъ рѣшеній говорится: „Самъ Александръ, Б. м. Смотрѣли есмо того дѣла съ паны—радою нашою . . . . При томъ были: князь бискупъ виленскій Войтехъ etc. (слѣдуетъ перечень радныхъ пановъ) . . . и *иные панове и маршалки*" [2]). Въ мартѣ 1541 г. король Сигизмундъ I разсматривалъ зе-

---

образомъ, здѣсь, какъ и во многихъ друг. случаяхъ, „князь" употреблено не въ смыслѣ książe, а въ значеніи ksiądz, т. е. какъ обычный титулъ духовнаго лица (католич. священника).

[1]) Мы не имѣемъ монографіи о Литовской Радѣ, а потому многіе вопросы и въ томъ числѣ вопросъ о составѣ Рады остаются не вполнѣ разъясненными. Насколько извѣстно, въ составъ рады входили члены нѣкоторыхъ (но далеко не всѣхъ) княжескихъ фамилій, а также католич. епископы, земскіе сановники (воеводы, каштеляны, старосты), важнѣйшіе придворные чины; могли входить въ ея составъ также и прочіе болѣе низшіе земскіе и придворные чиновники, но это зависѣло отъ усмотрѣнія вел. князя. Вслѣдствіе того, что нѣкоторые сановники совмѣщали въ своемъ лицѣ по нѣсколько земскихъ и придворныхъ должностей, число радныхъ пановъ иногда было очень ограничено. См. Бершадскій: „Литовскіе евреи etc.", стр. 284—287 и Ак. Ю. и З. Р. I, стр. 96.

[2]) Акты Л. М., изд. проф. Леонтовичемъ, № 290. См. также ibid. №№ 203 и 260. Во всѣхъ этихъ актахъ маршалки фигурируютъ отдѣльно отъ радныхъ пановъ, какъ бы самостоятельный элементъ въ составѣ асессоровъ на великокняж. судѣ.

мельную тяжбу между кн. Андр. Козекою и его сестрой Анной Козинской; въ концѣ королевск. судоваго листа по данному дѣлу сказано: „При томъ были *панове рада наша* . . . (идетъ перечень радныхъ пановъ) . . . а *къ тому и иншие врядники наши*“ [1]). Въ 1567 г. въ Городнѣ во время сейма „за росказаніемъ его корол. мл., *врадники* его корол. мл. *дворные* тое справы (т. е. одно изъ поступившихъ на судъ вел. князя дѣлъ) прослухивали“ [2]). Наконецъ, въ одномъ изъ рѣшеній, состоявшихся на сеймѣ 1582 г., сказано слѣд.: „за росказаньемъ его королевской милости, ихъ милость *панове рады* и *врядники Наши дворные* вел. кн. Литовского, на справы судовые высаженые, слухали тоѣ справы на року зложономъ и припаломъ, за позвомъ его кор. мл. на сеймъ теперешній валный Варшавскій: жаловал etc.“ [3]).

Какъ бы то ни было, но литовскіе паны-рады, игравшіе вообще крупную роль въ управленіи Литвы и въ частности въ ея законодательствѣ и судѣ, составляли во всякомъ случаѣ обычный и существенный элементъ въ личномъ судѣ вел. князя, являясь, какъ мы вскорѣ увидимъ, его помощниками и совѣтниками. Объ обычномъ участіи пановъ-радъ въ великокняжескомъ судѣ упоминаютъ многіе и притомъ важнѣйшіе законодательные памятники XV и XVI вв.: Литовскій Судебникъ 1468 г. [4]), нѣкоторыя изъ шляхетскихъ

---

[1]) Кн. Кіевск. Центр. Арх. № 967, актъ 236.

[2]) Док. и Рег., изд. Бершадскимъ, II, № 254.

[3]) Ак. З. Р. III, № 135. Сравнительно поздняя дата этого документа (не говоря уже о томъ, что его указанія согласуются съ болѣе ранними, приведенными выше) свидѣтельствуетъ лишь въ пользу сказаннаго нами въ текстѣ, ибо чѣмъ идти дальше назадъ, тѣмъ великокняж. судъ въ своемъ составѣ и пр. зависѣлъ еще въ бóльшей степени отъ усмотрѣнія господаря, хотя бы потому, что этотъ составъ вовсе не былъ фиксированъ закономъ. Сверхъ того, не будемъ забывать, что въ данномъ случаѣ великокняж. судъ (въ той его формѣ, которая по польской терминологіи называется асессорскимъ судомъ) функціонировалъ при торжественной обстановкѣ—на сеймѣ, а, слѣд., несомнѣнно, придерживался во всемъ установившихся обычаевъ.

[4]) Л. Судебн., ст. 12 и 21.

грамотъ, или такъ назыв. „земскихъ привилеевъ“ [1]), Литовскіе Статуты [2]) и, наконецъ, сеймовыя уфалы [3]). О томъ же свидѣтельствуютъ многочисленные господарскіе судебные выроки или декреты, которые обыкновенно [4]) начинаются формулой: „Смотрѣли есмо съ паны радою нашою“ или „Смотрѣли есмо того дѣла съ паны радою нашою“ [5]), а оканчиваются словами: „При томъ были панове рада“, или еще чаще: „При томъ были“, за которыми слѣдуетъ поименный перечень радныхъ пановъ и вообще лицъ, бывшихъ на судѣ вел. князя въ качествѣ асессоровъ, или засѣдателей [6]).

Изъ упомянутаго только что перечня засѣдателей при вел. князѣ, которымъ обыкновенно заканчиваются великокняжескіе декреты, видно также, въ какомъ довольно разнообразномъ числѣ паны-рады и др. лица засѣдали на великокняжескомъ судѣ. Весьма часто такихъ асессоровъ, или

---

[1]) См. земскій привилей 1492 г., ст. 34—36 и 40. Zb. pr. lit., p. 64—66.

[2]) Л. Статутъ 1529 г. I, 14, 20, 23, VI, 1; Л. Ст. 1566 г. I, 3, 4, 27, III, 4, 11, 39, IV, 61; Л. Ст. 1588 г. I, 3, 4, 9, 15, IV, 30 и др. Замѣчательно, что о панахъ-радѣ, какъ участникахъ въ личномъ судѣ вел. князя, говорится сравнительно очень рѣдко въ 1-мъ Л. Статутѣ, такъ какъ онъ имѣетъ преимущественно въ виду самостоятельный судъ Рады въ отсутствіе вел. князя.

[3]) См., напр., уфалу Городенскаго сейма 1567 г., гдѣ читаемъ: „А мы с паны радами нашими тутошнего панства, на томъ суду заседши и справедливе водлугъ права и статуту того дознавши . . . . маемъ казати...“. Док. Моск. Арх М. Юст. I, № XVIII, п. 24.

[4]) См. А. З. Р. I, № 70, 81, 85, 126; А. Ю и З. Р. I № 62, 64, 114; Акты Л. М., изд. Леонтовичемъ, № 30, 46, 157, 161, 203, 246, 249, 270, 282, 287, 290, 300, 479, 480, 485, 509, 518, 601, 621, 669 и мн. др.; Arch. ks. Sang. I № 87, III, № 74, 246, 354, 359, IV, № 398 и др.; Док. и Рег. I № 127, 129; А. Л.—Р. госуд. I № 69, 117, 128, 191, 195 и др.

[5]) Нерѣдко означ. вступительная формула замѣняется болѣе краткой: „Смотрѣли есмо того дѣла“, но изъ дальнѣйшаго текста обыкновенно видно, что на судѣ присутствовали радные паны. См., напр., Акты Л. М. № 174, 178, 182, 475, 510 и др.

[6]) Изъ двухъ указанныхъ формулъ иногда отсутствуетъ или заключительная (примѣры: Акты Л. М. № 22, 39, 69, 88, 92, 205, 247, 561, 647, 746 и др.; Arch. ks. Sang. III, № 371, 468, IV, № 428; Док. и Рег. I, №

засѣдателей, было не болѣе 1-го или 2-хъ человѣкъ [1]), нерѣдко число ихъ колебалось между 3 и 8 [2]), а иногда возростало до 9—12 и болѣе лицъ [3]); въ немногихъ же случаяхъ фигурировала и вся рада [4]). Словомъ, очевидно, что количество засѣдателей при вел. князѣ не было опредѣлено разъ навсегда, являлось совершенно произвольнымъ и зависѣло обыкновенно отъ того, кто изъ радныхъ пановъ былъ при вел. князѣ въ данный моментъ. Послѣднее подтверждается и прямыми указаніями источниковъ [5]). Даже и впослѣдствіи, а именно со времени изданія 2-го Статута, когда важнѣйшія су-

49, 159, II № 74), или (рѣже) вступительная (примѣры: А. Л. М. № 147; Arch. Sang. III № 15, 416). Нерѣдко, впрочемъ, отсутствуютъ обѣ означ. формулы. См. ниже, 1-ое примѣч. на 37 стр.

[1]) Вотъ „вывоки" съ упоминаніемъ одного засѣдателя: А. З. Р. I, № 173; Акты Л. М. № 123, 161, 173, 178, 182, 218, 256, 257, 269, 300, 348, 394, 471, 489, 681; Док. и Рег. I, № 68. Упоминаются два асессора: А. З. Р. I, № 77, 174; Акты Л. М. № 189, 220, 230, 236, 249, 260, 344, 367, 381, 385, 472, 482, 601, 670; Arch. ks. Sang. III № 416.

[2]) Такъ, въ Акт. Л. М. №№ 157, 263, 382, 475, 568, 654 и др. указано по три асессора, засѣдавшихъ на судѣ вел. князя; въ Док. и Рег. I № 124. Актахъ Л. М. № 231, 401—четыре; въ Arch. ks. Sang. III, № 15, въ Акт. Л. М. № 282, 428, 486 — шесть; ibid., № 509—семь; въ А. З. Р. I, № 81—восемь и т. д.

[3]) Такъ, въ А. Ю. и З. Р. I, № 114 и Arch. ks. Sang. III, № 246, IV, № 398 перечислено 9, а въ Акт. Л. М. № 621 указано даже 12 засѣдателей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ перечень заканчивается припиской „и иные панове рада наша". Такая же приписка встрѣчается и въ друг. случаяхъ (иногда послѣ перечня 3—5 засѣдат.): А. З. Р. I, № 126; А. Ю. и З. Р. I № 62; А. Л. М. № 46 („и иныхъ пановъ много"), 203, 246, 287, 290, 402, 479, 677; Arch. ks. Sang. III, № 74, 354, 359; Док. и Рег. I, № 127; Акт. Л.—Р. госуд. I № 191, 196.

[4]) Вотъ перечень вывоковъ, въ которыхъ вполнѣ опредѣленно отмѣчено участіе въ судѣ вел. князя всей рады: А. З. Р. I. № 85; Акт. Л. М. № 427, 478 и 480; Arch. ks. Sang. III, № 354. См. также Акты Л. М. № 123 и 560, гдѣ упоминается, что король отложилъ оконч. разсмотрѣніе дѣла до собранія всей рады.

[5]) См., напр., Arch. ks. Sang. III, № 351, гдѣ сказано: „господаръ его мл. с тыми паны, *которыи на оный часъ при его мл. будуть*, масть его мл. без всякой отволоки тому на конецъ справедливость учинити".

дебныя дѣла вел. князь разрѣшалъ на сеймѣ по прямому предписанію закона[1]), этотъ послѣдній не только не требовалъ присутствія на судѣ господаря рады in pleno corpore, но не считалъ нужнымъ устанавливать обязательнаго minimum'а засѣдателей изъ ея состава[2]). Если, такимъ образомъ, количество асессоровъ при вел. князѣ не опредѣлялось ни обычаемъ, ни закономъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно не обусловливалось также и важностью разбираемаго дѣла. Такъ изъ актовъ мы видимъ, съ одной стороны, что при разрѣшеніи довольно маловажныхъ дѣлъ присутствуетъ иногда вся рада[3]), а, съ другой, что при разсмотрѣніи земельной тяжбы, въ которой фигурировала въ качествѣ истицы супруга самого господаря—вел. кн. Елена, на великокняжескомъ судѣ сидѣло всего лишь два асессора[4]). Впрочемъ, наряду съ при-

---

См. также ibid. III, № 416 и IV № 355 („обмовивши въ том с паны радами нашими, *которыи на тот часъ на тых справахъ судовых при Насъ были*"), Акты Л. М. № 654 („А при его мл. *в тот час были*") и Литовск. Метрику, кн. Суд. дѣлъ № 58, л. 1 („на панов рад Наших, которые на *тот часъ при Насъ, господару, на дворе Нашом сут*, тую речъ вложили").

[1]) Вел. князь судилъ на сеймахъ (мы говоримъ объ общихъ сеймахъ, которые уже съ начала XVI в. называются нерѣдко великими и вальными, а не о спеціальныхъ, или судебныхъ, съ которыми мы ознакомимся во 2-ой главѣ нашей работы) и гораздо раньше, а именно даже въ концѣ XV и въ нач. XVI в. Но изъ источниковъ видно, что судъ на сеймѣ въ тѣ времена не находился ни въ какой связи съ важностью дѣла, что аналогичныя дѣла разбирались вел. княземъ и внѣ сейма и на сеймѣ, что послѣднее (судъ во время сейма) зависѣло отъ усмотрѣнія самихъ господарей и объясняется главнымъ образомъ частыми отлучками ихъ изъ государства,—отлучками, изъ которыхъ они возвращались нерѣдко лишь ко времени того или другого литовскаго сейма. См. Акты Л. М. № 242, 243, 246, 247, 249, 250, 252; Skarbiec № 2193, 2226, 2234; Arch. ks. Sang. III № 269, 318, 442; IV № 396, 411; Археогр. Сборн. IV, № 62.—Лишь въ Лит. Статутѣ 1566 г. (р. I, арт. 4) постановлено, что нѣкоторыя важнѣйшія дѣла вел. князь обязательно разсматриваетъ на вальномъ сеймѣ.

[2]) См. Л. Стат. 1566 г. I, 4, IV, 61, 67; ср. Л. Ст. 1588 г., I, 4

[3]) Акты Л. М. №№ 478 и 480.

[4]) Ibid. № 601.

веденными указаніями и фактами, дающими право объяснять число асессоровъ довольно случайными причинами, а именно количествомъ пановъ-радъ и придворныхъ чиновниковъ, окружавшихъ вел. князя или находившихся на его дворѣ въ тотъ или другой моментъ [1]), мы имѣемъ нѣсколько данныхъ, опредѣленно свидѣтельствующихъ, что въ концѣ концовъ отъ усмотрѣнія вел. князя зависѣло, — удовлетвориться ли наличнымъ числомъ асессоровъ, или признать его недостаточнымъ. Послѣднее происходило въ тѣхъ случаяхъ, когда вел. князь находилъ какія-либо противорѣчія или неясности въ законахъ, которые надо было примѣнить къ данному дѣлу, или когда, по его мнѣнію, то или другое дѣло представлялось столь сложнымъ и запутаннымъ, что оно, въ интересахъ правосудія, нуждалось въ предварительномъ всестороннемъ и, такъ сказать, коллегіальномъ обсужденіи съ участіемъ въ немъ бóльшаго числа совѣтниковъ, нежели то, какое было въ данный моментъ. Во всѣхъ подобныхъ и, надо сказать, довольно рѣдко встрѣчающихся въ практикѣ личнаго великокняжескаго суда случаяхъ (намъ встрѣтилось лишь три примѣра) вел. князь откладывалъ окончательное рѣшеніе дѣла до того времени, когда при немъ будетъ вся рада или, по крайней мѣрѣ, значительное количество ея членовъ [2]). Чтобы покончить съ вопросомъ о составѣ и числѣ асессоровъ на личномъ господарскомъ судѣ, намъ остается отмѣтить еще одно обстоятельство, которое, въ свою очередь, наглядно показываетъ, какое важное значеніе имѣло въ данномъ вопросѣ усмотрѣніе вел. князя. Несмотря на то, что вел. князь считалъ, какъ это мы сейчасъ видѣли, необходимымъ для себя совѣщаніе съ возможно бóльшимъ количествомъ лицъ при рѣшеніи сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ, есть, однако, полное основаніе думать, что онъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ находилъ возмож-

---

[1]) См. выше текстъ и примѣч. 5 на стр. 34.

[2]) См. Акты Л. М., изд. проф. Леонтовичемъ, №№ 123 (1494 г.), 560 (1501 г.) и Arch. ks. Sang. IV, № 167 (1539 г.); впрочемъ, въ послѣднемъ

нымъ производить судъ—и дѣйствительно производилъ его—безъ всякихъ асессоровъ. Это видно изъ цѣлаго ряда выроковъ, которые не только ни однимъ словомъ не упоминаютъ о присутствіи на судѣ вел. князя к.-л. засѣдателей, но заключаютъ въ себѣ иногда и другія данныя, заставляющія прійти къ тому же выводу [1]). Надо думать, впрочемъ, что судъ вел. князя безъ того или другого, хотя бы весьма минимальнаго, числа засѣдателей совершался въ видѣ исключенія изъ общаго правила, что онъ вызывался всякій разъ какими-либо особыми условіями мѣста или времени, и что означенное явленіе вообще было такъ же не обычно, какъ было не въ обычаѣ производить судъ и въ другихъ (низшихъ) судебныхъ инстанціяхъ безъ такъ назыв. добрыхъ людей [2]). Въ пользу этого говорятъ не только приведенныя выше многочисленныя указанія источниковъ, изъ которыхъ видно, что вел. князья обыкновенно судили не одни, а въ присутствіи асессоровъ, но также аналогія древне-русска-

---

случаѣ была еще одна побудительная причина отложить дѣло: король находился въ тотъ моментъ въ Польшѣ.

[1]) См., напр., А. З. Р. I, № 16, 95, 148; Skarbiec № 2273; Акты Л. М. № 36, 53, 56, 61, 95, 107, 129, 192, 200, 212, 222, 237, 250, 255, 268, 273—275, 278—280, 283, 304, 313, 372, 375, 436, 444, 496, 640, 700; Arch. Sang. III № 100, 479, 485, IV, № 25, 80, 126; А. Л.—Р. гос., в. I, № 61. Обыкновенно эти рѣшенія начинаются иной формулой, нежели та, какая стоитъ во главѣ выроковъ, состоявшихся при участіи засѣдателей: „Стояли передъ государемъ вел. княземъ у правѣ“, „Стояли переди Нами очевисто въ правѣ“, „Смотрѣлъ господарь его мл. великій князь того дѣла“ и т. п. Кромѣ того, многія изъ этихъ рѣшеній состоялись или въ незначит. пунктахъ, гдѣ вел. князья предавались отдыху или охотѣ, или за предѣлами государства; въ обоихъ назв. случаяхъ, а равно и тогда, когда в. князю приходилось судить на пути, во время путешествія, радныхъ пановъ и др. подходящихъ лицъ при в. князѣ могло и не быть.

[2]) Участіе добрыхъ людей (представителей земства) въ судѣ областныхъ правителей нерѣдко предписывалось закономъ. См. наше изслѣдованіе: „Уставныя земскія грам. Л.—Р. госуд.“, стр. 181—182. Что это предписаніе не оставалось мертвой буквой, въ этомъ легко убѣдиться при просмотрѣ древнѣйшихъ судебныхъ книгъ областныхъ судей, сохранившихся въ Лит. Метрикѣ. См., напр., Кн. Зап. № XVI.

го [1]) и польскаго [2]) права. Хотя, такимъ образомъ, присутствіе на судѣ вел. князя засѣдателей можно и даже должно разсматривать какъ нормальное явленіе, покоящееся на древнемъ обычаѣ, отступленія отъ этого порядка, допущенныя вел. княземъ вслѣдствіе тѣхъ или друг. обстоятельствъ [3]), не лишали, однако, его рѣшеній законной силы и непреложности, ибо онѣ обусловливались не обстановкой суда, а принадлежащими вел. князю, какъ верховному судьѣ, полномочіями, не ограниченными ни обычаемъ, ни закономъ.

Что касается роли асессоровъ, или засѣдателей, на великокняжескомъ судѣ и въ частности обычнаго элемента его—радныхъ пановъ, то она весьма опредѣленно выясняется какъ извѣстными намъ судебными рѣшеніями, такъ и законодательными памятниками. По указанію послѣднихъ радные паны выступаютъ на судѣ вел. князя въ качествѣ его совѣтниковъ. Такъ, уже въ Лит. Судебникѣ 1468 г. говорится, что вел. князь совѣщается съ радою („и намъ нс паны-радою нашою вел. кн. Литовьского о томъ погадавъ..") при рѣшеніи вопроса о томъ, какой карѣ подвергнуть провинившихся противъ судебной власти [4]). Еще яснѣе, хотя и изрѣдка, выражаются Лит. Статуты: „будемъ... *с порадою* радъ нашихъ всякую справедливость чинити безъ отволоки", „то с права и суду справедливого черезъ насъ и потомки наши *за радою* радъ нашихъ великого князства.... ни во что обернено быти маеть", „о то жаденъ съ пановъ радъ, ани судъ замковый...,

---

1) См. извѣстное мѣсто въ поученіи Владиміра Мономаха.

2) См. выше, стр. 20.

3) Среди этихъ обстоятельствъ преднамѣренное уклоненіе вел. князя отъ участія въ его судѣ асессоровъ не могло имѣть мѣста, такъ какъ послѣдніе, съ одной стороны, являлись (какъ мы увидимъ) совѣтниками и помощниками вел. князя въ судебныхъ дѣлахъ, слѣд. облегчали его трудъ, а, съ другой, ничѣмъ не ограничивали его верховной судебной власти.

4) См. Л. Судебн. Казимира 1468 г. ст. 12, а также 21. Законъ еще не опредѣляетъ точно кары за неисполненіе судебныхъ рѣшеній и за насильств. завладѣніе спорной землею.

только мы сами Господарь *съ порадою* пановъ радъ нашихъ вел. кн. Литовского судити маемъ“ [1]). Подобныя же указанія встрѣчаются въ изобиліи и въ господарскихъ судебныхъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ видно, что вел. князь если далеко не всегда, то весьма нерѣдко совѣщался съ присутствовавшими на его судѣ радными панами: „И Мы тымъ жалобамъ и отпоровъ их, которыи они въ той речи своей зъ обу сторонъ широцѣ передъ Нами мовили, вырозумѣвши и съ паны радами нашими въ томъ обмовившы, зъ розсудку нашого господарского то промежку них знашли...“; „И Мы про межи нихъ всихъ тых рѣчей выслухавши и съ паны радою нашою то помысливши, ижъ то есть речь неслушная, не видѣвши записовъ, вказывати... взявши есмо на то раду съ паны радою нашою, и вчинили такъ...“; „И выслухавши есмо тыхъ всихъ листовъ и розмовляли есмо о томъ широко съ паны радою нашою и видѣло ся намъ и паномъ радѣ нашои“; „Ино Намъ и радѣ нашои казало ся, ижъ то неслушная речь, што князь Янъ жонѣ своей такъ много записалъ, и помысливши есмо съ паны радою нашою, врадили межи ними такъ...“; „А так Мы жалобы ихъ и отпору твоего з очевистого мовенья вашого выслухавши и с паны радами нашими в том обмовивши, з выроку Нашого на томъ тую речь заставили...“ и т. д. и т. д. [2]).

Совѣщанія вел. князя съ асессорами, присутствовавшими на его судѣ, были, конечно, далеко не лишни, въ виду хотя бы житейской, административной и юридической опытности засѣдавшихъ сановниковъ, которые имѣли возможность, въ случаѣ надобности, высказать не только полезное мнѣніе, но и дать иной разъ необходимую юридическую

[1]) Л. Стат. 1529 г. I, 14; Л. Стат. 1566 г. III, 4, 39; Л. Ст. 1588 г. III, 5, 46 и др.

[2]) Приведенныя цитаты взяты изъ слѣд. докум.: А. Ю. и З. Р. I, № 114, Акты Л. М. №№ 203, 629, 677 и Arch. ks. Sang. IV № 361. См. также Акты Л. М. № 46, 123, 171, 470, 478, 480 561; Arch. Sang. III, № 229, 246, 354, 371, 416, IV, 352, 355, 381, 382—385, 396, 412; Док. и Рег. I № 127, 345, 348.

справку [1]). Къ тому же всякое совѣщаніе предохраняетъ отъ поспѣшности и односторонности въ любомъ рѣшеніи, а тѣмъ болѣе—судебнаго дѣла. Все это отлично понимали вел. князья литовскіе, а потому они, какъ о томъ свидѣтельствуютъ приведенныя выше цитаты и вообще многіе изъ извѣстныхъ намъ великокняжескихъ выроковъ, нерѣдко обмѣнивались мнѣніями съ своими асессорами, обсуждали съ ними различныя детали дѣла и пр. и пр. и уже послѣ того постановляли то или другое рѣшеніе. Мало того: вел. князья иной разъ, на что мы уже указывали выше, находили нужнымъ, въ интересахъ самаго правосудія, привлечь въ качествѣ асессоровъ возможно бóльшее число радныхъ пановъ для разсмотрѣнія дѣла совмѣстно съ ними. Наконецъ, нельзя умолчать также о томъ, что бывали и такіе случаи, когда похвальная щепетильность заставляла вел. князя не только освѣдомиться о мнѣніи своихъ асессоровъ, но и выдвинуть ихъ на первый, такъ сказать, планъ. Любопытнымъ примѣромъ можетъ служить земельная тяжба извѣстной своимъ корыстолюбіемъ кор. Боны съ кн. Сангушками. Когда королю и вел. кн. Сигизмунду I пришлось разбирать означенное дѣло, онъ, очевидно, съ цѣлью предупредить всякое сомнѣніе въ безпристрастности рѣшенія, предоставилъ активную роль присутствовавшимъ на судѣ духовнымъ и свѣтскимъ раднымъ панамъ; и лишь послѣ того, какъ они „тому зрозумѣли“, что кн. Сангушки не имѣютъ правъ на спорныя села, король санкціонировалъ это рѣшеніе и выписалъ въ своемъ „судовомъ“ по данному дѣлу листѣ слѣд.: „и въ том есмо с паны радами Нашими досмотрѣвши, и королевую Нашу ее милость въ томъ правую знашли и тыи имѣня... ее милости присудили“ [2]).

---

[1]) Отсутствіе, какъ это было раньше, закона, пробѣлы въ немъ, необходимость обращаться къ существ. нормамъ обычнаго права, молодость, а потому и неопытность вел. князя дѣлали эти справки неизбѣжными.

[2]) Arch. ks. Sang. III, № 354.

Изъ всего предыдущаго, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что самое совѣщаніе вел. князя съ присутствовавшими на его судѣ панами-радами, а равно высказанныя ими по существу даннаго дѣла мнѣнія были обязательны для вел. князя и въ чемъ-либо связывали его, какъ верховнаго судью: онъ можетъ спросить и выслушать мнѣнія засѣдателей или обойтись безъ этого, можетъ принять или не принять высказанныя мнѣнія во вниманіе, но во всякомъ случаѣ окончательное рѣшеніе даннаго дѣла, исходъ даннаго процесса зависѣли уже исключительно отъ него. Весьма не мало подтвержденій сейчасъ сказанному можно найти въ самомъ текстѣ извѣстныхъ намъ судебныхъ рѣшеній великокняжескаго суда, несмотря на господствующую въ нихъ стереотипную форму, вслѣдствіе которой зачастую исчезаетъ индивидуальная, такъ сказать, физіономія отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ [1]). Не желая пестрить текста массой цитатъ въ подтвержденіе того, что вел. князь часто рѣшалъ судебныя дѣла безъ совѣщанія съ радными панами и вообще съ находившимися при немъ асессорами, а если и совѣщался съ ними, то во всякомъ случаѣ постановлялъ свое рѣшеніе, свой „*господарскій* вырокъ“ сообразно съ тѣмъ, что̀ ему лично представлялось „слушнымъ а справедливымъ“ [2]), ограни-

---

[1]) Такъ между проч. выраженія великокняжескихъ рѣшеній „знашли“, „всказали“, „присудили есмо“ etc., особенно непосредственно послѣ упоминанія о совѣщаніи господаря съ засѣдателями, сами по себѣ, безъ др. указаній, не позволяютъ различить, относятся ли они только къ вел князю (который, конечно, и о себѣ лично во всѣхъ письм. актахъ говорилъ во множеств. числѣ), или къ нему совмѣстно съ асессорами. Вотъ почему далеко не изъ всякаго вырока ясно видно, какую господствующую роль на великокняж. судѣ игралъ самъ вел. князь.

[2]) „А што ся на онъ часъ его королевской милости справедливого видети будеть, то его мл. сказати межи ними рачить“,—говорится въ одномъ изъ судеб. великокняж. рѣшеній (Arch. Sang. IV, № 385). Въ др. актѣ вел. князь, заявивъ, что данное дѣло онъ беретъ на свой „властный судъ“, прибавляетъ: „А Мы тогды, взявши в томъ достаточнѣйшую вѣдомость . . . . . учинимъ съ тымъ то, што ся Намъ слушного а справедливого видѣти будеть“. См. Док. и Рег. II, № 74.

чимся здѣсь однимъ примѣромъ [1]). Такимъ примѣромъ, являющимся лучшей иллюстраціей къ сказанному, можетъ служить нижеслѣдующій судебный процессъ.

Въ 1540 г. королю Сигизмунду I во время пребыванія его въ вел. кн. Литовскомъ пришлось разсматривать дѣло по доносу нѣкоего короннаго еврея на всѣхъ евреевъ литовскихъ вообще и въ частности на тыкотинскихъ о томъ, что они совращаютъ христіанскихъ младенцевъ въ свою вѣру, вывозятъ ихъ въ Турцію, нѣкоторыхъ умерщвляютъ и пр. Король, когда поступилъ къ нему означ. доносъ, „хотячи на то достаточную вѣдомость мѣти и тую речь справедливымъ розсудкомъ нашимъ розознати“, послалъ нѣкоторыхъ своихъ „дворянъ“ для привода указанныхъ доносчикомъ свидѣтелей и отдачи на поруки оговоренныхъ. Одновременно съ этимъ, городенскіе, берестейскіе, луцкіе и иные евреи, узнавъ о доносѣ, объявили его гнусной клеветой и просили у короля формальнаго разслѣдованія и суда по данному дѣлу. Предварительное разсмотрѣніе дѣла король поручилъ радѣ: „Мы, хотячи таковую речь съ суду справедливого поконану мѣти, росказали есьмо паномъ радамъ нашимъ ихъ милости великого князьства Литовского, абы певностей и доводу оного жида Коруны Польское и справы тежъ жыдовъ тутошнего панства нашого, великого князьства, выслухали и о томъ межи ними смотрѣли“. Допросивъ обвинителя и выслушавъ всѣ доводы и возраженія требовавшихъ суда евреевъ, всю „справу ихъ панове-рада наши Намъ (коро-

[1]) Вотъ нѣсколько цитатъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали въ текстѣ и которыя показываютъ, что окончательное рѣшеніе того или др. дѣла принадлежитъ исключительно вел. князю, и что этимъ рѣшеніямъ не всегда предшествовали совѣщанія послѣдняго съ асессорами (всѣ приведенныя цитаты относятся къ эпохѣ дѣйствія 1-го Л. Статута): „А такъ *Мы, Господарь,* заховываючи ся во всем подданым нашим у справедливости . . . . такъ есмо *выроком Нашим знашли* и сказали . . . “ (Arch. ks. Sang. III, № 416); „*Господаръ* его милость водле статуту князю Андрею *всказал* на пану Мартину дванадцать рублевъ грошей . . . “ (ibid. № 461); „Господаръ его мил. рачил на то казати вырокъ вчинити: кгды

лю) оповѣдили“, т. е. рада сдѣлала докладъ обо всемъ вел. князю. „А такъ Мы — пишетъ послѣдній въ своемъ рѣшеніи, выданномъ въ видѣ грамоты всѣмъ литовск. евреямъ — выслухавши тое ихъ справы отъ пановъ радъ Нашихъ, вырозумѣли есьмо тому, ижъ тая повѣсть (т. е. доносъ) оного жида неистотнѣ напротивку ихъ (евреевъ) вышла, а то для того, што онъ доводу слушного никоторого на то не вчинилъ, одно словы голыми то мовилъ . . . “. Далѣе король соображаетъ, что жалобъ отъ родителей или родственниковъ потерпѣвшихъ не было и пр., и, наконецъ, приходитъ къ такому заключенію: „которыи жъ вси вышей описаные речи *добрѣ въ собѣ розваживши и не обмовивши то съ паны радами нашими,* въ той есмо теперешней помовѣ *жидовъ не нашли винныхъ* и тую речь при таковомъ концы зоставуемъ . . . “, а именно данный доносъ не долженъ имѣть никакихъ последствій, а при повтореніи подобныхъ обвиненій обвинитель долженъ обязательно фигурировать на судѣ королев-

---

кн. Коширский etc . . . . его мил. *господарь* кн. В. Полубенского *найдуеть* въ томъ *правого*“ (ib. № 479); „*Господарь* его мил., тому зрозумевши, *рачилъ* его в томъ винного найти“ (ib. IV, № 25); „А такъ Мы речи, споровъ ихъ з обу сторонъ выслухавши, *вырокъ нашъ господарский* на то вчинили и на томъ тую речь зоставили . . . “ (ib. № 126); „А такъ корол. его мл. с паны радами ихъ мл. в том обмовивши и розумеючи тому, кгдыжъ у позвехъ ихъ мужу ее вина дана . . . , тогды рачил его мл. з *выроку* своего *господарского* отъ тыхъ позвовъ ихъ волною ее вчинити . . . “ (ib. № 352); „Обмовивши в том с паны радами нашими, которыи на тот час на тых справахъ судовых при Нас были и тым позвом и реистром ее жалобным вырозумевши, з *выроку нашого господарского* въсказали . . . “ (ib. № 355); „*Господарь* его мл., вырозумевши з жалобы и отпору ихъ, обудву сторон, и с паны радами ихъ мл. обмовивши, *на томъ положити рачилъ* . . . “ (ib. № 385); „И *Мы*, тымъ жалобамъ и отпоровъ их, которыи они въ той речи своей зъ обу сторонъ широцѣ передъ Нами мовили, вырозумѣвши и съ паны радами нашими въ томъ обмовившы, *зъ розсудку нашого господарского* то промежку нихъ *знашли...*“ (А. Ю. и З. Р. I, № 114). См. еще предыдущее примѣч. См. также Акты Л. Метр. № 157, 250, 255, 273, 325, 348, 367, 369, 372, 700 и др; Arch. ks. Sang. III, № 371, 485, IV, № 353, 381—383, 396, 398, 412 и др.; Док. и Рег. I, № 345; Skarbiec dipl. № 2273 и др.

скомъ и пр. [1]). Такимъ образомъ, вел. князь лично руководитъ всемъ процессомъ, поручаетъ радѣ произвести предварительное разслѣдованіе, выслушиваетъ отъ нея докладъ, соображаетъ всѣ обстоятельства дѣла и рѣшаетъ его единолично, не считая при этомъ нужнымъ совѣщаться съ радою, принимавшею столь дѣятельное участіе въ первыхъ стадіяхъ процесса. Едва ли нужны болѣе краснорѣчивыя доказательства основательности утвержденія, что судебная власть вел. князя нисколько не ограничена присутствовавшими на великокняжескомъ судѣ панами-радой и др. засѣдателями [2]).

---

[1]) Ак. Ю. и З. Р. I, № 104. Предполагать опечатку или искаженіе въ словахъ: „добрѣ въ собѣ розваживши и *не обмовивши то съ паны—радами нашими*", нельзя: ни весь ходъ даннаго дѣла, откуда видно, что радные паны играли въ данномъ случаѣ лишь второстепенную, служебную, такъ сказать, роль, ни стилизація, или редакція, приведеннаго отрывка не даютъ, кажется, никакого для этого основанія (обращаемъ въ частности вниманіе на слова: „добрѣ *въ собѣ* розваживши", вполнѣ гармонирующія съ дальнѣйшими). Объ опечаткѣ не можетъ быть рѣчи тѣмъ болѣе, что означ. актъ самостоятельно напечатанъ (т. е. не перепечатанъ) также и въ др. изданіи—Док. и Рег. I, № 199, гдѣ интересующая насъ цитата воспроизведена буквально въ томъ же видѣ, какъ и въ Акт. Ю. и З. Р. Конечно, можетъ явиться вопросъ, зачѣмъ вел. князь счелъ нужнымъ въ данномъ случаѣ отмѣтить, что къ рѣшенію онъ пришелъ, даже не совѣщаясь съ радой? Отвѣтить опредѣленно, по какимъ именно соображеніямъ онъ сдѣлалъ это, трудно. Быть можетъ—и это всего вѣроятнѣе—съ цѣлью подчеркнуть нелѣпость, очевидную и полную неосновательность возведеннаго на евреевъ обвиненія, съ цѣлью показать, что данное дѣло, послѣ его разслѣдованія, не вызывало и не могло вызвать у верховнаго судьи никакихъ сомнѣній и колебаній, требовавшихъ совѣщанія и совмѣстнаго обсужденія.—Считаемъ не лишнимъ прибавить, что приведеннымъ актомъ мы воспользовались не только съ цѣлью показать, что вел. князь не всегда находилъ нужнымъ или необходимымъ совѣщаться съ присутствовавшими на его судѣ асессорами (что, впрочемъ, доказывается, хотя и не столь рельефно, и др. актами, между проч. приведенными въ примѣч. на стр. 42), но также съ цѣлью одновременно, т. е. на одномъ и томъ же примѣрѣ, ознакомить съ порядкомъ разбора дѣлъ въ великокн. судѣ, а равно съ дѣятельностью асессоровъ въ роли исполнителей, по порученію вел. князя, отдѣльныхъ дѣйствій процесса.

[2]) Впрочемъ, приведенный актъ, хотя и содержитъ въ себѣ наиболѣе рѣзкое указаніе на неограниченность судебной власти вел. князя,

Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ Польшѣ, гдѣ верховная власть короля подверглась довольно раннимъ и значительнымъ ограниченіямъ, наблюдается то же самое, чтò и въ Литвѣ описываемаго времени [1]). Не забудемъ также, что никто другой, а именно господарь, или вел. князь, есть источникъ правосудія, „сторожъ справедливости" и верховный судья: отъ него получаютъ свои полномочія всѣ друг. органы судебной власти, онъ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія и недоумѣнія этихъ послѣднихъ, онъ, наконецъ, является охранителемъ своихъ подданныхъ отъ неправосудія и послѣдней судебной инстанціей для всѣхъ и каждаго.

Изъ изложеннаго только-что судебнаго рѣшенія, а равно изъ многихъ другихъ видно также, что роль радныхъ пановъ, присутствовавшихъ на великокняжескомъ судѣ, не ограничивалась только ролью совѣтниковъ вел. князя, но что они являлись нерѣдко дѣятельными его помощниками, облегчавшими ему судебную тяготу: выслушивали пренія сторонъ, показанія свидѣтелей, разсматривали документы, представленные сторонами, и пр.; словомъ, подготовляли весь необходимый матеріалъ для рѣшенія и докладывали обо всемъ этомъ вел. князю, если онъ поручалъ исполненіе

является, какъ было упомянуто (см. предыдущ. примѣч.), отнюдь не единственнымъ доказательствомъ этой неограниченности. Вся совокупность извѣстныхъ намъ актовъ показываетъ, что присутствовавшіе на великокняж. судѣ засѣдатели и въ томъ числѣ радные паны не имѣли права голоса въ рѣшеніяхъ (чтò не исключаетъ, конечно, права мнѣнія, или совѣщательнаго голоса): если вел. князь совѣщался съ своими асессорами, а въ послѣднемъ случаѣ даже принималъ высказанныя ими мнѣнія, то все это совершенно зависѣло отъ его усмотрѣнія; друг. словами, совѣтники - асессоры могли имѣть вліяніе на вел. князя и его рѣшеніе, но лишь de facto, юридич. же ограниченія судебной власти вел. князя не было.

[1]) Проф. Бобржинскій, издатель декретовъ Сигизмунда I, на основаніи изученія нѣсколькихъ сотъ этихъ послѣднихъ говоритъ кратко, но весьма категорически слѣд.: „Całą władzę w tym sądzie (т. е. корол., или надворномъ) dzierżył wyłącznie i bez żadnego ograniczenia król" (Decreta Sigism. I., p. 13). См. также Balzer, op. cit, p. 44—46.

всѣхъ требуемыхъ процессомъ дѣйствій, не присутствуя лично при томъ. Такую роль въ слѣдственной части процесса, а затѣмъ роль докладчиковъ играли не только вся рада или значительная ея часть, какъ это было, повидимому, въ приведенномъ выше случаѣ, а равно въ упомянутомъ ранѣе того процессѣ корол. Боны, но главнымъ образомъ тѣ изъ радныхъ пановъ, которые исполняли должность печатарей и маршалковъ, а вмѣстѣ съ ними, по порученію вел. князя, иногда и друг. должностныя лица, преимущественно придворные чины, которые могли и не состоять радными панами [1]). Канцлеры и маршалки уже издавна, какъ это видно изъ напечатанныхъ великокняжескихъ выроковъ, исполняли между проч. функціи польскихъ референдаріевъ, а потому не удивительно, что они чаще другихъ членовъ рады и придворныхъ чиновниковъ, присутствовавшихъ на великокняжескомъ судѣ въ качествѣ асессоровъ, фигурируютъ въ указанной выше роли помощниковъ вел. князя при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ. Такъ, напр., когда въ 1534 г. поступилъ на судъ короля Сигизмунда I споръ о правѣ собственности на землю между дворянами господарск. Федоровичами и княземъ Андр. Сангушкомъ-Кошерскимъ, то король поручилъ допросить тяжущихся и просмотрѣть представленные ими документы канцлеру Ольбрехту Гаштольду. Послѣдній, „речей их с обу сторонъ выслухавши“ и разсмотрѣвъ документы, сдѣлалъ обо всемъ докладъ королю, который на основаніи канцлерскаго „отказа“ постановилъ рѣшеніе по данному дѣлу [2]). Еще чаще канцлера въ роли

---

[1]) Напр., корол. писари, если они не состояли въ то же время въ друг. болѣе высшихъ должностяхъ.

[2]) Arch. ks. Sang. III, № 485. Вотъ примѣръ изъ болѣе ранняго времени. Въ бытность вел. князя Александра въ Полоцкѣ въ 1497 г. люди Сельчане жаловались на боярыню полоцкую Селавиную о томъ, что она неправильно владѣетъ ими. Предварительное разсмотрѣніе дѣла для доклада поручено было канцлеру Миколаю Радивиловичу. На основаніи сдѣланнаго имъ доклада вел. князь рѣшилъ дѣло въ пользу отвѣтчицы. Акты Л. М., изд. проф. Леонтовичемъ, № 341.

судей въ слѣдственной части процесса и докладчиковъ выступали господарскіе маршалки, почти всегда—и притомъ, повидимому, независимо отъ друг. своихъ званій [1]) — фигурировавшіе въ составѣ асессоровъ на великокняжескомъ судѣ. Такъ, въ 1496 г. въ Трокахъ вел. князю жаловались два крестьянина Мстиславскаго повѣта на боярина Радчица о томъ, что послѣдній „ихъ ищетъ за непохожихъ людей“, между тѣмъ какъ они—„люди волные, похожіе“. Допросъ сторонъ и вообще предварительное разсмотрѣніе дѣла вел. князь поручилъ маршалку и намѣстнику витебскому Стан. Глѣбовичу и своему писарю Федьку Григоревичу, которые должны были сдѣлать обо всемъ докладъ господарю: „а опытавши ихъ и досмотрѣвши, Намъ есмо велѣли отказати“. Такъ какъ обѣ стороны во время слѣдственной части процесса сослались на нѣкоего Андрея, то вел. князь назначилъ для послѣдняго срокъ для дачи своего свидѣт. показанія. Въ виду, однако, того, что одинъ изъ жалобщиковъ вскорѣ скрылся, а другой самъ призналъ свою жалобу неосновательной, вел. князь постановилъ рѣшеніе въ пользу отвѣтчика [2]). Вотъ еще одинъ примѣръ изъ болѣе поздняго времени. Въ 1579 г. на великокняжескій судъ поступила тяжба о землѣ между епископомъ полоцкимъ Ѳеофаномъ Богдановичемъ и нѣкіимъ Марковичемъ; по порученію короля маршалокъ и конюшій виленскій Волчокъ и писарь вел. кн. Литовскаго Гарабурда выслушали пренія сторонъ, а затѣмъ сдѣлали докладъ, или, какъ сказано въ рѣшеніи — „его королевской милости реферовали“; на основаніи этого доклада

[1]) Это видно изъ того, что въ составѣ асессоровъ нерѣдко отмѣчаются отдѣльно р. паны и маршалки, хотя послѣдніе обыкновенно состояли и въ друг. должностяхъ (воеводъ, старостъ и пр.) и также принадлежали къ членамъ рады. См., напр., Акты Л. Метр. № 290 и выше примѣч. 2 на стр. 31.

[2]) Акты Л. Метр. № 275. См. также ibid, №№ 280 (гдѣ въ роли докладчика фигурируетъ одинъ маршалокъ), 496, 568, 669 684, 769 (послѣдній актъ напеч. также и въ Ак. Л. — Р. госуд. № 43, но съ неправильнымъ обознач. года) и др.

король съ радными панами рѣшилъ дѣло въ пользу епископа [1]). Иногда, впрочемъ, предварительное разслѣдованіе по какому-либо дѣлу, а затѣмъ представленіе доклада вел. князю возлагались послѣднимъ на такихъ лицъ, которыя не состояли ни въ какихъ земскихъ или придворныхъ должностяхъ, хотя и принадлежали къ составу рады. Такъ, въ 1538 г. Сигизмундъ I поручилъ бискупу луцкому Юрію Фальчевскому разслѣдовать на мѣстѣ основательность жалобы кн. Заславскаго на луцкихъ мытниковъ объ отнятіи у него „мыта Даниловщины“ и о результатахъ этого разслѣдованія донести ему, королю: „прото если будеть то так, яко он (кн. Заславскій) намъ жаловалъ. . . твоя бы милость о томъ ся доведавши, до Насъ въ той речи отписалъ“ [2]).

Едва ли, однако, не самымъ любопытнымъ актомъ, приподымающимъ, такъ сказать, завѣсу, скрывающую отъ насъ порядки въ великокняжескомъ судѣ, и показывающимъ, какую нерѣдко помощь оказывали вел. князю бывшіе при немъ засѣдатели, является нижеслѣдующій документъ. Это — рѣшеніе 1529 г. по жалобѣ бояръ и людей Ойрагольской волости на своего тивуна Юрія Володкевича. Начинается оно, какъ обычно: „Жыкгимонтъ. Смотрели есмо того дела с паны радами нашыми“, затѣмъ идетъ изложеніе жалобы и возраженій отвѣтчика, далѣе—самое рѣшеніе: „въ томъ есмо, намовивши съ паны радами нашыми, пана Юрья знашли правого“; все это заканчивается: „И на то дали есмо ему сесь нашъ листъ судовый з нашею печатью“. Словомъ, все какъ бы указываетъ, что весь процессъ съ начала и до конца шелъ передъ королемъ и его радою, и вдругъ неожиданная приписка (послѣ datum'а): „При томъ были и судъ свой отказ(ывали): мар(шалокъ), нам(ѣстникъ) вол(ковыйскій) панъ Мат(ей) Войтеховичъ, мар(шалокъ) панъ Янъ Стец(ковичъ) Цыб(улька), Горностай писаръ“ [3]). Оказывается, та-

[1]) А. Ю. и З. Р. I. № 215.

[2]) Arch. ks. Sang. IV, № 137.

[3]) Акты Л.-Р. госуд., изд. Довнаръ-Запольскимъ, вып. I, № 195. Раскрытіе всѣхъ сокращеній и м. пр. въ титулахъ и фамиліяхъ асессо-

кимъ образомъ, что хотя объ этомъ и ничего не говорится въ актѣ, но слѣдственная часть процесса была поручена вел. княземъ тремъ упомянутымъ лицамъ, которыя потомъ фигурировали на судѣ по данному дѣлу въ качествѣ асессоровъ.

Впрочемъ, вел. князь далеко не всегда прибѣгаетъ къ порученію слѣдственной части процесса другимъ, а въ послѣднемъ случаѣ не всегда довольствуется представленнымъ ему докладомъ [1]). Напротивъ, онъ весьма часто, какъ это видно изъ актовъ, лично допрашиваетъ тяжущихся и свидѣтелей, разсматриваетъ представленные документы, выслушиваетъ длинныя иной разъ пренія сторонъ и т. д.; находя недостаточными представленныя сторонами доказательства, онъ „для лѣпшое справедливости“ часто отлагаетъ рѣшеніе до пополненія ихъ, посылаетъ своихъ слугъ для провѣрки нѣкоторыхъ обстоятельствъ на мѣстѣ и пр.; словомъ, играетъ весьма активную роль во все время процесса до рѣшенія или приговора включительно [2]).

Итакъ, присутствующіе на великокняжескомъ судѣ асессоры, или засѣдатели, играютъ лишь роль совѣтниковъ и помощниковъ вел. князя [3]) и притомъ тогда и въ такой мѣ-

---

ровъ,—сокращеній, имѣющихся въ оригиналѣ и въ печатн. текстѣ, принадлежитъ намъ.

[1]) См., напр., Акты Л. М. №№ 275, 471, 496 и др., откуда видно, что вел. князь, не довольствуясь докладомъ, дѣлаетъ допросъ лично.

[2]) См. А. З. Р. I, № 70, 87, 174, II, № 53; Акты Л. М. № 129, 171, 173, 203, 205, 255, 279, 290, 325, 385, 472, 509 и мн. др.; Arch. ks. Sang. III, № 100, 229, 246, 479, IV, 25, 80, 97, 126, 145, 361, 381, 382, 396, 398; Ак. Л.—Р. госуд. № 14, 32, 47, 48, 61, 69, 117, 128, 129, 186, 187, 191, 196; А. Ю. и З. Р. I № 62, 64, 114 и др.; Skarbiec dipl. № 2234, 2269, 2273 и др.

[3]) Слѣдуетъ отмѣтить также, что въ болѣе древнія времена, когда, повидимому, не всѣ судебныя рѣшенія облекались въ письменную форму или, по крайней мѣрѣ, не всѣ заносились въ офиціальныя книги, асессорамъ приходилось еще играть роль живыхъ, такъ сказать, протоколовъ всего того, что̀ происходило на великокняж. судѣ. Любопытныя указанія на это имѣются въ двухъ изъ великокняж. выроковъ. См. Акт. Л. Метр. №№ 263 (1496 г.) и 402 (1498 г.). Въ послѣднемъ изъ этихъ актовъ, представляющемъ собою рѣшеніе вел. кн. Александра по земель-

рѣ, когда и насколько онъ находилъ это нужнымъ въ томъ или другомъ случаѣ; руководящая же въ процессѣ роль и окончательное рѣшеніе исхода его принадлежатъ вел. князю и только ему.

Таковъ былъ личный или непосредственный судъ вел. князя. Но не всегда этотъ послѣдній могъ принимать личное участіе въ разборѣ и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, поступавшихъ на его судъ; будучи обремененъ друг. государственными заботами или находя, что извѣстнаго рода дѣла не столь важны, чтобы необходимо было его непосредственное участіе въ судѣ, вел. князь нерѣдко поручалъ разсмотрѣніе и рѣшеніе въ такихъ случаяхъ и такого рода дѣлъ окружавшимъ его лицамъ изъ числа тѣхъ, которыя обыкновенно принимали участіе въ его личномъ судѣ, т. е. нѣкоторымъ раднымъ панамъ и придворнымъ чиновникамъ. Съ теченіемъ времени, а именно съ увеличеніемъ государств. территоріи и населенія, это сдѣлалось даже настоятельно необходимымъ въ виду полной невозможности для главы государства справляться самому со всею массою судебныхъ дѣлъ, поступавшихъ къ нему съ различныхъ сторонъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вел. князь самъ не судилъ, а поручалъ это вмѣсто себя другимъ, которые и отправляли тогда правосудіе „з росказанья господаря", великокняжескій судъ, насколько можно судить объ этомъ по имѣющимся довольно скуднымъ и не всегда достаточно опредѣленнымъ даннымъ, принималъ нижеслѣдующія разнообразныя формы, которыя отличались другъ отъ друга главнымъ образомъ своимъ личнымъ составомъ и продолжительностью полученныхъ отъ верховнаго судьи полномочій.

ной тяжбѣ кн. Чорторыйскихъ, отмѣчено, что при ссылкѣ истца на рѣшеніе по тому же дѣлу короля Казимира, отрицаемое отвѣтчикомъ, вел. кн. Александръ спросилъ перваго изъ нихъ: „кому бы тая речь сведома была паномъ радѣ отца нашого?". Истецъ не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Зато два изъ присутствовавшихъ на судѣ радныхъ пановъ заявили, что подобнаго дѣла не было при кор. Казимирѣ.

Остановимся прежде всего на той изъ этихъ, такъ сказать, производныхъ или второстепенныхъ формъ господарскихъ судовъ, которая по своему составу ближе другихъ подходитъ къ основной формѣ послѣднихъ — къ личному или непосредственному суду вел. князя, и которая вполнѣ соотвѣтствуетъ польскому королевскому асессорскому суду, хотя и не носитъ этого названія, по крайней мѣрѣ въ описываемое время [1]).

Мы уже видѣли, что вел. князь для своего облегченія нерѣдко поручалъ исполненіе тѣхъ или друг. дѣйствій, требуемыхъ теченіемъ процесса, бывшимъ при немъ асессорамъ, или засѣдателямъ, изъ радныхъ пановъ и придворныхъ чиновниковъ; въ такихъ случаяхъ вел. князю оставалось выслушать самую жалобу, а затѣмъ докладъ о результатахъ слѣдственной части процесса, сдѣлать иной разъ дополнительные вопросы сторонамъ, потребовать, въ случаѣ надобности, пополненія представленныхъ доказательствъ и пр. и, наконецъ, постановить приговоръ и приказать облечь его въ форму судоваго листа. Но даже и этотъ сравнительно облегченный способъ суда, при массѣ дѣлъ, былъ все же слишкомъ тяжелъ для вел. князя и продолжалъ отнимать у него много времени, потеря котораго не всегда оправдывалась значеніемъ подлежавшихъ его рѣшенію судебныхъ дѣлъ. Вотъ почему вел. князья нерѣдко прибѣгали къ порученію своимъ асессорамъ всей судебной процедуры отъ выслушиванія жалобы до рѣшенія включительно, т. е., другими словами, делегировали имъ свою судебную власть на извѣстное время съ цѣлью освободиться м. пр. отъ необходимости лично присутствовать въ своемъ судѣ. Благодаря этому обстоя-

---

[1]) См. выше, стр. 23—24 и прим. 2 ib. Намъ лишь разъ встрѣтился (Лит. Метрика, кн. Суд. дѣлъ № VI, заголовокъ) терминъ „асессоръ", но этотъ терминъ употребленъ вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употреблялся въ Польшѣ, а именно не въ приложеніи къ членамъ асессорскаго суда, а къ членамъ судной коммиссіи, которая была назначена вел. княземъ и дѣйствовала въ теченіе почти 20-ти лѣтъ и которая подходитъ подъ понятіе маршалковскаго суда, о чемъ см. ниже.

тельству (отсутствію вел. князя), господарскій судъ лишался самаго важнаго элемента въ своемъ обычномъ составѣ и превращался, такимъ образомъ, изъ личнаго великокняжескаго суда въ судъ его асессоровъ. Асессорскій судъ, однако, не переставалъ оставаться судомъ великокняжескимъ не только по самому существу, но даже и по названію. Послѣднее видно изъ того, что судъ асессорскій именуется такъ же, какъ и личный судъ вел. князя, „судомъ господарскимъ", „судомъ его королевской милости" [1]).

Однимъ изъ болѣе раннихъ извѣстій о судѣ великокняжескихъ асессоровъ или засѣдателей является судебное рѣшеніе 1506 г. по жалобѣ господ. двор. Яна и Юрія Завишичей на нѣкоего Скопа Озаковича „о многихъ гвалтахъ и головщинахъ", учиненныхъ послѣднимъ въ имѣніи первыхъ. „Зъ росказаня" вел. князя дѣло это разсматривали слѣд. три радныхъ пана: бискупъ виленскій Войтехъ, староста жмудскій Янъ Юрьевичъ (Заберезинскій) и гетманъ, державца василишскій п. Станиславъ (Юрьевичъ Кишка). Означенныя лица не только разсмотрѣли дѣло, но и постановили приговоръ: присудили съ обвиняемаго въ пользу жалобщика „за гвалты и за головщины" 99 рублей [2]). Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, разсматривалъ ли судъ въ означенномъ составѣ и др. дѣла; можно, однако, предполагать, что дѣятельность его не ограничилась однимъ даннымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что уже при Сигизмундѣ I, особенно во вторую половину его царствованія, порученія, подобныя приведенному, простирались не на одно, а на цѣлый рядъ дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію въ те-

---

[1]) Такъ, напр., въ одномъ изъ рѣшеній асессорскаго суда онъ названъ „tribunal S. M-tis R." (Док. и Рег. I, № 340), а въ другомъ онъ неоднократно именуется „судомъ Нашимъ", т. е. господарскимъ (Лит. Метрика, кн. Судн. дѣлъ L, л. 2 об.).

[2]) Акты Л. М., изд. Леонтовичемъ, № 749. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что дѣло разсматривалось въ Вильнѣ и во время пребыванія тамъ короля Александра.

ченіе той или другой сессіи великокняж. суда [1]). Въ подтвержденіе сказаннаго мы имѣемъ возможность привести рядъ свѣдѣній, обнимающихъ конецъ 1540 и первые мѣсяцы 1541 г., а равно и нѣсколько фактовъ, относящихся къ послѣдующему времени [2]). Такъ какъ данныя эти уясняютъ также и нѣкоторыя другія подробности объ интересующей насъ формѣ велококняж. судовъ, то считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь (часть ихъ почерпнута нами непосредственно изъ книгъ Лит. Метрики).

Въ четвергъ, 4-го ноября 1540 г. открылся рядъ засѣданій великокняжескаго суда, функціонировавшаго безъ личнаго присутствія вел. князя, который однако пребывалъ въ это время и въ послѣдующіе мѣсяцы въ Вильнѣ [3]). Въ составъ этого суда входили, какъ гласитъ заголовокъ къ одной изъ судебныхъ книгъ Лит. Метрики, четыре лица, назначенныя для разбора ряда дѣлъ: „З росказанья господара его милости короля и великого князя Жикгимонта смотрели панове рады их милость, на то отъ его милости *особно высажоныи:* князь Юрий, бискупъ луцкий, и княз Венцлавъ, бискупъ жомоитьский, пан Янъ Миколаевичъ Радивилъ, староста жомоитьский, подчашый господара его милости, державца василишский, а панъ Янъ Юревичъ Глебовича, воевода по-

---

[1]) Наряду съ асессорскимъ судомъ нерѣдко функціонировалъ и личный судъ вел. князя; такъ, въ январѣ 1541 г., независимо отъ засѣданій асесс. суда (см. о составѣ его ниже), нѣкоторыя дѣла разбирались лично вел. княземъ. См. Arch. Sang. IV, №№ 215 и 216; см. также ниже, стр. 59, прим. 2.

[2]) Замѣтимъ мимоходомъ, что далеко не во всѣхъ рѣшеніяхъ асессорскаго суда указанъ составъ его. Происходило это обыкновенно оттого, что въ судебныхъ книгахъ, куда заносились эти рѣшенія, составъ суда былъ уже обозначенъ раньше (въ одномъ изъ предыдущихъ декретовъ). Вотъ для примѣра начало одного изъ рѣшеній асессорскаго суда: „Actum Vilnae, feria III, coram tribunali S. M-tis R., *praesidentibus* judicio tunc *dominis consiliarys* Magni Ducatus etc., *superius nominatis*, die septima mensis Martis . . . “ (Док. и Рег. I, № 340).

[3]) Это между проч. видно изъ ряда актовъ, помѣщ. въ IV т. Arch. ks. Sang.

лоцъкий, маршалокъ господара его милости; а почалися *тые суды* мѣсяца ноября 4 день, индикт 14, у Вильни, лета от нарож. Божого 1540-мъ" [1]). На слѣд. день—„В пятницу, мѣсяца ноября 5 день, седели на суде панове их милость высажоныи", т. е. тѣ же вышеозначенныя лица [2]).

Въ декабрѣ того же года для рѣшенія дѣлъ, поступившихъ на великокняжескій судъ изъ Троцкаго воеводства, были назначены господаремъ и судили въ Вильнѣ нижеслѣд. лица, названныя „судями отъ Господаря высажоными на повѣтъ Троцкій" [3]): кн. Сем. Одинцевичъ, городничій городенскій, Кмита Кунцевичъ, державца вилкомирскій, Войтехъ Ондилъ и Дерманелъ Горностаевичъ, намѣстникъ троцкій [4]).

Въ началѣ слѣдующаго 1541 г., съ 3-го января, въ асессорскомъ судѣ засѣдали по назначенію короля уже другія лица и въ бо́льшемъ числѣ (шесть), нежели въ ноябрѣ и декабрѣ [5]). Лица эти также названы „панами радами их мл., *на*

---

1) Лит. Метрика, кн. Судн. дѣлъ X, л. 1. Первое же дѣло, разбиравшееся этими судьями, было отсрочено по просьбѣ одной изъ сторонъ до 8 нояб.—ясное указаніе, что полномочія судей не ограничивались 1—2 днями.

2) Ibid., л. 1 об. Къ привед. словамъ прибавлено: „а пры их милость князь Ѳедор Санъкгушковичъ, староста володимерский, и панъ Иванъ Сопега, воевода подляшский". Послѣдніе два, очевидно, засѣдали на судѣ по своему личному желанію, такъ какъ они не были въ числѣ назначенныхъ—„особно высажоныхъ", королемъ.

3) Это наводитъ на мысль, что, при скопленіи дѣлъ, одновременно засѣдало нѣсколько отдѣленій асессорскаго суда, между которыми распредѣлялись дѣла, поступившія на судъ вел. князя.

4) Док. и Рег. I, № 284.

5) Лит. Метрика, кн. Судн. дѣлъ X, л. 79: „Лѣта от нароженья Божого 1541, генв. 3 день, в понеделокъ. З росказанья господаръского смотрели панове ихъ милость, панъ Матей Войтехович Яновича, воевода витебъский, маршалокъ господаръский, державца волъковыский, а князь Иванъ Анъдреевичъ Полубенъский, панъ Янъ Нарбутъ, кухмистръ господаръский, державца марковский, а панъ Иванъ Анъдреевичъ, подъскарбий дворный, державца веленьский, а князь Семенъ Богдановичъ Одинъцевича, городничий городеньский, деръжавца любошанъский, а пан Янъ Стецъковичъ, маръшалокъ господаръский, державца менский".

справы судовые высажоными" [1]) и также производили судъ „з росказанья господаръского" [2]).

Въ началѣ февраля въ составъ асессорскаго суда входило семь лицъ, изъ которыхъ пять участвовали уже въ январской сессіи, а два являлись новыми членами означ. суда на данное время [3]).

Во второй половинѣ марта въ асессорскомъ судѣ засѣдало лишь три человѣка: бискупъ жмудскій Венцлавъ, воевода витебскій Матей Яновичъ и кн. Ив. Полубенскій [4]).

Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія мы имѣемъ объ апрѣльской сессіи асессорскаго суда, начавшейся 5 апрѣля. Въ составъ суда на этотъ разъ входили въ качествѣ „особно на справы судовыи высажоныхъ" нижеслѣдующія 5 лицъ изъ числа радныхъ пановъ, бывшихъ въ то время при вел. князѣ: бискупъ луцкій Юрій, бискупъ жмудскій Венцлавъ, староста жмудскій Янъ Микол. Радивилъ, воевода полоцкій Янъ Юрьев. Глѣбовичъ и воевода витебскій Матей Войтехов. Яновичъ. При нихъ для записи „судовъ" состоялъ назначенный вел. княземъ его секретарь Венцлавъ Миколаевичъ; самый же судъ „з росказаня господаря" производился „у Вилни на палацы господаръскомъ" [5]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ апрѣлѣ 1546 г., во время сейма виленскаго „з росказанья господарьского на справахъ судовыхъ" были, т. е. входили въ составъ асессорскаго суда,

---

[1]) Ibid., нѣсколько ниже (въ концѣ л. 79).

[2]) Тотъ же судъ и въ одномъ и томъ же составѣ (повидимому, въ только что указанномъ) разбиралъ одно и то же дѣло 5, 18, и 21 янв. Док. и Рег. I, № 285 и 287.

[3]) Ibid., № 289. А именно: изъ январскаго состава выбылъ кухмистръ господ. Янъ Нарбутъ, а вновь прибыли—воевода подляшскій Ив. Богд. Сопега и тивунъ и городничій виленскій Шимко Мацковичъ.

[4]) Ibid., № 310.

[5]) Лит. Метрика, кн. Записей XXVII, л. 1: „Лета Божого нарож. 1541, индикт 14. З росказаня Господаря его мл. короля и вел. князя Жыкгимонта панове рада великого князства: княз Павел, княз Юрий, княз Венцлавъ, бискупове виленский, луцкий а жомонтский, а пан Ян Миколаевичъ Радивилъ, староста жомонтский, подчашый господаръский, державца василишский, панъ Ян Юревичъ Глебовича, воевода полоцкий,

воевода виленскій Янъ Юрьевичъ Глѣбовичъ и воевода новгородскій Алекс. Ходкевичъ [1]).

Затѣмъ на виленскомъ сеймѣ, бывшемъ въ концѣ 1565 г. и въ началѣ 1566 г., въ качествѣ членовъ асессорскаго суда фигурировали въ періодъ съ 29 декабря по 4 марта 1566 г. три маршалка „на справы судовые высажоныи", т. е. назначенные королемъ: Юрій Тишкевичъ, Григ. Тризна и Мих. Козинскій, при секретарѣ Янѣ Гайкѣ, маршалкѣ и писарѣ господ. [2]). Судъ въ указанномъ составѣ засѣдалъ въ великокняжескомъ дворцѣ въ Вильнѣ [3]).

пан Станиславъ Олбрахтович Кгаштолтъ, воевода новъгородъский, панъ Матей Войтеховичъ Яновича, воевода витебъский, а пан Иван Богъдановичъ, воевода подляшъский, маршалъкове господаръскии; а *особно* княз бискупъ луцкий, княз бискупъ жомоитский, пан староста жомоитский, а панове воеводове полоцкий а витебъский *на справы судовыи высажоныи* судили за листы позовъными и за децкими господаръскими, а записывал суды тых с росказанья его жъ милости господаръского секретар его милости Венцлавъ Миколаевичъ. А то ся деяло у Вилни на палацы господаръскомъ, лета Божего, индикта вышеписаного, мѣсяца април въ пятый день, во вълорокъ . . . ". Изъ означенныхъ 5 лицъ въ первомъ засѣданіи, 5 апрѣля, принимало участіе лишь 3 (Ibid., л. 1 об.). При разсмотрѣніи второго дѣла присутствовало, однако, 5 асессоровъ (Ibid., л. 4 об.).

[1]) Arch. ks. Sang. IV, № 358. Имя перваго изъ названныхъ лицъ въ данномъ актѣ собственно не указано, такъ какъ въ началѣ его говорится лишь: „З росказанья господарского, будучи пану его милости на справахъ судовыхъ весполокъ съ п. Алекс. Ив. Ходкевича, воеводою новгородскимъ. . . . оповедал ся их милости etc." Что рѣчь, однако, идетъ именно о Глѣбовичѣ, это видно изъ заголовка актовой книги, откуда взятъ означ. документъ: книга эта (Л. Метр., кн. Суд. дѣлъ XVIII) представляетъ собою судебную книгу Глѣбовича. Въ цитованномъ документѣ есть также указаніе, что названныя лица судили въ теченіе всего сейма.

[2]) Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ L, заголовокъ: „Метрика справъ судовых за короля его мл. Жикгимонта Августа, отправованых на сойме вальномъ у Вилъни через маршалъковъ его корол. мил., *на справы судовые высажоных*: пана Юря Вас. Тишъкевича, державъцу волъковысъкого, пана Григоря Есиф. Трызну а пана Михайла Тихи. Козинъского, *от року 1565, мѣсяца декабра 29 дня, аж до року 1566 мѣсяца марца 4 дня*; справованя п. Яна Микол. Гайка, маршалъка и писара его кор. мл., державцы ошменьского, вилькейского и красносельского." — Ниже (л. 1) сказано, что означ. лица производили судъ „з росказанья господарьского".

[3]) Ibid., лл. 1 и 2 об.: *„на палацу Нашомъ виленскомъ* перед паны

Наконецъ, на сеймѣ въ ноябрѣ 1582 г. „за росказаньемъ" короля, т. е. по его порученію, разсматривали различныя тяжбы „ихъ милость панове рады и врядники дворные вел. князства Литовского, на справы судовые высаженые" [1]).

Полагаемъ, приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы прійти къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ относительно личнаго состава, продолжительности полномочій и мѣста засѣданія великокняж. суда, функціонировавшаго безъ личнаго присутствія вел. князя, т. е. асессорскаго: 1) въ составъ его входили періодически, отъ сессіи до сессіи, назначаемыя королемъ („особно высажоные", „на справы судовые высажоные") лица, какъ изъ радныхъ пановъ, такъ и придворныхъ чиновниковъ, при чемъ число засѣдателей было такъ же разнообразно, какъ и въ личномъ судѣ вел. князя; 2) съ окончаніемъ каждой данной сессіи, на которую были назначены тѣ или другіе асессоры-судьи, прекращались и данныя имъ полномочія, и 3) асессорскій судъ функціонировалъ всегда въ мѣстѣ пребыванія вел. князя, преимущественно въ столицѣ государства, а въ послѣднемъ случаѣ засѣдалъ въ великокняжескомъ дворцѣ.

Что касается того, насколько была самостоятельна роль судей-асессоровъ, засѣдавшихъ въ судѣ вел. князя безъ его личнаго присутствія тамъ, то изъ ряда имѣющихся данныхъ видно, что они или рѣшали дѣла вполнѣ самостоятельно [2]), или, если встрѣчали какія-либо затрудненія, постановляли свои рѣшенія послѣ предварительнаго освѣдомленія о мнѣніи самого вел. князя и на основаніи его указаній [3]), кото-

---

маръшалки Нашыми верхупоменеными, на справы судовые отъ Насъ высажоными, в суду Нашого, становилъся etc."

[1]) А. З. Р. Ш, № 135.

[2]) Акты Л. М., изд. проф. Леонтовичемъ, № 749; Arch. ks. Sang. III, № 126, IV, №№ 206, 358; Док. и Рег. №№ 305, 310, 321, 322; Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ X, л. 1 (декретъ по дѣлу между Яномъ Мик. Радивиломъ и кн. Юріемъ Слуцкимъ „о розные кривды", учиненныя нижницкими подданными перваго острожецкимъ подданнымъ второго).

[3]) Док. и Рег. I № 340: „Domini (т. е. асессоры), itaque, auditis hinc inde partium ipsarum propositis et responsis relatisque S. M. R., et *ex ip-*

рымъ предшествовалъ докладъ какъ о самомъ дѣлѣ, такъ и о всей вызванной имъ судебной процедурѣ [1]). Въ первомъ случаѣ рѣшенія асессорскаго суда не были окончательны: они могли быть обжалованы и перенесены на личный судъ вел. князя по апелляціи [2]). Во второмъ же случаѣ апелляція, повидимому, не имѣла мѣста, такъ какъ рѣшенія, которымъ предшествовалъ докладъ, опирались на авторитетъ самого вел. князя, основывались на его указаніяхъ, что́ не оставалось тайной и для сторонъ. Указанія, за которыми обращались асессоры къ вел. князю, или касались частныхъ затрудненій, встрѣчавшихся въ той или другой стадіи процесса и требовавшихъ „науки господарской“ [3]), или имѣли характеръ болѣе общій, а именно разъясняли въ общихъ чертахъ, какъ слѣдуетъ рѣшить данное дѣло [4]), или, наконецъ,

---

sius deinde S. M. R. sententia decreverunt..“; Ibid. № 113: „выслухавши ихъ въ томъ зъ обу сторонъ, отложили то до науки Господарское; а потомъ, повѣдивши то Господару . . . сказали въ тотъ обычай...“ См. также слѣд. примѣч.

[1]) Док. и Рег. I №№ 113, 169, 285, 287, 289, 339, 340; Лит. Метр., кн. Зап. XXVII, лл. 4 об.—6 (жалоба Ст. Гаштольда на госп. бобруйскихъ людей о наѣздѣ, грабежѣ и пр.); А. З. Р. Ш, № 135.

[2]) Arch. ks. Sang. IV, № 206: „панъ Патей выроку того не принял и отозвался до Господаря его милости“; Док. и Рег. I, № 322: „Аврашко жидъ сказанья того не принял и отозвался съ тымъ до Господаря его милости“.

[3]) См., напр., Док. и Рег. I, № 113 (замѣтимъ мимоходомъ, что актъ этотъ относится не къ 1526 г., какъ указалъ издатель, а къ 1541 г.), откуда видно, что такъ какъ истецъ оспаривалъ юридическое значеніе одного изъ документовъ, представленныхъ отвѣтчикомъ, то судьи за разрѣшеніемъ возникшаго у нихъ недоумѣнія по поводу означ. документа обратились за „наукой господарской“, и вел. князь разъяснилъ, что представленное документальное доказательство „маеть быти при моцы держано“. См. также ibid. № 285 и 287, откуда видно, что въ теченіе процесса по одному и тому же дѣлу судьи нѣсколько разъ обращались къ вел. князю за указаніями.

[4]) Такія общія указанія даны были, напр., по дѣлу Стан. Гаштольда, жаловавшагося на господ. бобруйскихъ людей о наѣздѣ, грабежѣ и пр. Лит. Метр., кн. Зап. XXVII, лл. 4 об.—6. Вел. князь послѣ до-

являлись въ видѣ вполнѣ готоваго рѣшенія, которое оставалось только сообщить сторонамъ отъ имени вел. князя и занести, какъ таковое, въ судебныя книги [1]). Очевидно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ, особенно во второмъ изъ нихъ, роль асессоровъ-судей была весьма скромная.

Не всѣ, однако, дѣла, попадавшія въ асессорскій судъ, получали тамъ разрѣшеніе однимъ изъ двухъ указанныхъ выше способовъ; нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ передавались асессорами на личный судъ вел. князя и тамъ разрѣшались въ обычномъ (извѣстномъ уже намъ) порядкѣ. Дѣлалось это или по желанію самого вел. князя, который судъ по нѣкоторымъ изъ поступившихъ дѣлъ оставлялъ за собою, или по согласному требованію обѣихъ сторонъ, когда онѣ заявляли, что означенное дѣло онѣ „дают з обу сторон на вырокъ господаръский" [2]). Остается еще прибавить, что къ концу обоз-

---

клада ему означ. дѣла „нашолъ в том старца Данила и въсю волость . . . винныхъ и казал его мл. грабежы и вси шкоды тые водлугъ обычая оправити". На основаніи этихъ общихъ указаній и руководствуясь „обычаемъ права", асессоры постановили подробный, такъ сказать, мотивированный приговоръ: „*казали*, абы бобруяне грабежы оныи, къ чому ся знали, тридцатеро коней а сорокъ воловъ людемъ пана воеводинымъ з навязкою вернути, то ест кождую клячу клячою, а вола воломъ, або по полтине грошей навязати . . . . ; а што ся ткнет старца и трехъ мужовъ, которых имано и сажано, тым *сказали* навязки: старцу три рубли, а трем мужом, яко бортником, по рублю грошей . . . etc."

[1]) Для примѣра приведемъ выдержки изъ двухъ рѣшеній асессорскаго суда, роль котораго въ обоихъ данныхъ случаяхъ свелась къ подробному докладу всего дѣла вел. князю и къ передачѣ сторонамъ полученнаго отъ него рѣшенія. Док. и Рег. I, № 339: „И панове их мил., выслухавши въ томъ ихъ (т. е. стороны), поведили то Господару его мл., а потомъ *отъ Господара* его мл. *сказали* сторонамъ" . . ; Ibid. № 289: „Панове ихъ милость, листовъ тыхъ судовыхъ и сознанья дворанина того выслухавши, повѣдили речь тую всю, какъ ся въ собѣ маеть, Господару его мил.; а Господаръ его милость, добре тому порозумѣвши . . . , *черезъ пановъ* ихъ милость *сказане* въ томъ межи сторонами тыми *наконецъ вчинилъ*". Въ обоихъ случаяхъ за приведенными словами слѣдуетъ самое рѣшеніе.

[2]) Вотъ два примѣра, взятыхъ изъ книгъ Лит. Метр. Въ засѣданіи асессорскаго суда 5 ноября 1540 г. дѣло между п. Щаснымъ Илиничемъ

рѣваемаго періода докладъ вел. князю не только въ затруднительныхъ случаяхъ, но во всѣхъ безъ исключенія сдѣлался, повидимому, обычнымъ и постояннымъ явленіемъ въ практикѣ асессорскаго суда, что, съ одной стороны, можно объяснить желаніемъ предупредить апелляціи на рѣшенія асессоровъ, а съ другой, является лучшимъ доказательствомъ нашего предположенія, что рѣшенія суда асессорскаго, бывшія результатомъ предварительнаго доклада вел. князю и основанныя на его указаніяхъ, не подлежали обжалованію [1]).

Все сказанное нами объ асессорскомъ судѣ будетъ весьма неполно, если мы не сдѣлаемъ еще одного необходимаго замѣчанія. Великокняжескій асессорскій судъ, въ которомъ такое дѣятельное участіе принимали назначаемые туда вел. княземъ радные паны, не слѣдуетъ смѣшивать съ Радою вел.

и старостою берестейскимъ Александръ Ходкевичемъ не разсматривалось и было передано на личный судъ вел. князя вслѣдствіе заявленія Ходкевича „ижъ тую речъ господаръ его милость самъ перед себе взяти рачилъ". 5-го апрѣля слѣдующ. года въ асессорскомъ судѣ разсматривалась тяжба между Б. Стецковичевой и А. Скорутиной съ братомъ ихъ воеводою подляшскимъ Ив. Богд. Сопегой о наслѣдствѣ въ материнскихъ имѣніяхъ; дѣло это еще до рѣшенія его перенесено было на личный судъ вел. князя по желанію сторонъ, которыя „дали то з обу сторонъ на вырокъ господаръский". Изъ послѣдующаго узнаемъ, что вел. князь разсмотрѣлъ означ. дѣло совмѣстно съ радными панами и рѣшилъ его. Л. Метр.: кн. Судн. дѣлъ X, л. 1 об.—2; кн. Зап. XXVII, лл. 1 об.—4.

[1]) Къ такому заключенію приводятъ насъ м. пр. рѣшенія асессорск. суда, дѣйствовавшаго на сеймѣ съ декабря 1565 по мартъ 1566 г. (см. о немъ выше). Такъ, напр., рѣшеніе этого суда по жалобѣ зем. Чечета на его мачеху Овдотью Митковну „о побранье речей, маетности его" не только было предварительно одобрено вел. княземъ и объявлено отъ его имени, но и съ внѣшней стороны облечено въ форму, напоминающую великокняж. декретъ („Жикгимонтъ Август и далей. З росказанья Нашого господарьского" etc.). См. Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ L, лл. 1—4. См. также А. З. Р. Ш, № 135, откуда видно, что на сеймѣ 1582 г. члены асессорскаго суда, разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ полоцкаго архіепископа Θеофана на городничаго Жука о присвоеніи церк. имѣнія, собирались было „его королевской милости реляцыю того чинити", но король за недосугомъ приказалъ отложить все дѣло до слѣдующаго сейма.

кн. Литовскаго, какъ самостоятельнымъ судебнымъ учрежденіемъ, которое занимало видную позицію въ судоустройствѣ Литовско-Русскаго государства эпохи перваго Статута во время частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ вел. князей изъ предѣловъ Литовскаго государства и пребыванія ихъ въ королевствѣ Польскомъ. Во время этихъ отлучекъ литовская рада въ лицѣ своихъ наличныхъ членовъ играла болѣе самостоятельную судебную роль, нежели въ личномъ и асессорскомъ великокняж. судахъ, и функціонировала уже не въ силу господарскаго „росказанья", или порученія, а de jure, т. е. по прямому указанію закона: по Л. Статуту 1529 г. она замѣняетъ отсутствующаго вел. князя при рѣшеніи, въ качествѣ первой инстанціи, многихъ болѣе важныхъ дѣлъ, а равно является апелляціонной инстанціей для всѣхъ дѣлъ, восходящихъ отъ низшихъ судовъ по апелляціи или по докладу. Но обо всемъ этомъ болѣе подробно намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ, когда будетъ идти рѣчь объ апелляціонныхъ инстанціяхъ [1]).

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію слѣдующей формы великокняжескаго суда, которая отличалась отъ суда асессорскаго своимъ составомъ и внутренней огранизаціей, а главнымъ образомъ болѣе продолжительными судейскими полномочіями своего предсѣдателя, а вмѣстѣ съ нимъ иногда и всѣхъ прочихъ членовъ.

Въ виду той роли, какую въ этомъ судѣ играли маршалки, а именно въ виду того, что во главѣ его всегда стоятъ одинъ либо два маршалка, его можно назвать — да онъ такъ обыкновенно и называется [2]) — судомъ маршалковскимъ.

---

[1]) См. ниже, гл. 2-ую.

[2]) Въ составѣ судебныхъ книгъ Лит. Метрики имѣется рядъ ихъ съ названіемъ книгъ маръшалковскаго суда. Таковы книги №№ 1, 3, 45, 49 (послѣдняя озаглавлена: „Книги справ судовыхъ вельможного пана О. Воловича за ураду его мил. маршалъковского") и др. См. также Док. и Рег. II, № 17, гдѣ маршалковскій судъ названъ „врадомъ маршалка дворного".

Что послѣдній представляетъ собою одну изъ формъ великокняжескаго суда, это видно, во 1-хъ, изъ того, что маршалковскій судъ функціонируетъ вмѣсто вел. князя и по его порученію или приказанію („зъ росказанья господарского“, „приказаньемъ господаря“) [1]), во 2-хъ, изъ того, что онъ называется иногда „врадо́мъ господарскимъ“ [2]), а члены его „судьями дворными“ [3]) и, въ 3-хъ, наконецъ, изъ того, что мѣстомъ его засѣданій въ Вильнѣ является „дворъ господарскій“ [4]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о всѣхъ функціяхъ литовско-русскихъ маршалковъ, о числѣ ихъ, различіи между земскими, дворными и просто господарскими маршалками, какъ вопросъ мало разработанный, требующій спеціальнаго изслѣдованія [5]) и для нашей цѣли довольно отдаленный, не можемъ, однако, не замѣтить, что издавна на маршалкахъ безъ различія ихъ наименованія лежали между проч. и судебныя функціи. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что маршалки, какъ и канцлеры, принимали весьма дѣятельное участіе въ личномъ судѣ велик. князя въ качествѣ ассесоровъ, исполнителей великокняжескихъ порученій въ слѣдственной части процесса, а затѣмъ докладчиковъ; знаемъ также, что Сигизмундъ Августъ отклонилъ въ 1567 г.

---

[1]) Акты Л. М., изд. проф. Леонтовичемъ, № 367, 475; Arch. ks. Sang. III, № 238; Док. и Рег. I, № 67, 154, 336, II, 220, 254; Skarbiec dipl. № 2261, 2262 и др.

[2]) Док. и Рег. II, № 160.

[3]) Лит. Метрика, кн. Зап. XV, л. 30—31 (объ этомъ актѣ см. ниже); Док. и Рег. I, № 337. Сюда же надо отнести и указаніе Лит. Статута 1566 г. (IV, 18), гдѣ говорится объ „урядѣ Нашомъ дворномъ . . . : кому то (судъ) отъ Насъ (Господаря) злецоно будетъ...“

[4]) Док. и Рег. II, № 160.

[5]) См. опредѣленіе должности маршалковъ и указаніе ихъ категорій у Wolff'a, op. cit., p. 166—67, 172—73, 178 и полемику съ нимъ Бершадскаго въ ст. „Авраамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ (Кіевск. Стар., 1888 г. № 9, стр. 487 и слѣд.).—Общія свѣдѣнія о маршалкахъ приведены въ нашемъ изслѣд. „Уставныя земскія грам. Л.—Р. госуд.“ стр. 139, примѣч. 172.

ходатайство объ учрежденіи по польскому образцу должностей референдаріевъ на томъ основаніи, что ихъ функціи съ успѣхомъ могутъ исполнять печатари и маршалки. Но, наряду съ перечисленными обязанностями и въ отличіе отъ польскихъ референдаріевъ [1]), маршалки могли и самостоятельно производить судъ по порученію вел. князя и вмѣсто него [2]). Что маршалкамъ земскимъ, дворнымъ и господар-

---

[1]) Самостоятельное отправленіе правосудія было воспрещено референдаріямъ прямымъ предписаніемъ закона: Vol. leg. I ,529. См. также Balzer: op. cit., p. 43.

[2]) Замѣна суда вел. князя судомъ кого-либо изъ приближенныхъ къ вел. князю лицъ, которому онъ это поручитъ или прикажетъ, предусматривалась какъ несудимыми грамотами, такъ и законодат. памятниками. См. „Грам. в. князей лит.“, изд. Антоновичемъ и Козловскимъ, № 49: „если бы кому якая потреба до нихъ была, тогды нехай бы их (грамотчиковъ) передъ Нами, Господаремъ, албо *кому быхмо Мы поручимъ*, правомъ уживали“. См. также Л. Стат. 1566 г., IV, 18. Въ нѣкоторыхъ несудимыхъ грамотахъ, данныхъ откупщикамъ и сборщикамъ мыта и арендаторамъ корчемъ, иногда прямо говорится, что судъ надъ ними производитъ или самъ вел. князь, или взамѣнъ его канцлеръ или подскарбій земскій (См. Док. и Рег. I, № 134, 142; „Грам. в. князей лит“ № 49) Такимъ образомъ, кромѣ маршалковъ (о чемъ см. въ текстѣ), судили вмѣсто вел. князя также канцлеры и подскарбіи. Судъ послѣднихъ надъ откупщиками мытъ и т. д. объясняется, конечно, тѣмъ, что они находились въ вѣдомствѣ подскарбіевъ и подъ ихъ покровительствомъ. Гораздо важнѣе указанія на судъ канцлера, котораго въ одномъ изъ документовъ самъ король называетъ „переднѣйшимъ радою“ (Док. и Рег. I, № 165), т. е. важнѣйшимъ совѣтникомъ и сановникомъ. И, дѣйствительно, въ актахъ мы встрѣчаемся съ судомъ канцлера „зъ росказанья господарского“ и въ нѣкот. др. случаяхъ (т. е. не только надъ откупщиками мытъ и т. д.). См., напр., Arch. ks. Sang. III, № 482, IV, № 58, 80, 401. Но какъ изъ этихъ актовъ, такъ и изъ друг. данныхъ можно заключить, что судъ канцлера вмѣсто вел. князя былъ всякій разъ результатомъ делегаціи ad hoc и, повидимому, не получилъ въ этихъ случаяхъ, подобно маршалковскому суду, характера учрежденія болѣе или менѣе постояннаго. Объяснять все это можно какъ сложностью и многочисленностью канцлерскихъ обязанностей вообще, такъ въ частности и тѣмъ, что канцлеры литовскіе были обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и воеводами виленскими и въ качествѣ таковыхъ являлись высшими областными судьями какъ для всего означ. воеводства, такъ и др. многочисл. волостей, тянувшихъ къ

скимъ принадлежала судебная власть по различнымъ дѣламъ и по различнымъ основаніямъ, объ этомъ, помимо актовъ маршалковскаго суда, къ которымъ мы обратимся ниже, свидѣтельствуютъ какъ Л. Статутъ 1529 г.[1]), такъ и Бѣльскій привилей 1564 г.[2]). Для насъ, однако, важнѣе то обстоятельство, что они судили между проч. вмѣсто вел. князя и не только по порученію, но иногда даже и безъ таковаго, т. е. ex officio. О послѣднемъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ земскому маршалку, опредѣленно свидѣтельствуетъ между проч. сеймовая уфала 1567 г., гдѣ прямо сказано, что землевладѣльцы, виновные въ неявкѣ на военную службу „мають быти о тое позывани мандаты нашими ку справе передъ нами, господаремъ; а если бы роки за тыми мандаты припали въ небытности нашой господарской . . , тогды за оными мандаты тые суды мають належати . . пану Яну Иеронимовичу Ходкевича, и отправлено то маеть быти черезъ его милость, *яко маршалка земского*, в месте нашомъ столечномъ, у Вильни“ [3]).

Наиболѣе раннія извѣстія о самостоятельной судебной роли земскаго и господарскихъ маршалковъ относятся еще ко временамъ Казимира и даже къ началу его царствованія [4]),

---

послѣднему. Этимъ же между проч. объясняется, почему почти во все время канцлерства Микол. Микол. Радивила (1510—1522 г.) функціонировалъ въ роли судьи, замѣняющаго вел. князя и стоящаго во главѣ маршалковскаго суда, Янъ Микол. Радивилъ. См. о послѣднемъ ниже.

[1]) Лит. Стат. 1529 г. Ш, 4, VI, 1, 34 и др

[2]) См. Л.Статутъ 1566 г. въ изд. Моск. Общ. Ист. и Древн. (Временникъ, кн. № 23), стр. 6.

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, р. 457—58. Тамъ же прибавлено, что лишь только въ томъ случаѣ, когда марш. земскій будетъ отвлеченъ иными дѣлами, судъ надъ означ. виновными принадлежитъ вел. гетману совмѣстно съ другими панами-радами.

[4]) См. Актъ Л. М., изд. Леонтовичемъ, № 483, гдѣ упоминается о судѣ маршалка земскаго Петраша Монтигирдовича (былъ таковымъ въ періодъ съ 1433 по 1452 г., см. Wolff, op. cit., 167), который проѣздомъ изъ Брянска разобралъ одну земельную тяжбу и выдалъ по данному дѣлу свой „судовый листъ“. См. также „записи земельныхъ дачъ кор. и в. кн.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о маршалковскомъ судѣ мы имѣемъ изъ временъ первой четверти XVI ст., благодаря сохранившимся въ Литовской Метрикѣ книгамъ маршалковскаго суда данной эпохи [1]). Акты, взятые изъ этихъ книгъ и относящіеся къ указан. времени, представляютъ намъ маршалковскій судъ, какъ постоянное учрежденіе, дѣйствующее при вел. князѣ въ Вильнѣ, а иногда и путешествующее по всему государству съ цѣлью отправленія правосудія. Во главѣ этого суда, состоявшаго, сверхъ постояннаго предсѣдателя, изъ 1—3 и болѣе лицъ, игравшихъ обыкновенно роль засѣдателей [2]),—но изрѣдка, при отсутствія предсѣдателя, выступавшихъ и въ болѣе самостоятельной роли [3]),—въ теченіе многихъ лѣтъ [4]) стоялъ облеченный, очевидно, особыми личными полномочіями Янъ Миколаевичъ Радивилъ [5]), бывшій сначала господарск. маршалкомъ, а затѣмъ (въ 1514 г.) воз-

Казимира", напеч. въ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 21, № 6, гдѣ изложено судебное рѣшеніе Станка Судивоевича, бывшаго господарск. маршалкомъ во 2-ой пол. XV в. (съ 1464 по 1475 г., см. Wolff: op. cit., 174).

1) Таковы книги судныхъ дѣлъ №№ 1 и 3.

2) Въ числѣ засѣдателей при маршалкѣ (они обыкновенно отмѣчаются въ концѣ рѣшенія послѣ словъ: „при томъ были", „при насъ—т. е. маршалкѣ—засѣдали") встрѣчаются тивунъ, городничій, господарскій писарь, тотъ или друг. державца, чаще же всего бояре господарскіе, а иногда и мѣстные (виленскіе) мѣщане. См. Skarbiec, №№ 2217—2222, 2261, и др.; Лит. Метр., кн. Суд. дѣлъ № 1, лл. 9, 9 об., 10, 10 об. и др. Засѣдатели фигурируютъ иногда въ одномъ и томъ же составѣ (см., напр., Skarbiec №№ 2218—2221), но чаще и даже обыкновенно они мѣняются.

3) См. Skarbiec, №№ 2217, 2219 и 2221. Въ этихъ случаяхъ засѣдатели производили судъ безъ предсѣдателя, но по его порученію,—„зъ розсказу п. Яна Миколаевича, маршалка господарского", и называютъ себя тогда „судьями". См. ibid. № 2217.

4) Судя по напечатаннымъ актамъ и указан. выше книгамъ Лит. Метрики, съ 1510 по 1522 г. (въ этомъ послѣд. году Янъ Мик. Радивилъ былъ назначенъ каштеляномъ троцкимъ, а лѣтомъ умеръ, см. Wolff, op. cit., 63).

5) Изрѣдка вмѣстѣ съ Яномъ Мик. Радивиломъ выступали въ качествѣ равноправныхъ членовъ марш. госп. Юрій Илиничъ, конюшій дворный Якубъ Кунцевичъ и нѣк. др. См. Skarbiec, № 2262; Док. и Рег. I, № 67;

веденный въ званіе маршалка земскаго[1]). Судъ этотъ разрѣшалъ самыя разнообразныя дѣла изъ числа поступавшихъ къ вел. князю (кромѣ, конечно, тѣхъ, которыя принадлежали исключительно суду этого послѣдняго и которыя онъ не могъ поручить другимъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ) и разбиралъ ихъ, какъ о томъ иногда упоминается въ самыхъ рѣшеніяхъ, „з росказу господарского", т. е. по порученію вел. князя[2]).

Тотъ же Янъ Миколаевичъ Радивилъ судилъ не только въ Вильнѣ, но въ случаѣ надобности выѣзжалъ и въ другіе пункты государства и производилъ тамъ судъ вмѣсто вел. князя, имѣя при себѣ засѣдателей изъ мѣстныхъ людей[3]). Такъ изъ 3-ей кн. судн. дѣлъ Лит. Метрики видно, что маршалокъ земскій Янъ Миколаевичъ Радивилъ судилъ то въ Вильнѣ, то въ Брестѣ, то въ Слонимѣ, то въ Полоцкѣ и т. д.[4]).

Указанная дѣятельность маршалковскаго суда въ качествѣ суда, отправлявшаго правосудіе вмѣсто вел. князя, не прекратилась и послѣ изданія Л. Статута 1529 г.[5]) На-

---

Лит. Метр. кн. Суд. дѣлъ Ш, лл. 2 об., 17, 24—25, 59 об. Въ послѣдн. актѣ (Л. Метр. кн. судн. д. Ш, л. 59 об.) опредѣленно отмѣчено, что судьями были Янъ Микол. и Якубъ Кунцевичъ, а засѣдателемъ при нихъ былъ нѣкій Мартинъ Мелешковичъ.

[1]) См. Skarbiec, № 2260, гдѣ сказано, что въ апрѣлѣ 1514 г. Янъ Микол. Радивилъ сдѣланъ земскимъ маршалкомъ, и прибавлено, что съ этого времени начинаются его суды. Но, повидимому, отъ этого повышенія дѣло нисколько не измѣнилось: Янъ Мик. Радивилъ остался такимъ же предсѣдателемъ маршалк. суда, какъ и раньше, напр. въ 1510 г. Очевидно, что центръ тяжести лежалъ, главн. образомъ, въ самой личности Яна Радивила.

[2]) См., напр., Skarbiec, № 2261, 2262.

[3]) Такъ, напр., въ 1520 г. во время суда Яна Микол. въ Негневичахъ (Новгородск. пов.) „при томъ (судѣ) были": кн. Сем. Одинцевичъ, кн. Андр. Озерицкій и Өедоръ Колонтаевъ. Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ Ш, л. 73.

[4]) См. ibid., лл. 1 об., 3 об., 17, 24, 29 об., 67 об., 73, 78, 129, 130 об., 134 и др.

[5]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что аналогичное явленіе замѣчается и въ областномъ судоустройствѣ: воеводы и старосты, подобно

сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, маршалковскій судъ по своему составу и внутренней организаціи являлся съ этого времени въ двухъ видахъ, зачатки которыхъ встрѣчаются уже въ 1-ой четверти XVI ст. [1]). Происхожденіе ихъ и различіе между ними обусловливались тѣмъ, даны ли были судейскія полномочія одному или нѣсколькимъ лицамъ одновременно и совмѣстно, хотя въ обоихъ случаяхъ полномочія давались одинаково—на неопредѣленно долгое время. Въ послѣднемъ случаѣ маршалковскій судъ принималъ характеръ постоянной судной коммиссіи, отправлявшей правосудіе „зъ росказанья“ или „приказаньемъ господаря“ и, въ виду равноправности ея членовъ, рѣшавшей дѣла, подобно суду асессорскому, коллегіально. Съ установленіемъ такой коммиссіи мы встрѣчаемся незадолго передъ изданіемъ 1-го Л. Статута. Она была назначена Сигизмундомъ I въ началѣ апрѣля 1528 г. Въ составъ ея, какъ это видно изъ книгъ Л. Метрики, входили два господ. маршалка: кн. Андрей Мих. Сангушко-Кошерскій и Матей Войтеховичъ Яновичъ, къ которымъ были прикомандированы въ качествѣ равноправныхъ членовъ: тивунъ и подконюшій виленскій Шимко Мацковичъ и дворянинъ господарскій Богданъ Довгирдовичъ [2]). Въ указанномъ со-

вел. князю, могли имѣть и имѣли своихъ маршалковъ, которые по ихъ порученію (и также не единолично) производили судъ взамѣнъ самихъ воеводъ и старостъ какъ въ резиденціи своихъ принципаловъ, такъ и внѣ ея. См. Лит. Стат. 1529 г., VI, 3, а также Любавскаго указ. соч., стр. 814—815, гдѣ приведены документальныя данныя о судѣ воеводскихъ маршалковъ.

[1]) См. выше стр. 65, прим. 5.

[2]) Лит. Метрика, кн. Судн. дѣлъ VI, л. 1.: „Тыи книги початы писати лѣта Божего тисеча пятьсотъ двадцатого году и осмого, индикта перъвого, мѣсяца апрѣль 10 дня.—Коли господар король его милость Жикгимонтъ былъ у великомъ князствѣ Литовскомъ, у Вильни, з росказанья короля его милости княз Анъдрей Михайловичъ Сенькгушъковича Кошырский, маршалок господара короля его милости, а Матей Войтеховичъ Яновича, маршалокъ господара короля его милости, державца волковыйский, а Богданъ Довкгирдовичъ, а Шымъко Мацковичъ, подконюшый виленьский господара короля его милости, судили, и который судъ осу-

ставѣ маршалковскій судъ фигурируетъ между проч. и въ сентябрѣ того же года, при чемъ члены его названы „судьями дворными“ [1]). Дѣятельность ихъ продолжалась также и въ послѣдующіе годы, какъ это прямо указано въ заголовкѣ къ одной изъ книгъ Лит. Метрики [2]).

Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ данными для сужденія, существовали ли позже маршалковскія коммиссіи, подобныя сейчасъ указанной, т. е. съ такими же продолжительными полномочіями. Зато располагаемъ рядомъ фактовъ относительно маршалковскаго суда перваго изъ указанныхъ нами видовъ, который къ тому же является, повидимому, преобладающимъ.

Изъ этихъ фактовъ видно, что судейскими полномочіями, подобными тѣмъ, какими въ первой четверти XVI ст. пользовался Янъ Микол. Радивилъ, облекались отдѣльные маршалки, преемственно смѣнявшіе другъ друга и судившіе вмѣсто вел. князя. Такими маршалками были [3]): маршалокъ

дили, тот тутъ казали записати; хто жъ записное дьяку далъ, то того судъ тутъ записано“.—Ср. съ Кн. Зап. XV, л. 30—31, откуда цитата приведена въ слѣд. примѣч.

[1]) Лит. Метрика, кн. Зап. XV, л. 30—31. Въ актѣ этомъ, датированномъ 4 сент. 1528 г., указано, что тяжбу между плебаномъ Крошинскимъ Войтехомъ и господ. дворян. Алексѣемъ Овсяникомъ вел. князь поручилъ разсмотрѣть („досмотрети и справедливость тому вчынити“) — *„судямъ Нашым* (т. е. господ.) *дворнымъ*: маршалъку Нашому, кн. Опъдрею Михайловичу Санъкгушъковича, а маршалъку Нашому, державъцы волковыйскому п. Матею Войтеховичу (Яновичу), а тивуну и подконюшому виленьскому п. Шымъку Мацковичу, а дворанину Нашому п. Богдану Довъкгирдовичу“.

[2]) Л. Метр., кн. Судн. дѣлъ VI. Здѣсь въ первомъ заголовкѣ указано, что книга содержитъ въ себѣ „справы судовые“ вышеознач. 4 лицъ („и иных некоторых особ, розными часы пры них на тых судех будучых“) „отъ року 1528 индикта первого аж до року 1547, индыкта 15“. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что здѣсь несомнѣнная описка: индиктъ 15 приходился на 1542 г., а на 1547 г.—индиктъ 5.

[3]) Нижеслѣдующій списокъ приведенъ лишь на основаніи извѣстныхъ намъ актовъ, а потому онъ, во 1-хъ, не претендуетъ на полноту, а во 2-хъ, указанные при каждомъ маршалкѣ предѣльные годы означа-

дворный Юрій Илиничъ, ставшій, вѣроятно, преемникомъ Яна Миколаевича (послѣ назначенія послѣдняго въ 1522 г. каштеляномъ троцкимъ) и упоминаемый въ указ. роли судьи подъ 1526 г. [1]); марш. господ. Матей Войтеховичъ Яновичъ, стоявшій, по актамъ, во главѣ маршалковскаго суда въ періодъ съ 1533 по 1541 г. [2]), маршалокъ дворный Иванъ Горностай—въ періодъ 1542—1551 г. [3]), и, наконецъ, марш. дворный Остафій Воловичъ, производившій судъ „зъ росказанья короля“ и „з уряду маршалковского“ [4]) въ промежутокъ съ 1561 по 1567 [5]), а, можетъ быть, и до половины 1569 г. [6]).

Подъ предсѣдательствомъ каждаго изъ перечисленныхъ лицъ маршалковскій судъ представлялъ собою учрежденіе нѣсколько отличное отъ суда маршалковскаго, являвшагося въ видѣ постоянной судной коммиссіи: онъ организуется совершенно по типу личнаго великокняж. суда, а именно: во

ютъ лишь, что къ этимъ годамъ относятся наиболѣе раннее или наиболѣе позднее изъ извѣстныхъ намъ судебныхъ рѣшеній того или друг. маршалка.

[1]) Arch. ks. Sang. Ш, № 299.

[2]) Док. и Рег. I, № 154, 336; Arch. Sang IV, № 238.

[3]) Док. и Рег. I, 341, II, 17 и 19 (послѣдній неправильно помѣченъ № 16). Во всѣхъ этихъ актахъ имя маршалка не обозначено; но въ двухъ послѣднихъ изъ нихъ прямо указано, что главнымъ судьею былъ „маршалокъ дворный“, а таковымъ являлся именно Иванъ Горностай, сдѣланный маршалк. дворнымъ 24 мая 1542 г. (съ того же времени предшественникъ Горностая по завѣдыванію маршалк. судомъ Мат. В. Яновичъ назначенъ былъ старостою жмудскимъ; см. Wolff, op. cit., 92, 179). Кромѣ того, два изъ названныхъ актовъ взяты изъ судебн. книгъ Ив. Горностая, а потому не можетъ быть сомнѣнія, что рѣчь идетъ именно о немъ.

[4]) Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ XLIX (заголовокъ и начало 1-го акта): „Книга справъ судовыхъ вельможного пана Остафея Воловича *за уряду его милости маръшалъковского* . . . . Лета Божего нароженія 1561, мѣсеца августа 13 дня. *З росказанья господарьского* смотрел есмо того . . .“

[5]) Док. и Рег. II, №№ 160, 220, 235, 254.

[6]) Остафій Воловичъ состоялъ маршалкомъ дворнымъ съ іюня или іюля 1561 по іюль 1569 г., когда онъ назначенъ былъ каштеляномъ троцкимъ. См. Wolff, op. cit., 179.

главѣ его стоитъ тотъ или другой изъ названныхъ маршалковъ, которому одному собственно и принадлежатъ, въ силу полученныхъ имъ личныхъ полномочій, судебная власть и право вершить дѣла; прочія же присутствовавшія на судѣ маршалка лица, являвшіяся въ качествѣ засѣдателей, не только безпрестанно мѣняются [1]), но и играютъ лишь обычную роль тѣхъ, кто „при томъ (судѣ) былъ", т. е. такъ наз. добрыхъ людей, безъ которыхъ не обходился ни одинъ судъ, если судебная власть въ немъ принадлежала одному лицу [2]).

Къ сказанному о видахъ и составѣ маршалковскаго суда необходимо прибавить, что онъ функціонировалъ не только во время пребыванія короля и вел. князя въ Литвѣ, но и въ его отсутствіе; а это, въ свою очередь, является доказательствомъ, что судебная дѣятельность маршалковъ основывалась не на делегаціи ad hoc, а на полномочіяхъ, данныхъ на продолжительное (неопредѣленно долгое) время [3]).

Что касается рѣшеній маршалковскаго суда (обоихъ видовъ), то они, подобно рѣшеніямъ суда асессорскаго, постановлялись или вполнѣ самостоятельно [4]), или, въ затруднительныхъ и важнѣйшихъ случаяхъ, послѣ предварительнаго доклада вел. князю [5]). Конечно, въ первомъ случаѣ рѣ-

---

[1]) Засѣдателями на маршалк. судѣ въ эпоху 1-го Статута бывали господарскіе дворяне и земяне, господ. секретари, войскіе, хорунжіе повѣтовые, ключники, скарбные и др. низшіе урядники, а иногда и духовныя лица: каноники, плебаны и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ засѣдатели не указываются вовсе (см., напр., Док. и Рег. II, № 220).

[2]) Маршалки иногда не считаютъ нужнымъ даже совѣщаться съ своими засѣдателями, какъ это вытекаетъ изъ Док. и Рег. II, № 17.

[3]) Arch. ks. Sang. III, № 299; Док. и Рег. I, № 341 (сопост. съ указ. Arch. Sang. IV, № 257). См. еще Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ № 1, л. 10 об. См. также цитату, приведенную выше на стр. 64.

[4]) См. Акты Л. М., изд. Леонтовичемъ № 475; цитован. выше акты маршалк. суда, помѣщенныя въ Skarbiec dipl.; Arch. ks. Sang. III, № 299, IV, 238; Док. и Рег. I, № 67, 336, 341, II, 17, 235; Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ VI, лл. 1 и 2.

[5]) Док. и Рег. I, № 154 (въ качествѣ отвѣтчика фигурируетъ вел. князь Иванъ Ивановичъ Рязанскій), II, 19, 160, 220, 254; Лит. Метр. кн.

шенія маршалковскаго суда не были окончательны и могли быть обжалованы сторонами. Правда, мы не имѣемъ прямыхъ на это указаній въ извѣстныхъ намъ актахъ [1]), но къ такому заключенію вполнѣ естественно прійти на основаніи того общаго явленія, которое замѣчается въ Литовско-Русскомъ государствѣ: тамъ, какъ то мы увидимъ ниже, до самого учрежденія Трибунала не было ни одного судебнаго учрежденія (кромѣ, конечно, личнаго суда вел. князя), на рѣшенія котораго нельзя было бы апеллировать къ великому князю или прямо, или черезъ посредство друг. инстанцій.

Чтобы покончить съ обзоромъ формъ великокняжеск. судовъ, намъ остается упомянуть еще объ одной изъ нихъ. Мы имѣемъ въ виду такъ назыв. комиссарскій судъ, къ которому вел. князья литовскіе весьма охотно прибѣгали въ видахъ облегченія своихъ судейскихъ обязанностей.

Въ широкомъ смыслѣ всякій судъ, облегчающій роль вел. князя, какъ верховнаго судьи, всякій судъ, дѣйствующій въ качествѣ уполномоченнаго имъ для разбора не только одного, но и ряда дѣлъ, подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя по общему правилу или почему-либо другому попавшихъ на его судъ, можетъ быть названъ комиссарскимъ, ибо онъ функціонируетъ по „комиссіи“, или по порученію, исходящему отъ господаря, при чемъ совершенно безразлично, дано ли это порученіе на одинъ разъ, на извѣстный опредѣленный періодъ или безсрочно. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть названъ комиссарскимъ и судъ асессорскій, и судъ маршалковскій, и даже судъ рады, какъ самостоятельнаго судебнаго учрежденія, замѣнявшаго велик. князя во время его пребыванія за предѣлами государства. И дѣйствительно, слѣды такого взгляда встрѣчаются даже и въ законодательныхъ памятникахъ [2]). Практика, однако, выработала

Судн. дѣлъ XLIX, л. 1—3 (маршалокъ откладываетъ оконч. рѣшеніе до полученія „науки отъ господаря“).

[1]) Косвенное указаніе имѣется въ Arch. ks. Sang. III, № 299.

[2]) Такъ, указывая, что рада въ отсутствіе вел. князя является замѣстительницею вел. князя по разбору судебныхъ дѣлъ, Л. Статутъ

довольно определенный взглядъ на комиссарскій судъ: въ Литовской Руси, подобно тому, какъ и въ Польшѣ [1]), подъ этимъ именемъ разумѣлся судъ, сформированный въ каждый данный моментъ для разрѣшенія одного к.-л. опредѣленнаго дѣла, поступившаго на судъ вел. князя, преимущественно изъ числа тѣхъ, которыя требовали разбирательства на мѣстѣ. Такимъ образомъ, комиссарскій судъ въ тѣсномъ смыслѣ не являлся постояннымъ или періодически собиравшимся учрежденіемъ, не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія, опредѣленнаго состава и даже опредѣленной компетенціи: онъ возникалъ по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію вел. князя [2]), отъ этого же послѣдняго зависѣлъ численный [3]) и личный составъ такого суда [4]); мѣсто же и вре-

---

1529 г. мотивируетъ это слѣд. образомъ: „бо Мы (т. е. господарь) з рамени Нашего господарского оставляемъ комисармн пановъ рад Нашихъ, абы справедливост поддапым Нашим чинили“ (VI, 8).

[1]) См. выше, стр. 22, примѣч. 2.

[2]) Нерѣдко объ этомъ ходатайствуютъ передъ вел. княземъ сами стороны. См., напр., Arch. ks. Sang., IV, № 80.

[3]) Число назначенныхъ комиссаровъ для того или друг. дѣла было самое разнообразное: отъ одного-двухъ до семи и болѣе человѣкъ. См. Акты Л. М., изд. Леонтовичемъ, № 15, 169, 188, 189, 220, 268, 323, 475, 601, 687; Arch. ks. Sang. I, № 17, 41—42, 43, 74, 147, III, 22, 23, 41, 42, 176, 196, 296, 352, 382, IV, 385; Док. и Рег. I, № 155; Акты Виленской Коммиссіи т. XVII. № 94, 95 и др.

[4]) Назначаемые королемъ комиссары назывались обыкновенно судьями „з рамени господарского“. При назначеніи судей-комиссаровъ бывали самыя разнообразныя комбинаціи: a) вел. князь назначалъ всѣхъ комиссаровъ самъ по своему усмотрѣнію (что бывало обыкновенно), причемъ иногда рѣшительно отказывалъ отвѣтчику въ его просьбѣ присоединить къ назначеннымъ вел. княземъ лицамъ „судей съ его (отвѣтчика) руки“ (о послѣдн. см. Док. и Рег. I, № 165); b) вел. князь назначаетъ комиссаровъ только со стороны истца, но предоставляетъ отвѣтчику въ добавленіе къ нимъ взять „судей съ своее руки“, кого онъ пожелаетъ (см., напр., Arch. Sang. III, № 296, IV, 58); c) вел. князь назначаетъ комиссарами просимыхъ сторонами лицъ, а отъ себя „з рамени своего господарского“ посылаетъ только одного уполномоченнаго, который долженъ быть „посредкомъ“ между судьями, назначенными по просьбѣ сторонъ (Arch. Sang. III, № 352, 485, IV, 32); d) король назначаетъ комиссарами

мя дѣйствія его, а равно компетенція опредѣлялись спеціальнымъ порученіемъ, которое не простиралось далѣе, какъ на вершеніе одного даннаго дѣла [1]).

Происхожденіемъ своимъ комиссарскіе суды обязаны, съ одной стороны, обремененію вел. князя массой судебныхъ дѣлъ, а съ другой, необходимости для нѣкотораго рода тяжбъ, поступавшихъ къ господарю, разрѣшенія ихъ на мѣстѣ. Вотъ почему комиссарскіе суды фигурируютъ преимущественно при разрѣшеніи земельныхъ тяжбъ [2]). Необходимость прибѣ-

опредѣленныхъ лицъ, о назначеніи которыхъ просили сами стороны, каждый „с своее руки" (напр., Arch. ks. Sang. IV, № 64, 411) и е) наконецъ, вел. князь, передавая к.—л. дѣло на разрѣшеніе суда комиссаровъ, не назначаетъ ихъ, а просто предоставляетъ обѣимъ сторонамъ взять судьями „когобы хто усхотелъ" (напр., Arch. Sang. IV, № 80, 129. 396). Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ комиссарскій судъ по своему характеру весьма приближался къ полюбовному, или третейскому, суду, который, какъ извѣстно, рѣшалъ дѣла безъ права апелляціи (Л. Стат. 1566 г. IV, 60). Вообще же комиссарскій судъ не слѣдуетъ смѣшивать съ полюбовнымъ. Доказательствомъ различія между ними можетъ служить то, что иногда еще до рѣшенія дѣла назначеннымъ комиссарскимъ судомъ стороны спѣшили покончить свою тяжбу при посредствѣ полюбовныхъ судей. См. Arch. Sang. III, № 420, IV, № 316, 385 и др. Сверхъ цитов. актовъ, докум. данныя о судьяхъ, взятыхъ „з рамени господарского" тяжущимися, каждымъ „съ своее руки", или „прошоныхъ", а равно о судьяхъ полюбовныхъ въ земельныхъ тяжбахъ см. у Любавскаго op. cit., p. 650—655.

[1]) Назначая комиссаровъ для разсмотрѣнія и рѣшенія того или друг. дѣла, вел. князья не только надѣляли означ. судей необходимыми полномочіями, или давали имъ „моцъ то судити и справовати", но и снабжали ихъ подробной „наукой", или инструкціей, въ которой указывались время и мѣсто суда, предусматривались различныя, возможныя при разборѣ дѣла, случайности (напр., неявка на судъ одной изъ сторонъ и пр.), опредѣлялись предѣлы полномочій и пр.; словомъ, инструкція эта представляла собою болѣе или менѣе подробное руководство судьямъ „яко ся они в томъ справовати маютъ". См. Акты Л. М., изд. Леонтовичемъ, № 188, 294 и др.; Arch. Sang. III, № 176, 196, 332, IV, 18, 39, 93, 129, 220, 283, 385, 399, 411; Док. и Рег. I, № 166.

[2]) См. цитованные въ предыдущихъ примѣч. акты, изъ которыхъ громадное большинство трактуетъ о судѣ комиссаровъ по земельнымъ

гать при рѣшеніи подобнаго рода тяжбъ къ суду комиссаровъ весьма убѣдительно выставилъ въ одномъ изъ своихъ декретовъ Сигизмундъ I: „якож есмо зъ отказу их выслухавъши—говоритъ этотъ король и вел. князь по поводу земельнаго спора между кн. Сангушкомъ и госп. двор. Федоровичемъ,—тому зрозумели, иж тая речъ тутъ жадного конца мети не можеть, одно тамже, на тых землях, где поступъ и початок права ся сталъ. И видело ся Намъ, ижбы вжо тая речъ тамъ, на оном местцы, ся кончила. . . Ино Мы для того з рамени нашого господарского росказали тамъ, на тыи земли, выехати и комисаремъ быти . . etc.“ [1]).

Нерѣдко, однако, комиссарскій судъ назначался королемъ для разсмотрѣнія и рѣшенія также и другихъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ [2]). Широкое примѣненіе комиссарскихъ судовъ не только по усмотрѣнію самого вел. князя, но и въ силу домогательствъ отдѣльныхъ лицъ, протестовавшихъ противъ подсудности мѣстнымъ (областнымъ) судебнымъ властямъ и ссылавшихся при этомъ на то, что они „завжды“ судятся „за комисеею господарьскою“, а потому усиленно требовавшихъ особыхъ королевскихъ „комисій“ для разбора всякаго рода дѣлъ, замѣчается во все

тяжбамъ (осложненнымъ иногда различными преступленіями, обычными въ тѣ времена при земельныхъ спорахъ: наѣздами, грабежами, кражами, убійствами и пр.). Древнѣйшій изъ актовъ, упоминающихъ о комиссарскомъ судѣ по земельнымъ тяжбамъ, относится къ 1444 г. См. Arch. Sang., I, № 43.

1) Arch. ks. Sang. IV, № 32.

2) См. Акты Леонтовича № 475 (о движ. имущ. и деньгахъ); Док. и Рег. I, № 155 (дѣло о денежныхъ претензіяхъ), № 162—164 (о неуплатѣ мыта); Акты Вил. Ком. XVII, № 94 (о незакон. задерж.), XXII, № 231 (о взысканіи мужемъ убытковъ со своей бывш. жены по веденію бракоразводнаго дѣла). См. также Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 502, откуда видно, что посламъ воеводства Витебскаго, жаловавшимся на своего воеводу по поводу различныхъ его „кривдъ и долеглостей“, господарь обѣщалъ для разбора всѣхъ претензій и жалобъ на означ. воеводу „комисаровъ певныхъ зослать тамъ“.

время дѣйствія перваго Л. Статута[1]). Лишь Статутъ 1566 г., передавшій земельныя тяжбы въ вѣдѣніе земскихъ и подкоморскихъ судовъ и уничтожившій въ принципѣ судебныя привилегіи, которыми пользовались дотолѣ цѣлые разряды лицъ, попытался свести кругъ дѣятельности комиссарскихъ судовъ до немногихъ вполнѣ опредѣленныхъ случаевъ[2]).

Несмотря на то, что комиссарскій судъ выступалъ по особому уполномочію господаря и замѣнялъ въ такихъ случаяхъ особу вел. князя, рѣшенія этого суда не всегда были окончательными[3]): нерѣдко все дѣло переносилось на усмот-

---

[1]) См., напр., Акты Вил. Ком. т. XXI, № 553, т. XXII, № 77. См. также ibid. XVII, № 94, 95 и др. Изъ цитованныхъ актовъ видно, что въ роли комиссарскаго суда выступалъ очень часто мѣстный воевода, староста, вообще областной судья, который въ такихъ случаяхъ производилъ судъ не ex officio, а по особому полномочію, или, выражаясь словами одного изъ тяжущихся, добивавшагося такой „комисіи,“—„не обычаемъ повѣтовымъ, але за комисеею господарьскою“. Едва ли, впрочемъ, это дѣлало какую-либо разницу, если не считать, что такимъ путемъ удовлетворялось шляхетское тщеславіе.

[2]) Л. Стат. 1566 г., IV, 58: „О комисыяхъ нашихъ господарскихъ, въ которыхъ речах мають быти даваны.—Уставуемъ тежъ, иж листы наши комисейные ку вчыненю справедливости только в тых речах мають быти даваны, одно о границахъ межы имѣньями нашими (и) шляхецскими и (о) выкупованье имѣней нашихъ господарскихъ; а (о) иншые речи вси, яко шляхта межы собою, такъ и вси панове духовные и свѣцкіе мають ся справовати передъ судомъ нашим земскимъ“. См. также ibid., р. I, 15 и IV, 25.

[3]) Вотъ нѣсколько примѣровъ самостоятельнаго рѣшенія комиссарскаго суда, высланнаго господаремъ съ полномочіемъ рѣшить тяжбу своимъ „вырокомъ“: Акты, изд. Леонтовичемъ № 15, 188, 687; Arch. ks. Sang. I, № 43, 74, 147, III, 22, 23, 196. Док. и Рег. I, № 167 и др. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній по просьбѣ одной изъ сторонъ подтверждались особымъ листомъ вел. князя (см., напр., Акты Л. М. 189, 687; Arch. Sang. IV, 58, 110, 129, 412 и др.), при чемъ санкція его давалась иногда условно. См., напр., Arch. Sang. IV № 96, гдѣ сказано: „если будут оныи суди (т. е. комиссары) в тых речах вышей мененых на року завитомъ водле первших листов Наших и угоды и записов их и Статуту земского там ся справовали и тых речей слушне . . кончили, — Мы напрозбу кн. Коширского в тых речах тую справу комисарей его потвержаем сим Нашим листомъ“. См. также ibid. №№ 101, 102.

рѣніе вел. князя или по собственному почину комиссаровъ [1]), или по жалобѣ сторонъ [2]).

---

[1]) Комиссары дѣлаютъ докладъ вел. князю въ затрудн. случаяхъ, просятъ дополнит. инструкцій или, наконецъ, передаютъ все дѣло на усмотрѣніе короля: Акты, изд. Леонтовичемъ, № 188, 193, 268, 601; Arch. Sang. IV, 3, 220; Док. и Рег. I, № 155. Весьма любопытнымъ въ указ. отношеніи является находящійся въ Лит. Метрикѣ (Кн. Зап. лит. XV, лл. 94—95) „Лист кн. Василя а Ивана Андреевичов Полубенских а Станислава Довкгирда, которые были комисармп зъ стороны пани Миколаевое Радивиловича, воеводиное виленское, о розграничене имени ее милости Селишъского з ыменем княгини Мстиславское Молодеченским, до короля его милости писаный“ (документъ этотъ цитуется у г. Любавскаго: op. cit., p. 654—655, но безъ указанія приведеннаго заголовка и съ небольшой неточностью въ передачѣ содержанія упом. докум.). Изъ этого „листа“ (1531 г.) мы узнаемъ, что вышеозначенн. лица, являвшіяся комиссарами со стороны Алжбеты, вдовы воеводы виленск. и канцл. Мик. Мик. Радивила, вмѣстѣ съ комиссарами кн. Мстиславской: Шимк. Мацковичемъ, Кмитою Кунцевичемъ и кн. Тим. Пузыною, были назначены (по выбору сторонъ) Радой во время судебнаго сейма для разрѣшенія спора сторонъ о пущѣ и ихъ взаимныхъ жалобъ о „грабежахъ“, при чемъ судьи — комиссары получили отъ Рады подробную инструкцію. Несмотря на послѣднюю, судьи встрѣтили непреодолимое затрудненіе, лишившее ихъ возможности „наконецъ розсудокъ вчинить“. Затрудненіе это возникло вслѣдствіе того, 1) что кн. Мстиславская „вела“ границу своихъ владѣній „неслушне“, а именно „все по чужой земли—великою дорогою Полоцъкою вела, а границы ни одной, а никоторого знаку ку граниченью не вказала“ и 2) что „въ статутах прав писаных того артыкула петь, якобы то мяло сужоно быти, хто по чужымъ земълямъ ведеть, а границъ не вказуеть и свою помененую границу переходить“. На этомъ основаніи судьи не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію и отослали все дѣло на судъ вел. князя (а не пановъ—радъ, какъ сказано у г. Любавскаго), при чемъ упомянутые выше комиссары со стороны Алжбеты Радивилъ заканчивали свое подробное донесеніе вел. князю слѣд. словами: „Ваша мил., господаръ нашъ милостивый, ведаете, которымъ обычаемъ маете в томъ межы ихъ милостью розсудокъ вашой милости господаръской вчынити“.

[2]) Arch. Sang. IV, № 110, 385, 395, 412. Возможна была апелляція (въ формѣ жалобы на судью) и на рѣшеніе комиссаровъ, подтвержденное даже вел. княземъ; см., напр., Акты Л. М., изд. Леонт., № 189 и 416. См.

Такова была организація великокняжескаго суда во всѣхъ его формахъ, т. е. какъ личнаго суда вел. князя, такъ и тѣхъ изъ нихъ, въ составѣ которыхъ этотъ послѣдній не участвовалъ и къ помощи которыхъ онъ прибѣгалъ для освобожденія своей особы хотя отъ части поступавшихъ къ нему судебныхъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для ускоренія правосудія. Мы видѣли, однако, что и асессорскій, и маршалковскій, и комиссарскій суды далеко не въ такой мѣрѣ облегчали вел. князю лежавшую на немъ тяжесть, въ какой это могло бы быть при другихъ порядкахъ, а именно если бы судьи не предпочитали во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращаться къ вел. князю и если бы рѣшенія упомянутыхъ судовъ пользовались значеніемъ окончательныхъ, т. е. не подлежавшихъ обжалованію. Насколько же была трудна и даже непосильна судебная роль литовскихъ господарей вслѣдствіе массы дѣлъ, поступавшихъ на ихъ судъ, это мы сейчасъ увидимъ, остановившись прежде всего на тѣхъ изъ нихъ, которыя вел. князья разрѣшали въ качествѣ первой

также приведенныя у г. Любавскаго (op. cit. p. 644) и взятыя имъ изъ Лит. Метрики выдержки изъ судебныхъ рѣшеній по тяжбѣ между Львомъ Боговитиновичемъ и Юріемъ Илиничемъ объ имѣніи Вортоль. Отсюда узнаемъ, что рѣшеніе комиссарск. суда въ пользу Илинича было подтверждено корол. Сигизмундомъ I; это не помѣшало, однако, Льву Боговитиновичу нѣсколько позже „опустивши п. Юрья Илинича, искать на тых судьяхъ... того имѣнья, ижъ они тое имѣнье въ него отсудили без присяги свѣтковъ, не водлугъ обычая права земского“. Въ дополненіе къ приведен. г. Любавскимъ документ. даннымъ по означ. дѣлу (послѣдній изъ цитов. имъ актовъ относится къ 3 авг. 1522 г.) мы можемъ указать еще на одинъ документъ Лит. Метрики (отъ 18 нояб. 1522 г.), обстоятельный заголовокъ котораго избавляетъ отъ необходимости излагать его содержаніе: „Вырокъ Богдану и брати его Львовым детем Боговитиновича с князем Семеном Чорториским с паном Якубом Кунцевичом из ыншими (изъ текста докум. видно, что этими „ыншими“ были: марш. госп. Янъ Стецковичъ и двор. госп. Андрей Лозка), которые будучи судями, имене Вортол неслушне от ихъ пану Юрю Илиничу присудили, за што на них самих також великую маетност присужоно“. Лит. Метр., кн. Зап. XI, л. 89 об.—90.

и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательной инстанціи, или сами, или съ помощью указанныхъ выше вспомогательныхъ органовъ великокняжескаго суда.

II.

Вопросъ о компетенціи великокняжескихъ судовъ, имѣющій для насъ еще бо́льшее значеніе, чѣмъ вопросъ объ ихъ организаціи, представляетъ также не мало трудностей. Послѣднее обстоятельство объясняется прежде всего состояніемъ права и въ частности законодательства въ описываемое время: въ Литовской Руси, какъ и въ друг. государствахъ того времени, не было да и не могло быть такихъ точныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ правилъ, которыя бы совершенно ясно и прямо указывали, какія категоріи дѣлъ подсудны тому или другому суду. Даже и второй Л. Статутъ, который дѣлаетъ въ этомъ отношеніи крупный шагъ впередъ и пытается между проч. перечислить всѣ дѣла, подлежащія юрисдикціи вел. князя, даетъ далеко не полный перечень ихъ въ соотвѣтственной статьѣ [1]) и ее необходимо пополнить прямыми или косвенными аналогичными указаніями, имѣющимися въ др. мѣстахъ названнаго кодекса, а иногда и данными параллельныхъ мѣстъ 3-го Статута [2]). Тѣмъ менѣе, конечно, можно требовать указаній, претендующихъ на полноту и опредѣленность, отъ законодательныхъ памятниковъ предшествовавшаго времени. Впрочемъ, необходимо сказать въ оправданіе послѣднихъ—если к.-л. оправданіе нужно и умѣстно,—что всѣ подобнаго рода указанія въ сущности были безполезны и даже излишни въ то время, (когда, какъ это очень долго и было въ Лит.-Рус. государствѣ) существовали цѣлыя категоріи лицъ, пользовавшихся привилегіей судиться

---

[1]) Такой статьей является арт. 9 разд. I въ Л. Стат. 1566 г. Ср. съ арт. 14 разд. I Л. Ст. 1588 г.,—артикуломъ, который также не содержитъ въ себѣ полнаго перечня.

[2]) См. слѣд. примѣч.

по всѣмъ дѣламъ только у вел. князя, когда господствовали такіе порядки, при которыхъ всякое почти дѣло, независимо отъ его значенія и лицъ, въ немъ непосредственно заинтересованныхъ, могло попасть на великокняжескій судъ, когда этотъ послѣдній былъ едва ли не всеобъемлющимъ, когда инстанціонный порядокъ существовалъ лишь въ зачаточномъ состояніи. По тѣмъ же причинамъ нельзя расчитывать найти нужныя намъ, не говоримъ—полныя, но по крайней мѣрѣ вполнѣ надежныя, въ смыслѣ ихъ опредѣленности и устойчивости, указанія и въ судебныхъ актахъ того же времени. Не всѣ и не всегда, но многіе изъ нихъ и очень часто убѣждаютъ насъ лишь въ томъ, что вполнѣ аналогичныя дѣла въ одномъ случаѣ разсматриваютъ и разрѣшаютъ воевода, староста, державца или ихъ намѣстники и маршалки, а въ другомъ—или самъ вел. князь, или одинъ изъ уполномоченныхъ имъ органовъ великокняжескаго суда.

Отсюда, однако, отнюдь не слѣдуетъ, что всякая попытка опредѣлить компетенцію великокняжескихъ судовъ невозможна, а значитъ и безполезна. Какъ ни скудны, какъ ни глухи сами по себѣ свидѣтельства нѣкот. законодат. памятниковъ, какъ ни сбивчивы и неустойчивы иной разъ данныя судебной практики, изъ тѣхъ и другихъ непосредственно можно, однако, извлечь не мало нужныхъ намъ указаній, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе, что, въ силу своего постоянства или однообразія, во многихъ случаяхъ не вызываютъ никакихъ сомнѣній. Словомъ, такъ или иначе, если не прямо и непосредственно, то при помощи сопоставленія данныхъ того и другого порядка—данныхъ, почерпнутыхъ изъ памятниковъ законодательства и судебной практики—между собою, а въ нѣкоторыхъ болѣе затруднительныхъ случаяхъ при помощи аналогіи [1]) съ соотвѣтственными данными позднѣйшаго вре-

[1]) Аналогія эта тѣмъ умѣстнѣе, что знакомство съ законодат. памятниками и судебными актами всего описываемаго періода съ несомнѣнностью доказываетъ, что законодательство и практика съ теченіемъ времени (послѣ 1-го Статута) стремились не расширить кругъ лицъ и дѣлъ, подсудныхъ вел. князю, а все болѣе и болѣе сузить его.

мени, можно даже относительно эпохи 1-го Статута опредѣлить, какія лица и какія дѣла посудны были великокняжескому суду исключительно или преимущественно. Тѣмъ легче это сдѣлать относительно эпохи второго Статута, когда вмѣстѣ съ упорядоченіемъ литовско-русскаго судоустройства и полнымъ уничтоженіемъ частныхъ и иныхъ судебныхъ привилегій была сдѣлана попытка представить въ означенномъ памятникѣ по возможности полный перечень дѣлъ, подсудныхъ каждому суду въ отдѣльности и въ томъ числѣ великокняжескому. Такимъ образомъ, опредѣлить компетенцію послѣдняго возможно, а это очень важно въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія и въ частности въ интересахъ выясненія потребности и направленія дальнѣйшихъ послѣ 2-го Л. Статута судебныхъ реформъ. Всѣми же предыдущими замѣчаніями мы имѣли въ виду только указать, что представленное ниже опредѣленіе компетенціи великокняжескихъ судовъ во все изучаемое время, а особенно въ эпоху перваго Статута, представляетъ лишь попытку въ этомъ направленіи, которая въ силу указанныхъ обстоятельствъ не можетъ претендовать на полноту, исключающую всякіе пробѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ на точность или опредѣленность, не оставляющую мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Во всякомъ случаѣ мы всячески стремились достигнуть той и другой, насколько это было возможно съ помощью существующихъ данныхъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ Литовско-Русскомъ государствѣ такъ же, какъ и въ Московскомъ, изъ всѣхъ началъ, которыми опредѣлялась подсудность тяжущихся, господствующимъ является принципъ территоріальности. Степень полноты приложенія этого принципа и его господства подвергалась, однако, въ различныя эпохи колебаніямъ въ ту или другую сторону. Такъ, онъ имѣлъ особенное значеніе и игралъ вполнѣ господствующую роль въ эпоху уставныхъ земскихъ грамотъ, т. е. въ XV в., когда многія „земли“, вошедшія въ составъ Литовскаго государства, не утратили еще представленія о своей былой независимости и не успѣли пре-

творится въ обыкновенныя провинціи и когда намѣстники, воеводы или старосты этихъ земель, являвшіеся представителями великаго князя и замѣстителями прежнихъ удѣльныхъ (земскихъ) князей, были судьями надъ всемъ свободнымъ населеніемъ и по всѣмъ дѣламъ [1]). Впрочемъ, уже тогда

[1]) См. наше изслѣд.: „Уставн. земск. грам. Л.-Р. госуд.", стр. 120—121 (сводный текстъ грам., ст. XIII и примѣч. къ ней). — Г. Любавскій (op. cit., p. 642) не согласенъ съ представленнымъ нами толкованіемъ аналогич. мѣстъ Витебск. и Полоцкой грамотъ („А который Полочанинъ имѣтъ намъ о чемъ жаловатися о насильи на Полочанина жъ, пріѣхавши въ Литву одинъ, безъ истца: намъ зъ Литвы дѣцкого не слати, писати намъ листъ свой къ воеводѣ нашому, хотя бы о смертной винѣ"), а равно съ защищаемымъ нами положеніемъ, что судъ по уголовнымъ дѣламъ не можетъ быть производимъ за предѣлами земли (исключая тѣхъ случаевъ, когда обѣ стороны добровольно рѣшили обратиться къ суду вел. князя). Признаемся, возраженія г. Любавскаго нисколько насъ не убѣдили и даже мѣстами показались странными. Не ради полемики, а въ виду важности вопроса, не можемъ не остановиться на возраженіяхъ г. Любавскаго.—Указавъ, что въ защиту выставленнаго нами положенія мы сослались на отмѣч. выше аналогичныя статьи Вит. и Полоцк. грамотъ (мы, однако, сослались не только на эти статьи), и приведя текстъ одной изъ нихъ, г. Любавскій восклицаетъ: „Но развѣ эта статья говоритъ о томъ, что *судъ по уголовнымъ дѣламъ могъ производиться только въ предѣлахъ земли?"* Конечно, словъ, изображенныхъ курсивомъ (онъ принадлежитъ намъ), въ самой статьѣ нѣтъ, но смыслъ ея, особенно при сопоставленіи съ друг. указан. нами данными, несомнѣнно таковъ, и во всякомъ случаѣ далеко не такой, какой ей придаетъ г. Любавскій въ послѣдующихъ словахъ своего возраженія. Приведемъ, однако, нашу и его передачу данной статьи.

У *насъ* (ук. соч., стр. 121): „Если к.-л. Полочанинъ (или Витеблянинъ) принесетъ вел. князю жалобу по уголовн. дѣлу на своего согражданина, явившись для этого въ Литву одинъ безъ отвѣтчика, то вел. князь не долженъ требовать къ своему суду отвѣтчика, а можетъ только написать мѣстному воеводѣ о производствѣ суда на мѣстѣ жительства обѣихъ сторонъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы отвѣтчикъ за свое преступленіе, доказанное на судѣ, подлежалъ смертной казни". У *г. Любавскаго* (ук. соч., 642): „Статья устанавливаетъ только порядокъ судопроизводства во избѣжаніе волокиты и лишнихъ расходовъ отвѣтчика, говоритъ о томъ, что господарь не будетъ вызывать черезъ дѣцкаго къ своему суду отвѣтчика по жалобѣ, поданной прямо ему, помимо воеводы, даже если бы дѣло шло о смертной винѣ, и будетъ судить лишь тогда, когда истецъ самъ представитъ отвѣтчика".

областная подсудность подвергалась нѣкоторымъ ограниченіямъ, сначала только фактическимъ (въ случаѣ согласнаго

Предоставляемъ читателю опредѣлить, какая изъ этихъ передачъ ближе къ истинному смыслу текста грамоты и насколько существенны опущенныя г. Любавскимъ въ его передачѣ нѣкоторыя слова: памятника. Добавимъ къ этому, что наше положеніе основано отнюдь не только на смыслѣ привед. статьи Витеб. и Полоцк. грамотъ, какъ это намъ приписываетъ г. Любавскій, но также на др. статьяхъ тѣхъ же грамотъ, а равно Жмудской Кіевской и Волынской (см. нашъ Систематич. сводъ уст. земск. грам., ст. XXIX, LXXXIX и CIII), о которыхъ нашъ оппонентъ почему то умалчиваетъ и которыхъ не подвергаетъ своему разбору. Между тѣмъ изъ указанныхъ статей прямо вытекаетъ, что все свободное населеніе подсудно (хотя и съ нѣкоторыми оговорками относительно шляхты Кіевск. и Волынской земель) мѣстнымъ воеводамъ, старостамъ и пр., и что судъ долженъ производиться по мѣстному праву и съ участіемъ „добрыхъ людей“ изъ мѣстнаго населенія. Насколько жизненны были эти послѣднія требованія уставн. земск. грамотъ и какъ они важны были для мѣстнаго населенія, особенно въ эпоху означ. грамотъ, доказательствомъ можетъ служить то, что даже въ 1554 г. волынская шляхта жаловалась королю, что радные паны, княжата и панята, имѣющіе свои имѣнія въ землѣ Волынской, не желаютъ „у повѣтѣ тамошнемъ“ судиться „правомъ волыньскимъ“ (А. З. Р. Ш, стр. 64). Такимъ образомъ, происхожденіе цитованныхъ выше статей Витебск. и Полоцкой грам. объясняется отнюдь не такими простыми соображеніями, какія представляются г. Любавскому и какія по его словамъ сводятся лишь къ желанію избѣжать волокиты и лишнихъ расходовъ отвѣтчика (хотя и этого мотива, но какъ второстепеннаго, мы не отрицаемъ), а причинами болѣе глубокими и важными, а именно переходнымъ (въ XV в.) состояніемъ Витебской, Полоцк., Жмудской и др. земель, получившихъ уставныя грамоты, отъ прежняго положенія независимаго государства къ новому—провинціи, и существованіемъ въ каждой изъ этихъ земель своей мѣстной системы обычнаго права.—Наконецъ, мы не отрицали, что изъ вышеизложеннаго нами правила допускались исключенія въ тѣхъ случаяхъ, когда и потерпѣвшій и отвѣтчикъ добровольно передавали свое дѣло на судъ вел. князя. Этимъ—оказывается—мы дали поводъ г. Любавскому съ нѣкоторымъ торжествомъ прибавить къ цитованнымъ выше словамъ слѣд.: „Самъ г. Ясинскій долженъ былъ признать это (здѣсь допущена нѣкоторая неточность: мы говорили о добровольномъ соглашеніи сторонъ, а нашъ оппонентъ говоритъ о „представленіи“ истцомъ отвѣтчика, что́, надѣемся, не одно и то же) и согласиться, что и уголовныя

желанія тяжущихся обратиться къ непосредственному суду вел. князя), а позже (особенно съ конца XV в., а именно со времени земскаго привилея 1492 г.) и законодательнымъ. Съ XVI в. и въ частности въ эпоху 1-го Л. Статута замѣчается еще больше исключеній изъ областной подсудности, объясняемыхъ усилившейся въ это время конкуренціей съ древнѣйшимъ и важнѣйшимъ началомъ подсудности другихъ разнообразныхъ и довольно сложныхъ началъ, опредѣлявшихъ подсудность тяжущихся. Сюда относятся: 1) подсудность, основанная на частныхъ судебныхъ привилегіяхъ, 2) подсудность по званію или служебному положенію судившихся лицъ, 3) подсудность, опредѣляемая соглашеніемъ тяжущихся и 4) наконецъ, подсудность по роду дѣлъ, ясныя слѣды существованія которой можно найти уже въ Л. Судебникѣ, а затѣмъ въ шляхетскомъ или земскомъ привилеѣ

дѣла въ такихъ случаяхъ могли разбираться господаремъ внѣ предѣловъ земли". Что же изъ этого слѣдуетъ? Во всякомъ случаѣ не то, что́, повидимому, думаетъ г. Любавскій. Оговорка, сдѣланная нами и основанная на косвенномъ смыслѣ привед. статьи, нисколько не противорѣчитъ защищаемому нами положенію. Во 1-хъ, изъятіе изъ к.-л. правила не означаетъ еще, что самое правило не существуетъ, а во 2-хъ, судъ вел. князя при указанномъ условіи (соглашеніи сторонъ) былъ лишь forum prorogatum и въ качествѣ таковаго не могъ и не долженъ былъ руководиться обычными правилами о подсудности.

Заканчивая свою вынужденную замѣтку, мы невольно задаемся вопросомъ, что́ въ концѣ концовъ хотѣлъ доказать г. Любавскій своимъ возраженіемъ намъ? Желалъ ли онъ доказать полное сліяніе и полную ассимиляцію уже въ XV в. отдѣльныхъ, нѣкогда независимыхъ земель съ ядромъ Лит.—Русск. государства и отсутствіе нѣкоторыхъ правъ и особенностей этихъ земель, или имѣлъ въ виду только опровергнуть фактъ господства въ эпоху уставн. земскихъ грамотъ принципа территоріальной подсудности. Если послѣднее, то непонятно, почему на стр. 627—628 своей работы самъ же г. Любавскій признаетъ территоріальную подсудность господствующей искони, а на стр. 626, 638 и др. усердно доказываетъ, что всѣ классы населенія за немногими изъятіями подлежали суду мѣстныхъ правителей, что послѣдніе „чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ гражд. и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи закономъ почти не была ограничена".

1492 г. Наконецъ, съ изданіемъ второго Л. Статута территоріальная подсудность вновь беретъ перевѣсъ надъ всѣми прочими, такъ какъ назв. Статутъ взамѣнъ сложныхъ и запутанныхъ началъ подсудности, господствовавшихъ въ эпоху перваго Статута, принялъ сравнительно простыя и несложныя начала и въ частности послѣдовательно и строго провелъ принципъ территоріальной подсудности, хотя, конечно, и не уничтожилъ тѣхъ необходимыхъ изъятій изъ этого общаго правила, которыя преимущественно обусловливались важностью нѣкоторыхъ дѣлъ и которыя поставили на ряду съ территоріальной подсудностью подсудность ex ratione materiae, или по роду дѣлъ.

Въ прямой связи съ тѣми колебаніями, которымъ подвергался принципъ территоріальной подсудности въ различныя эпохи съ конца XV в., находится и вопросъ о кругѣ лицъ и дѣлъ, подсудныхъ областнымъ правителямъ и вел. князю въ отдѣльности. Очевидно, что чѣмъ бо́льшимъ фактическимъ и законодательнымъ ограниченіямъ подвергалась областная подсудность, тѣмъ шире становился кругъ лицъ и дѣлъ, подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя, такъ какъ послѣдняя, естественно, разросталась на счетъ юрисдикціи областныхъ правителей[1]). Отсюда же слѣдуетъ, что наибольшая тяжесть исполненія разнообразныхъ судебныхъ функцій приходилась на долю вел. князей литовскихъ въ періодъ господства разнообразной подсудности тяжущихся и въ частности въ эпоху дѣйствія Л. Статута 1529 г.

Обращаясь прежде всего къ этой послѣдней и оставляя въ сторонѣ болѣе раннее время, которое выходитъ за хронологическіе предѣлы нашей работы[2]), провѣримъ справедли-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ напомнить (см. 1-ое примѣч. на стр. 10), что мы и здѣсь, какъ и въ др. мѣстахъ нашего изслѣдованія, имѣемъ въ виду лишь государственные суды, а потому не касаемся тѣхъ изъятій изъ областной подсудности, которыя существовали въ пользу сословныхъ и частныхъ судовъ.

[2]) Впрочемъ, по различнымъ поводамъ намъ придется ниже неоднократно касаться и времени до-статутоваго.

вость сказаннаго только что фактами, т. е., другими словами, попытаемся съ помощью всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ опредѣлить, какія лица во всякомъ случаѣ и какія дѣла исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно подлежали юрисдикціи вел. князя въ указанную эпоху, которая, какъ мы уже имѣли случай дважды упомянуть, представляетъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ эпохи второго Литовскаго Статута.

Вел. князь литовскій, „яко панъ звирхный", могъ любого изъ своихъ подданныхъ освободить отъ суда областныхъ правителей и „въ присудъ свой взяти", т. е. подчинить своему непосредственному суду [1]). Такое освобожденіе разсматривалось, какъ крупная льгота, а потому облекалось въ письменную форму: оно или даровалось вмѣстѣ съ пожалованіемъ недвижимаго имущества [2]), предоставленіемъ въ аренду или на откупъ корчемъ, мытъ и др. доходныхъ статей [3]), или жаловалось отдѣльно въ формѣ несудимой грамоты, иначе (по

---

[1]) Слова, обознач. кавычками, взяты изъ посланія Литовской Рады къ королю и вел. кн. Сигизмунду I по поводу ссылки опекуна дѣтей п. Немиры на несудимую грамоту. Ак. Ю. и З. Р. I, стр. 90.

[2]) Акты Лит. Метр., изд. Леонтовичемъ №№ 523, 557 и 617. См. также Любавскаго: op. cit., p. 627, гдѣ приведенъ отрывокъ изъ жалов. грам. кн. Тимоѳею Капустѣ на 3 сельца въ Брянскомъ пов. съ освобожденіемъ грамотчика отъ суда намѣстниковъ Брянскихъ: „его самого и его людей не маютъ судити; кому будетъ до него або до людей его которое дѣло, нно *мы господарь маемъ сами судити*, або нашимъ врадникомъ прикажемъ...."

[3]) Акты Лит. Метр. №№ 179, 351, 378, 553, 750, 752; Док. и Рег. I, № 14, 47, 53, 73, 108, 109, 134, 142; II, № 86 и 222. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ грамотъ прибавлено, что судъ вел. князя можетъ быть замѣненъ судомъ канцлера или подскарбія земскаго (Док. и Рег. I, № 134 и 142). Въ 1567 г. была издана грамота, которая провозгласила, какъ общее правило, неподсудность всѣхъ вообще откупщиковъ и сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ областнымъ судамъ (кромѣ „права горячого и иного злочинства") и подчинила означ. лицъ суду самого господаря, или земскаго подскарбія, или, наконецъ, того лица, кому судъ порученъ будетъ вел. княземъ. См. „Грам. вел. князей Литовск.", изд. Антоновичемъ и Козловскимъ, № 49.

терминологіи западно-русской)—„закривальнаго листа“ [1]). На такой именно листъ, по словамъ неоднократно цитованнаго нами посланія Литовской Рады (отъ 1538 г.), ссылался и опекунъ дѣтей п. Немиры, отказываясь по дѣламъ, касавшимся ихъ имѣній, вѣдаться у мѣстныхъ судебныхъ властей: „мамъ я листъ короля его мл., ижъ его милость вынялъ мя съ права, яко отъ пановъ радъ вел. князства Литовского, такъ отъ земского [2]), взялъ мя въ присудъ свой съ тыми имѣньи“ [3]).

Количество несудимыхъ грамотъ, или „закривальныхъ“ листовъ, и лицъ изъ различныхъ классовъ населенія, пользовавшихся ими, было, несомнѣнно, очень велико. Это видно между проч. изъ того, что уже Лит. Статутъ 1529 г. вынужденъ былъ ввести нѣкоторое ограниченіе относительно пользованія несудимыми грамотами, а именно постановилъ (и притомъ не мимоходомъ, а въ особой статьѣ), что закривальные листы впредь не освобождаютъ ихъ обладателей отъ суда Рады, ибо этотъ послѣдній замѣняетъ личный судъ вел. князя въ его отсутствіе [4]).

---

[1]) Л. Статутъ 1529 г. VI, 8: „О листы господарские закривалные . . . Естли бы хто мел листы наши таковые, абы его нихто не судил, кромѣ насъ Господара . . . “ Примѣромъ такого „закривальнаго“ листа можетъ служить несудимая грамота, данная раввину Менделю Франку: Док. и Рег. I, № 147 (1532 г.). См. также ibid. № 170.

[2]) Рѣчь идетъ о Мельницкомъ повѣтѣ, гдѣ, какъ и во всемъ Подляшскомъ воеводствѣ, существовали земскіе суды.

[3]) А. Ю. и З. Р. I, стр. 90. Ниже (стр. 101), однако, есть указаніе, что эта ссылка была совершенно неосновательна: король отрицалъ фактъ выдачи означ. лицу подобнаго листа. Впрочемъ, одновременно съ этимъ король самъ свидѣтельствуетъ, что многія лица „мають тые привилья вольности отъ предковъ господарскихъ и отъ его мл. наданые... жебы его мл. особы ихъ зъ иньшихъ правъ вызволилъ и на свой розсудокъ господарскій взяти ихъ рачилъ“ (ibid., p. 100).

[4]) Лит. Стат. 1529 г., р. VI, арт. 8. Впрочемъ, постановленіе это, очевидно, не получило должнаго практическаго примѣненія. Такъ, еще въ 1538 г. Рада жаловалась королю, что желающихъ судиться у Рады весьма немного между проч. потому, что многіе „на позвы ставши, ли-

Помимо отдѣльныхъ лицъ, получившихъ право судиться исключительно у вел. князя въ силу пожалованныхъ имъ несудимыхъ грамотъ (закрив. листовъ), и независимо отъ этихъ послѣднихъ, тѣмъ же правомъ пользовались цѣлые разряды лицъ въ полномъ своемъ составѣ на основаніи своего званія, общественнаго или служебнаго положенія.

Въ виду высказанныхъ въ литературѣ по вопросу о подсудности различныхъ разрядовъ привилегированнаго, или шляхетскаго сословія двухъ, можно сказать, совершенно противоположныхъ мнѣній, изъ которыхъ, по нашему убѣжденію, не можетъ быть принято ни то, ни другое, мы вынуждены остановиться на данномъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе [1]).

сты вказываютъ, абы ихъ панове (т. е. Рада) не судили." А. Ю. и З. Р. I, стр. 95. Отсюда видно также, что число лицъ, пользовавшихся закривальными листами, было значительное.

[1]) Мы имѣемъ въ виду мнѣнія г. Любавскаго и проф. Леонтовича. Г. Любавскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего обширнаго труда настойчиво проводитъ мысль, что князья и паны, подобно боярамъ, земянамъ и друг. военнослужилымъ землевладѣльцамъ, подсудны были областнымъ правителямъ: воеводамъ, старостамъ и намѣстникамъ-державцамъ тѣхъ воеводствъ и повѣтовъ, въ предѣлахъ которыхъ они (князья и паны) владѣли имѣніями, и допускаетъ исключеніе изъ этого общаго правила лишь для „нѣкоторыхъ крупныхъ князей и пановъ радныхъ и разныхъ другихъ лицъ", пользовавшихся „отдѣльными изъятіями" на основаніи листовъ закривальныхъ. См. op. cit. p. 626, 750, 810, 862 и 881—882. Мнѣніе это, какъ мы сейчасъ увидимъ (см. нашъ дальнѣйшій текстъ), совершенно противорѣчитъ прямымъ указаніямъ Л. Статута 1529 г. (который неоднократно цитуется г. Любавскимъ въ его трудѣ) и др. источниковъ.—Въ противоположность г. Любавскому, проф. Леонтовичъ расширяетъ кругъ лицъ, изъятыхъ отъ подсудности областнымъ правителямъ и судьямъ, до предѣловъ, поглощающихъ все шляхетское сословіе безъ различія тѣхъ слоевъ или разрядовъ, изъ которыхъ оно слагалось. Такъ, на стр. 189 своихъ „Очерковъ исторіи литовско-русскаго права" (Спб., 1894 г.) почтенный ученый говоритъ слѣд.: „Какъ извѣстно, въ ряду шляхетскихъ „вольностей" одно изъ первыхъ мѣстъ занимало право литовско-русской шляхты на непосредственный судъ литовского господаря (съ радой)"; нѣсколько ниже (ibid.) господарь литовскій названъ „единственнымъ компетентнымъ судьею литовско-русской шлях-

Литовскій Статутъ 1529 г., памятники послѣдующаго сеймоваго законодательства, а отчасти и судебные акты эпохи

ты“. На стр. 314—315 (примѣч. 3) того же труда читаемъ: „Какъ замѣчено раньше, князья и земяне во всемъ Л.-Р. государствѣ подчинялись только суду господаря съ радой“. Наконецъ, на стр. 21 (примѣч. 1) своей статьи: „Сословный типъ территоріально-администр. состава Л.-Р. госуд. и его причины“ (Спб., 1895 г.; эта статья вошла въ составъ изд. въ 1899 г. очерка: „Къ исторіи администр. строя Литовск. госуд.“, гдѣ приведенная цитата буквально повторена на стр. 20—21, примѣч. 3), проф. Леонтовичъ говоритъ: „Съ земск. привилея 1492 г. (Zbiór, 58) шляхта окончательно обособляется въ сферѣ суда и наряда. Судъ господаря съ радой— по преимуществу судъ шляхетскій (см. областн. привил. начала XVI в.— Полоцк., Волынск., Кіевскій и пр., А. З. Р. II, № 30, 51, 70; А. Ю.—З. Р. I № 36). Съ половины XVI в. сословнымъ, шляхетскимъ присудомъ является „вальный“ сеймъ Речи Посполитой (позже Трибуналъ), а въ областяхъ „земскіе уряды“, огранизованные по образцу польскихъ шляхетскихъ судовъ въ областяхъ.“—Приведенныя цитаты не оставляютъ, кажется, никакого сомнѣнія, что по убѣжденію проф. Леонтовича все шляхетское сословіе со времени земск. привилея 1492 г. до учрежденія земскихъ судовъ было освобождено отъ юрисдикціи областныхъ правителей и подчинено исключительно суду вел. князя. Изъ друг. мѣстъ названныхъ трудовъ проф. Леонтовича видно, что по его мнѣнію мѣстные правители, если и судили князей, бояръ-шляхту и земянъ, то не ex officio, а лишь по порученію или „приказанью“ господаря, данному на каждый отдѣльный случай („Очерки“, 190, 314—315, прим. 3, въ концѣ; „Сословный типъ...“ 45—46). Возникшая по данному вопросу между проф. Леонтовичемъ и г. Любавскимъ полемика (см. Любавскаго: „Къ вопросу объ удѣльн. князьяхъ и мѣстн. управл. въ Л.—Р. госуд.“ въ Ж. М. Н. П., 1894 г. № 8, стр. 392, и Леонтовича: „Сосл. типъ... etc.“, стр. 45—46) не привела ни къ какому положит. результату, и каждый изъ нихъ, ссылаясь преимущ. на уставн. земскія грамоты, остался при своемъ мнѣніи: г. Любавскій продолжалъ утверждать, что князья, бояре-шляхта и земяне обязаны были подчиняться суду мѣстныхъ правителей, которые судили ихъ ex officio, а не по порученію только господаря, а г. Леонтовичъ отрицалъ это и отстаивалъ вышеприведенное свое мнѣніе.—Далекіе отъ всякой полемики, мы не можемъ, однако, согласиться съ мнѣніемъ проф. Леонтовича о подсудности всей шляхты только господарю. Мнѣніе это, какъ мы видѣли, опирается на земскій привилей 1492 г. и на „областные привилеи“, или, точнѣе, уст. земск. грамоты, но ни первый, ни послѣднія не даютъ основаній прійти къ такому заключенію, къ какому пришелъ проф.

1-го Статута среди военнослужилаго, или шляхетскаго, сословія совершенно ясно различають слѣд. двѣ категоріи лицъ: 1) „пановъ, которые не судятся у поветехъ“, „княжатъ (duces) и пановъ (barones), которые не седятъ въ поветехъ“, „пановъ-радъ Нашихъ (consiliarii nostri, т. е. господарскіе), воеводъ и старостъ, которые не суть въ поветехъ“, „станы вси, которые къ повѣту не прислухаютъ“, „пановъ-радъ и вси станы, которые повѣту не прислухаютъ“ и 2) „шляхту, которые суть у поветехъ“, „шляхту, которые седятъ въ поветехъ“ [1]). Послѣдніе въ отличіе отъ первыхъ нерѣдко называются „повѣтниками“ [2]), ибо они „къ повѣту прислухаютъ“, т. е. под-

---

Леонтовичъ. Оставляя въ сторонѣ привилей 1492 г., на который сдѣлана лишь глухая ссылка, мы не будемъ также останавливаться на представленномъ проф. Леонтовичемъ толкованіи соотвѣтствен. мѣстъ уставн. земск. грамотъ, такъ какъ это потребовало бы много мѣста (впрочемъ, ниже намъ придется отчасти коснуться этого толкованія по др. поводу). Поэтому, отсылая интересующихся дѣйствительнымъ смысломъ цитованныхъ проф. Леонтовичемъ и г. Любавскимъ мѣстъ уст. земск. грамотъ къ изданному нами Систематич. своду этихъ грам. съ комментаріями къ нему (см. указ. наше изслѣд., стр. 120—121, 131—132, 187, 192), здѣсь замѣтимъ только, что Кіевская и Волынск. уст. грамоты (по отнюдь не Полоцкая, цитованная проф. Леонтовичемъ въ числѣ друг.), хотя и вводятъ нѣкоторыя ограниченія (о которыхъ ниже), но отнюдь не освобождаютъ шляхту отъ подсудности мѣстнымъ воеводамъ и старостамъ, а, напротивъ, подтверждаютъ эту подсудность (см. ниже примѣч. на 99 стр.). Впрочемъ, какъ бы ни толковать уставн. земск. грамоты, для подкрѣпленія мнѣнія, какое проводитъ проф. Леонтовичъ, недостаточно ссылаться лишь на привилей 1492 г. и уставн. земск. грамоты, такъ какъ оно имѣетъ въ виду не только конецъ XV и нач. XVI в., но также эпоху дѣйствія Л. Статута 1529 г. Послѣдній же, не говоря о другихъ источникахъ, свидѣтельствуетъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, отнюдь не въ пользу мнѣнія уважаемаго ученаго.

[1]) Л. Стат. 1529 г., VI, 1, 4, XIII, 24 (слова, стоящія въ скобкахъ, взяты изъ латинскаго текста Статута, напеч. въ Zb. pr. lit.); А. З. Р. Ш, стр. 52 и 65 (изъ постан. на сеймѣ 1554 г.). См. также ibid., стр. 32—33.

[2]) Ак. З. Р. Ш, стр. 51—52 См. также Акты Вил. Ком. т. XXI, № 553, гдѣ тотъ же терминъ („повѣтницы“) употребленъ для обозначенія лицъ, подлежавшихъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ.

лежатъ юрисдикціи повѣтовыхъ, или областныхъ, судебныхъ властей [1]). Первая же категорія лицъ, принадлежащихъ къ „ста-намъ“, которые „не суть повѣтниками“, которые „къ повѣту не прислухають“ [2]), а потому „не судятся у повєтех“, подлежитъ суду вел. князя или, въ его отсутствіе, суду Рады [3]).

Итакъ, что касается рядовой шляхты, или такъ назыв. бояръ-шляхты и земянъ, составлявшихъ въ качествѣ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ главный (въ численномъ отношеніи) контингентъ военнослужилаго сословія, то она по общему и нормальному порядку состояла въ присудѣ мѣстныхъ правителей—воеводъ, старостъ и державцевъ, которымъ принадлежалъ судъ надъ шляхтою по всѣмъ, за нѣкоторыми исключеніями (о которыхъ рѣчь впереди), дѣламъ. Впрочемъ, не всѣ областные правители, судебныя права которыхъ надъ мѣстнымъ населеніемъ и въ частности надъ шляхтой торжественно подтвердилъ Л. Статутъ 1529 г. въ 4 арт. III разд. [4]), обладали одинаковыми полномочіями. Такъ, относительно тѣхъ

---

[1]) О подсудности повѣтовой шляхты мѣстнымъ правителямъ (за исключеніемъ державцевъ, переименованныхъ въ таковые изъ тивуновъ) см. Л. Ст. 1529 г. р. III, арт. 4, р. VI, арт. 1, 3, 4, 33 и др. О томъ же свидѣтельствуютъ и прочіе источники эпохи перваго Статута (см. 3 примѣч. на слѣд. стр.).

[2]) А. З. Р. III, стр. 52 („вси станы, хто не есть повѣтникомъ“), стр. 65 („станы вси, которые къ повѣту не прислухаютъ“).

[3]) Л. Стат. 1529 г., VI, 1, 4, 5.

[4]) Несмотря на ясный смыслъ означеннаго мѣста Л. С 1529 г., не лишне для надлежащаго пониманія указ. артикула сравнить его съ тѣмъ пунктомъ Бѣльскаго привилея 1564 г., гдѣ заявляется, что въ виду предположеннаго учрежденія повсемѣстно земскихъ, или выборныхъ, судовъ, введенію которыхъ, однако, препятствовалъ „стародавный обычай владности суду воеводъ, старостъ и иныхъ врадовъ старыхъ“, всѣ воеводы, старосты, державцы и проч. „врадники земскіе“, обладавшіе судебной властью, „милуючи Речь Посполитую“ и „братью свою молодшую — народъ шляхецкій а рицерскій“, добровольно отказались („отступили и выреклись“) отъ принадлежавшей имъ дотолѣ юрисдикціи надъ шляхтой, а равно отъ всѣхъ сопряженныхъ съ этой юрисдикціей судебныхъ доходовъ.

державцевъ, которые назывались прежде тивунами и переименованы въ державцевъ незадолго до изданія перваго Л. Стат., этотъ послѣдній прямо говоритъ, что такіе державцы „не мають шляхты и бояръ нашихъ (т. е. господарскихъ) судити и децкихъ своих по нихъ посылати, але мають их воеводы и маршалки наши земские и дворные и старосты судити", кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сами тяжущіеся (изъ шляхты) пожелаютъ обратиться къ суду подобныхъ державцевъ [1]). Другое ограниченіе или, точнѣе, другая гарантія, созданная въ интересахъ повѣтовой шляхты, состояла въ томъ, что намѣстники и маршалки воеводъ, старостъ и намѣстниковъ - державцевъ, отправлявшіе правосудіе въ отсутствіе или за недосугомъ своихъ принципаловъ, не могли производить суда безъ участія въ немъ двухъ (или, по крайней мѣрѣ, одного) „присяжныхъ земянъ", введенныхъ Л. Стат. 1529 г. въ каждомъ „повѣтѣ" и называемыхъ иногда прямо судьями [2]).

Посудность рядовой шляхты мѣстнымъ правителямъ подтверждается не только Л. Статутомъ 1529 г., но и всѣми послѣдующими законодательными памятниками [3]) и другими

[1]) Л. Стат. 1529 г., VI, 33. Едва ли надо прибавлять, что если бы шляхта была изъята отъ суда мѣстныхъ правителей (чему противорѣчитъ даже приведенная цитата), то не было бы надобности говорить о неподсудности шляхтичей бывш. тивунамъ, переименованнымъ въ державцевъ.

[2]) Ibid. VI, 3 и 24. Введеніе „присяжныхъ земянъ", назыв. также „судьями" (хотя они пока избираются не шляхтой, а мѣстными правителями, каждымъ для „своего повѣта)", несомнѣнно можно разсматривать какъ первый и пока робкій шагъ въ дѣлѣ предоставленія шляхтѣ активнаго участія въ отправленіи правосудія въ „повѣтахъ", чего окончательно и въ полной мѣрѣ она достигла лишь съ учрежденіемъ земскихъ судовъ. — Какъ понимался 3 арт. VI разд. Л. Ст. см. также А. З. Р. III, стр. 8.

[3]) См. Zb. pr. lit., p. 397—413 („отказъ" господаря на петицію, поданную ему на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г.), art. 21, 22 и 25. Въ первомъ изъ этихъ артик. вся шляхта Л.—Р. государства просила, чтобы воеводы, старосты и державцы судили ее совмѣстно съ выборными ею повѣтовыми судьями и писаремъ и чтобы этому суду подлежали не только

источниками[1]) эпохи перваго Статута.

Чтобы покончить съ затронутымъ нами по необходимости вопросомъ о подсудности рядовой шляхты, намъ остается сдѣлать еще одно замѣчаніе, важное и для нашей ближайшей цѣли. Хотя судъ воеводъ, старостъ и намѣстниковъ-державцевъ считался нормальнымъ и обычнымъ присудомъ для рядовой шляхты, онъ, однако, не можетъ быть названъ обязательнымъ для нея въ томъ смыслѣ, что шляхтичамъ было запрещено обращаться къ высшей инстан-

---

шляхта, но также „кождый князь, панъ и духовные"; господарь отклонилъ это ходатайство, отвѣтивъ, что не видитъ основаній измѣнять постановленія, содержащіяся на этотъ счетъ въ Статутѣ. Въ 22 арт. изложена просьба шляхты, чтобы воеводы, старосты и державцы судили ее въ своихъ повѣтахъ на опредѣлен. мѣстахъ, а не по своимъ частнымъ имѣніямъ и по „иншимъ державамъ"; король уважилъ это ходатайство. Наконецъ, въ 25 арт. изложена жалоба шляхты, что воеводы, старосты и державцы при взысканіи „винъ" подвергаютъ шляхтичей заключенію, а дома ихъ постою; изъ корол. отвѣта, опредѣлявшаго порядокъ взысканія винъ съ шляхтичей, а равно распредѣленіе ихъ (винъ) между вел. княземъ и его урядниками, видно между проч., что шляхтичи по дѣламъ объ убійствѣ подлежали суду мѣстныхъ правителей.—См. также послѣдующія петиціи шляхты, какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ (Жмудской и Волынской) земель, между проч. по вопросу о подсудности и отвѣты на эти петиціи, данные королемъ на сеймахъ 1547, 1551, 1554 и 1559 гг.: А. З. Р. III, стр. 8, 9—10, 37, 51—52, 64—65 и 102.

[1]) Такъ, напр., въ грамотѣ короля Сигизмунда Августа, выданной незадолго до изданія 2-го Лит. Статута (въ 1561 г.) и предоставляющей п. Довойнѣ въ держаніе Пинскъ и Кобринъ, говорится слѣд.: „маеть п. Довойно, або его намѣстникъ, бояръ-шляхту въ тыхъ староствахъ посполъ зъ урядомъ, на суды отъ Насъ постановленнымъ, судити, справовати, вины и пересуды брати по звыклому обычаю". Док. и Рег. II, № 136. А вотъ примѣръ изъ эпохи значительно болѣе ранней, доказывающій вмѣстѣ съ уставн. земск. грамотами (см. изд. нами Систем. сводъ уст. зем. грамотъ и ниже примѣч. на стр. 99), что шляхта подсудна была мѣстн. правителямъ и до Статута и въ частности въ концѣ XV в. Вел. кн. Александръ по поводу бояръ-шляхты Ясвонской волости писалъ въ 1496 г. державцѣ означ. волости между проч. слѣд.: „о посполитыхъ дѣлахъ можешь и самъ досмотрати межи ними и справедливость чинити". См. Акты, изд. проф. Леонтовичемъ, № 274.

ціи и въ частности къ суду вел. князя мимо низшей или областной. Напротивъ, вся совокупность имѣющихся данныхъ показываетъ, что такого запрещенія весьма долго вовсе не было [1]), и что тяжущіеся могли обращаться куда хотѣли: подобно тому, какъ лица, совершенно изъятыя отъ подсудности мѣстнымъ правителямъ, могли, если желали, передавать свои тяжбы на рѣшеніе этихъ послѣднихъ, такъ точно шляхтичамъ, состоявшимъ въ вѣдомствѣ низшихъ или областныхъ судовъ, не возбранялось обращаться кь высшей инстанціи мимо низшей [2]). Явленіе это, бывшее столь же обычнымь въ Литовскомъ государствѣ (особенно до 1542 г.), какъ и въ Польшѣ XV—XVI в. [3]) и въ Московской Руси до второй половины XVII в. [4]), имѣетъ свое простое объясненіе. Всюду, какъ извѣстно, существовали исключенія изъ вѣдомства низшихъ инстанцій въ пользу высшихъ, но не наоборотъ, всюду законъ и практика заботились лишь, чтобы извѣстныя лица и дѣла были изъяты изъ вѣдомства низшихъ или областныхъ судовъ, но долго не требовали или требовали очень слабо, чтобы лица, подсудныя мѣстнымъ судамъ, фигуриро-

---

[1]) Лишь въ 1542 г. былъ изданъ уставъ (о немъ подробнѣе см. въ 2-ой главѣ), изъ котораго можно заключить, что обращеніе къ господарю въ обходъ низшихъ инстанцій было воспрещено; но законъ этотъ, повидимому, мало соблюдался (см., напр., сеймов. уставу 1554 г. п. 2) до введенія, на основаніи Бѣльскаго привилея, судовъ, которые удовлетворяли идеаламъ шляхты.

[2]) Изъ многочисленныхъ данныхъ, подтверждающихъ только что сказанное, ограничимся лишь однимъ свидѣтельствомъ, тѣмъ болѣе любопытнымъ, что оно исходитъ отъ самого главы государства. Когда въ 1538 г. возникло дѣло по обвиненію нѣкоего еврея въ самовольномъ арестованіи шляхтича за долгъ, вел. князь въ своей резолюціи по данному дѣлу высказался между проч. такъ: „Естли бы ему (кредитору) была до него (потерпѣвшаго шляхтича) какая потреба, мѣлъ бы на него жаловати пану его, абы тежъ добре (оселый) и безъ службы былъ, мѣлъ бы ся по справедливость втекать до насъ, господаря, або до пановъ врядниковъ нашихъ здѣшнихъ вел. князства“. Док. и Рег. I, № 169.

[3]) Balzer: op. cit. 27, 100—101 и др.

[4]) Дмитріевъ: Исторія судебн. инстанцій, 157—158, 345—346.

вали передъ этими послѣдними, а дѣла, подлежавшія вѣдомству низшихъ или областныхъ судовъ, обязательно начинались тамъ, но не въ иномъ, или высшемъ, судѣ.

Если, такимъ образомъ, судъ воеводъ, старостъ и намѣстниковъ-державцевъ являлся forum competens для повѣтовой, или мѣстной, рядовой шляхты, если подсудность ея областнымъ правителямъ, какъ общее и нормальное правило, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, то зато не столь очевиднымъ, по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда, представляется отвѣтъ на вопросъ, изъ кого именно состояла та отмѣченная выше категорія лицъ шляхетскаго сословія, которая и въ Л. Стат. 1529 г. и въ памятникахъ послѣдующаго сеймоваго законодательства фигурируетъ подъ именемъ „пановъ, которые не судятся у поветехъ“ и „становъ всихъ, которые къ повѣту не прислухаютъ“.

Не подлежитъ, впрочемъ, никакому сомнѣнію, что къ числу такихъ „становъ“ принадлежали прежде всего радные паны, или сенаторы, которые были освобождены отъ подсудности областнымъ правителямъ и пользовались правомъ судиться у вел. князя не вслѣдствіе к.-л. отдѣльныхъ изъятій, дарованныхъ несудимыми грамотами („закривальными листами“), а въ силу своего званія, по общему правилу [1]). Что радные паны, дѣйствительно, подлежали юрисдикціи

[1]) Основаніе этого правила можно искать, какъ въ высокомъ званіи радныхъ пановъ, такъ и въ томъ, что въ „повѣтахъ“ судъ производился нерѣдко не самими воеводами, старостами и намѣстниками-державцами, которые часто даже и не проживали въ своихъ областяхъ, а ихъ слугами (намѣстниками и маршалками); являться же на судъ этихъ послѣднихъ для раднаго пана, по понятіямъ того времени, было несовмѣстно съ его достоинствомъ. Лучшей иллюстраціей ко всему сказанному здѣсь можетъ служить слѣд. случай. Староста Жмудской земли по какому-то гражд. дѣлу былъ вызванъ намѣстникомъ Бранскимъ и Саражскимъ (въ Бѣльск. пов.) къ суду послѣдняго или (какъ было сказано въ позвѣ) его „намѣстника“. Это показалось не только неправильнымъ, но и обиднымъ и самому старостѣ и всей Радѣ, и она въ своемъ посланіи (1538 г.) къ вел. князю, сообщая вышеизложенный фактъ, прибавляетъ: „въ чомъ жо немалое зельженье особы пана старостиное, не-

вел. князя или замѣнявшей его Радѣ по всѣмъ дѣламъ[1]) и по общему правилу, это видно не только изъ Л. Статута 1529 г.[2]), но также изъ друг. источниковъ. Такъ, когда на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. шляхта вновь домогалась[3]) у вел. князя, чтобы „панове-рада и преложоные духовные зъ имѣнiй своихъ, которые подъ правомъ земскимъ держатъ, шляхтѣ о ихъ кривды отказывали передъ судьями повѣтовыми", онъ далъ слѣд. весьма выразительный отвѣтъ: „его королевская милость не звыкъ, а ни хочетъ рѣчей новыхъ у сее панство свое вводити; а такъ ижъ того передъ тымъ не бывало, абы панове рады и панове преложоные духовные мѣли передъ урядники повѣтовыми отказывати; ино того и теперь быти не маетъ: але мають панове рады и панове преложоные духовные, обо вси кравды отказывати передъ его корол. милостью самымъ, а въ небытности его милости въ тутошнемъ паньствѣ, ино передъ паны радами, на рокахъ судовыхъ господарьскихъ великихъ..." [4]). Не беремся утверждать категорически, но крѣпко думаемъ, что указанная привилегiя радныхъ пановъ установлена не Лит. Статут. 1529 г., а ведетъ свое начало съ древнихъ временъ. Трудно допустить, чтобы ближайшiе совѣтники и сотрудники вел. князя, и притомъ вообще (по крайней мѣрѣ, въ XV и въ нач. XVI в.)

послѣднѣйшое рады вашое милости, замыкаеться, абы мѣлъ панъ староста, такъ поважная особа рады вашое мил., обличнѣ становитися передъ такъ ровнымъ чоловѣкомъ, а звлаща передъ врядникомъ его, яко онъ описуеть. . . . " А. Ю. и З. Р. I, стр. 95.

[1]) Послѣдней (т. е. Радѣ)—кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда судьею для всѣхъ безъ исключенiя являлся лишь вел. князь и его никто не могъ замѣнить. Объ этихъ случаяхъ или, точнѣе, о дѣлахъ, подсудныхъ одному лишь вел. князю и никому болѣе, рѣчь впереди.

[2]) См. р. VI, арт. 4 и 5.

[3]) Говоримъ „вновь", потому что подобное домогательство было предъявлено шляхтой королю и имъ отклонено еще на сеймѣ 1544 г. См. Zb. pr. lit., p. 397—413, art. 21.

[4]) А. З. Р. III, стр. 37.

немногочисленные по своему составу[1]), не пользовались этой привилегіей искони. Кромѣ того, въ пользу старинной подсудности радныхъ пановъ вел. князю свидѣтельствуетъ и приведенная только что цитата.

Буквальный смыслъ выраженій, приведенныхъ выше изъ Л. Статута и др. источниковъ и употребленныхъ тамъ для обозначенія категорій лицъ, изъятыхъ отъ областной юрисдикціи, а равно сопоставленіе этихъ выраженій между собой и даже весьма опредѣленныя указанія нѣкот. законодательныхъ актовъ[2]) приводятъ насъ далѣе къ убѣжденію, что къ числу „становъ, которые къ повѣту не прислухають", принадлежали не только радные паны (consiliarii) и въ частности воеводы и старосты, но также всѣ вообще князья (duces) и паны (barones), которые, хотя и не занимали „досто-

---

[1]) Еще въ 1538 г. Литовская Рада, жалуясь на свою малочисленность, приводитъ слѣд. цифровыя данныя о своемъ составѣ: на лицо („на зъѣханьи" подъ Новгородкомъ) имѣется 5 пановъ-радъ, 3 члена рады отсутствуютъ и, кромѣ того, 3 „достоинства", сопряженныхъ съ званіемъ раднаго пана, „вакують". Слѣдоват., если бы вакансіи были замѣщены, то число радныхъ пановъ не превышало бы 11-ти челов. См. А. Ю. и З. Р. I, № 101 (ср. А. З. Р. II, № 93). Такая малочисленность рады, заставлявшая наличныхъ членовъ ея и шляхту, собравшихся подъ Новгородкомъ, ходатайствовать о „помноженіи" рады, объясняется тѣмъ, что нѣкоторые изъ тогдашнихъ радныхъ пановъ соединяли въ своемъ лицѣ нѣсколько высшихъ должностей; такъ, каштелянъ виленскій Юрій Мик. Радивилъ былъ въ описыв. время не только старостою городенскимъ, но и маршалкомъ дворнымъ и гетманомъ наивысшимъ вел. княж. Литовскаго (см. Wolff, op. cit., 79). Въ виду, однако, того, что, въ составъ рады входили также и многочисленные господарск. маршалки и нѣкот. др. лица, надо думать, что цитованный выше документъ имѣетъ въ виду лишь главное ядро рады, такъ назыв. „навышшую" раду (А. З. Р. II, № 93). Впрочемъ, окончат. рѣшеніе этого вопроса оставляемъ на долю автора будущей монографіи о Литовск. радѣ; для насъ же важно лишь отмѣтить, что еще въ 1538 г. радные паны и шляхта жаловались королю на малочисленность рады и просили его „раду свою помножить" на томъ основаніи, что „гдѣ много головъ, тамъ большъ розумовъ"

[2]) Такъ, изъ корол. отвѣтовъ на сеймѣ 1551 г. видно, что освобожденіемъ отъ областной подсудности пользовались „паны хоруговные" (А. З. Р. III, № 11, п. 2); изъ петиціи волынской шляхты на сеймѣ 1554 г. (ibid.

иньствъ“ и „урядовъ“, сопряженныхъ съ мѣстомъ въ радѣ, являлись въ тоже время крупными землевладѣльцами и вообще отличались отъ рядовой шляхты (среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ) или знатностью, или богатствомъ, или тѣмъ и друг. вмѣстѣ, а потому играли видную роль и пользовались вліяніемъ въ общегосударственной и особенно мѣстной жизни [1]). Короче говоря, подъ „панами, которые не судятся у поветехъ“, надо разумѣть не только радныхъ пановъ, но вообще крупныхъ землевладѣльцевъ, къ которымъ принадлежали какъ „княжата“, или князья (если они не обѣднѣли), такъ и „панята“, или паны, называемые нерѣдко „хоруговными“ панами [2]).

№ 13, п. 3) и жмудской—на сеймѣ 1559 г. (ibid. № 24, п. 6) также вытекаетъ, что указанной привилегіей пользовались не только радные паны, но всѣ вообще „княжата и панята“.

[1]) Въ пользу указан. значенія мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, или пановъ, среди прочей шляхты говоритъ между проч. слѣд. фактъ. Когда на Виленскомъ сеймѣ 1507 г. была по случаю предстоявшей войны съ Москвою установлена „серебщина“, то присутствовавшіе на сеймѣ представители жмудскаго военнослужилаго сословія заявили, что они „зволити не могутъ *безъ иншихъ пановъ, старшихъ своихъ*, которыхъ на тотъ часъ на соймѣ не было“. Ак. З. Р. II, стр. 10.

[2]) Л. Ст. 1529 г., I, 1, III, 7, 8 (Ср. Л. Ст. 1566 г., IV, 2); А. З. Р. III, № 11, п. 2. Считаемъ не лишнимъ въ дополненіе къ сказанному нами въ текстѣ прибавить нѣсколько замѣчаній по поводу термина: „панъ“, „паны“, который нерѣдко отожествляется съ терминомъ — „радный панъ“, „паны-рада“. Такъ, покойный Бершадскій, говоря на стр. 294 своего извѣстнаго труда („Литовскіе евреи“), что „земяне вел. княж. Литовскаго раздѣлялись на 3 группы: князей, пановъ и шляхту (бояре)“, прибавляетъ: „панами назывались члены великокняж. Рады“, а нѣсколько ниже вновь повторяетъ: „болѣе важную роль играли паны, подъ которыми спеціально разумѣлись члены великокняж. рады“. Такому толкованію противорѣчатъ многія весьма опредѣленныя указанія источниковъ. Выраженія, подобныя слѣд.: „*такъ* панове рада, *яко тежъ* княжата и панята, шляхта-рыцерство и все посполъство“ (А. Ю. и З. Р. I, стр. 96), ясно показываютъ, что „панове-рада“ и „княжата и панята“ не синонимы, и что не всѣ князья и паны были членами Рады. Подъ князьями и панами, какъ было уже указано, разумѣлись крупнѣйшіе землевладѣльцы,

Помимо указ. законодательныхъ памятниковъ, въ пользу особой подсудности князей и пановъ, которые въ отличіе отъ рядовой шляхты обладали правомъ не судиться въ повѣтахъ, т. е. передъ мѣстными правителями, говорятъ также и источники другого рода. Такъ, извѣстный Михалонъ, повидимому, имѣетъ въ виду именно крупныхъ землевладѣльцевъ, когда говоритъ: „Не менѣе несправедливо и то, что сосѣдъ мой сильнѣйшій, живущій въ одномъ со мною оклоткѣ (vicinus meus potentior ejusdem mecum pagi haeres), имѣетъ другую подсудность и не такъ легко призывается къ суду, какъ я“ [1]).

Можетъ, однако, явиться вопросъ,—всѣ ли или, лучше сказать, повсемѣстно ли князья и паны, или крупные землевладѣльцы, не вошедшіе въ составъ Рады (о такихъ мы въ данномъ случаѣ только и говоримъ), пользовались правомъ не судиться въ „повѣтахъ“, т. е. передъ областными правителями? Мы не ошибемся, если по отношенію къ разсматриваемой эпохѣ (эпохѣ перваго Л. Статута) отвѣтимъ на поставленный вопросъ вполнѣ утвердительно съ одною, впрочемъ, оговоркою, а именно: право это вовсе не распространялось на крупныхъ землевладѣльцевъ Подляшскаго воеводства, гдѣ существовали земскіе суды и дѣйствовало польское право [2]). Въ пользу такого отвѣта говорятъ какъ

изъ рядовъ которыхъ обыкновенно вербовались члены Рады и которые выдѣлялись изъ прочей шляхты не только своей знатностью (послѣднее, впрочемъ, безусловно относится лишь къ князьямъ, но не ко всѣмъ панамъ), но и своимъ богатствомъ, дававшимъ имъ возможность отбывать военную службу путемъ выставленія со своихъ имѣній „почтовъ“, или цѣлыхъ отрядовъ, подъ собственными хоругвями (отсюда и терминъ „хоруговные паны“).

[1]) Op. cit., p. 38—39.

[2]) Въ Подляшскомъ воеводствѣ, гдѣ въ отличіе отъ прочихъ областей Л.—Р. государства „судили—выражаясь словами сеймовой петиціи 1554 г. (А. З. Р. Ш, стр. 51)—кождого стану особу одинако“, не только князья и паны, владѣвшіе имѣньями въ означ. воеводствѣ, но и радные паны подсудны были мѣстнымъ судамъ. На этомъ основаніи староста жмудскій былъ привлеченъ къ суду намѣстника Саражскаго и

приведенныя выше цитаты изъ Л. Статута, такъ и свидѣтельства другихъ источниковъ той же эпохи, при чемъ и первыя и вторыя, подтверждая фактъ неподсудности областнымъ правителямъ, на ряду съ панами-радой, также князей и пановъ вообще, не отмѣчаютъ въ этомъ отношеніи никакихъ (кромѣ указаннаго) ограниченій[1].

Бронского (волости эти входили въ составъ Бѣльскаго пов.). См. А. Ю и З. Р. I, стр. 95. На этомъ же основаніи освобожденіемъ отъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ пользовались лишь тѣ, кому удалось запастись отъ короля „закривальнымъ листомъ". Выдача послѣднихъ, однако, вызывала нерѣдко протесты шляхты Подляшской земли. См. Докум. М. Арх. Мин. Юст. I, стр. 185—186.

[1]) См. Zbiór pr. lit., p. 411 (art. 21), откуда видно, что „каждый князь и панъ" не подлежитъ суду мѣстныхъ правителей; А. З. Р. III, стр. 52, и др. См. также А. З. Р. III, стр. 102, откуда вытекаетъ, что и въ Жмудской землѣ, имѣвшей свои мѣстныя особенности по части суда, радные паны (свѣтскіе и духовные), а равно „княжата" и „панята" не подлежали мѣстной юрисдикціи. Не представляли въ этомъ отношеніи и въ данную эпоху исключенія князья и паны также Волынской и Кіевской земель, гдѣ въ до-статутовую пору существовали нѣкоторыя особыя правила относительно подсудности князей, пановъ, земянъ и бояръ - шляхты. Затронутый нами вопросъ о подсудности князей и пановъ двухъ назв. земель дастъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ упомянутыхъ сейчасъ особенностяхъ. Хотя въ силу господствовавшаго въ эпоху уставныхъ земск. грамотъ принципа территоріальной подсудности для всего, безъ различія классовъ, свободнаго населенія князья, паны, земяне и бояре названныхъ земель, подобно тому, какъ это было и въ друг. областяхъ, подлежали юрисдикціи мѣстныхъ правителей, но пользовались нѣкоторыми преимуществами, составлявшими ихъ привилегію, а именно: приговоры мѣстныхъ правителей (старостъ волынскихъ и воеводъ кіевскихъ) или подлежали конфирмаціи вел. князя (по Кіевск. уст. грам.), или (по Волынск. уст. грам.) постановлялись не иначе, какъ послѣ сношенія мѣстныхъ правителей съ вел. княземъ и по его указанію („подлѣ науки" господарской, что отнюдь не означаетъ „по приказанью", или порученію, вел. князя, какъ толкуетъ эти слова проф. Леонтовичъ, желая доказать, что вся шляхта подлежала суду вел. князя и судилась мѣстными правителями только по „комиссіи", или по порученію отъ господаря, данному на каждый отдѣльный случай). См. нашъ Системат. сводъ уст. земск. грам., ст. XXIX (и примѣч. къ нему 126 и 129). Какъ только

Итакъ, изъ лицъ военнослужилаго, или шляхетскаго сословія, имѣвшихъ осѣдлость, т. е. владѣвшихъ недвижи-

что изложенные пункты Кіевск. и Вол. уст. грамотъ, такъ равно и друг. взятые оттуда же [см. ibid., ст. LXXXIX, № 6: „а князя и пана и земянина старостѣ и намѣстникомъ нашимъ одному ихъ не судити... etc.“, и ст. CIII, № 5: „А о грабежы безправные такъ уставляемъ: коли бы ся который князь, або панъ, або человѣкъ нашъ пожаловалъ нашому воеводѣ на князя, або на пана, або на бояринa кіевского: ино ему обослати его листомъ, абы передъ нимъ ку праву сталъ...“ etc.] во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ, что не было никакого различія между подсудностью князей и пановъ, съ одной стороны, и рядовой шляхты (земянъ и бояръ), съ другой, и что и тѣ и друг. подлежали одинаково суду (съ указ. выше оговорками) мѣстныхъ правителей и даже ихъ намѣстниковъ (какъ прямо указано въ привед. цитатѣ изъ волынск. уст. грамоты). Такое положеніе вещей (отсутствіе различія въ подсудности разныхъ разрядовъ шляхетскаго сословія) для эпохи уст. земск. грамотъ не представляетъ ничего удивительнаго и вполнѣ и прежде всего объясняется господствовавшей въ то время территор. подсудностью, исключенія изъ которой могли быть лишь фактическія. Остается только рѣшить, сохранился ли этотъ порядокъ въ Волынской и Кіевской земляхъ и дальше, а именно въ эпоху 1-го Л. Статута. Уже послѣдній не даетъ никакихъ основаній предполагать, что порядокъ этотъ въ указ. время сохранился. Но мы имѣемъ и другія данныя, приводящія насъ къ тому же выводу (правда, данныя эти относятся лишь къ Волынск. землѣ, но едва ли можно сомнѣваться, что они въ равной степени даютъ отвѣтъ и относительно князей и пановъ Кіевской земли). Такъ, дѣло по жалобѣ городничаго луцкаго Мушатича на кн. Андрея Сангушка о захватѣ земли вел. князь отправилъ на разсмотрѣніе къ Луцкому старостѣ Семену Юрьевичу, но прибавилъ въ то же время въ позвѣ, адресованномъ отвѣтчику, слѣд. интересныя слова: „ино естли бы еси нѣкако не хотѣл передъ княземъ Семеном к праву стати, и ты бы с нимъ (истцомъ) очевисто передъ Нами сталъ“ (Arch. ks. Sang. I, № 125). См. также ibid. III, № 481, IV, № 371. Гораздо, впрочемъ, важнѣе и убѣдительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ слѣд. фактъ. На Виленскомъ сеймѣ 1554 г. волынская шляхта, указывая на то, что „которые панове рада, княжата и панята маютъ имѣнья свои въ земли Волыньской, а не хотятъ правомъ волыньскимъ правоватися“ съ нею (шляхтою), ходатайствовала „абы вси таковые у повѣтѣ тамошнемъ росправу пріймовали“. Король на это ходатайство отвѣчалъ между проч. слѣд.: „его мл. господарь въ той рѣчи такое постановенье чинити рачитъ, нжъ таковыхъ griffonновъ всихъ, которые къ по-

мыми имуществами въ томъ или друг. повѣтѣ, „не прислухали повѣту“, иначе—не были подсудны мѣстнымъ правителямъ, какъ радные паны, такъ равно князья и паны вообще. Всѣ же прочія лица по общему правилу такимъ изъятіемъ не пользовались.

Впрочемъ, перечисленными разрядами шляхетскаго сословія не исчерпывается кругъ лицъ, подсудныхъ исключительно вел. князю или Радѣ въ его отсутствіе. Къ числу такихъ лицъ принадлежали также всѣ господарскіе урядники, или чиновники, независимо отъ того, состояли ли они въ рядахъ сенаторовъ, князей и пановъ, или нѣтъ. Это послѣднее, а именно то обстоятельство, что не всѣ чиновники принадлежали къ числу пановъ-радъ, княжатъ и панятъ, побуждаетъ насъ въ дополненіе къ изложенному выше сказать нѣсколько словъ о подсудности господарскихъ урядниковъ отдѣльно. Спѣшимъ при этомъ оговориться, что на подсудности послѣднихъ (и въ томъ числѣ всѣхъ областныхъ чиновниковъ: воеводъ, каштеляновъ, старостъ, державцевъ, тивуновъ, городничихъ и пр.)[1]) по преступленіямъ по должности мы здѣсь не будемъ останавливаться, такъ какъ дѣла подобнаго рода подлежали суду вел. князя по самому своему существу и объ этомъ намъ придется говорить въ друг. мѣстѣ. Иными словами, здѣсь мы коснемся подсуд-

---

вѣту не прислухаютъ, маете позывати за комисіями господарьскими, покуль статутомъ то будетъ обваровано и постановлено“ (А. З. Р. Ш, стр. 64—65). Ясно, такимъ образомъ, что князья и паны Волынской (а значитъ и Кіевской) земли въ эпоху 1-го Статута выдѣлялись уже изъ прочей шляхетской массы и, подобно тому какъ это было и въ друг. земляхъ, пользовались правомъ не судиться въ „повѣтахъ“, т. е. передъ мѣстными правителями.

[1]) Такъ какъ мы ведемъ рѣчь о господарскихъ чиновникахъ, то, очевидно, сюда не относятся тѣ урядники, которыхъ областные правители назначали самостоятельно изъ числа своихъ служебниковъ или слугъ (каковы, напр., намѣстники и маршалки воеводъ и старостъ) и которые подлежали суду своихъ принципаловъ во всѣхъ случаяхъ и въ томъ числѣ за неправосудіе, злоупотребленіе властью и проч.

ности лишь по тѣмъ всякаго рода дѣламъ, въ которыхъ господарскіе чиновники фигурировали не какъ должностныя, а какъ частныя лица.

Какъ ни скудны въ этомъ отношеніи наши источники, однако на основаніи тѣхъ сравнительно немногихъ указаній, которыя въ нихъ находятся, можно прійти къ заключенію, что какъ областные, такъ равно и придворные чиновники различныхъ ранговъ подлежали суду вел. князя по всякимъ тяжбамъ, какъ угловнаго [1]), такъ и гражданскаго [2]) характера. Основаніемъ для подсудности господарскихъ урядниковъ вел. князю были, повидимому, отчасти близость многихъ изъ нихъ къ особѣ государя или пребываніе ихъ при его дворѣ (таковы многочисленные придворные чиновники различныхъ ранговъ и наименованій, а равно многочисленные такъ назыв. господарскіе дворяне и слуги [3]), употреблявшіеся вел. княземъ для исполненія различныхъ служебныхъ порученій), а главнымъ обра-

---

[1]) Такъ, напр., по поводу заявленія на сеймѣ 1554 г., что городничій виленскій Іонъ „забилъ и змордовалъ на добровольной дорозѣ хоружича Курклевского", король отвѣчалъ: „гды бы ся утекъ съ жалобою до господаря его милости, вжо давно бы справедливость мѣлъ, *яко съ служебникомъ* его корол. милости". А. З. Р. III, № 13 (стр. 57). См. также Skarbiec dipl. № 2160; Акты Леонтовича № 661, 700; Arch. Sang. III, № 468, IV, № 319.

[2]) Акты, изд. Леонтовичемъ № 413, 475; Arch. Sang. III, № 190, 476, 486, IV, № 383; Док. и Рег. I № 158 и др. Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что до второго Статута господарскіе урядники по гражд. дѣламъ судились у вел. князя могутъ служить также 2 и 45 арт. IV разд. Л. Стат. 1566 г.

[3]) На многочисленность господарскихъ дворянъ (придворная служба въ этомъ званіи, какъ извѣстно, была началомъ служебной карьеры для многихъ шляхтичей, не отличавшихся особен. богатствомъ и знатностью) и на полную неопредѣленность ихъ числа, дававшую возможность весьма многимъ присвоивать себѣ этотъ титулъ совершенно неосновательно, раздавались жалобы уже на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г., когда рѣшено было, что маршалокъ дворный составитъ списокъ всѣхъ лицъ, состоявшихъ господарск. дворянами въ дѣйствительности. Zbiór pr. lit., p. 410, art. 19. Здѣсь же прямо указано, что такъ какъ многіе самовольно называются господ. дворянами, то вслѣдствіе этого „великие омыльности

зомъ лично-служебная зависимость всѣхъ вообще господарскихъ чиновниковъ отъ вел. князя.

Наконецъ, къ числу лицъ, пользовавшихся, судя по актамъ, привилегіей судиться у вел. князя по гражданскимъ дѣламъ, а потому и не подлежавшихъ въ этихъ случаяхъ юрисдикціи мѣстныхъ правителей, принадлежали, повидимому, также „гости", или иностранцы[1]).

Таковы категоріи лицъ, которыя подлежали суду вел. князя или на основаніи спеціальныхъ изъятій („закривальныхъ листовъ"), или по общему правилу, т. е. въ силу своего званія, служебнаго положенія и пр. Благодаря этому, судебная дѣятельность областныхъ правителей въ значительной степени облегчалась, но зато въ такой же мѣрѣ увеличивалось количество труда, приходившагося на долю господаря въ роли судьи. Какое огромное количество судебныхъ дѣлъ доставляли великокняжескому суду перечисленныя выше лица, объ этомъ даетъ нѣкоторое представленіе хотя бы слѣд. краснорѣчивый фактъ: въ апрѣлѣ 1546 г. одна кн. Беата Острожская обратилась къ королю *одновременно* съ 11 различными жалобами на кн. Кузьму Заславскаго и полу-

---

и потвары въ справедливостяхъ людских ся деють". Дѣлая такое заявленіе, шляхта, повидимому, имѣла въ виду не только прямыя злоупотребленія этимъ званіемъ, но и то, что многіе, прикрываясь не принадлежащимъ имъ титуломъ, ускользали отъ общей подсудности. — На сеймѣ 1567 г. король временно обязался держать при своей канцеляріи „для розсыланья до потребъ и зъ листы" не болѣе 20 дворянъ (литовскихъ). Док. М. Арх. М. Юст. I, 459.—Что касается слова „слуга", то оно употреблено нами въ качествѣ титула или званія (см. А. Ю. и З. Р. I, № 190); поэтому здѣсь не имѣются въ виду низшіе дворцовые служители изъ тяглаго населенія (всякіе кухари, машталеры и проч.), которые при отправленіи своихъ обязанностей при дворѣ подлежали суду различныхъ придворныхъ чиновъ, а въ остальныхъ случаяхъ (т. е. когда они находились не у дѣлъ и проживали въ различныхъ повѣтахъ) суду мѣстныхъ правителей.

[1]) Законодательные памятники и въ частности Л. Статуты 1529 и 1566 гг. умалчиваютъ о подсудности иностранцевъ по гражданскимъ дѣламъ, но изъ немногихъ актовъ конца XV и первой пол. XVI в. видно, что

чила для врученія послѣднему такое же количество королевскихъ „листовъ позовныхъ“ [1]).

Но довольно длинный списокъ лицъ, подлежавшихъ суду вел. князя, какъ первой и вмѣстѣ окончательной инстанціи, будетъ далеко не полонъ, если мы не присоединимъ къ нему еще и всѣхъ тѣхъ тяжущихся, которые по общему правилу отнюдь не были освобождены отъ юрисдикціи областныхъ правителей, но появлялись передъ судомъ великокняжескимъ какъ бы въ видѣ исключенія изъ общаго правила,—исключенія, объясняемаго, съ одной стороны, глубокимъ убѣжденіемъ короля, что широкое исполненіе судебныхъ функцій составляетъ одну изъ главнѣйшихъ и священнѣйшихъ его обязанностей, а съ другой, такимъ же убѣжденіемъ тяжущихся, что великокняжескій судъ есть судъ наилучшій и наиболѣе справедливый.

Уже нѣкоторыя уставныя земскія грамоты даютъ косвенное указаніе [2]), что господствовавшій въ эпоху этихъ грамотъ принципъ территоріальной подсудности могъ быть ограниченъ фактически, а именно соглашеніемъ сторонъ, въ силу котораго не только гражданское, но и уголовное дѣло

иностранцы, т. е. лица не состоявшія подданными Л.-Р. государства, судились въ этихъ случаяхъ у вел. князя. См. Акты Леонтовича № 416, Док. и Рег. I № 146, 310, 345. Что иностранцы находились подъ особымъ покровительствомъ закона и пользовались нѣкоторыми преимуществами въ интересахъ ускоренія для нихъ правосудія, это ясно видно изъ 18 арт. IV разд. Л. Ст. 1566 г., гдѣ говорится, что обвиняемые въ преступленіяхъ противъ „гостя“, или иностранца (и въ томъ числѣ—даже въ нанесеніи ему раны) привлекаются къ суду и отвѣту „безъ позву“, „а мѣщанинъ и простый человѣкъ безъ року“, т. е. вслѣдъ за поступленіемъ „жалобы гостиной“. Изъ того же законодательнаго памятника (IV, 18, 19) видно, что по угол. дѣламъ иностранцы (и въ качествѣ отвѣтчиковъ и въ качествѣ потерпѣвшихъ) подлежали суду мѣстныхъ правителей (исключая тѣхъ случаевъ, когда преступленіе совершено въ мѣстопребываніи короля). Указанный порядокъ, несомнѣнно, соблюдался и въ эпоху 1-го Л. Статута.

[1]) Arch. ks. Sang. IV, № 355.

[2]) См. выше примѣч. на стр. 81.

(кромѣ, конечно, тѣхъ дѣлъ, которыя влекли за собою немедленный судъ по мѣсту преступленія и вообще входили въ кругъ такъ наз. „артыкуловъ, которые на врядъ замковый палежать“) [1]) могло быть передано на судъ вел. князя. Судебные акты конца XV и первой полов. XVI в., а равно друг. источники подтверждаютъ также тотъ фактъ, что для разрѣшенія своей тяжбы стороны могли по обоюдному соглашенію избрать любой судъ и въ томъ числѣ судъ вел. князя [2]). Оче-

[1]) Издавна право суда по важнѣйшимъ изъ общихъ преступленій, соотвѣтствующимъ „старостинскимъ артикуламъ“ польскаго права, надъ всѣми вообще лицами безъ исключенія и во всякомъ случаѣ принадлежало мѣстнымъ великокняж. органамъ: воеводамъ (прежн. намѣстникамъ) и старостамъ, производившимъ судъ „на замку“ (замковый судъ соотвѣтствуетъ позднѣйшему гродскому). См. Систем. сводъ уст. земск. грам., ст. XC.; Док. и Рег. I, № 222, II, 240; Грам. вел. князей Лит., изд. Антоновичемъ и Козловскимъ № 49; Л. Стат. 1566 г. IV, 16, 20; III, 39. По всѣмъ этимъ преступленіямъ (въ различн. памятникахъ они исчисляются то съ большей, то съ меньшей подробностью, но во всякомъ случаѣ сюда входили разбой, насиліе надъ женщиною, поджогъ, нападеніе на чье-либо жилище) судъ производился немедленно (безъ позва), если виновный „всякого стану“ былъ задержанъ „на горячомъ учинку“ (отсюда—„право горячее“).—Это замѣчаніе слѣдуетъ имѣть въ виду и въ друг. случаяхъ, а именно когда рѣчь идетъ о подсудности на основаніи частныхъ и всякихъ иныхъ судебн. привилегій.

[2]) См. Акты Леонтовича, № 263, откуда видно, что когда возникла земельная тяжба между смоленскими боярами Павловичами и Ѳедоровичами, то обѣ стороны рѣшили обратиться къ суду вел. князя. См. также Лит. Метр., кн. Судн. дѣлъ № 1, л. 10 об.: кн. Ив. Вяземскій по гражд. дѣлу „зазывалъ передъ короля его мл. до Кракова“ своего тестя Ив. Кошку; послѣдній согласился явиться на судъ вел. князя по данному дѣлу („и онъ самъ рекъ . . . ижъ стану передъ королем его милостью“), о чемъ и заявилъ маршалку господ. Яну Миколаевичу, прибавивъ при этомъ: „а естли бых не стал, а я заплачу 1000 коп. вины господарской его милости“. См. еще Лит. Метр., кн. Зап. XXVII, л. 3 об., откуда видно, что дѣло, поступившее въ асессорскій судъ, переносится до рѣшенія на личный судъ господаря по совмѣстному соглашенію сторонъ. Лит. Стат. 1529 г. (VIII, 23) заключаетъ въ себѣ также косвенное указаніе на передачу судебн. дѣлъ вел. князю по соглашенію сторонъ; а въ концѣ 25 арт. IV разд. Л. Ст. 1566 г. имѣется прямое указаніе, что территор. подсудность можетъ быть отмѣнена (относительно дѣлъ, находившихся въ вѣдомствѣ земск. суда) соглашеніемъ тяжущихся.

видно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ судъ вел. князя дѣйствовалъ, подобно всякому друг. суду третейскому, въ качествѣ forum conventionale или forum prorogatum.

Но, независимо отъ взаимнаго соглашенія сторонъ, всякому изъ тяжущихся, не освобожденныхъ отъ мѣстной подсудности, не возбранялось, какъ было уже упомянуто выше, обращаться къ суду вел. князя, минуя воеводъ, старостъ и вообще областныхъ судей. Такъ, изъ уст. земск. грамотъ и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ актовъ видно, что по гражд. дѣламъ разрѣшалось обращаться къ суду великокняжескому мимо суда воеводъ, старостъ и пр. даже по желанію одного изъ тяжущихся и даже послѣ поступленія дѣла на судъ мѣстнаго правителя посредствомъ такъ назыв. „отыванія до господаря“ или „на вышшое право“, при чемъ областной судья ограничивался въ такихъ случаяхъ лишь назначеніемъ сторонамъ срока для явки на судъ вел. князя [1]). Правда, уже Л. Статутъ 1529 г., какъ мы увидимъ ниже [2]), положилъ конецъ такого рода „отываніямъ“, воспретивъ эти послѣднія до окончанія дѣла въ низшей инстанціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рѣшился категорически воспретить обращеніе одного изъ тяжущихся непосредственно къ вел. князю, совершенно минуя областныхъ судей. Вотъ почему судебные акты эпохи перваго Статута представляютъ намъ немало примѣровъ такого обращенія. Конечно, вел. князь имѣлъ возможность—къ чему онъ иногда и прибѣгалъ—освободиться отъ подобныхъ дѣлъ, отославъ ихъ на судъ воеводъ, старостъ и др. мѣстныхъ судей по принадлежности [3]). Но, во-первыхъ, это мало облегчало вел. князя, такъ какъ направленныя къ мѣстнымъ правителямъ дѣла нерѣдко вновь возвращались къ нему или вслѣдствіе (не говоря уже объ апелляціи) новаго домога-

---

[1]) См. Систем. сводъ уст. земск. грамотъ, ст. CII; Акты Леонтовича, № 274; Arch. ks. Sang. III, № 299 и др.

[2]) См. ниже 2-ую главу.

[3]) Акты Леонтовича №№ 165, 202, 431; Arch. Sang. IV, № 36, 184, 185, 291; Док. и Рег. I, № 137, II № 17, 74 и др.

тельства сторонъ, совершенно иногда игнорировавшихъ рѣшеніе мѣстнаго суда, или по собственной инициативѣ этого послѣдняго [1]). А во-вторыхъ, вел. князья, слишкомъ проникнутые мыслью, что „яко богатымъ и паномъ преложенымъ, такъ и вбогому кождому справедливость однакова маеть быти захована", и убѣжденьемъ, что, разъ къ нимъ обращаются съ жалобами, они не должны отказывать въ правосудіи [2]), не только рѣдко сравнительно прибѣгали къ ремиссіи [3]), но, уступая „набѣганью и докукѣ" подданныхъ своихъ, „яко зъ высокихъ преложоныхъ домовъ, такъ и отъ шляхты посполитого чоловѣка" [4]), принимали къ своему разбору дѣла даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это нарушало существовавшія уже правила о подсудности и сопряжено было съ большими неудобствами и расходами для другой (противной) стороны [5]).

Очевидно, что при всѣхъ вышеизложенныхъ условіяхъ, а именно при существованіи массы лицъ, изъятыхъ совершенно или почти совершенно отъ подсудности всякимъ другимъ судамъ, кромѣ великокняжескаго, и при возможности для всѣхъ прочихъ, подлежавшихъ по общему правилу мѣстной юрисдикціи, обращаться по дѣламъ, даже не превышавшимъ компетенціи мѣстныхъ правителей, къ непосредственному суду вел. князя, этотъ послѣдній былъ крайне обремененъ судебными дѣлами. Это обремененіе было тѣмъ бóльшее, что существовалъ рядъ дѣлъ, изъятыхъ закономъ или практикой изъ компетенціи мѣстныхъ правителей и подле-

---

[1]) См., напр., Акты Леонтовича № 202; Док. и Рег. II, № 137; Arch. ks. Sang. IV, № 36, ср. № 217.

[2]) „Коли онъ (еврей—потерпѣвшій) за жалобою до Насъ—писалъ Сигизмундъ I кн. Ю. Слуцкому—ся втекъ, Намъ ся годить подданыхъ Нашихъ боронити". Док. и Рег. I, № 165, откуда взята и цитата, привед. въ текстѣ. Въ другомъ случаѣ король заявлялъ, что онъ „звыкъ ровную, а неотволочную справедливость чинити": Arch. Sang. IV, № 355.

[3]) См. выше примѣч. 2 на стр. 13.

[4]) А. Ю. и З. Р. I, стр. 100.

[5]) См. А. Ю. и З. Р. I, стр. 92—94 и выше стр. 4.

жавшихъ исключительно суду вел. князя по самому своему существу, т. е. уже независимо отъ того или иного соціальнаго положенія тяжущихся (сторонъ), а равно и отъ ихъ желанія. А такихъ „великихъ", или важнѣйшихъ, дѣлъ постепенно набралось значительное количество.

Итакъ, теперь предъ нами на очереди вопросъ о томъ, какія именно дѣла принадлежали къ категоріи упомянутыхъ сейчасъ.

Уже нѣкоторыя изъ уставныхъ земскихъ грамотъ, характеризующихъ порядки преимущественно XV в., заключаютъ въ себѣ намеки, что судъ по нѣкоторымъ дѣламъ вел. князья оставляли за собою [1]). Впрочемъ, такъ какъ до насъ не дошли первоначальныя грамоты, а лишь подтвердительныя, которыя, хотя являются точными копіями древнѣйшихъ [2]), содержатъ, однако, въ себѣ нѣкоторыя позднѣйшія дополненія, то трудно рѣшить, къ какому именно времени относятся соотвѣтственныя (указанныя въ примѣч.) постановленія, и въ частности—утверждать, что эти послѣднія возникли раньше второй полов. XV и даже начала XVI в. Большія же полномочія мѣстныхъ правителей (намѣстниковъ, воеводъ и старостъ), являвшихся замѣстителями прежнихъ удѣльныхъ (земскихъ) князей и особое положеніе отдѣльныхъ „прислухаючихъ" или „привлащоныхъ къ великому князству Литовскому" [3]) земель, весьма мало въ XV в. напоминавшее положеніе обыкновенныхъ провинцій, и, наконецъ, многое другое заставляетъ думать, что самое представленіе о дѣлахъ, которыя счи-

---

[1]) Сюда относятся „здрада", или верховная и земская измѣна, и ложное обвиненіе слугою-шляхтичемъ своего пана въ к.-л. тяжкомъ преступленіи, о которыхъ говорится въ Кіевской грам., и преступленія противъ великокняж. регальнаго права, упоминаемыя Витебск. и Полоцкой уст. грамотами. См. Систематич. сводъ уст. земск. грам., ст. LXXX—LXXXII.

[2]) См. наше изслѣд. „Уст. земск. грам. Л.—Р. госуд.", стр. 46—47 и прим. 1 на стр. 47.

[3]) См. 1-ое приложеніе къ очерку Довнаръ-Запольскаго: „Польско-Литовская унія" (стр. 26).

тались превышающими компетенцію мѣстныхъ правителей, могло выработаться не скоро и не сразу [1]).

Такъ или иначе, раньше или позже, но подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соображеній и обстоятельствъ изъ общей массы судебныхъ дѣлъ должна была постепенно выдѣлиться категорія дѣлъ, которыя въ отличіе отъ заурядныхъ и болѣе мелкихъ или „посполитыхъ" назывались впослѣдствіи causae graves или „великими", т. е. важнѣйшими, и которыя сдѣлались предметомъ вѣдомства исключительно великокняжескаго суда. Если не первый вообще, то первый хронологически опредѣленный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ въ Л. Судебникѣ 1468 года.

Имѣя, очевидно, въ виду, что земельные споры часто приводили землевладѣльцевъ къ самоуправному осуществленіе своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ на спорную землю путемъ наѣздовъ, а эти послѣдніе сопровождались обыкновенно рядомъ другихъ преступленій, и желая предупредить то и другое, законодатель не только строго воспретилъ насильственные захваты земель и совершаемые съ этой цѣлью наѣзды на имѣнія, но объявилъ, что виновные въ томъ

---

[1]) Вопросъ о дѣлахъ, превышающихъ компетенцію мѣстныхъ правителей, могъ долго вовсе не возникать еще и потому, что во второй полов. XV и въ нач. XVI в. вел. князья часто объѣзжали свои обширныя владѣнія и при этомъ на мѣстѣ разрѣшали всякаго рода дѣла, какъ тѣ, которыя выдѣлялись изъ общаго уровня и могли бы возбудить у областн. правителей к.-л. сомнѣнія въ ихъ компетентности, такъ, на ряду съ ними, и дѣла менѣе важныя.—Правда, въ Лит.-Русскомъ государствѣ, повидимому, не было такого порядка (въ смыслѣ обязательнаго правила), какой существовалъ въ Польшѣ, а именно что съ прибытіемъ государя въ ту или другую область мѣстные суды (земскіе) прекращали свою дѣятельность и судебныя функціи выполнялъ король. Но фактически нѣчто подобное могло существовать и здѣсь, такъ какъ естественно, что всякій пользовался пребываніемъ вел. князя и стремился свою жалобу или тяжбу представить на его рѣшеніе. По крайней мѣрѣ не только акты конца XV в., но и первой четверти XVI в. свидѣтельствуютъ, что вел. князь во время своего пребыванія въ той или друг. области разрѣшалъ такія мѣстныя суд. дѣла, которыя при друг. условіяхъ едва ли попали бы на его судъ. См., напр., Акты Леонтовича, №№ 220, 255, 278, 307.

будутъ впредь привлекаться къ суду вел. князя; при этомъ въ Судебникѣ прибавлено, что, въ случаѣ отсутствія господаря, виновные должны содержаться въ тюрьмѣ впредь до его возвращенія въ Литву[1]).

Дальнѣйшее развитіе понятія „великихъ дѣлъ“ или „важнѣйшихъ справъ“ принадлежитъ земскому привилею, или шляхетской грамотѣ 1492 г., въ которой впервые встрѣчается и самый терминъ causae graves для обозначенія дѣлъ, подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя. Къ числу такихъ важнѣйшихъ дѣлъ отнесены здѣсь тяжбы объ отчинныхъ имѣніяхъ и дѣла, касающіяся доброй славы и чести („causae

---

[1]) Лит. Судебникъ, ст. 21 (цитуемъ по Христоматіи М. Ф. В.-Буданова). Г. Любавскій, глухо ссылаясь на указанія какихъ-то „другихъ источниковъ“ (они авторомъ не названы), утверждаетъ, что въ данной статьѣ „мы имѣемъ дѣло не съ ограниченіемъ судебной компетенціи мѣстныхъ правителей, но съ предоставленіемъ потерпѣвшимъ жаловаться въ такихъ случаяхъ прямо господарю и панамъ-радѣ, минуя мѣстныхъ правителей; но если потерпѣвшіе обращались къ мѣстнымъ правителямъ, послѣдніе судили дѣла и о насильственныхъ захватахъ земель, и о нападеніяхъ на имѣнья...“ (op. cit., p. 639). Конечно, можно пойти и дальше г. Любавскаго и сказать, что если потерпѣвшіе почему-либо вовсе не возбуждали жалобъ, то въ такихъ случаяхъ никакой судъ не приступалъ къ разсмотрѣнію подобныхъ дѣлъ и къ преслѣдованію виновныхъ въ „наѣздахъ и порубахъ“. Если, однако, мы оставимъ область предположеній и сопоставленій съ неизвѣстными намъ „другими источниками“ (особенно если эти источники несовременны Л. Судебнику, а относятся к.-л. другой эпохѣ) и обратимся къ прямому смыслу данной статьи и совершенно ясной цѣли ея установленія, то неминуемо прійдемъ къ заключенію, что толкованіе г. Любавскаго несогласно съ первымъ и противорѣчитъ второй. Въ этомъ насъ еще больше убѣждаетъ сопоставленіе цитованной статьи съ предшествующей и послѣдующей (20 и 22) статьями, съ которыми она находится въ самой тѣсной связи и въ которыхъ опредѣленно указывается, какимъ путемъ должны разрѣшаться земельные споры. Словомъ, все вмѣстѣ взятое вполнѣ доказываетъ, что законодатель, оставляя за собою судъ надъ виновными въ самоуправномъ разрѣшеніи земельныхъ споровъ и насильственномъ осуществленіи своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ, желалъ именно выдѣлить „наѣзды и порубы“ въ разрядъ дѣяній, квалифицированныхъ и изъятыхъ изъ общей подсудности.

graues super bonis haereditariis, vel fama, seu honoris derogatione")[1]).

Таковы указанія источниковъ, предшествовавшихъ Лит. Статуту 1529 г. Обращаясь затѣмъ къ этому послѣднему и вообще къ эпохѣ перваго Статута, которая собственно и составляетъ предметъ нашего вниманія въ данномъ случаѣ, мы видимъ, что въ это время существовалъ уже цѣлый рядъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія областныхъ судей и подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя, а въ случаѣ его отсутствія также и рады (за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями). Попытаемся же, опираясь на данныя законодательства и дополняя ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и насколько это окажется возможнымъ данными судебной практики[2]), опредѣлить теперь, какія именно дѣла принадлежали въ указанную эпоху юрисдикціи вел. князя, какъ первой и окончательной инстанціи.

Мы уже видѣли, что по свидѣтельству привилея 1492 г. тяжбы о наслѣдственной недвижимой собственности подлежали вѣдѣнію вел. князя. Л. Статутъ 1529 г. не заключаетъ, однако, въ себѣ прямого требованія, чтобы дѣла о дѣдичныхъ и отчинныхъ имѣніяхъ, а равно всякіе друг. земельные споры подлежали исключительно суду вел. князя. Къ такому выводу не позволяютъ прійти также и извѣстные

---

[1]) Zbiór pr. lit., p. 65, § 36; ср. Skarbiec dipl. № 2044 § 36, гдѣ приведенныя нами латинскія слова текста переданы такъ: „ważniejsze sprawy przed księcia wytoczone: o dobra dziedzicsne, cześć i odjęcie slawy". Что именно слѣдуетъ разумѣть подъ категоріей дѣлъ, касающихся доброй славы и чести, объ этомъ см. ниже.

[2]) Благодаря многочисленнымъ изъятіямъ изъ территоріальной подсудности, характеризующимъ эпоху 1-го Статута, чрезвычайно трудно пользоваться судебными актами этой эпохи при рѣшеніи вопроса о томъ, какія дѣла подсудны исключительно или же преимущественно вел. князю. При пользованіи актами назв. рода и для указанной цѣли почти всякій разъ возникаетъ не всегда легко разрѣшимая дилемма: является ли вел. князь судьею въ данномъ случаѣ потому именно, что самое дѣло по своей сущности подлежитъ его юрисдикціи, или, совершенно независимо отъ этого, потому лишь, что тяжущіеся пользовались привилегіей судиться у вел. князя, или даже потому, что имъ удалось добиться этого суда въ видѣ исключенія, т. е. для даннаго только дѣла.

намъ судебные акты. Напротивъ, и Л. Стат. и судебные акты свидѣтельствуютъ, что всякаго рода земельныя тяжбы разрѣшаются (сверхъ полюбовыхъ судей) какъ вел. княземъ и радою, такъ и мѣстными правителями[1]). Слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что разрѣшеніе земельныхъ тяжбъ принадлежало преимущественно вел. князю. Къ этому выводу можно прійти прежде всего на томъ основаніи, что господарь разрѣшалъ иски подобнаго рода не только между князьями и панами (не говоримъ уже о членахъ рады и всѣхъ вообще великокняж. чиновникахъ), но даже между обыкновенными земянами и др. лицами, которыя не пользовались привилегіей судиться лишь у вел. князя[2]). Затѣмъ основаніемъ если не исключительной, то преимущественной юрисдикціи вел. князя въ дѣлахъ подобнаго рода могло служить и то обстоятельство, что всякій переходъ недвижим. имущества, особенно жалованнаго („данинъ"), требовалъ согласія или утвержденія великаго князя[3]). Наконецъ, въ пользу того же соображенія говорятъ еще и слѣд. обстоятельства: земельныя тяжбы часто были связаны съ вопросомъ о силѣ и значеніи жалов. грамотъ[4]), о военной повинности и доходахъ въ казну вел. князя[5]); всѣ же подобнаго рода вопросы подлежали вѣдѣнію господаря.

---

[1]) Л. Стат. 1529 г. VI, 4, 36; VIII, 6, 9, 25; IX, 20. См. также Лит. Метр., кн. Зап. № XVI, лл. 20 об.—21, 34, 53, 64 (здѣсь одною изъ сторонъ была кн. Жилинская), 166, откуда видно, что тяжбы подобнаго рода рѣшалъ воевода витебскій. О томъ же свидѣтельствуютъ и акты болѣе ранняго времени; см. Акты Леонтовича, № 90, 96, 98, 304, 478 (въ послѣднемъ случаѣ зем. тяжбу разбираетъ кіевскій тивунъ). Впрочемъ, тѣ же акты свидѣтельствуютъ также, что рѣшенія мѣстныхъ правителей обыкновенно подтверждались вел. княземъ по просьбѣ одной изъ сторонъ.

[2]) Arch. Sang. IV, №№ 217, 423, 424. Акты, предшествующіе Л. Статуту, во множествѣ свидѣтельствуютъ, что земельныя тяжбы какъ между земянами, такъ и равно и между тяглыми людьми разрѣшалъ вел. князь. См. Акты Леонтовича №№ 56, 92, 98, 130, 147, 182, 192, 200, 202, 205, 249, 250, 254, 257, 279, 289, 291, 304, 375, 428, 434, 444. 490 и др.

[3]) Л. Стат. 1529 г. I, 15, 17, III, 15. Ср. А. З. Р. II, № 159, п. 36.

[4]) См. Акты Леонтовича, № 182, 246 (одно и то же имущество по недоразумѣнію пожаловано было двумъ различн. лицамъ), 257, 586, 640.

[5]) Ibid. № 254.

Еще менѣе существуетъ основаній полагать, что прочія гражданскія дѣла: тяжбы о наслѣдствѣ, вѣнѣ, приданомъ, иски по обязательствамъ, дѣла объ опекѣ и пр., составляли предметъ исключительнаго вѣдомства вел. князя, хотя и въ Статутѣ и въ судебныхъ актахъ мы встрѣчаемъ не мало указаній, что дѣла подобнаго рода разсматривалъ нерѣдко и вел. князь и притомъ даже между лицами, не пользовавшимися освобожденіемъ отъ подсудности мѣстнымъ правителямъ [1]).

Такимъ образомъ, едва ли мы ошибемся, если относительно гражданскихъ дѣлъ прійдемъ къ заключенію, что въ этой области вел. князю въ эпоху перваго Статута не принадлежала к.-л. вполнѣ опредѣленная или исключительная юрисдикція.

Къ иному совершенно выводу приходимъ относительно весьма обширнаго круга дѣлъ, подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя въ области публичнаго и въ частности уголовнаго права: здѣсь вел. князь во многихъ случаяхъ являлся единственнымъ компетентнымъ судьею.

Вѣдѣнію вел. князя принадлежало окончательное разрѣшеніе всякихъ споровъ, связанныхъ съ оцѣнкой силы и значенія различныхъ господарскихъ жалованныхъ грамотъ и всякихъ другихъ „привилеевъ“ или „листовъ“. Принципъ этотъ, ясно выраженный на Городенскомъ сеймѣ 1567 г. [2]), соблюдался, несомнѣнно, и въ эпоху перваго Статута [3]). На этомъ основаніи вел. князю приходилось разрѣшать рядъ самыхъ разнообразныхъ тяжбъ не только между отдѣльными лицами [4]), но и цѣлыми группами населенія той или др.

---

[1]) Л. Стат. 1529 г. I, 17, VI, 14, 34, 36. VIII, 19; IV, 7, 14; Arch. Sang. III, 187, IV, 250; Skarbiec dipl. № 2338; Док. и Рег. I, № 146, 159 и др.

[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, № XVIII, п. 36: „ . . . Разозпанье и выкладъ судовый данинъ подтверженье и листовъ продковъ нашихъ и самихъ Насъ никому иному не належить, только Намъ Господару“.

[3]) Л. Стат. 1529, I, 24; Док. и Рег. II, № 220 и др.

[4]) Таковы были, напр. (о чемъ уже упоминалось), земельныя тяжбы, возникшія вслѣдствіе противорѣчія между жалов. грамотами, т. е.

мѣстности, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ путемъ господарскаго „вырока" регламентировались взаимныя отношенія между тяжущимися, устранялись возникшія по различнымъ поводамъ недоразумѣнія, пререканія, злоупотребленія и т. д. [1]).

Другимъ не менѣе значительнымъ поводомъ для непосредственнаго осуществленія вел. княземъ принадлежавшихъ ему судебныхъ правъ служило то обстоятельство, что все, касавшееся такъ или иначе господарскихъ имѣній и доходовъ [2]), составляло предметъ юрисдикціи вел. князя [3]). Очевидно, что въ этой области, если даже исключить всякаго рода посягательства на господарскія имущества (о чемъ ниже), возникало не мало судебныхъ дѣлъ, которыя приходилось разрѣшать вел. князю на указанномъ выше основаніи. Такъ, напр., на этомъ основаніи въ одномъ случаѣ вел. кн. разсматривалъ дѣло о томъ, правильно ли владѣетъ нѣкій Ивашко Зубковичъ имѣніемъ, которое должно было, какъ выморочное, перейти къ господарю; въ другомъ случаѣ —дѣло о неуплатѣ мыта въ господарскій скарбъ и т. д. [4]). На этомъ же основаніи вел. князь разбиралъ многочисленныя жалобы одной части податного населенія какой-либо мѣстно-

---

пожалованія по недосмотру одного и того же имущества двумъ различн. лицамъ.

[1]) Акты Л.—Р. госуд. I, № 191; Док. и Рег. I, № 131, 149, 179; II, № 202 и др.

[2]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ обозрѣваемую эпоху (точнѣе, до Сигизмунда Августа) еще не существовало точнаго различія между господарскимъ и земскимъ (государственнымъ) скарбомъ, а потому вел. князь въ дѣлахъ указаннаго рода выступалъ не только какъ представитель финансовыхъ интересовъ государства, но и какъ лицо, непосредственно заинтересованное.

[3]) На Виленскомъ сеймѣ 1565—66 г. Сигизмундъ Августъ, заявивъ, что все, „што ся дотычеть властное речи его кор. милости и скарбу его мл. господарского", составляетъ предметъ вѣдомства великокняжескаго суда, сослался при этомъ на „звыклый обычай". Док. М. Арх. Мин. Юст. I, № XIV, стр. 174—175.

[4]) Arch. ks. Sang. III, № 371; Док. и Рег. I, №№ 162—164.

сти на другую объ уклоненіи отъ отбыванія натуральныхъ повинностей и пр. [1]).

Въ нѣкоторой связи съ дѣлами послѣдняго рода находилась очень важная категорія дѣлъ, также подсудныхъ и притомъ исключительно великому князю. Нерѣдко отдѣльныя лица, къ которымъ была предъявлена претензія объ уклоненіи ихъ отъ отбыванія тяглой службы и уплаты податей (дякла и друг. „дачекъ"), въ свое оправданіе ссылались на то, что они свободны отъ тягла и „дачекъ" и отбываютъ только военную службу. Свобода же отъ повинностей и податей служила однимъ изъ доказательствъ принадлежности не къ „простымъ людямъ", а къ шляхетству [2]). На этомъ основаніи во всѣхъ указанныхъ случаяхъ признаніе на судѣ претензіи истцовъ неосновательной сопровождалось одновременно признаніемъ отвѣтчиковъ шляхтой: „при шляхецтве ихъ зоставуемъ, маютъ они службу земскую намъ служити по тому, яко иншые бояре шляхта, а люди волости Вешвенское не маютъ ихъ самыхъ и потомковъ ихъ вжо чересъ то в тую службу тяглую к собе пріискивати", говорится, напр., въ корол. листѣ по дѣлу между тяглыми людьми Вешвенской волости и двумя мѣстными боярами, которыхъ первые желали привлечь „к собе в тяглую службу" [3]). Впрочемъ, признанія шляхетскихъ правъ добивались и независимо отъ указанныхъ

---

[1]) См., напр., Акты Л.—Р. госуд. I № 196; Лит. Метр., кн. Зап. XXVII, л. 6; Акты Вил. Ком., т. XXIV № 59 и др. Примѣрами изъ болѣе ранняго времени могутъ служить: Акты Леонтовича № 518, Arch. Sang. III № 117, 229; Акты Л.—Р. госуд. I, № 61, 69, 150. Нерѣдко, впрочемъ, дѣла подобнаго рода разрѣшали и мѣстные правители, но есть основаніе думать, что стороны не довольствовались ихъ рѣшеніями и обыкновенно представляли послѣднія на утвержденіе вел. князя. См., напр., А. Л.—Р. госуд. I, № 150.

[2]) Акты Леонтовича №№ 236, 253, 293, 302; Акты Вил. Ком. т. XXII, № 646, XXIV, №№ 59, 60, 65 67 и др.

[3]) Акты Вил. Ком., т. XXIV, № 59. См. также ibid. №№ 60, 65, 67 и нѣкот. друг.

случаевъ и съ помощью другихъ также доказательствъ[1]). Не имѣя надобности останавливаться на томъ и другомъ вопросѣ болѣе подробно, замѣтимъ только, что всѣ вообще дѣла о признаніи кого-либо шляхтичемъ составляли предметъ вѣдомства личнаго великокняжескаго суда[2]).

Что касается уголовныхъ дѣлъ, то собирая разбросанныя по всему Л. Стат. 1529 г. постановленія и дополняя ихъ не всегда опредѣленныя указанія данными судебной практики, а иногда и параллельными мѣстами второго Статута, получаемъ нижеслѣдующій болѣе или менѣе полный перечень дѣлъ подобнаго рода, подлежавшихъ исключительно юрисдикціи вел. князя.

Во главѣ ихъ стоитъ довольно обширная группа политическихъ преступленій[3]). Къ числу таковыхъ принадлежатъ: 1) важнѣйшія преступленія этого рода, которыя извѣстны подъ общимъ наименованіемъ „зраженя (ображенія) маестату

---

[1]) Акты Леонтовича, № 330; Лит. Стат. 1529 г. III, 11; Ак. Вил. Ком. т. XXIV, № 29, 80. При „зводѣ (выводѣ) шляхетства“, т. е. при доказательствѣ судебнымъ порядкомъ шляхетства, прибѣгали преимущественно къ свидѣтельскимъ показаніямъ.

[2]) Лит. Стат. 1529 г. III, 11; ср. ib. III, 13 и I, 20; Акты Леонтовича, № 330; Акты Вил. Ком. XXII, № 646; XXIV, № 29, 59, 67, 80. Когда въ 30-хъ XVI ст. нѣкій Микула Хрещовъ „з братьею“ жаловался полоцк. воеводѣ на бобровничаго Яцка Быстрейскаго, что тотъ отрицаетъ ихъ шляхетство, а называетъ ихъ лишь „городовыми дворанами“, то данное дѣло было передано воеводою „на россудокъ“ господарскій: Л. Метрика, кн. Зап. XVI, л. 237 об. Нѣсколько ранѣе того (ibid. лл. 121—122) тотъ же воевода, находя въ аналогичномъ случаѣ „ижъ то есть не наша речь судити о шляхетствѣ, але господарская“, постановилъ препроводить поступившее къ нему дѣло на судъ вел. князя.

[3]) По понятіямъ того времени къ категоріи политическихъ преступленій относились довольно разнородныя преступленія: не только непосредственныя посягательства на особу, верховныя права, имущества и доходы вел. князя, но и всякія друг. дѣянія, въ которыхъ, по мнѣнію законодателя, сказывалось, прямо или косвенно, неуважительное отношеніе къ особѣ господаря. Этой пестротой состава категоріи политич. преступленій объясняется и разнообразіе наказаній, которыми обложены различные виды названныхъ преступленій.

господарского“ и изъ которыхъ 1-й Статутъ называетъ, впрочемъ, лишь одинъ видъ—измѣнническое бѣгство въ непріятельскую землю[1]), за что полагается лишеніе чести и конфискація имущества въ пользу господаря[2]); 2) преступленія противъ верховныхъ правъ вел. князя, куда относятся: a) неподчиненіе или ослушаніе господарскому выроку (въ формѣ возбужденія въ судѣ дѣла, уже рѣшеннаго господаремъ)[3]), b) неуважительное отношеніе къ письменнымъ офиціальнымъ актамъ, исходящимъ какъ отъ вел. князя, такъ и отъ воеводъ, старостъ и державцевъ (въ томъ числѣ—самовольное задержаніе, уничтоженіе и объявленіе этихъ актовъ фальшивыми)[4]), c) поддѣлка великокняжескихъ листовъ и печатей (или пользованіе такими поддѣльными актами и пачатями)[5]), а равно всякихъ друг. документовъ, исходящихъ какъ отъ офи-

---

[1]) О друг. видахъ верховной и земской измѣны, а равно объ оскорбленіи величества въ тѣсномъ смыслѣ, или посягательствѣ на особу государя, Лит. Статутъ 1529 г. умалчиваетъ. Такое умолчаніе не означаетъ, однако, что упомян. виды политич. преступленій не были извѣстны во время изданія названнаго Статута. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что уже въ уставн. земск. грамотахъ не только упоминаются, но и различаются верховная и земская измѣна. См. Систем. сводъ уст. земск. грам., ст. LXXX.

[2]) Л. Стат. 1529 г., I, 2—4. О смертной казни здѣсь не говорится, но изъ 6 арт. 1-го разд. Л. Стат. 1566 г. (см. также Л. Ст. 1529 г., I, 6) видно, что такой бѣглецъ, въ случаѣ поимки, подвергается казни.

[3]) Ibid. I, 23.

[4]) Ibid. I, 11, 12, III, 16 (ср. Л. Ст. 1566 г. 19—21); Док. и Рег. I, № 345.

[5]) Л. Стат. 1529 г. I, 5. Въ друг. мѣстѣ этого же кодекса (VI, 12) предусмотрѣнъ еще одинъ случай составленія подложн. актовъ: представленіе повѣреннымъ на судѣ завѣдомо (лично составленной) подложной довѣренности, за что полагается такая же кара (сожженіе), какъ за поддѣлку государств. актовъ и печатей. Тождественность наказанія для обоихъ видовъ поддѣлки актовъ можно объяснить тѣмъ, что представленіе завѣдомо подложной довѣренности разсматривалось, повидимому, какъ преступленіе противъ судебной власти (введеніе ее въ заблужденіе). См. слѣд. примѣч., а также примѣч. 5 на стр. 118.

ціальныхъ, такъ и частныхъ лицъ[1]), и d) самовольное, безъ великокняж. разрѣшенія, установленіе „новыхъ мытъ" [2]), и наконецъ, 3) преступленія противъ имущественныхъ правъ вел. князя, а именно: а) самовольное овладѣніе („безъ данины", или пожалованія) господарскими землями или обманное полученіе ихъ („хто много за мало упросилъ"...) [3]) и b) самовольное пользованіе господарскимъ имуществомъ [4]).

Къ перечисленнымъ выше преступленіямъ не только въ отношеніи подсудности, но и по характеру, который имъ приданъ законодателемъ [5]), тѣсно примыкаютъ слѣд. общія преступленія: 1) личныя преступленія противъ великокняжескихъ чиновниковъ („врядниковъ земскихъ") и королевскихъ посланцовъ, а равно противъ „служебниковъ" воеводъ, старостъ и державцевъ, при исполненіи какъ тѣми, такъ и другими служебныхъ обязанностей (при чемъ преступленія противъ урядниковъ и посланцовъ вел. князя по наказанію при-

---

[1]) Судебная практика эпохи 1-го Статута показываетъ, что виновные въ составленіи всякаго рода подложныхъ актовъ (и въ томъ числѣ документовъ, исходящихъ отъ частныхъ лицъ), а равно и въ пользованіи такими актами подлежали суду вел. князя. Такъ, когда въ 1532 г. витебскому воеводѣ Глѣбовичу нѣкая „жонка лихая ведяя" представила листъ его предшественника И. Б. Сопеги, въ которомъ тотъ писалъ, что призналъ на судѣ означ. „жонку" „правой" и „жоной доброй", и когда явилось полное основаніе заподозрѣть подлинность представленнаго документа, то дѣло передано было „на розознанье господаръское". Нѣсколько ранѣе того одинъ изъ бывшихъ рогатинниковъ предъявилъ на судѣ подложный листъ одного изъ воеводъ витебскихъ; листъ былъ задержанъ, опечатанъ печатями городничаго и бояръ витебскихъ и отправленъ къ королю, а предъявившій его посаженъ въ тюрьму. Лит. Метрика, кн. Зап. XVI, лл. 97 об.—98 и 41. См. также Arch. ks. Sang. IV, № 401; Док. и Рег. I, № 159 (дѣло о подложномъ долговомъ обязательствѣ), II, № 8.

[2]) Л. Стат. 1529 г. I, 21.

[3]) Ibid. 1, 8.

[4]) Ibid. I, 26.

[5]) Всѣмъ перечисл. ниже преступленіямъ приданъ характеръ оскорбленія господаря. Исключенія не представляютъ и преступленія, указан. въ 3-мъ пунктѣ, ибо они обнаруживаютъ явное неуваженіе къ судебному мѣсту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ вел. князю (см. объ этомъ Л. Стат. 1588 г. I, 14).

равниваются къ „ображенію маестата") [1]; 2) преступленія, совершенныя въ мѣстѣ жительства или пребыванія вел. князя [2]) и 3) личныя преступленія, совершенныя на судѣ (въ частности, когда субъектомъ или объектомъ преступленія этого рода были судьи) [3]).

Къ числу дѣлъ, подлежавшихъ суду вел. князя, принадлежали также [4]) преступленія по службѣ, а равно всякаго рода жалобы на великокняж. чиновниковъ, какъ должностныхъ лицъ, о злоупотребленіи властью и др. „кривдахъ" [5]).

---

[1]) Л. Стат. 1529 г. I, 6, Ш, 16. Ср. Arch. ks. Sang. IV, № 382.

[2]) Собственно прямыхъ указаній на это въ 1-мъ Л. Ст. нѣтъ. Но, съ одной стороны, у многихъ народовъ дѣла, касавшіяся охраненія тишины и спокойствія въ резиденціи короля и даже въ ближайшихъ ея окрестностяхъ подлежали дворцовой юрисдикціи (см., напр., „Исторію госуд. учрежд. Англіи" Гнейста, стр. 353), а съ другой, Л. Стат. 1566 (I, 9, IV, 18) и 1588 гг. (I, 9, IV, 28), значительно сократившіе кругъ подсудныхъ вел. князю дѣлъ, прямо говорятъ, что преступленія, совершенныя въ мѣстѣ пребыванія господаря, подсудны ему. Словомъ, нѣтъ никакихъ основаній полагать, что въ эпоху 1-го Статута было иначе. Кромѣ того, въ Стат. 1529 г. находятся хотя косвенныя, но достаточно ясныя указанія, говорящія въ пользу какъ приведеннаго здѣсь соображенія, такъ и сказаннаго въ текстѣ. См. Л. Ст. 1529 г. VI, 14 и XШ, 23.

[4]) Л. Стат. 1529 г. VI, 21—22 (ср. Л. Ст. 1566 г. IV, 39—41); Arch. ks. Sang. IV, № 192.

[4]) Въ объясненіе послѣдующихъ словъ считаемъ нужнымъ сказать, что хотя въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ разсматриваемую эпоху, какъ то долго было и въ госуд. Московскомъ (Дмитріевъ op. cit., 159; проф. В.-Будановъ: „Обзоръ ист. русск. права", стр. 334), замѣчается смѣшеніе жалобъ на распоряженія и дѣйствія великокняжескихъ чиновниковъ съ частными исками противъ послѣднихъ, такъ какъ и тѣ и другіе разрѣшались одинаково путемъ судебной тяжбы, тѣмъ не менѣе въ Л.—Р. государствѣ уже съ конца XV в. стало вырабатываться надлежащее представленіе, о преступленіяхъ по службѣ; постепенно выдѣлилась группа преступленій этого рода, караемыхъ, въ случаѣ доказанной вины, отнятіемъ урядовъ, державій и пр. и преслѣдуемыхъ независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ (подданныхъ) и наличности потерпѣвшихъ изъ числа этихъ послѣднихъ. См. Zb. pr. lit., p. 63; А. З. Р. II, № 160, п. 19; Л. Статутъ 1529 г., Ш, 5, II, 5, 7, 10.

[5]) Кромѣ цитованныхъ въ концѣ предыдущ. примѣч. источниковъ, см. Л. Ст. 1529 г. I, 13, VI, 1, 2; Док. и Рег. I, № 348, II, № 160; Arch. Sang. IV, №№ 361, 384 и др.

Самостоятельную группу преступленій, подсудныхъ вел. князю, составляли затѣмъ преступленія противъ существовавшихъ правилъ о военной повинности и исполненіи ея, которыя изложены въ особомъ раздѣлѣ Лит. Статута (р. II: „о оборонѣ земской"), а именно: 1) уклоненіе отъ военной повинности или службы (неявка на службу, уклоненіе отъ переписи и „шиху", или смотра, самовольный отъѣздъ) и 2) спеціально-военныя преступленія (неприбытіе отправленныхъ для охраны к.-л. укрѣпленнаго пункта къ своему посту въ назнач. срокъ, а равно самовольное оставленіе поста)[1].

Послѣдній, наконецъ, разрядъ дѣлъ, подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя, и притомъ дѣлъ, поставленныхъ по сравнію со многими другими въ исключительное положеніе въ томъ смыслѣ, что судъ по нимъ, на основаніи категорическихъ указаній памятниковъ XV—XVI вв., принадлежитъ исключительно господарю и никому другому (хотя бы и по господарскому порученію), составляли дѣла, фигурирующія впервые въ земскомъ привилеѣ 1492 г. (въ числѣ другихъ „causae graves") подъ именемъ дѣлъ „super fama seu honoris derogatione"[2]. Нельзя не признать этого выраженія довольно неопредѣленнымъ и открывающимъ широкій просторъ при рѣшеніи вопроса, что́ собственно представляли собою дѣла подобнаго рода. Мало уясняетъ истинный смыслъ приведеннаго выраженія и тотъ артикулъ Л. Стат. 1529 г., бо́льшая часть котораго представляетъ почти буквальный переводъ цитованнаго пункта привилея 1492 года и который гласитъ слѣд.: „Тежъ естли бы хто кому на честь приганилъ, або о добрую славу, а то бы ся ку нашой ясности приточило, всим справедливости чинити будемъ повинни..."[3]. Сопоставленіе, однако, означеннаго артикула съ двумя другими, имѣющимися

---

[1]) Л. Ст. 1529 г., II, 1, 2, 11, 12, 13; среди этихъ статей нѣтъ постановленія еще объ одномъ спеціально-военномъ преступленіи, упоминаемомъ въ послѣдующ. статутахъ (Л. Ст. 1566 г. и 1588 г. II, 14), а именно о бѣгствѣ съ поля сраженія.—Общія преступленія, совершенныя военнослужащими во время похода (Л. Ст. 1529 г. II, 14—16), подлежали суду гетмана.

[2]) Zbiór pr. lit., p. 65, § 36.

[3]) Л. Стат 1529 г. I, 20.

въ томъ же законодательномъ памятникѣ, а равно съ соотвѣтствующимъ ему артикуломъ 2-го Л. Статута [1]) обнаруживаетъ, что въ первомъ изъ нихъ (приведенномъ въ текстѣ) имѣется въ виду не дѣла о признаніи за кѣмъ-либо шляхетства [2]),

[1]) Вотъ упомян. сейчасъ артикулы Л. Ст. 1529 г., изъ которыхъ первый несомнѣнно трактуетъ о томъ же, что и приведенный въ текстѣ, но только спеціально по отношенію къ шляхтѣ, а второй имѣетъ въ виду такъ наз. „зводъ (выводъ) шляхетства" т. е. доказательство послѣдняго въ случаѣ, если бы кто выразилъ сомнѣніе въ шляхетствѣ другого, а равно и наиболѣе употребительный способъ этого доказательства: 1) „Коли бы который шляхтичъ другому нешляхетство задал, або которую иншую речь мовил на него, которая бы шляхетству его о честь и о добрую славу его, и о то былъ до суда позванъ; тогды такъ уставляем: естли бы тот, который другому примовилъ, до суда позваный и тому ся не зналъ, тогды оного приганеного чести и доброй славе не шкодить, ани ся виненъ о тое судом очищати" (Ш, 13; ср. Л. Ст. 1566 г. Ш, 22) и 2) „Теж уставляем, естли бы хто кому рекъ, иж бы не был шляхтичъ, тогды тотъ, хто выводится, мает поставити зъ отца и матки два шляхтича, а тые мають присягнути. А пак ли бы ся род звелъ, а он тубылецъ, тогды бояръ шляхту околичныхъ, которые бы знали его, иж ест шляхтичъ, маетъ поставити... etc." (Ш, 11; ср. Л. Ст. 1566 г. Ш, 16). Что касается затѣмъ 2-го Л. Стат., то въ немъ артикулъ, соотвѣтствующій приведенному въ текстѣ постановленію Стат. 1529 г., гласитъ слѣд.: „Тежъ обѣцуемъ и будемъ повинни *кождому съ подданых нашихъ*, кому бы шло о честь, прудкую а неотволочную справедливость учынити, а если бы на насъ, Господаря, зашли якіе трудности, тогды таковой справѣ въ годъ чотыри роки складаемъ... etc." (I, 24). Ясно, что рѣчь идетъ не объ одной лишь шляхтѣ и не объ одной лишь шляхетской чести. Добавимъ, что и въ привилеѣ 1492 г. и въ 20 арт. I разд. Л. Ст. 1529 г. не упоминается именно шляхетская честь (этимъ, быть можетъ, объясняется и происхожденіе привед. выше 13 арт. III разд.). Кромѣ того, и въ грамотахъ, пожалованныхъ евреямъ, заключался пунктъ, соотвѣтствующій цитованному выше § привилея 1492 г., а именно: „Nullus judeorum pro re infamatoria et bonae famae nociva debet per quemlibet iudicari, nisi per Majestatem Nostram" (Док. и Рег. I, № 116). См. также ниже, прим. на стр 123.

[2]) Такъ, повидимому, думаетъ г. Любавскій (op. cit., p. 640 и p. 753, тез. 492), который, цитуя означ. статью привилея 1492 г. и указывая, что она оставлена въ силѣ Л. Статутомъ 1529 г., говоритъ: „Намѣстники-державцы, какъ и друг. правители, не имѣли права ставить такія рѣшенія, коими рѣшался вопросъ о чьемъ-либо шляхетствѣ, такъ какъ

или шляхетскихъ правъ (хотя, безспорно, дѣла такого рода окончательно рѣшалъ вел. князь)[1]), но нѣчто совершенно другое. Изученіе же памятниковъ судебныхъ и нѣкоторыхъ законодательныхъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что какъ въ указанной статьѣ земскаго привилея 1492 г., такъ и въ цитован. выше 20 арт. 1-го разд. Лит. Статута 1529 г. рѣчь идетъ, во 1-хъ, о всякомъ вообще (ложномъ или справедливомъ) обвиненіи кого-либо въ такомъ преступленіи, за которое въ числѣ наказаній полагается лишеніе чести, при чемъ въ качествѣ субъектовъ подобнаго рода преступленій (точнѣе, въ

нобилитація была исключит. правомъ господаря. Но самыя дѣла, вызывавшія этотъ вопросъ, могли возбуждаться передъ ними, разбираться и даже рѣшаться, если не было никакихъ сомнѣній въ шляхетствѣ; въ противномъ случаѣ намѣстники переносили дѣло на судъ къ господарю."— Кстати замѣтимъ, что г. Любавскій, опредѣляя компетенцію намѣстниковъ-державцевъ и друг. мѣстныхъ правителей (воеводъ и старостъ), на основаніи между проч. Л. Стат. 1529 г., приходитъ къ заключенію, что они „чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи закономъ почти не была ограничена", и что только „дѣла о шляхетствѣ" или „дѣла о шляхетской чести" (оба эти выраженія употребляются авторомъ безразлично, какъ равнозначущія) они должны были переносить на окончательное рѣшеніе господаря (op. cit., pp. 640, 752—753, тез. 487 и 492). Мы, какъ видно изъ всего предыдущаго, на основаніи Л. Стат. 1529 г., современныхъ и нѣкот. предшествовавшихъ ему памятниковъ пришли къ другимъ выводамъ относительно круга судебныхъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдомства мѣстныхъ правителей. Противорѣчіе между нами не было бы столь разительное, если бы г. Любавскій придерживался хронологическихъ предѣловъ, поставленныхъ его темою, и не ссылался бы на Л. Статутъ или, при ссылкѣ на послѣдній, пользовался бы не нѣкот., а всѣми находящимися въ немъ по данному вопросу указаніями. Въ послѣднемъ случаѣ, думаемъ, не было бы и противорѣчія между ними.

[1]) См. выше стр. 115. Лит. Стат. (см. выше стр. 121 прим. 1) и судебные акты свидѣтельствуютъ, что, помимо указан. тамъ случая, „выводъ", или доказательство, шляхетства имѣло мѣсто и тогда, когда кто-либо не признавалъ или отрицалъ шляхетство другого. Дѣла подобнаго рода въ эпоху 1-го Статута, какъ и раньше, подлежали суду вел. князя. См. Акты Леонт. № 330; Лит. Метр., кн. Зап. XVI, л. 237 (см. прим. на стр. 116).

качествѣ обвиняемыхъ) имѣются въ виду не только шляхтичи, но и представители другихъ классовъ свободнаго населенія [1]); а во 2-хъ, о ложномъ обвиненіи (преимущественно въ формѣ ложнаго доноса, но также и въ формѣ обыкновенной клеветы) въ дѣяніи, позорящемъ чьи-либо честь и доброе имя, хотя

---

[1]) Это видно, во 1-хъ, изъ сопоставленія нѣкоторыхъ статей второго и третьяго Лит. Статутовъ. Такъ, въ 39 арт. III разд. Л. Стат. 1566 г. читаемъ: „А *што се дотычеть почтивостей шляхецскихъ*, о то жаденъ съ пановъ радъ, ани судъ замковый, ани тежъ судъ земскій повѣтовый не маеть судити, толко мы сами Господаръ . . . . Вѣдже што *здавна и теперъ*, въ семъ статутѣ, суду замковому належыть, то судъ замковый судити и отправовати маеть“. Третій Статутъ въ артикулѣ, соотвѣтствущемъ сейчасъ приведенному и не заключающемъ въ себѣ ничего по существу новаго, выражается яснѣе: „А *што се дотычеть такихъ речей, о што почьстивость отъсужона бываеть*, кроме тых артыкуловъ, суду замковому належачихъ, в томъ статуте нижей менованыхъ, о то жаденъ с пановъ радъ, а ни судъ замковый, а ни тежъ судъ земъский поветовый не маеть судити, только мы сами господаръ. . . на сойме валномъ . . . судити будемъ“ (Ш, 46). Во 2-хъ, въ пользу высказаннаго нами положенія говоритъ также содержаніе 8 арт. III разд. Л. Ст. 1566 г. (рѣчь идетъ о шляхтичѣ—слугѣ) и уставъ Лит. Трибун. (1581 г.), въ 5-й статьѣ котораго говорится слѣд.: „кому бы шло заразомъ о горло, о почстивость,—о то судъ нигдѣ инъдей, толко до насъ Господара отослати маетъ“.—Такимъ образомъ, рядъ свидѣтельствъ законодательныхъ памятниковъ даетъ основаніе думать, что подъ упоминаемыми (въ числѣ подсудныхъ вел. князю) земск. привил. 1492 г. и Лит. Ст. 1529 г. дѣлами, которыя касаются доброй славы и чести или „приганы (наганы) чести або доброй славы“, слѣдуетъ прежде всего разумѣть дѣла по обвиненію въ преступленіяхъ, караемыхъ лишеніемъ чести и подлежавшихъ, въ качествѣ тягчайшихъ, суду господаря какъ въ эпоху 2-го и 3-го Статутовъ, такъ и раньше. Не подлежитъ также сомнѣнію, что порядокъ, на основаніи котораго преступленія, караемыя лишеніемъ чести, подсудны были по общему правилу вел. князю, имѣлъ въ виду не только шляхту, но и людей всякаго иного „стану“. Этому нисколько не противорѣчатъ слова приведенной выше цитаты изъ 2-го Л. Статута („а што се дотычеть почтивостей шляхецскихъ“) ибо, во 1-хъ, они объясняются лишь мѣстонахожденіемъ даннаго артикула (въ III разд., трактующемъ о правахъ и вольностяхъ шляхетскихъ) и въ Стат. 1588 г. замѣнены уже болѣе широкой формулой, а во 2-хъ, „почтивость“, т. е. честь, а равно и добрая слава, не только во времена первыхъ двухъ Статутовъ,

бы дѣяніе это въ случаѣ, если бы оно было доказано, не влекло за собою лишенія чести, какъ уголовной кары[1]).

но даже и въ третьемъ Статутѣ признавались благами, принадлежащими людямъ всякаго „стану“ (даже и „простого“), а не только шляхтичамъ. См. цитату въ концѣ 1-го примѣч. на стр. 121; Л. Стат. 1529 г. VI, 21—22; Л. Стат. 1588 г., IX, 15, XIV, 4 и др. Подтвержденіемъ вышеизложеннаго можетъ служить также и слѣд. фактъ, взятый изъ эпохи 1-го Статута. Въ 1530 г. два мѣщанина Сегеневичъ и Грешниковичъ жаловались королю на двухъ мытниковъ-евреевъ о незаконномъ задержаніи 9 „штукъ“ воска на томъ основаніи, что означ. воскъ будто бы „былъ чужій, а не ихъ (указ. мѣщанъ), а они за свой пропущали“; при этомъ мытники прямо обозвали означ. мѣщанъ ворами. Мѣщане-жалобщики домогались личнаго суда вел. князя главнымъ образомъ „для того члопку, што ся тычеть чести ихъ, бо естли бы то учинили, тогды бы не толко товаръ свой, але и честь и горла свои тратили“ (Док. и Рег. I, № 134). Добавимъ, что самъ вел. князь, изъ посланія котораго къ Радѣ взятъ приведенный фактъ, не опровергаетъ правильности означеннаго довода жалобщиковъ, приведеннаго ими въ доказательство необходимости личнаго великокняжескаго суда, а ссылается лишь на свое пребываніе за предѣлами Литвы и обремененіе болѣе важными госуд. дѣлами.

[1]) Къ такому выводу можно прійти на основаніи не только различн. указаній Литовск. Статута, но также и нижеслѣд. актовыхъ данныхъ. Въ 1495 г. вел. кн. Александръ разбиралъ между казначеемъ Смоленскимъ кн. Конст. Кроншинскимъ и Борисомъ Семеновичемъ дѣло „о примовку одному отъ другого“: Борисъ Семеновичъ назвалъ кн. Кроншинскаго „татемъ“, а именно, что онъ будто бы „семь волостей господарскихъ закралъ безъ данины“ вел. кн. Казимира и Александра; князь же Кроншинскій обозвалъ Бор. Семеновича „зрадчичомъ“, т. е. сыномъ измѣнника, что̀ повторилъ и на судѣ вел. князя. Такъ какъ обвиненіе кн. Кроншинскаго въ захватѣ „безъ данины“ не подтвердилось (вопросъ объ оскорбленіи наименованіемъ „зрадчича“ на судѣ не разбирался), то вел. кн. постановилъ такую резолюцію: „И Борисъ передъ нами на него о томъ доводу никакого не вчинилъ; и мы въ томъ кн. Константина оправили и *при чести есмо его оставили*“ (Акты Леонтовича, № 212). Добавимъ къ этому, что самовольное, „безъ данины“, овладѣніе господ. землею не каралось (какъ это между проч. видно изъ Л. Ст. 1529 г.) лишеніемъ чести. См. также Акты Леонтовича, № 581; Док. и Рег. I, № 127, а равно актъ, изложенный въ концѣ предыдущаго примѣч.

Подсудность великому князю первой категоріи дѣлъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Преступленія, которыя карались лишеніемъ чести (сопровождаемымъ обыкновенно смертной казнью и конфискаціей имущества), принадлежали къ числу наиболѣе тяжкихъ (сюда относятся, сверхъ важнѣйшихъ государственныхъ преступленій, нѣкоторыя преступленія противъ частныхъ лицъ; напр., по Л. Стат. 1529 г.—родителеубійство). Будучи подсудными (за исключеніемъ указанныхъ въ 39 арт. III разд. Л. Ст. 1566 г. и 46 арт. III р. Л. Стат. 1588 г.)[1]) вел. князю, они естественно влекли за собою судъ этого послѣдняго независимо отъ качества обвиненія (ложно оно или справедливо, основательно или неосновательно, что́, конечно, обнаруживалось лишь при разсмотрѣніи дѣла). Что касается второй указанной категоріи дѣлъ, то сказанное о нихъ требуетъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ объясненій. Не подлежитъ сомнѣнію, что не всякое обвиненіе въ запрещенномъ дѣяніи (особенно, если оно не принадлежало къ числу тягчайшихъ) влекло за собою судъ вел. князя, а лишь такое, которое носило характеръ ложнаго доноса или клеветы[2]) и содержало въ обоихъ случаяхъ указаніе на дѣяніе, хотя бы и не влекшее за собою лишенія чести, какъ уголовной кары, но сопровождавшееся потерею доброй славы, или репутаціи, въ глазахъ согражданъ; не подлежитъ также сомнѣнію, что судъ вел. князя имѣлъ мѣсто въ подобныхъ случаяхъ только тогда, когда жертва ложнаго доноса или клеветы, дорожа своей доброй репутаціей, сама требовала возстановленія послѣдней судебнымъ порядкомъ. Но даже и при такой постановкѣ вопроса не сразу является понятнымъ, почему дѣла подобнаго рода подсудны были вел. князю. По-

[1]) См. цитаты, приведенныя въ началѣ примѣч. на стр. 123.

[2]) Не лишне замѣтить, что по западно-русскому праву не всякая „помовка", „примовка", т. е. упрекъ, оглашеніе вредящихъ чести обстоятельствъ или обвиненіе (послѣднее могло быть и не въ формѣ доноса) въ позорящемъ честь и доброе имя дѣяніи, составляла преступное дѣяніе (клевету), а лишь такая, которая представлялась ложной и не могла быть доказана.

слѣднее можно объяснить прежде всего необыкновенно ревнивымъ отношеніемъ людей „всякого стану“ къ вопросамъ чести, существовавшимъ въ Л.-Русск. государствѣ и создавшимся, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ Запада и въ частности сосѣдней Польши [1]). Кромѣ того, въ Лит.-Русск. государствѣ описываемаго времени (какъ и въ другихъ того же періода) института публичныхъ или офиціальныхъ обвинителей не было. Благодаря этому, а отчасти и друг. обстоятельствамъ, въ немъ весьма была развита система тайныхъ и явныхъ доносовъ, часто совершенно неосновательныхъ и завѣдомо ложныхъ, которые могли принять характеръ и размѣры настоящаго общественнаго бѣдствія, если бы съ ними не боролось само правительство, неоднократно торжественно заявлявшее, что по одному лишь тайному доносу обвиняемый не подвергается наказанію, а всякій ложный доносъ влечетъ за собою для доносчика ту же кару, какая ожидала обвиняемаго въ томъ случаѣ, если бы обвиненіе было доказано [2]). Если, однако, ложный доносъ разсматривался, очевидно, какъ одно изъ посягательствъ противъ судебной власти, то, съ другой стороны, это дѣяніе всегда заключаетъ въ себѣ всѣ признаки клеветы, какъ посягательства противъ чести и добраго имени частныхъ лицъ. Естественно поэтому было, хотя бы въ тѣхъ же видахъ борьбы съ ложными доносами, а также въ видахъ охраны гражданъ отъ послѣдствій клеветническихъ обвиненій, предоставить всякому ложно

---

[1]) Опороченіе всякаго человѣка безъ различія его соціальнаго положенія въ западно-русскихъ законодательныхъ памятникахъ уподобляется иногда нанесенію раны. См. Л. Ст. 1588 г. IX, 15. Дѣянія, даже и не влекшія за собою лишенія чести, какъ наказанія, но сопровождавшіяся потерей доброй славы, или репутаціи, въ глазахъ согражданъ, налагали пятно не только на данное лицо, но и на его потомство. См., напр., Док. и Рег. I, № 127. Отсюда честь и доброе имя нерѣдко цѣнились дороже жизни, отсюда и обращенія за возстановленіемъ ихъ къ самому в. князю.

[2]) См. земск. привилеи 1457 г., ст. 3 и 1492 г., ст. 5 (Zb. pr. lit., p. 59); Системат. сводъ уст. земск. грам. ст. XVI, LXXXII и XCIX; Лит. Статутъ 1529 г. I, 1; Л. Ст. 1566 г. I, 1, 5.

обвиненному въ к.-л. позорящемъ честь и доброе имя дѣяніи право требовать возстановленія ихъ путемъ признанія со стороны самой авторитетной власти, т. е. вел. князя, что предъявленное обвиненіе совершенно неосновательно, а потому и не налагаетъ никакого пятна на честь и доброе имя обвиняемаго или оклеветеннаго. Таковы, кажется, происхожденіе и смыслъ того порядка, въ силу котораго ложный доносъ и вообще ложное обвиненіе влечетъ за собою по иниціативѣ потерпѣвшихъ личный судъ вел. князя [1]).

Таковы данныя о пространствѣ великокняжескаго суда въ эпоху перваго Л. Статута. Мы видѣли, что списокъ лицъ и дѣлъ, подсудныхъ вел. князю, достигалъ почтенныхъ размѣровъ и дѣлалъ вел. князя едва ли не самымъ главнымъ конкурентомъ мѣстныхъ правителей въ области юстиціи. Особенно поражаетъ многочисленность лицъ, изъятыхъ отъ суда послѣднихъ или въ силу спеціальныхъ грамотъ (несудимыхъ или закривальныхъ листовъ), или въ силу закона (постановленій Л. Статута), или, наконецъ, въ силу обычая. Такой порядокъ, какъ мы отчасти видѣли, вызывалъ ропотъ рядовой шляхты, которая уже съ 40-хъ годовъ безпрестанно, хотя долго и безуспѣшно, указывала на то, что привилегія радныхъ пановъ, княжатъ и панятъ, пользовавшихся правомъ не судиться въ „повѣтахъ“, нарушаетъ въ сущности

[1]) Представивъ посильное объясненіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ „дѣлами, касающимися добраго имени и чести“, о которыхъ въ числѣ другихъ дѣлъ, подсудныхъ вел. князю, упоминаютъ земск. прив. 1492 г. и Лит. Стат. 1529 г., мы не претендуемъ на непогрѣшимость нашего объясненія. Для насъ вполнѣ ясно, что затронутый нами вопросъ является по многимъ причинамъ однимъ изъ труднѣйшихъ и весьма сложныхъ вопросовъ, заслуживающимъ болѣе детальной и всесторонней разработки. Во всякомъ случаѣ безспорно то—и это, надѣемся, намъ удалось доказать—что подъ дѣлами подобнаго рода ни въ коемъ случаѣ нельзя разумѣть „дѣла о шляхетствѣ“, т. е. о признаніи за к.—л. шляхетскихъ правъ, а равно дѣла объ одной лишь шляхетской чести.

постановленіе Л. Статута: „штожъ вси у великомъ князьствѣ однымъ правомъ сужоны мають быти“ [1]). Правда, эта ссылка, имѣющая, очевидно, въ виду 9 арт. 1-го разд. Л. Ст. 1529 г., несостоятельна, такъ какъ указанный артикулъ гарантируетъ не одинаковую для всѣхъ подсудность, а однообразіе источниковъ права въ томъ смыслѣ, что изданный кодексъ долженъ быть обязательнымъ для всѣхъ судей и по отношенію ко всѣмъ подданнымъ безъ различія „стана“ и степени достатка тяжущихся [2]). Тѣмъ не менѣе домогательства шляхты, имѣвшей своимъ идеаломъ достиженіе польскаго всешляхетскаго равенства и существовавшихъ не только въ Польшѣ, но и въ одномъ изъ литовско-русскихъ воеводствъ (Подляшскомъ) земскихъ судовъ [3]), не могли остаться безъ воздѣйствія, тѣмъ болѣе, что и самъ вел. князь долженъ былъ прійти къ убѣжденію о невозможности успѣшно справляться съ той массой дѣлъ, которая была оставлена на его долю (а отчасти и на долю замѣнявшей его Рады) Литовскимъ Статутомъ 1529 г.

Оба указанныя обстоятельства были ближайшими причинами, почему второй Л. Статутъ значительно сократилъ кругъ лицъ, а значитъ и дѣлъ, подсудныхъ вел. князю.

Безспорно, самый важный шагъ, какой былъ сдѣланъ въ этомъ направленіи,—это уничтоженіе судебныхъ привилегій, которыми пользовались высшіе слои шляхетскаго сословія. Сдѣланъ онъ на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г., когда принципіально рѣшенъ былъ вопросъ о введеніи земскихъ судовъ. На означенномъ сеймѣ не только всѣ власти, всѣ

---

[1]) Послѣднія слова взяты изъ петиціи, поданной королю на Виленскомъ сеймѣ 1554 г. См. А. З. Р. Ш. № 13 п. 3 (стр. 51).

[2]) „Тежъ хочем и уставляем вечными часы быти хованы, ижъ вси подданые наши такъ убогіи, яко и богатые, которого бы колвекъ ряду або стану были, ровно а одностайно тым писаным правомъ мають сужоны быти.“ Л. Ст. 1529 г. I, 9. Ср. ibid. VI, 1, 2, 37 и др. и Л. Статутъ 1566 г. I, 17.

[3]) Ак. З. Р. Ш. стр. 51—52.

урядники, которымъ принадлежало право юрисдикціи, гарантированное 4-мъ арт. III р. Л. Статута 1529 г., отказались отъ своихъ исключительныхъ правъ, чтобы тѣмъ самымъ дать возможность учредить столь желанные для шляхты земскіе (выборные) суды, но и торжественно былъ провозглашенъ принципъ одинаковой подсудности для представителей всѣхъ разрядовъ военнослужилаго сословія безъ всякихъ исключеній, или, выражаясь словами Бѣльскаго привилея—„никого не выймуючы, почавшы отъ старшого по насъ Господаря ажъ до наименшого“ [1]).

Полтора года спустя (въ декабрѣ 1565 г.), на Виленскомъ сеймѣ король, разрѣшая пользоваться въ судебныхъ дѣлахъ новой редакціей Статута и собираться по повѣтамъ на сеймики, вновь подтвердилъ принципъ, торжественно провозглашенный на сеймѣ 1564 г.: „Дозволяемъ, абы вже тымъ статутомъ новымъ судилися и справовалися *вси станы однакимъ порядкомъ въ повѣтѣхъ и на мѣстцахъ, судомъ засажоныхъ*, передъ врядники, на суды отъ насъ высажоными, водлугъ привилья и наданья на соймѣ Бѣльскомъ...“ [2]).

Начала, провозглашенныя на сеймахъ 1564 и 1565 гг., получили новую и окончательную санкцію во второмъ Л. Статутѣ, вступившемъ въ силу въ 1566 г.: „Тежъ--читаемъ тамъ—уставуемъ и даемъ моцъ вѣчными часы, звирхностью владности нашое господарское съ прозволеньемъ пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ всихъ земль того панства нашого вел. князства Литовского, тымъ врядомъ повѣтовымъ въ кождымъ повѣтѣ, судьи и подсудку, на роки зложоные позывати передъ себе, *судити и справовати всихъ пановъ радъ духовныхъ и свѣцкихъ, княжатъ, пановъ хоруговныхъ, шляхту и бояръ о земскіе речы зъ имѣней однако (и) одностайно*, хто одно кольве въ томъ повѣтѣ имѣнья свои мѣти будетъ, *жад-*

---

[1]) См. Бѣльскій привилей, напечатанный передъ текстомъ Л. Статута 1566 г., стр. 6—7 („Временникъ“, кн. 23).

[2]) А. З. Р. III, № 38.

ного не выймуючы, ани зъ суду именей ихъ не выпущаючы, кромъ насъ Господара и врядниковъ зъ имѣней нашихъ, а не (зъ) ихъ имѣней, тыхъ они судити не могуть, толко мы Господаръ, або тотъ, кому то подъ часомъ воли нашое злецымъ...“ [1]).

Послѣднія слова приведенной цитаты, а равно и другія статьи Л. Стат. 1566 г. ясно показываютъ, что съ уравненіемъ относительно подсудности всѣхъ разрядовъ шляхетскаго сословія уничтожены были въ частности и тѣ судебныя привилегіи, которыми дотолѣ пользовались великокняжескіе урядники: эти послѣдніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они выступали въ процессѣ, какъ частныя лица, впредь не должны были пользоваться изъятіемъ изъ общей подсудности [2]).

Естественно также, что при новыхъ условіяхъ должна была совершенно прекратиться и выдача отдѣльнымъ лицамъ несудимыхъ грамотъ, или закривальныхъ листовъ. Въ пользу этого говорятъ и косвенное указаніе Бѣльскаго привилея [3]), и полное молчаніе новаго статута о закривальныхъ листахъ, и, наконецъ, нижеслѣдующій фактъ. Въ январѣ 1566 г. на Виленскомъ сеймѣ шляхта Бѣльскаго, Дрогичинскаго и

---

[1]) Разд. IV, арт. 2. См. также ibid. III, 39, гдѣ тотъ же принципъ подтвержденъ по отношенію къ суду вел. князя и суду отдѣльныхъ радныхъ пановъ, т. е. воеводъ, старостъ и державцевъ, стоявшихъ во главѣ замковыхъ, или гродскихъ, судовъ, а равно и друг. сановниковъ, которымъ принадлежало въ томъ или друг. случаѣ право суда.

[2]) Кромѣ привед. въ текстѣ цитаты, см. въ особенности р. IV, арт. 45: „Тежъ уставуемъ, ижъ врядниковъ нашихъ, то естъ воеводъ, старостъ, державецъ замковъ и дворовъ нашихъ и тивуновъ зъ ихъ врядовъ, которые отъ насъ держать, кому бы кольвекъ кривда се дѣяла або видѣла, не маетъ ихъ нихто судити, одно за позвы нашими мы сами Господаръ. Але зъ имѣней своихъ и если бы кому якую кривду учынили, тогды передъ судомъ земскимъ будуть повинни становитися и отповѣдати“.

[3]) „Такъ тежъ паномъ воеводамъ и всимъ врадникомъ, гдѣ . . . выламоватися мѣли зъ ровности судовъ, въ которую се теперъ передъ Нами вызнаньемъ своимъ поддали, Мы сами и потомки короли и великіе князи Литовскіе не допустимъ и не дозволимъ. .“ (стр. 8).

Мельницкаго повѣтовъ обратилась къ королю съ просьбой, чтобы всѣ, имѣющіе имѣнія въ этихъ повѣтахъ, не исключая и радныхъ пановъ, подлежали мѣстнымъ судамъ и чтобы король, согласно съ Бѣльскимъ привилеемъ, впредь никому не предоставлялъ изъятій изъ этого правила, а существующія уничтожилъ. Король въ своемъ отвѣтѣ на означ. просьбу заявилъ и притомъ по отношенію не только къ названнымъ повѣтамъ, но ко всему вел. княжеству, что никто не можетъ болѣе пользоваться имѣющимся у него „экземптомъ", т. е. закривальнымъ листомъ, а равно домогаться полученія новаго: „wszelki stan w powiecie swym sądzić sie ma przed sądem ziemskim, y tedy iuz nie może żaden tego exemptu używać, iesli go kto ma, abo o nowy starania czynić" [1]). Такимъ образомъ, не только выдача отдѣльнымъ лицамъ несудимыхъ грамотъ была прекращена, но и выданныя раньше объявлены были утратившими свою силу при новыхъ порядкахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла всякая возможность (которою такъ часто пользовались отдѣльныя лица въ прежнія времена) [2]) обращаться къ суду великаго князя, минуя низшія инстанціи и безъ предварительнаго о томъ соглашенія съ противною стороною: теперь, съ установленіемъ точныхъ и опредѣленныхъ правилъ подсудности, это сдѣлалось уже невозможнымъ, такъ какъ противная сторона всегда могла, ссылаясь на вполнѣ ясныя указанія Статута, заявить споръ

---

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. т. I, стр. 185—186. — „Exempty"—это, несомнѣнно, терминъ, вполнѣ соотвѣтствующій „закривальнымъ листамъ", ибо въ текстѣ далѣе говорится о нихъ слѣд.: „ex quibus rationibus wydan byl komu taki exempt".

[2]) Правда, какъ мы увидимъ ниже (см. гл. 2-ую), попытка воспретить обращеніе къ вел. князю мимо низшихъ судовъ была сдѣлана еще въ 1542 г., но она, во 1-хъ, имѣла въ виду главнымъ образомъ перенос дѣлъ за предѣлы государства, а во 2-хъ, при существованіи разнообразной и неодинаковой для различныхъ лицъ подсудности, попытка эта не могла дать надлежащихъ результатовъ.

о подсудности и потребовать направленія дѣла въ надлежащій судъ. Лучшей иллюстраціей къ сказанному можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ 1579 году архимандритъ Кіево-Печерскаго монастыря Мелетій Хребтовичъ жаловался королю: 1), на кн. А. Полубенскаго объ отнятіи с. Вольницы съ приселками и пр. и 2), на кн. Ярослава Микитинича также объ отнятіи монастырскихъ людей и земли. Король вызвалъ отвѣтчиковъ и истца къ своему суду въ Вильну. Стороны явились на королевскіе позвы, но оба отвѣтчика порознь заявили: „тая справа за тыми позвы суду его милости господарскому не належитъ, але дей нехай отецъ архимандритъ о то до суду належного позываетъ". Королю, получившему отъ своихъ подданныхъ урокъ соблюденія указанныхъ въ Статутѣ правилъ подсудности, ничего не оставалось болѣе, какъ приказать въ обоихъ случаяхъ записать „до книгъ господарскихъ канцелярейскихъ" слѣд.: „Господарь король его мил., не хотѣчи ни въ чомъ Статуту права посполитого нарушивати, тую справу до суду належного отослати рачилъ" [1]).

Что касается затѣмъ предметовъ, на которые простиралась исключительная судебная власть вел. князя послѣ изданія второго Статута, то въ этомъ отношеніи юрисдикція его также подверглась нѣкоторому сокращенію, а именно всѣ гражданскія дѣла и въ частности всякаго рода земельные споры (и въ томъ числѣ осложненные наѣздами, головщинами и пр.) всѣхъ безъ исключенія подданныхъ сдѣлались, какъ это видно уже изъ приведенныхъ выше цитатъ, исключительнымъ достояніемъ земскихъ, а равно подкоморскихъ судовъ. Въ области же публичнаго права и въ частности въ области уголовной юстиціи все осталось, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ своихъ чертахъ, попрежнему съ тою лишь разницею, что второй Статутъ въ подходящихъ случаяхъ [2]) даетъ, сравнительно со Статутомъ 1529 г., болѣе опредѣленныя и полныя (хотя и неисчерпывающія) указанія.

---

[1]) А. З. Р. Ш, № 111.

[2]) Мы имѣемъ въ виду постановленія о подсудности важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ.

Конечно, и теперь, какъ и раньше, вел. князь являлся единственнымъ компетентнымъ судьею при оцѣнкѣ силы и значенія различныхъ королевскихъ грамотъ, листовъ или привилеевъ [1]). Ему же попрежнему принадлежало и право окончательнаго признанія шляхетскихъ правъ за тѣмъ или друг. лицомъ, если права эти вызывали сомнѣнія или если добивались ихъ признанія заинтересованныя въ томъ лица по собственному почину. Великокняжеской же, наконецъ, юрисдикціи подлежали въ эпоху второго Статута, какъ и въ предшествовавшее время, всѣ дѣла, которыя такъ или иначе касались „властной речи его корол. милости и скарбу его мил. господарского“ [2]). На этомъ послѣднемъ основаніи всѣ дѣла, касающіяся господарскихъ имѣній (и въ томъ числѣ такъ назыв. столовыхъ), подлежатъ суду вел. князя [3]), а въ частности „споры, розницы межи кгрунтами господарскими и шляхецкими“, дѣла „о границахъ межы имѣньями господарскими и шляхецкими“ и „о выкупованье имѣней господарскихъ“ [4]). На этомъ же основаніи вел. князю принадлежитъ судъ надъ владѣльцами выслуженныхъ имѣній, уклоняющимися отъ исполненія стародавнихъ натуральныхъ повинностей съ этихъ имѣній и т. п. [5]).

Любопытно, что Статутъ 1566 г. въ своемъ стремленіи предупредить расширеніе великокняжеской юрисдикціи на счетъ мѣстной (повѣтовой) дѣлаетъ первую въ западно-русскихъ законодательныхъ памятникахъ попытку представить полный перечень дѣлъ, подсудныхъ исключительно вел. князю; попытку эту слѣдуетъ, однако, признать весьма неудачной. Говоря это, мы имѣемъ въ виду 9-й артикулъ 1-го разд.

---

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. т. I, стр. 462.

[2]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 174—175; Лит. Стат. 1566 г. I, 9; ср. уставъ Литовск. Трибунала („справы столу и скарбу нашому Господарскому належачые и добръ нашихъ“).

[3]) Л. Стат. 1566 г. IV, 2.

[4]) Ibid. I, 16, IV, 58.

[5]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. т. I, стр. 459—60.

означеннаго Статута. Въ названномъ артикулѣ исчислены дѣла, подлежавшія юрисдикціи великаго князя, въ такомъ порядкѣ: 1) дѣла „о ображенье маестату господарского“, 2) „тежъ хто бы, при дворѣ господарскомъ кого забивщы або кгвалтъ якій учынившы, утекъ“, 3) „хто бы тежъ покой посполитый взрушилъ, яко естъ вышей и ображенье маестату нашого господарского, вышей и ширей, описано“, 4) „хто бы на имѣнью своемъ новое мыто вымышлялъ, або тежъ мытникъ нашъ господарскій и тежъ хто съ подданныхъ нашихъ, маючи стародавные або отъ насъ (т. е. господаря) даное мыто на имѣнью своемъ або въ державѣ своей надъ уставу... што бралъ“, 5) „тежъ листы и мандаты маютъ быти даваны въ речахъ и въ пожиткахъ столу и скарбу нашого господарского належачихъ“ и 6) „о иншые нѣкоторые речы“. Несмотря на это послѣднее крайне неопредѣленное и весьма растяжимое выраженіе, законодатель находитъ, однако, возможнымъ представленный выше перечень закончить словами: „Кромъ вышей мененыхъ артыкуловъ, мандаты никому съ канцеляреи нашое не маютъ быть даваны; а если бы были даваны, тогды сторона оную (о иншую?) речъ, кромъ тыхъ мандатовъ нашихъ, будучы позвана и ставши очевисто, неповинна будеть отказовати“.

Оставляя въ сторонѣ дѣла, упомянутыя въ 5-мъ пунктѣ представленнаго выше перечня, такъ какъ о нихъ (поскольку они не касались посягательствъ на имущественныя права господаря) было уже сказано нѣсколько выше, мы видимъ, что все прочее, перечисленное въ 9 арт. I разд. Статута, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Къ категоріи послѣднихъ относятся также и нѣкоторыя другія дѣла, которыя, хотя фигурируютъ въ цитованномъ выше артикулѣ подъ неопредѣленнымъ и огульнымъ наименованіемъ „иншыхъ нѣкоторыхъ речей“, упоминаются, однако, во многихъ иныхъ мѣстахъ второго Л. Статута, какъ дѣла, подсудныя исключительно вел. князю.

Собирая воедино всѣ указанія, мы получимъ нижеслѣдующія категоріи уголовныхъ дѣлъ, подлежавшихъ юрисдикціи вел. князя въ эпоху второго Статута.

Прежде всего сюда относятся, какъ видно изъ 9-го арт. I разд. Л. Статута 1566 г., политическія преступленія, важнѣйшія изъ которыхъ извѣстны подъ общимъ наименованіемъ—„ображенья маестату господарского" и „взрушенья покою посполитого". Въ частности сюда принадлежатъ: 1) оскорбленіе величества, при чемъ понятію этого преступленія придается весьма широкій смыслъ (таковымъ почитаются не только оскорбленіе величества въ тѣсномъ смыслѣ, но также и посягательства на различныя права, принадлежащія представителю верховной власти, до имущественныхъ включительно, а равно дѣянія, которыя законодатель склоненъ разсматривать, какъ неуваженіе къ особѣ государя) [1]; 2) верховная измѣна [2]) и 3) различные виды земской измѣны [3]).

---

[1]) Оскорбленіе величества въ тѣсномъ смыслѣ составляли слѣд. два извѣстныхъ второму Статуту преступленія: а) посягательство на здоровье вел. князя (I, 3) и b) заочное оскорбленіе его (I, 4). Вслѣдствіе же распространенія понятія этого преступленія на другіе предметы и лица, оскорбленіемъ величества почитались также слѣд. разнообразныя и притомъ неодинаково наказуемыя дѣянія: а) осужденіе господарскаго приговора (I, 27), а равно сопротивленіе приведенію въ исполненіе рѣшеній низшихъ судовъ (IV, 67); b) неуважительное отношеніе къ господарскимъ листамъ и нарушеніе заключающихся въ нихъ великокняжескихъ велѣній (I, 8, 19, 20, 21); с) самовольная и явная чеканка монеты, а равно поддѣлка и уменьшеніе цѣнности ея (I, 3, 13); d) составленіе подложныхъ государственныхъ актовъ и печатей и всякаго рода поддѣлки въ этихъ актахъ (I, 12); е) самовольное установленіе новаго мыта или взиманіе его сверхъ положеннаго размѣра („надъ уставу"; I 9, 25); g) самовольное овладѣніе господарскими землями и такое же пользованіе господ. имуществами (I, 15 и 30); h) личныя преступленія противъ великокняжескихъ посланцовъ (I, 20); i) преступленія, совершенныя въ мѣстѣ пребыванія короля (I, 9, IV, 18), и k) личныя преступленія, совершенныя въ судѣ (IV, 40—41).

[2]) А именно: а) бунтъ противъ господаря и правительства и b) попытка послѣ смерти вел. князя захватить верховную власть (I, 3).

[3]) Л. Статуту 1566 г. извѣстны слѣд. виды земской измѣны: а) сношеніе съ непріятелемъ и помощь ему, b) сдача замка, с) приведеніе непріятельскаго войска въ страну (I, 3), d) измѣнническое бѣгство въ непріятельскую страну (I, 6), е) вывозъ оружія и проч. воинскихъ припасовъ въ непріятельскую землю (III, 41). Суду же вел. князя подлежало и всякое (безъ измѣнническихъ цѣлей) самовольное оставленіе страны (I, 7).

Кромѣ того, суду вел. князя подлежали: 1) преступленія противъ вѣры [1]), 2) преступленія по службѣ [2]) и 3) уклоненіе отъ военной повинности и нарушеніе правилъ, существовавшихъ относительно исполненія этой послѣдней, а также спеціально-военныя преступленія [3]).

Наконецъ, вел. князю принадлежалъ судъ по дѣламъ, касавшимся чести и добраго имени (о которыхъ подробно говорилось выше) [4]), и въ частности по всѣмъ вообще преступленіямъ, караемымъ по закону, сверхъ другихъ наказаній, лишеніемъ чести, за исключеніемъ, однако, тѣхъ изъ нихъ, которыя, выражаясь словами Л. Статута 1566 г., „здавна и теперъ, въ семъ статутѣ, суду замковому належать" [5]). Слѣдуетъ добавить, что судъ по дѣламъ „гдѣ кому идеть о честь и о горло", т. е. влекущимъ за собою смертную казнь и лишеніе чести (и въ томъ числѣ „въ выступахъ коло ображенія маестату господарского", или по важнѣйшимъ политическимъ преступленіямъ), вел. князь, по прямому указанію Л. Статута 1566 г. и „Статутовыхъ поправъ" 1578 г., можетъ производить лишь на сеймѣ и въ Литвѣ [6]).

---

[1]) Л. Стат. 1566 г. XII, 5, VIII, 7; Док. и Рег. II, № 240 (ритуальное убійство и поруганіе Евхаристіи) и Ак. Ю. и З. Р. I, № 173. Надо думать, что такого рода преступленія подлежали суду вел. князя и раньше (въ эпоху перваго Статута). См., напр., А. Ю. и З. Р. I, № 104 (дѣло о совращеніе христіанъ въ іудейство).

[2]) Л. Стат. 1566 г. II, 18, 26; III, 11, IV, 22, 45.

[3]) Ibid. II, 1, 7, 10, 13, 14; Док. Моск. Арх. М. Юст. I, 457—458.

[4]) См. выше стр. 120—127.

[5]) Ibid. I, 4, 24, III, 8, 39 (ср. послѣдній артик. съ III, 46 Л. Стат. 1588 г.), IV, 43. См. также выше примѣч. на стр. 123. Объ упом. дѣлахъ, подсудныхъ во всякомъ случаѣ гродск. суду, см. ibid. IV, 16 и 20, а также выше прим. 1 на стр. 105.

[6]) Ibid. I, 4; „Статутовыя Поправы" 1578 г., приложенныя къ тексту Л. Стат. 1566 г. („Временникъ М. О. И. и Д." кн. 23), стр. 208; Док. и Рег. II, № 240 и А. Ю. и З. Р. I № 173. Изъ послѣднихъ двухъ актовъ видно въ частности, что судъ по обвиненію евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ и поруганіи Евхаристіи долженъ былъ производиться вел. княземъ также на сеймѣ.

Сравнивая кругъ уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ вел. князю въ эпоху второго Статута, съ таковымъ же предшествовавшей эпохи, легко убѣдиться, что они отличаются другъ отъ друга лишь въ деталяхъ и что во всякомъ случаѣ Л. Статутъ 1566 г. не расширяетъ юрисдикціи вел. князя въ области уголовной юстиціи. Этому заключенію нисколько не противорѣчатъ ни бóльшая полнота второго Статута въ исчисленіи отдѣльныхъ преступленій, отнесенныхъ къ той или другой изъ вышеприведенныхъ категорій, ни даже появленіе въ немъ отмѣченной нами группы преступленій противъ вѣры. Первое объясняется не расширеніемъ круга подсудныхъ вел. князю уголовныхъ дѣлъ, а лишь бóльшимъ совершенствомъ и бóльшею полнотою новаго кодекса, сравнительно съ предшествовавшимъ ему [1]); второе же, какъ было упомянуто выше [2]), вовсе не означаетъ, что и раньше въ подобныхъ случаяхъ выступалъ судьею кто-либо другой, а не вел. князь. Мало того: есть основаніе думать, что нѣкоторыя уголовныя дѣла, подсудныя прежде вел. князю, перешли теперь въ вѣдомство низшихъ судовъ [3]).

Изъ всего сказаннаго о предѣлахъ великокняжескаго суда со времени второго Статута во всякомъ случаѣ вытекаетъ, что названный кодексъ въ значительной степени облегчилъ судебную роль вел. князя. Достигнуто это было, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ уничтоженіемъ судебныхъ привилегій, освобождавшихъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя общественныя группы отъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ,

---

[1]) Такъ, напр., безъ всякаго сомнѣнія подробный перечень во 2-мъ Л. Статутѣ различныхъ видовъ измѣны нельзя объяснить тѣмъ, что тѣ изъ нихъ, о которыхъ умалчиваетъ Статутъ 1529 г., или были вовсе неизвѣстны въ эпоху этого послѣдняго, или подсудны были кому-либо другому, а не вел. князю.

[2]) См. выше 1 прим. на предыд. стр.

[3]) Такъ, въ перечнѣ дѣлъ, подсудныхъ по Л. Стат. 1566 г. замковому (гродскому) суду, упоминается между проч. и „фальшъ“, изъ чего можно заключить, что не всѣ дѣла о поддѣлкѣ документовъ и проч. подсудны вел. князю, какъ это было раньше, въ эпоху перваго Статута.

а затѣмъ передачей земельныхъ и иныхъ гражданскихъ тяжбъ, по которымъ прежде вел. князь творилъ судъ на ряду съ областными правителями, исключительному вѣдѣнію мѣстныхъ, преимущественно земскихъ и подкоморскихъ, судовъ.

Дальнѣйшее сокращеніе количества подсудныхъ вел. князю дѣлъ составляетъ уже заслугу устава Главнаго Литовскаго Трибунала и Статута 1588 г.

Выше на протяженіи многихъ страницъ мы трактовали о лицахъ и предметахъ, подсудныхъ вел. князю, какъ первой и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательной инстанціи. Какъ ни многотрудна была роль вел. князя въ качествѣ непосредственнаго судьи по цѣлому ряду самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, ею однако не ограничивались судебныя обязанности вел. князя. Какъ верховному судьѣ и „сторожу справедливости“, т. е. верховному блюстителю правосудія, вел. князю принадлежали также наблюденіе за низшими органами суда, руководство ими, а въ случаѣ надобности и обязанность устранять или исправлять несправедливыя или неосновательныя рѣшенія низшихъ судебныхъ инстанцій. Благодаря этому, на долю вел. князя выпадало разсмотрѣніе также и тѣхъ дѣлъ, которыя побывали уже въ низшихъ судахъ и тамъ разбирались, но не получили почему-либо разрѣшенія, а равно и тѣхъ, по которымъ состоялось уже и самое рѣшеніе.

Переносъ дѣла изъ низшихъ судовъ на судъ вел. князя во все разсматриваемое время могъ быть или по иниціативѣ самихъ судей данной инстанціи, или по жалобѣ заинтересованныхъ лицъ (сторонъ). Первое имѣло мѣсто въ двухъ случаяхъ: или когда дѣло превышало власть мѣстнаго судьи, или когда онъ сомнѣвался въ способѣ рѣшенія вслѣдствіе трудности казуса, отсутствія или неясности закона. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ судья, какъ только убѣждался въ неподсудности ему даннаго дѣла, немедленно передавалъ по-

слѣднее на судъ вел. князя [1]); во второмъ же, какъ свидѣтельствуютъ акты, поступалъ двоякимъ образомъ: или также переносилъ все дѣло на судъ вел. князя [2]), направивъ къ нему же и тяжущихся, или, что̀ было чаще, а въ эпоху второго Литов. Статута обыкновенно, дѣлалъ о поступившемъ дѣлѣ подробный докладъ вел. князю и испрашивалъ его „науки“ [3]), а затѣмъ на основаніи послѣдней постановлялъ рѣшеніе. Остановимся вкратцѣ на второмъ случаѣ, такъ какъ передача дѣла за неподсудностью его на судъ вел. князя составляла въ сущности замѣну одной инстанціи другою—ненадлежащей надлежащею.

Полный переносъ затруднительнаго почему-либо дѣла на судъ вел. князя, практиковавшійся главнымъ образомъ въ болѣе раннее время, можно объяснить желаніемъ судьи избавиться отъ послѣдующей жалобы на его рѣшеніе (мы увидимъ ниже, что апелляція въ сущности представляла собою судъ съ судьею), а въ равной степени отсутствіемъ въ то время правильныхъ понятій объ инстанціяхъ, а слѣд. и о переходѣ дѣлъ. Иныя побужденія руководили судьею и къ инымъ пріемамъ онъ прибѣгалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, встрѣтивъ к.-л. затрудненіе, онъ, однако, не стремился уклониться отъ

---

1) Лит. Метрика, кн. Зап. XVI, лл. 97 об.—98 (дѣло о подлогѣ), 121—122 и 237 об. (дѣла о признаніи шляхетскихъ правъ); Док. и Рег. I, № 345.

2) Акты Леонтовича, № 394 и др.; Лит. Метр. кн. Зап., № XVI, л. 79 об. и № XV, л. 94—95; Док. и Рег. I, № 137, 171, 303, II, № 8, 152.

3) Лит. Метрика, кн. Зап. № XVI, л. 74 (ок. 1532 г.): Когда на судѣ витебскаго воеводы возникло недоумѣніе: „естли тые люди, которые за кимъ будучы у великомъ князствѣ Литовъскомъ в неволи, а будуть полономъ взяты до земли неприятельское, а засе зъ земли неприятельское которым кольвекъ обычаемъ с полону выйдуть и въ землю господаръскую прийдуть, мають быти засе в неволю браны, або на своей земли отчызной сажоны, або ни“,—то судъ отложилъ окончательное рѣшеніе по данному дѣлу впредь до полученія отъ Рады (король въ это время отсутствовалъ) разъясненія вышеозначеннаго недоумѣнія. См. также: Лит. Метрику, кн. Суд. дѣлъ № XLIX, л. 1—3; Док. и Рег II № 241; кн. Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 377 об., актъ № 439.

рѣшенія дѣла, не превышавшаго по своему существу его компетенціи: чувствуя потребность въ совѣтѣ, указаніи или разъясненіи нужнаго закона, онъ по собственной иниціативѣ пріостанавливалъ производство дѣла впредь до сношенія съ вел. княземъ и полученія отъ него „науки". Эта „наука" въ извѣстныхъ случаяхъ (особенно при неполнотѣ или неясности закона) была для судей настоятельно необходима, такъ какъ съ изданіемъ Л. Статута 1529 г. послѣдній былъ объявленъ „тымъ писанымъ правомъ", которымъ „вси подданные... мають сужоны быти" [1]). Правда, судьямъ не возбранялось, въ виду пробѣловъ названнаго кодекса, засвидѣтельствованныхъ самимъ законодателемъ, руководиться въ случаѣ отсутствія нужнаго закона также „стародавнимъ обычаемъ" [2]), но въ то же время Л. Статутъ предписывалъ, при поступленіи жалобы на рѣшеніе какого-либо судьи, прежде всего „книги того права писаного отворити и того смотрети: естли оное право писаное такъ сужоно, яко естъ в тых правех выписано", а самый артикулъ, откуда мы привели настоящую цитату, носитъ слѣд. выразительный заголовокъ: „о судяхъ, абы судили правом писаным; а естли бы иначе соудили, чим мает каранъ быти" [3]).

Неудивительно поэтому, что упомянутыя выше сношенія областныхъ и иныхъ судей съ вел. княземъ, сопровождавшіяся докладомъ послѣднему дѣла, чаще всего происходили, какъ видно изъ актовъ, именно вслѣдствіе отсутствія или неясности закона (дѣйствительныхъ или мнимыхъ) и притомъ не только въ эпоху перваго, но также и второго Статута. Такъ, напр., когда старостѣ луцкому кн. Богушу Корецкому пришлось разсматривать въ гродскомъ луцкомъ судѣ жалобу п. Яновой Монтолтовой на п. Дахна Гуляльницкаго, то онъ (кн. Корецкій) при разсмотрѣніи означ. жалобы встрѣтилъ большое затрудненіе, ибо не нашелъ не только въ дѣйствовавшемъ, но и въ предшествовавшемъ ему (1529 г.)

---

[1]) Л. Стат. 1529 г. I. 9.
[2]) Ibid. VI. 37.
[3]) Ibid. VI. 1.

Статутѣ нужныхъ указаній. Вслѣдствіе этого кн. Корецкій вынужденъ былъ „всю тую справу, яко ся межи тых помененых сторон точила, ку его королевское милости списавши то для даня науки“ отправить, а сторонамъ для явки въ гродскій луцкій судъ назначить новый срокъ, къ которому, по расчету старосты, должна была получиться отъ короля просимая „наука“, т. е. нужныя для дѣла указанія и разъясненія [1]).

Приведенный примѣръ, а равно и сказанное раньше въ достаточной степени знакомитъ насъ какъ съ наиболѣе частыми поводами для доклада, такъ и съ сущностью его [2]). Не останавливаясь болѣе подробно на томъ и другомъ, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе по поводу приведеннаго примѣра, который отнюдь не представлялъ собою единичнаго факта. Если мы иріймемъ во вниманіе, что дѣло происходило уже въ эпоху второго Статута, который былъ значительно полнѣе

---

[1]) Кн. Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 377 об., актъ № 439: „ . . . такое право приточыло, о которомъ въ обнюхъ статутехъ, якъ въ новомъ, такъ въ старомъ, пилно ищучи, жадное науки значное найти есми о том не могли, подле которое бых мог тую справу розсудити и сказати; ино иж я . . . . винен ся во всемъ втекати по науку до маестату его кролевской мил., просячи покорне о науку... абы ми его кролевская мл., нашъ милостивый пан, рачил научити, которым бых я обычаем межи тых помененых сторон... тую справу... розсудити и сказати мел, для чого всю тую справу . . . ку его крол. мил. списавши, то для даня науки мне посылам . . . etc.“.

[2]) Такимъ образомъ, докладъ въ Лит.-Русскомъ государствѣ эпохи Статутовъ сохранилъ свой древній или первоначальный характеръ и составлялъ скорѣе право, нежели обязанность мѣстнаго судьи, и во всякомъ случаѣ не представлялъ собою результата ограниченія судебной власти низшихъ мѣстныхъ судей, что можно сказать о докладѣ въ Московскомъ государствѣ со временъ Судебниковъ. Впрочемъ, слѣды доклада въ этомъ послѣднемъ значеніи можно подмѣтить и въ Лит.-Русск. государствѣ, а именно въ той привилегіи, которая предоставлена была уставн. грамотами лицамъ шляхетскаго сословія Кіевской и Волынской земель по дѣламъ уголовнымъ. См. Систематич. сводъ уст. земск. грамотъ, ст. XXIX и выше примѣч. на стр. 99.

предыдущаго, и что недоумѣніе кн. Корецкаго оказалось неосновательнымъ (онъ не сумѣлъ, какъ видно изъ королевской „науки“ по данному случаю [1]), разыскать въ Статутѣ нужный ему артикулъ), то легко представить себѣ, какая масса докладовъ по различнымъ судебнымъ дѣламъ поступала къ господарю изъ мѣстныхъ судовъ въ эпоху перваго Статута вслѣдствіе дѣйствительной неполноты или неясности закона, а во все разсматриваемое время, кромѣ того, и вслѣдствіе малаго знакомства тогдашнихъ судей съ обязательнымъ для нихъ кодексомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно понять, насколько то и другое обстоятельства содѣйствовали увеличенію и безъ того тяжелаго бремени, лежавшаго на вел. князѣ, какъ верховномъ судьѣ и хранителѣ правосудія.

Но помимо доклада, являвшагося плодомъ инициативы самихъ судей, дѣло и притомъ уже рѣшенное въ низшей инстанціи могло быть, какъ мы упоминали выше, перенесено на судъ вел. князя по апелляціи, или жалобѣ, сторонъ. Апелляціи же, въ свою очередь, увеличивали и въ весьма значительной степени число дѣлъ, которыя приходилось разсматривать вел. князю.

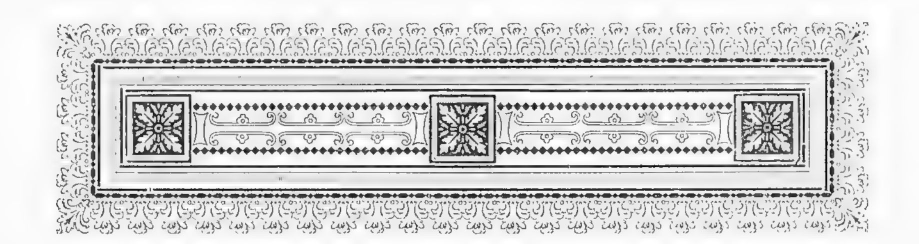
Такъ какъ тяжесть апелляціоннаго производства находилась въ тѣсной зависимости отъ числа судебныхъ инстанцій и тѣхъ правилъ, которыя существовали на счетъ переноса дѣлъ по жалобѣ тяжущихся, то надлежащаго представленія о ней нельзя составить безъ знакомства съ тѣми и другими; эти же послѣдніе вопросы составляютъ предметъ слѣдующей главы нашего труда, въ задачи которой входитъ также краткое изложеніе реформъ въ области судоустройства, произведенныхъ въ эпоху первыхъ двухъ статутовъ и подготовившихъ почву для учрежденія Главнаго Литовскаго Трибунала. Здѣсь же, въ заключеніе настоящей главы, достаточно пока замѣтить, что если въ эпоху перваго Статута главное бремя для вел. князя въ области юстиціи со-

---

[1]) Кн. Кіевск. Центр. Арх. № 2045, л. 467, актъ № 523.

ставляли тѣ дѣла, которыя онъ разсматривалъ непосредственно, т. е. въ качествѣ первой и единственной инстанціи, то зато въ эпоху второго Статута вплоть до учрежденія Главнаго Литовскаго Трибунала такую же роль играли апелляціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Апелляція и судебныя инстанціи до учрежденія Главнаго Литовскаго Трибунала.

I.

Обращаясь къ разрѣшенію вопросовъ, намѣченныхъ въ концѣ предшествующей главы, и въ частности къ вопросу о судебныхъ инстанціяхъ, ихъ числѣ и порядкѣ во все разсматриваемое время, считаемъ весьма не лишнимъ въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія остановиться прежде всего—конечно, лишь въ краткихъ и самыхъ существенныхъ чертахъ—на выясненіи того, что́ именно представляла собою западно-русская апелляція, или переносъ дѣла въ высшую степень суда по жалобѣ тяжущагося на состоявшееся рѣшеніе низшей инстанціи, и какія послѣдствія она влекла за собою. Это тѣмъ болѣе необходимо, что жалоба на судебное рѣшеніе являлась на практикѣ главнѣйшимъ, а по буквѣ закона даже единственнымъ поводомъ или основаніемъ для переноса дѣла въ высшую инстанцію [1]).

---

[1]) О докладѣ, какъ одной изъ формъ переноса дѣла въ высшую степень суда (форма эта, какъ мы видѣли, существовала на практикѣ, хотя и примѣнялась лишь по иниціативѣ самихъ судей), Литовскіе Статуты совершенно умалчиваютъ.

Термины, которые употреблялись для обозначенія жалобы на судебное рѣшеніе, были—„отзываніе" („отзовъ") и „апеляцыя" (апелляція). Оба названные термина, какъ и слова—„отзыватися" и „апелевати", употреблялись и въ эпоху перваго Статута и въ послѣдующее время совершенно безразлично, т. е. какъ синонимы [1]), хотя первый изъ этихъ терминовъ, будучи туземнымъ, предшествовалъ, несомнѣнно, второму, явившемуся позже, и первоначально имѣлъ нѣсколько иной смыслъ [2]).

„Отзываніе, або апеляцыя" [3]) западно-русскаго права, подобно восточно-русскому „пересуду" [4]) и польской „наганѣ" (nagana) или „моціи" (mocya) [5]), весьма долго предста-

---

[1]) См. А. Ю. и З. Р. I, стр. 93; А. З. Р. III, стр. 32—33; Бѣльскій привилей 1564 г., стр. 7; Л. Стат. 1566 г. IV, 21, 61, 64, 70; IX, 7; Л. Стат. 1588 г. IV, 40 и др. Ср. также Zbiór pr. lit, p. 411 (§ 21) и А. З. Р. III, стр. 9—10 (п. 12).

[2]) Литовск. Статуту 1529 г. слова „апелевать", „апеляцыя" еще не извѣстны: взамѣнъ перваго изъ нихъ онъ употребляетъ „отозватися" (VI, 33) или просто (VI, 1)—„жаловати(ся)". Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что слова „отозватися", „отзыватися" употребляются въ означ. Статутѣ не только въ смыслѣ—жаловаться на состоявшееся рѣшеніе, или апеллировать, но также въ смыслѣ—переносить дѣло въ высшую инстанцію до окончанія суда въ низшей (VI, 2, 7 и др.). Въ памятникахъ же, предшествующихъ Л. Статуту 1529 г., названныя слова употребляются исключительно въ значеніи: перенести дѣло въ высшую инстанцію, минуя низшую; замѣнить низшую инстанцію высшей (Систем. сводъ уст. земск. грам., ст. XCII; Акты Леонтовича, № 274; Arch. Sang. III, № 299 и др.). Что касается слова „апелляція", то его можно встрѣтить уже въ актахъ 30-хъ годовъ XVI ст. (Arch. Sang. IV, № 26; А. Ю. и З. Р. I, стр. 93).

[3]) Слова, стоящія въ кавычкахъ, цѣликомъ взяты изъ посланія (1538 г.) Рады къ вел. князю, гдѣ они употреблены рядомъ для выраженія одного и того же понятія. А. Ю. и З. Р., I, стр. 93. Ср. Л. Статутъ 1566 г. IV, 70 („апеляцыя або отзовъ").

[4]) Проф. Владимірскій-Будановъ: „Обзоръ исторіи русск. права", изд. 3, стр. 656.

[5]) Hube: op.cit., p. 395; Balzer: op. cit., 78—79. У перваго изъ этихъ авторовъ указано, что въ Польшѣ еще въ концѣ XIV в. nagana была единственнымъ способомъ обжалованія рѣшенія.—Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что и въ Л. Статутѣ 1529 г. встрѣчается терминъ, несомнѣнно, од-

вляла собою не заявленіе стороны о ея недовольствѣ состоявшимся рѣшеніемъ и просьбу о новомъ разсмотрѣніи дѣла въ высшей инстанціи, а лишь жалобу на судью, обвиненіе его въ составленіи недобросовѣстнаго, пристрастнаго и во всякомъ случаѣ явно неправильнаго рѣшенія по данному дѣлу. Вслѣдствіе этого „отзываніе", или „апеляцыя", имѣла своимъ послѣдствіемъ не новое состязаніе сторонъ въ высшей инстанціи, при чемъ судья, рѣшеніе котораго было обжаловано, оставался совершенно въ покоѣ, а тяжбу между судьею и недовольнымъ тяжущимся, или судъ съ судьею, который, такимъ образомъ, обязанъ былъ явиться къ судоговоренію въ высшую инстанцію и защищать свое рѣшеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и себя. Подтвержденіемъ всему сказанному могутъ служить многіе артикулы „судного" (VI) раздѣла Л. Статута 1529 г. Такъ, во 2-мъ, напр., артикулѣ означ. раздѣла читаемъ: „А естли бы ся виделo подле всказаня которой сторонѣ *кривда*, а бачила бы сторона, ижъ ей не подле права писаного сказывано, тогды мает листа просити в судей сказаня своего, которым обычаемъ вказали на нем, а суди повинни будут ему лист дати под печатою своею; а онъ мает зъ оными судьями перед Нами або перед паны радами нашими на первомъ сойме говорити и лист тых судей вказати"; „А естли бы—говорится въ концѣ 24-го арт. VI разд.—*дана вина о судъ* наместнику, тогды судьи повинны з наместникомъ на року судовомъ перед паны отказывати"; „А естли бы—гласитъ 1-й арт. того же раздѣла—которой стороне сужоной в том *кривда ся видела, жебы не подле того права писаного сужоно....* оный, которому кривда в том будетъ, мает о том на пана врадника нашего нам або паном радам нашим *жаловати*".

Итакъ отзываніе, или апелляція, результатомъ которой былъ судъ съ судьею, имѣла мѣсто лишь въ случаѣ обви-

ного корня съ древне-польскими—„nagana", „naganienie sędziego": „А естли бы судья добре судил и сказал водле тых прав писаных, а онъ ему пригапил..." (VI, 1).

пенія судьи какой-либо стороной въ „кривдѣ“, при чемъ послѣдняя состояла въ томъ, что обжалованное рѣшеніе было по той или другой причинѣ [1]) постановлено несогласно или вопреки „праву писаному“, т. е. Л. Статуту [2]), какъ общему для всего государства кодексу.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Л. Статутъ 1529 года ввелъ (если не считать нѣкоторыхъ подробностей) что-либо новое или отступилъ въ чемъ-либо отъ стараго взгляда по вопросу о сущности „отзыванія“, какъ способа обжалованія рѣшенія, и объ единственно допускаемомъ основаніи для означ. жалобы. Точка зрѣнія на то и другое осталась та же, какая существовала и до изданія Статута. Доказательствомъ того служитъ рядъ судебныхъ актовъ конца XV и нач. XVI вв. Такъ, напр., когда въ 1498 г. нѣмецъ Адамъ Бизевортъ, *игнорируя* состоявшееся уже по тяжбѣ его съ мѣщаниномъ полоцкимъ Кортенемъ рѣшеніе намѣстниковъ—полоцкаго Юрія Пацевича и витебскаго Станислава Глѣбовича (они судили въ данномъ случаѣ по порученію господаря), возбудилъ вновь то же дѣло передъ вел. княземъ [3]), то послѣдній, под-

---

[1]) Неправильности, допущенныя судьею, могли быть результатомъ, во 1-хъ, небрежности, пристрастія или умышленнаго неправосудія, а во 2-хъ, ошибки, вызванной неопытностью или недостаточнымъ знакомствомъ съ „правомъ писанымъ“ и т. п. Хотя Л. Статутъ не выражается достаточно ясно, но, повидимому, онъ имѣетъ въ виду причины перваго рода и въ частности умышленное неправосудіе.

[2]) Что подъ „правомъ писанымъ“ разумѣется именно Л. Статутъ 1529 г., это видно изъ многихъ мѣстъ этого послѣдняго. См., напр., I, 9, VI, 1, 37.

[3]) Мы съ умысломъ подчеркнули слово „игнорируя“, такъ какъ въ данномъ случаѣ было не обжалованіе въ какой бы то ни было формѣ состоявшагося уже рѣшенія, а возбужденіе повершеннаго дѣла вновь, что́, какъ извѣстно, позже было категорически воспрещено (Л. Статут. 1529 г. VI, 19). Такой же характеръ имѣла и тяжба между земянами луцкими Оношкомъ и Семашковичами, рѣшенная раньше луцкимъ старостою (Акты Леонтовича, № 56). Такъ какъ это дѣло попало на судъ вел. князя отнюдь не по жалобѣ на состоявшееся раньше рѣшеніе, то неудивительно, что вел. князь, постановившій „вырокъ“, нѣсколько отлич-

твердивъ рѣшеніе упомянутыхъ намѣстниковъ, прибавилъ въ своемъ судовомъ листѣ: „Вжо тому нѣмцу Адаму о томъ Кортеня не надобе большей того габати; естли бы видѣло ся Адаму, штожъ его панъ Юрей, а панъ Станиславъ негораздо судили, и онъ нехай на нихъ ищетъ, а до Кортеня не маетъ никоторого дѣла“ [1]). Вотъ другой примѣръ изъ судебной практики первой четверти XVI ст. [2]). Земельную тяжбу между Львомъ Боговитиновичемъ и Юріемъ Ильиничемъ судьи, высланные вел. княземъ, рѣшили въ пользу Ильинича, и рѣшеніе это подтвердилъ вел. князь своимъ судовымъ листомъ. Однако, Боговитиновичъ „въ тотъ же часъ по сказаньи нашомъ (т. е. короля), опустившы пана Юрья Илинича, искалъ на тыхъ судьяхъ передъ нами того имѣнья, ижъ они тое имѣнье въ него отсудили безъ прысяги свѣтковъ, *не водлугъ обычая права земского*“. Такъ какъ оказалось, что жалоба Боговитиновича была правильна (при пересмотрѣ рѣшенія и при новомъ допросѣ свидѣтелей, на основаніи показаній которыхъ состоялось обжалованное рѣшеніе, „чотыры ихъ (свѣтковъ) присягнули, а тры присягати не хотѣли“), то король „за тое имѣнье, за Вортоль, которое судьи

ный отъ рѣшенія луцкаго старосты, не сдѣлалъ, однако, послѣдняго „отвѣтственнымъ за нѣкоторый убытокъ, нанесенный Оношку“, какъ выражается г. Любавскій по поводу даннаго акта (op. cit., 645). Такимъ образомъ, г. Любавскій совершенно напрасно видитъ въ данномъ случаѣ одно изъ доказательствъ ограниченія стариннаго порядка, по которому судьи отвѣчали за свои неправильныя рѣшенія, а апелляція представляла собою лишь судъ съ судьею.

[1]) Акты Леонтовича, № 416. См. также ibid., №№ 45, 189; Док. и Рег. I, № 67; А. Ю. и З. Р. I, № 62; Skarbiec dipl. № 2193 и др., откуда видно, что апелляція было не что иное, какъ тяжба между судьею и тяжущимся, недовольнымъ его рѣшеніемъ.

[2]) Изложенная ниже тяжба приведена въ выдержкахъ изъ Лит. Метрики г. Любавскимъ: op. cit., 644, откуда мы и заимствуемъ цитаты. Дополненіемъ къ цитованнымъ г. Любавскимъ документамъ по данному дѣлу служитъ актъ, приведенный въ слѣд. примѣчаніи и заимствованный нами непосредственно изъ Лит. Метрики.

ихъ отъ пана Лва отсудили, на всихъ тыхъ судьяхъ, которые тамъ межы ними съ обу сторонъ были, *толко жъ земли зъ ихъ имѣней*" присудилъ въ пользу Льва Боговитиновича, рѣшеніе же обжалованныхъ судей по отношенію къ Ильиничу оставилъ въ полной силѣ и подтвердилъ за этимъ послѣднимъ спорное имѣніе Вортоль [1]). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что и до Статута апелляція представляла собою судъ съ судьею и имѣла своимъ основаніемъ нарушеніе судьею нормъ матеріальнаго права или существовавшихъ процессуальныхъ правилъ. Единственное различіе заключалось лишь въ томъ, что по буквѣ Статута для апелляціи требовалось нарушеніе судьею „права писаного", а до Статута поводомъ для нея признавалось нарушеніе „обычая права земского", который, конечно, имѣлъ такое же господствующее значеніе, какое съ появленіемъ Статута получило „право писаное" [2]).

---

[1]) Дополненіемъ къ королевскому выроку отъ 3 августа 1522 г., въ которомъ король отвергъ домогательство сыновей умершаго Боговитиновича объ отобраніи отъ Ильинича Вортоля, служитъ другой вырокъ отъ 18 ноября 1522 г., на основаніи котораго судьи по дѣлу между Львомъ Боговитиновичемъ и Юріемъ Ильиничемъ должны были не только вознаградить сыновей Боговитиновича своей землей, но и уплатить имъ всѣ доходы, какихъ за предшествовавшее время истцы (и ихъ отецъ) лишились вслѣдствіе перехода Вортоля къ Ильиничу., Лит. Митрика, кн. Зап. XI, л. 89 об.—90 („Вырокъ Богдану и брати его, Лвовым детем Боговитиновича, с князем Семеном Чорториским, с паном Якубом Кунцевичом и з ынишими, которые будучи судями имене Вортол неслушне от ихъ пану Юрю Илиничу присудили, за што на них самих такъ же великую маетност присужоно").

[2]) Въ виду этого (а отчасти и сказаннаго въ примѣч. 3 на стр. 147) для насъ мало понятны слѣд. слова г. Любавскаго (op. cit., 646): „Статутъ 1529 г. остался на старинной точкѣ зрѣнія (поясн имъ отъ себя: рѣчь идетъ объ апелляціи, какъ тяжбѣ съ судьею), *только* (курсивъ принадлежитъ намъ) касательно тѣхъ случаевъ, когда судьи судили „не подле права писаного", т. е. не по Статуту". Это „только" тѣмъ менѣе умѣстно, что Статутъ, какъ это видно между проч. изъ 37 арт. VI разд., разрѣшаетъ судьямъ, въ случаѣ обнаружившейся неполноты Статута,

Приведенные примѣры позволяютъ думать также, что состоявшееся судебное рѣшеніе немедленно вступало въ законную силу, а потому могло быть приведено въ исполненіе независимо отъ того, послѣдовала ли жалоба на это рѣшеніе, или нѣтъ. Литовскій же Статутъ 1529 г. не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ, ибо прямо предписываетъ, въ интересахъ ускоренія правосудія, всякое судебное рѣшеніе приводить немедленно въ исполненіе даже и въ томъ случаѣ, когда послѣдовало „отзываніе", или жалоба, на данное рѣшеніе: „А когды уже увидится ему по всказанью с кривдою, тогды воземшы выписъ с книгъ сказанья можеть то до нас по собе узяти; а што будет на нем осужоно, естли о именье, тогды в ымене маст быти дано увязане, естли ж шкоды, тогды мают отправены быти; а тым ся отказыванемъ (въ другихъ спискахъ правильнѣе: „отзываніемъ") [1]) жадной справедливости проволока быти не мает" [2]). Правило, по которому апелляція не останавливала исполненія по обжалованному рѣшенію [3]), является вполнѣ послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія сущности и характера тогдашней апелляціи: разъ таковая имѣла личный характеръ по отношенію къ

пользоваться при рѣшеніи дѣлъ „стародавнимъ обычаемъ". Неужели г. Любавскій думаетъ, что въ послѣднемъ случаѣ судьи могли безнаказно нарушать „стародавній обычай"! Тогда зачѣмъ законодатель (см. указ. артик.) разрѣшаетъ судьямъ пользоваться обычаемъ лишь „подъ сумненьем их (т. е. судей)"?

1) Такъ (т. е „отзываніемъ") стоитъ въ спискѣ, напечатанномъ Дзялынскимъ; въ польскомъ переводѣ также: „odzivaniem," и въ латинскомъ—„appelacione". Zbiór pr. lit., p. 251.

2) Л. Стат. 1529 г., VI, 6, въ концѣ.

3) Если мы пріймемъ во вниманіе, что по требованію Статута „отзываніе", или апелляція, должна быть заявлена немедленно послѣ объявленія рѣшенія (VI, 2, 6, ср. Л. Ст. 1566 г. IV, 65), то нельзя не видѣть въ отмѣченномъ (въ текстѣ) явленіи существенную черту отличія отъ польской „наганы" или „моціи", при наличности которой, разъ она была заявлена вслѣдъ за объявленіемъ рѣшенія, это послѣднее не вступало въ законную силу. Balzer, op. cit., 78.

судьѣ, т. е. представляла собою судъ съ судьею, разъ она оставляла въ покоѣ противную сторону и имѣла мѣсто даже въ томъ случаѣ, когда рѣшеніе подтверждено было (какъ это видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ) самимъ вел. княземъ, то понятно, что иного отношенія ко всякому состоявшемуся судебному рѣшенію и не могло быть.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о результатахъ неосновательной апелляціи для самого жалобщика, такъ какъ о нихъ намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ, посмотримъ лишь, какія послѣдствія влекла за собою апелляція для судьи и его рѣшенія въ томъ случаѣ, когда она была вполнѣ основательна, т. е. если дѣйствительно оказывалось, что судья судилъ „не водле права". Приведенные выше примѣры изъ до-статутовой эпохи показываютъ, что на судью въ такомъ случаѣ падала обязанность всячески и въ полной мѣрѣ вознаградить апеллятора, какъ потерпѣвшаго отъ неправильнаго рѣшенія. Означенный принципъ хотя въ общихъ чертахъ и сохраненъ Лит. Статутомъ, но въ подробностяхъ подвергся существенному измѣненію, что́, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ объясняется измѣненіемъ отношенія къ рѣшеніямъ, которыя при провѣркѣ оказывались неправильными. Вотъ что по данному вопросу гласитъ 1-й артик. VI разд.: „Пакли бы тотъ судъ иначе былъ сужон, не такъ, яко есть въ книгах писано(го) права выложоно [1],—тогды мы або панове рада наши мают книги отворити и водле тыхъ правъ писаныхъ, которые есмо всей земли дали, сказаніе вчинити. А естли бы оного судью узнано, иж не подле права писаного всказалъ, мает ему (т. е. обжаловавшему рѣшеніе) [2]) шкоды и на-

---

[1]) Въ спискѣ, напечат. въ XVIII кн. „Временника", стоитъ: „выложоного", а вмѣсто „писаного"—„писано"; оба эти слова въ спискахъ Дзялынскаго и Фирлея написаны правильно.

[2]) Въ спискахъ Дзялынскаго и Фирлея—полнѣе: „А естли бы оного судью узнано, иж не подле права писаного сказал (сказане чинилъ), а оный што будетъ въ томъ шкодовалъ, тогды тотъ, который не подле права сказалъ, мает ему шкоды и наклад оправити...".

клад оправити, а тот суд ни во што обернути; а кому будет суд присудил або на ком што узято, то масть ему вернути без доводу, а што бы шкодовал в накладех и у стравах, на што довод слушный учинит або присягнет, то мает ему судья заплатити.“ Такимъ образомъ, на основаніи прямыхъ указаній Л. Статута, обжалованное рѣшеніе, если оно при пересмотрѣ его оказывалось неправильнымъ, не оставалось неприкосновеннымъ или непреложнымъ, какъ то было раньше, судя по имѣющимся даннымъ, а отмѣнялось и замѣнялось новымъ, согласнымъ съ указаніями закона, при чемъ спорный предметъ или сумма денегъ отбирались у того, кому они были неправильно присуждены. Вслѣдствіе этого обжалованному судьѣ при новыхъ порядкахъ уже не приходилось платиться своимъ имуществомъ для возвращенія апеллятору неправильно присужденныхъ другому тяжущемуся земли, денегъ и т. п.; вслѣдствіе же этого законъ довольствуется возложеніемъ на такого судью обязанности вознагратить потерпѣвшаго лишь за прочіе понесенные послѣднимъ убытки и протори.

Прибавивъ къ сказанному, что порядки, изображенные нами по Л. Статуту 1529 г., оставались безъ видимыхъ измѣненій вплоть до эпохи второго Статута и что во все время дѣйствія перваго Статута апелляція продолжала сохранять характеръ суда съ судьею [1]), перейдемъ затѣмъ къ эпохѣ второго Статута.

Несмотря на нѣкоторую сбивчивость, неполноту и даже противорѣчивость постановленій Л. Статута 1566 г. о суще-

---

[1]) Это видно, напр., изъ актовъ, напечатанныхъ во второмъ томѣ Док. и Рег. подъ №№ 17 и 74 и относящихся къ 1551 и 1557 гг.—Впрочемъ, сказанное сейчасъ (см. текстъ) еще не означаетъ, что мы отрицаемъ возможность зарожденія и даже появленія въ концѣ эпохи 1-го Статута, рядомъ съ апелляціей въ видѣ суда съ судьею, новаго способа обжалованія, который можетъ быть названъ апелляціей съ большимъ основаніемъ, нежели жалоба на неправосудіе судьи, и который, какъ мы увидимъ ниже, уже несомнѣнно извѣстенъ второму Статуту.

ствѣ апелляціи, ея основаніяхъ и послѣдствіяхъ, нельзя не замѣтить, что прежній взглядъ на апелляцію подвергся нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ и что законодательство, хотя и не отрѣшилось отъ прежней точки зрѣнія на апелляцію, начинало, однако, усматривать въ ней нѣчто иное, нежели судъ между недовольною стороною и обжалованнымъ ею судьею.

Правда, и второй Л. Статутъ въ качествѣ основанія для апелляціи видитъ то же самое, что̀ представлялось единственнымъ основаніемъ для нея и раньше, а именно „кривду“ по отношенію къ одному изъ тяжущихся, состоящую именно въ томъ [1]), что судья „справедливости его (тяжущагося) над право уближене учинилъ“, или, иначе —„не водлѣ права“ судилъ [2]). Но, съ одной стороны, законъ не всякую такую „кривду“ считаетъ результатомъ умышленнаго неправосудія, но знаетъ уже и допускаетъ возможность добросовѣстнаго неправаго рѣшенія, т. е. такого, которое было послѣдствіемъ лишь ошибки со стороны судей (вслѣдствіе неопытности ихъ или невнимательности): „А-если бы *што* (*за*)

---

[1]) Помимо уклоненія судьи отъ существующихъ нормъ матеріальнаго или процессуальнаго права, какъ основанія для того вида жалобъ, которыя приносились по поводу состоявшагося рѣшенія, Л. Статутъ 1566 г. знаетъ еще иной видъ „кривды“ со стороны судей по отношенію къ тяжущимся,—это отказъ въ судѣ, или правосудіи: „а если бы—говорится въ 21 арт. IV разд. означ. Статута (цитуемъ не по тексту, напеч. въ 23 кн. „Временника“, гдѣ это мѣсто искажено, а по тексту Почаевской рукописи, изъ которой означ. артикулъ приведенъ нами полностью въ одномъ изъ послѣдующихъ примѣчаній)—воеводове, старостове и державцы наши... справедливости учынити не хотѣли... тогды таковый врядъ нашъ маеть передъ насъ листом нашимъ позванъ быти“. Послѣдній видъ жалобъ на судью можно, въ отличіе отъ первыхъ, назвать частными жалобами (ср. Дмитріевъ: op. cit., p. 292). Сюда же слѣдуетъ отнести и отказъ судьи въ выдачѣ копіи рѣшенія, о которомъ упоминается во 2-мъ артик. VI-го разд. Л. Стат. 1529 г.

[2]) Л. Стат. 1566 г., IV, 21, 61, 65. Для лучшаго пониманія перваго изъ этихъ артикуловъ полезно сравнить его съ вполнѣ аналогичнымъ артикуломъ Статута 1588 г. (37 арт. IV р.). См. слѣд. примѣч.

недойзрѣньемъ ихъ на томъ урядѣ въ справѣ ихъ поблудило, тогды за отозваньемъ стороны на таковыхъ врядниковъ... etc." [1]). Съ другой же стороны, какъ это видно даже изъ буквы закона, не всегда жалоба на рѣшеніе носила личный по отношенію къ судьѣ характеръ, т. е. не всегда имѣла своимъ послѣдствіемъ лишь борьбу недовольнаго тяжущагося съ судьею, въ которой не принимала никакого активнаго участія другая (противная) сторона. Такъ, если изъ 21-го арт. IV р. Л. Статута 1566 г. несомнѣнно вытекаетъ, что судья или судьи, постановившіе рѣшеніе „не водле права", или несогласное „съ правомъ посполитымъ"—хотя бы допущенная ими неправильность была результатомъ лишь одной ошибки съ ихъ стороны — вызывались къ суду высшей инстанціи, куда и должны были явиться лично или черезъ повѣреннаго [2]),— то зато изъ 61-го артикула (того же раздѣла и Статута), имѣющаго въ виду отозванія или апелляціи на рѣшенія всякаго изъ мѣстныхъ судовъ (земскаго, гродскаго или подкоморскаго), можно прійти къ совершенно иному выводу относительно взгляда законодателя на апелляцію и ея послѣдствія для судьи. И дѣйствительно, изъ указаннаго сейчасъ артикула видно, что при разсмотрѣніи апелляціи имѣла мѣсто не борьба стороны съ судьею, рѣшеніе котораго ею было обжаловано, а новое состязаніе, уже въ высшей инстанціи, обоихъ тяжущихся (т. е. апеллятора и противной стороны),—состязаніе, къ которому судья, постановившій первоначальное рѣше-

---

[1]) Л. Стат. 1566 г., IV, 21. Та же мысль выражена полнѣе въ соотвѣтств. артикулѣ Л. Стат. 1588 г. (IV, 37): „А если бы се от оселого вряду *што недозреньем на том уряде и въ справѣ ихъ поблудило, а зъ Статутомъ бы се права посполитого незгожало*, и штобы се стороне которой с кривдою отъ них видело, тогды сторона жалобная в той кривде своей мееть отъ вряду земъского тогожъ повету лист упоминальный взяти, абы панъ воевода, або староста судовый в таковой речи справедливость з урядомъ своимъ ей учинилъ..."

[2]) Изъ 70-го арт. IV р. также видно, что въ случаѣ „апеляцыи або отзова" на рѣшеніе подкоморія послѣдній обязанъ былъ при разсмотрѣніи апелляціи „справы суда своего оказати".

ніе, не обязанъ былъ являться [1]): „Уставуем тежъ—говорится въ назв. артикулѣ—коли бы ся кому съ подданныхъ нашихъ сказанье у суду земского, або замкового, або подкоморого не водлѣ права видѣло, такъ поводовой якъ и отпорной сторонѣ,—тогды будеть кождый тыхъ сторонъ (слѣдуетъ читать: „кождой с тых сторон“), такъ поводовой, яко и отпорной, волно по сказанью судовомъ отозвати(ся) до насъ Господара. А вѣдже тотъ, хто (ся) отзываеть, не масть суду словъ суровыхъ мовити при отозвѣ, одно тыми словы: „пане судья! тое *сказанье твое видитъ ми се не водлѣ права,* одзывамсе съ тымъ до Господара его милости. А по одзыванью, *поки ся передъ нами стороны правомъ розопруть*, судъ отправы чинити не будеть...“

При сопоставленіи обоихъ означенныхъ артикуловъ (21 и 61-го) невольно возникаетъ недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя основаніе или поводъ для обжалованія рѣшенія указанъ въ обоихъ артикулахъ лишь одинъ и притомъ прежній —„судъ не водле права“, или несогласіе постановленнаго рѣшенія съ существующими нормами права, однако само обжалованіе могло, какъ это несомнѣнно вытекаетъ изъ сопоставленія упомянутыхъ артикуловъ, имѣть двоякія послѣдствія: или судъ съ судьею, или новое состязаніе сторонъ въ высшей инстанціи. Какъ ни странно, что одна и та же причина можетъ порождать различныя послѣдствія при одинхъ и тѣхъ же обстоятельствахъ (мы видѣли, что это различіе ничѣмъ другимъ не обусловлено), однако эту странность слѣдуетъ объяснить ничѣмъ инымъ, какъ лишь недостаточно полной, а главное—неясной и даже противорѣчивой формулировкой соотвѣтственныхъ постановленій, происшедшей по вольной или невольной винѣ редакторовъ второго Статута, которые не сумѣли или не могли (хотя бы по неясности для

---

[1]) Послѣднее (необязательность для судьи, рѣшеніе котораго было обжаловано, явки на судъ высшей инстанціи) хотя прямо не указано въ данномъ артикулѣ, но вытекаетъ изъ многихъ судебныхъ актовъ. См., напр., Док. и Рег. II, №№ 302 и 303.

нихъ новаго явленія) вполнѣ отрѣшиться отъ прежняго взгляда на апелляцію и ея основанія и вполнѣ вразумительно изложить и мотивировать новые порядки въ сферѣ апелляціоннаго судопроизводства. Какъ бы то ни было, но ознакомленіе съ постановленіями Статута 1566 г. несомнѣнно убѣждаетъ, что законъ знаетъ уже не одинъ, а два (хотя еще не вполнѣ ясно различаемыхъ) вида или способа обжалованія рѣшенія, одинаково называемыхъ „отозвомъ" или „апеляцыей": первый изъ нихъ, вполнѣ соотвѣтствующій „отзыванію" эпохи перваго Статута, восточно-русскому „пересуду" и польской „наганѣ" (моціи), носитъ личный характеръ и имѣетъ своимъ результатомъ судъ съ судьею; а второй, чуждый личнаго характера по отношенію къ судьѣ, имѣетъ въ виду не обвиненіе послѣдняго, а лишь новое разсмотрѣніе даннаго дѣла высшей инстанціей, при которомъ должны вновь фигурировать и состязаться обѣ стороны, какъ апелляторъ, такъ и его противникъ [1]). Сказанное сейчасъ подтверждается и судебными актами эпохи второго Статута, которые также свидѣтельствуютъ о существованіи въ названную эпоху двухъ указанныхъ видовъ или способовъ обжалованія рѣшеній [2]).

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что оба указанные сейчасъ вида обжалованія извѣстны были и польскому праву: еще въ нач. XVI в. въ Великой и Малой Польшѣ, а равно въ Мазовіи существовало два рода такъ назыв. środków prawnych—моція (mocya или nagana) и апелляція (apelacya); изъ нихъ моція была отмѣнена въ Малой Польшѣ въ 1523 г. (впрочемъ, временно), а въ Мазовіи въ 1529 г. Balzer: op. cit., p. 78—79.

[2]) Въ судебныхъ актахъ всей эпохи 2-го Статута можно встрѣтить массу доказательствъ, что старый способъ обжалованія рѣшеній, а именно „отзываніе або апеляцыя" въ видѣ суда съ судьей, продолжалъ существовать и тогда, какъ и раньше. См., напр., кн. Кіевск. Центр Арх. № 967, л. 6 об., актъ № 3 (1571 г.) и мног. др. На ряду съ прежнимъ, указаннымъ сейчасъ, практиковался и новый способъ обжалованія, сущность котораго состояла не въ жалобѣ на судью, а въ заявленіи тяжущимся недовольства состоявшимся рѣшеніемъ и просьбѣ о пересмотрѣ его въ высшей инстанціи; въ этомъ послѣднемъ случаѣ судья не вызывался въ высшую инстанцію и туда являлись лишь стороны, между которыми и происходило новое состязаніе, при чемъ одна изъ нихъ домо-

Мало того: акты эти позволяютъ подмѣтить даже то, что́, хотя и подготовлено было жизнью или юридической практикой, не получило однако по той или другой причинѣ ясной формулировки во второмъ Статутѣ, а именно — для отзова, или апелляціи, въ ея второй и болѣе новой формѣ [1]) не требовалось на практикѣ ссылки тяжущагося на несогласіе постановленнаго рѣшенія съ существующими нормами права, а достаточно было заявить, что онъ недоволенъ рѣшеніемъ и хочетъ свое дѣло перенести для новаго разсмотрѣнія въ высшую инстанцію [2]).

Чтобы закончить рѣчь объ апелляціи по второму Статуту, намъ остается еще коснуться вопроса, останавливала ли апелляція исполненіе обжалованнаго рѣшенія и какія дальнѣйшія послѣдствія она имѣла для этого послѣдняго. Естественно, что съ расширеніемъ взгляда на апелляцію измѣнилось и отношеніе къ обжалованному рѣшенію: оно уже не приводится въ исполненіе, какъ того требовалъ первый Статутъ, а, напротивъ, всякое исполненіе, согласно прямому и ясному указанію 61-го арт. IV р. Статута 1566 г., пріостанавливается впредь до разсмотрѣнія апелляціи. Самый же пересмотръ въ высшей инстанціи обжалованнаго рѣшенія приводилъ или къ подтвержденію послѣдняго, или же (когда рѣшеніе оказывалось неправильнымъ) къ его отмѣнѣ [3]).

галась отмѣны, а другая утвержденія прежняго рѣшенія. См., напр., Док. и Рег. II, № 302 и въ особенности актъ подъ № 303, который показываетъ, какъ одно и то же дѣло прошло черезъ двѣ инстанціи въ третью, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для ознакомленія съ порядкомъ разсмотрѣнія апелляціонныхъ жалобъ.

[1]) Напомнимъ, что для обоихъ указанныхъ способовъ или видовъ обжалованія существовало не два, а одно названіе.

[2]) См., напр., Док. и Рег. II, № 303.

[3]) Л. Статутъ 1566 г. опредѣленно говоритъ (въ 64-мъ арт. IV р.) собственно лишь о подтвержденіи рѣшенія въ томъ случаѣ, когда апелляція окажется „неслушной". Что же касается судьбы обжалованнаго рѣшенія при основательности апелляціи, то означ. Статутъ не содержитъ въ себѣ на этотъ счетъ прямыхъ и въ видѣ общаго правила указаній. Лишь по отношенію къ рѣшеніямъ подкоморскихъ судовъ въ 70-мъ ар-

Что касается затѣмъ прочихъ послѣдствій апелляціи, какъ въ томъ случаѣ, когда она оказывалась основательной, такъ и тогда, когда она признавалась неосновательной, то о нихъ второй Статутъ, въ противоположность первому, или совершенно умалчиваетъ (напр., по отношенію къ обжалованному судьѣ при основательности апелляціи), или даетъ неполныя и недостаточно ясныя указанія [1]). Не имѣя надобности останавливаться здѣсь на всѣхъ этихъ указаніяхъ, замѣтимъ только, что нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе нужныхъ для нашей цѣли, мы будемъ имѣть случай коснуться въ другомъ мѣстѣ, а именно въ концѣ настоящей главы.

II.

Основываясь на памятникахъ, предшествовавшихъ Литовскому Статуту 1529 г., можно, не рискуя впасть въ погрѣшность или преувеличеніе, утверждать, что правильнаго представленія о судебныхъ инстанціяхъ, а слѣдовательно и о порядкѣ переноса дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, въ до-статутовый періодъ не существовало да и не могло существовать.

Начнемъ съ того, что подъ „отзываніемъ" („отозвомъ") которое позже являлось синонимомъ съ терминомъ „апелляція", разумѣлось не жалоба на состоявшееся уже рѣшеніе низшей инстанціи, а переносъ дѣла изъ этой послѣдней на

тикулѣ сказано, что комиссары, на которыхъ возлагалось разсмотрѣніе апелляцій, „моцни будуть *судъ подкоморого* и границы, *если бы въ чомъ выкрочилъ поправити,* або тежъ если добре судилъ, при моцы зоставити". На основаніи этого частнаго указанія, можно думать, что и по отношенію къ неправильнымъ рѣшеніямъ гродскихъ и земскихъ судовъ второй Статутъ сохранилъ тотъ же порядокъ, какой существовалъ въ эпоху перваго Статута, а именно: такія рѣшенія не только отмѣнялись, но и замѣнялись въ высшей инстанціи новыми.

[1]) Наиболѣе полныя и ясныя указанія даны (въ 70 арт. IV р.) лишь по отношенію къ апелляціямъ на рѣшенія подкоморскаго суда.

судъ вел. князя какъ до наступленія судебнаго разбирательства, такъ и въ любой моментъ судебнаго процесса. Законодательные памятники и другіе акты, исходящіе отъ вел. князя, не только разрѣшаютъ такой переносъ, не обставляя его никакими почти ограничительными условіями, но прямо предписываютъ не чинить сторонамъ препятствій при ихъ желаніи перенести то или другое дѣло на судъ вел. князя, а назначать въ такихъ случаяхъ опредѣленный срокъ для явки сторонъ къ этому послѣднему. Только уклоненіе отъ явки на судъ вел. князя въ назначенный мѣстнымъ правителемъ срокъ разсматривалось, какъ стремленіе избѣжать правосудія, и влекло за собою принудительное привлеченіе уклоняющейся стороны къ мѣстному суду и лишеніе ея права на переносъ дѣла къ господарю.

Приведемъ для подтвержденія сказаннаго нѣсколько выдержекъ изъ памятниковъ до-статутоваго времени. „Который князь, або панъ, або земянинъ—говоритъ уставн. грамота Волынской земли (1509 г.),—стоячи у правѣ передъ старостою, або передъ намѣстники, отозвется до насъ господаря на вышшое право, ино старостѣ и намѣстникомъ нашимъ того имъ не заборонятн и къ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли мають передъ нами стати“. Въ дополненіе къ этому въ аналогичномъ пунктѣ уст. грамоты Кіевской земли читаемъ: „а который бы зъ нихъ (т. е. тяжущихся „отозвавшихся до господаря“) на тотъ рокъ передъ Нами къ праву не сталъ..... отволокая правомъ, тогды воевода нашъ мастъ моцно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждого отзыванья передъ Насъ, и справедливость тому вчинити на обѣ стороны.“ О правѣ одной изъ сторонъ требовать переноса дѣла до его рѣшенія на судъ вел. князя свидѣтельствуютъ и другіе акты. Такъ, въ 1496 г. вел. князь Александръ писалъ державцѣ Ясвоінской волости (каковымъ былъ тогда бискупъ жмудскій) относительно мѣстной шляхты слѣд.: „коли о которомъ великомъ дѣлѣ они отзовутъся до насъ, до господаря, и ты бы имъ того не забороняль, а о посполитыхъ дѣлехъ можешъ и самъ досмотрати межи ними и спра-

ведливость чинити“ [1]). Еще опредѣленнѣе высказался въ 1526 г. Сигизмундъ I. Этотъ государь въ листѣ своемъ къ маршалку дворному Юрію Ильиничу счелъ нужнымъ по одному частному случаю (вслѣдствіе жалобы зем. кобринскаго П. Савицкаго) рекомендовать или, точнѣе, напомнить всѣмъ наиболѣе виднымъ представителямъ судебной власти слѣдующее общее и притомъ необставленное никакими ограниченіями правило: „коли хто отзываеть ся до насъ господаря, Ваша милость панове рады наши маете тыхъ пущчати, а моцно имъ сказанья не делати“ [2]).

Вполнѣ понятно, что при полной возможности избѣжать суда мѣстныхъ правителей (по гражд. дѣламъ достаточно было желанія одной изъ сторонъ) и замѣнить его судомъ вел. князя могло существовать весьма мало поводовъ или, точнѣе, случаевъ для жалобъ на рѣшенія мѣстныхъ правителей вел. князю и что этотъ послѣдній, будучи и въ описываемое время, какъ и позже, „сторожемъ справедливости“, или хранителемъ правосудія, выступалъ чаще въ роли лучшаго, т. е. болѣе безпристрастнаго и желательнаго для всѣхъ судьи, чѣмъ въ роли судьи высшаго, задача котораго устранять несправедливыя или пристрастныя рѣшенія низшихъ судебныхъ органовъ: всѣ, кто только могъ, стремились къ нему не потому, что они были недовольны рѣшеніемъ мѣстнаго суда, а потому что предпочитали этому послѣднему судъ вел. князя.

Другое обстоятельство, свидѣтельствующее въ пользу сказаннаго нами въ началѣ настоящаго параграфа, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и объясняющее отмѣченное тамъ явленіе—это отсутствіе инстанціоннаго отношенія между мѣст-

---

[1]) Акты Леонтовича, № 274.

[2]) Arch. ks. Sang. III, № 299. Косвенное указаніе на то, что до Статута 1529 г. дѣло могло быть прервано разсмотрѣніемъ въ низшей инстанціи въ любой моментъ процесса и перенесено по желанію одной изъ сторонъ на судъ вел. князя, находится во 2 и 6 арт. VI разд. Л. Статута 1529 г. Болѣе опредѣленныя указанія можно найти въ судебныхъ актахъ: см., напр., Акты, изд. Леонтовичемъ, № 189.

ными органами судебной власти. Извѣстно, что судебная власть въ областяхъ принадлежала не только воеводамъ, старостамъ и державцамъ, но также различнымъ ихъ служебникамъ: намѣстникамъ, маршалкамъ и проч., которые замѣняли своихъ принципаловъ при отправленіи правосудія. Мы не имѣемъ, однако, никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что въ до-статутовый періодъ желавшіе „отозваться" отъ суда означенныхъ служебниковъ должны были дѣлать это въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. отъ суда намѣстниковъ или маршалковъ воеводъ и старостъ—сначала къ этимъ послѣднимъ, а уже отъ нихъ къ вел. князю. Напротивъ, приведенная выше цитата изъ Волынской уставной грамоты свидѣтельствуетъ, что отъ суда намѣстниковъ старосты, какъ и отъ суда этого послѣдняго, можно было „отзываться" прямо къ вел. князю.

Итакъ, повторяемъ, въ до-статутовый періодъ не только не было правильнаго понятія о судебныхъ инстанціяхъ, но и не существовало почвы, или благопріятныхъ условій, для его образованія.

Конечнымъ результатомъ такого положенія вещей было постоянное нарушеніе существовавшихъ въ то время правилъ о подсудности и, какъ естественный результатъ послѣдняго, чрезвычайное обремененіе вел. князя такими дѣлами, которыя не превышали компетенціи мѣстныхъ правителей и въ то же время были чужды характера апелляціонной жалобы даже въ томъ смыслѣ, какъ она понималась въ тѣ времена.

Понятно, что рано или поздно, но отмѣченный порядокъ долженъ былъ подвергнуться осужденію и измѣненію. То и другое онъ нашелъ въ Лит. Статутѣ 1529 г. Для насъ несущественно, подъ вліяніемъ какихъ именно причинъ были созданы въ немъ новыя правила. Быть можетъ, этому способствовалъ проектъ о введеніи въ вел. княжествѣ Литовскомъ судоустройства по образцу Польши,—проектъ, который защищала королева Бона и противъ котораго возражалъ въ 1528 или 1529 г. канцлеръ и воевода виленскій Альбрехтъ Гаштольдъ болѣе, впрочемъ, патріотически, чѣмъ убѣ-

дительно [1]). Быть можетъ—и это всего вѣроятнѣе—ближайшей побудительной причиной измѣненія прежнихъ порядковъ было стремленіе вел. князя облегчить свое бремя судебныхъ функцій путемъ упорядоченія судоустройства и судопроизводства. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ безспорно то, что лишь Л. Статуту 1529 г. принадлежитъ честь первыхъ шаговъ къ упорядоченію судебныхъ порядковъ и въ частности къ установленію правильнаго представленія о судебныхъ инстанціяхъ.

Послѣднее выразилось прежде всего въ рядѣ статей о переносѣ дѣлъ изъ суда мѣстныхъ правителей на судъ вел. князя, изъ которыхъ приведемъ въ выдержкахъ двѣ: „В суду нихто ся не мает отозвати перед правом ни до короля, ани до сойму для того, абы в том волокиты не было, але повинен будет отказывати одинъ другому и права достояти ажъ до конца“ [2]); „А отъ жадного права—говорится въ концѣ 6-го арт. VI разд.—до сказаня не мает нихто ся до насъ, Господара, отзывати, нижли мает кожды другому во всяких речах права достояти; а когды уже увидится ему по всказаню с кривдою, тогды воземши выписъ с книгъ сказанья можеть то до нас по собе узяти“. Отсюда видно, что почти безграничное прежде право переноса дѣлъ изъ областного суда на судъ вел. князя впредь до окончанія разбирательства въ первомъ и постановки въ немъ рѣшенія было совершенно отмѣнено, а самый переносъ допущенъ лишь при одномъ условіи,—если состоявшееся рѣшеніе, по убѣжденію одной изъ сторонъ, являлось „кривдою“, т. е. явной несправедливостью; несправедливость же эта, какъ видно изъ друг. мѣстъ Статута, состояла въ томъ, что судья судилъ „не подле права писаного“, т. е. Статута, или не „водле стародавного обычая“, которымъ позволялось пользоваться при недостаткѣ закона [3]).

---

[1]) Возраженія А. Гаштольда на означ. проектъ, а равно и документъ, содержащій въ себѣ опроверженіе доводовъ Гаштольда, хранятся нынѣ въ отдѣлѣ рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

[2]) Л. Стат. 1529 г., VI, 2.

[3]) Ibid., VI. 1, 6, 37. См. выше примѣч. 2 на стр. 149.

Правда, воспрещая „отзываніе“ до рѣшенія того судебнаго мѣста, куда дѣло поступило, законъ въ то же время не заключалъ въ себѣ (на что мы уже указывали выше) воспрещенія обращаться въ высшій судъ, совершенно минуя низшій. Тѣмъ не менѣе однако, нельзя не видѣть въ изложенныхъ выше правилахъ о переносѣ дѣлъ нѣкоторой попытки провести ясное, не существовавшее раньше вслѣдствіе неограниченнаго почти права „отзыванія“, различіе между великокняжескимъ и областнымъ судами, какъ двумя совершенно различными инстанціями—высшей и низшей: дѣло, подсудное низшему суду и поступившее туда, не можетъ попасть въ высшій, т. е. на судъ вел. князя (или Рады), раньше, чѣмъ оно будетъ закончено разсмотрѣніемъ въ первомъ изъ нихъ, и иначе, какъ вслѣдствіе обжалованія состоявшагося уже рѣшенія. Другими словами, означенныя правила создаютъ впервые правильное, насколько то доступно было тогдашнему времени, понятіе объ инстанціяхъ, или степеняхъ суда, и о переходѣ дѣлъ изъ низшихъ въ высшій судъ.

Упорядочивъ переносъ дѣлъ, установивъ, что дѣло, поступившее въ какой-либо изъ низшихъ судовъ, не можетъ быть перенесено на судъ вел. князя впредь до рѣшенія его и обусловивъ этотъ переносъ лишь наличностью кривды, или явнаго нарушенія закона, Л. Статутъ 1529 г., хотя и воздержался пока отъ заимствованія изъ Польши существовавшихъ тамъ судовъ, позаботился однако упорядочить областной судъ и въ частности придать ему болѣе симпатичный для повѣтовой шляхты обликъ и установить градацію мѣстныхъ судебныхъ органовъ.

Мы уже имѣли случай упоминать, что почти всѣ воеводы, старосты и намѣстники-державцы, которымъ принадлежала судебная власть въ областяхъ, соединяли въ своемъ лицѣ по нѣскольку земскихъ и придворныхъ должностей и потому, а равно вслѣдствіе своихъ частныхъ дѣлъ рѣдко имѣли возможность (а можетъ быть, и охоту) исполнять свои судейскія обязанности; эти послѣднія, какъ и нѣкоторыя другія, они поручали обыкновенно своимъ намѣстникамъ и мар-

шалкамъ, которые назначались не вел. княземъ, а самими же областными правителями изъ числа ихъ довѣренныхъ служебниковъ или слугъ. Послѣднее обстоятельство даже и въ первой четверти XVI в., когда шляхетскія тенденціи еще не получили такого развитія, какъ это было въ Польшѣ, не могло не возбуждать нѣкотораго неудовольствія среди повѣтовой шляхты, т. е. бояръ и земянъ, изъятыхъ отъ мѣстной юрисдикціи, и не дѣйствовать болѣзненно на ихъ шляхетское самолюбіе. Этимъ, вѣроятно, главнымъ образомъ и объясняется требованіе Л. Статута, чтобы намѣстники и маршалки воеводъ, старостъ и державцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе отсутствуютъ или почему-либо другому не имѣютъ возможности лично отправлять правосудіе, не судили сами, а совмѣстно съ двумя „присяжными земянами“, или „судьями“, избираемыми областными правителями изъ числа мѣстной шляхты [1]).

Что касается самихъ воеводъ и старостъ, съ одной стороны, и державцевъ (если ихъ „держаніе“ было въ округѣ какого-либо воеводы или старосты), съ другой, то положеніе тѣхъ и другихъ въ іерархическомъ отношеніи было не одинаково, а именно по Л. Статуту 1529 г. державцы, хотя компетенція ихъ въ отношеніи лицъ и предметовъ ничѣмъ не отличалась отъ компетенціи воеводъ и старостъ [2]), были подчинены этимъ послѣднимъ, какъ высшей судебной инстанціи. Это видно изъ того, что апелляціи на рѣшенія державцевъ шли къ воеводамъ и старостамъ, а на рѣшенія этихъ послѣднихъ къ вел. князю или къ замѣнявшей его Радѣ [3]).

---

[1]) Кромѣ того, при каждомъ областномъ правителѣ или его намѣстникѣ на судѣ долженъ быть „присяжный писарь“: Л. Стат. 1529 г., VI, 3.

[2]) Любавскій: op. cit., 808. Конечно, не всѣ державцы обладали одинаковыми судебными правами: мы уже знаемъ, что тѣ изъ нихъ, которые переименованы были изъ тивуновъ, не могли, согласно съ 33 арт. VI разд., судить шляхты.

[3]) Л. Статутъ 1529 г., р. VI, арт. 1: „... А вшакже который бы з державецъ наших таковою речью был обвинен, таковый кождый мает припозван быти передъ воеводу повету своего и будеть повинен суд свой оказывати. А естли бы хто с панов рад наших—воевод и старост..

Такимъ образомъ, Литовскій Статутъ установилъ въ областяхъ двѣ инстанціи, изъ которыхъ низшую составлялъ судъ намѣстниковъ-державцевъ и державцевъ, переименованныхъ изъ тивуновъ, а высшую—судъ воеводъ и старостъ или замѣнявшихъ ихъ намѣстниковъ совмѣстно съ „присяжными земянами“, иначе „повѣтовыми судьями“ [1]).

Всѣмъ указаннымъ выше не исчерпываются, однако, реформы, введенныя первымъ Л. Статутомъ въ области суда. Озабочиваясь, съ одной стороны, желаніемъ ускорить отправленіе правосудія, а съ другой, стремленіемъ сдѣлать бремя суда болѣе равномѣрнымъ для вел. князя, Статутъ уста-

---

также (т. е. въ постановкѣ неправильн. рѣшенія) обвинен мел быти, тогды также мает на першом сойме то отказывати або на року земском“. См. также разд. VI, стр. 33: „...А и такъ, когды ся имъ у праве которой стороне увидить с кривдою, тогды онъ можетъ отозватися до воеводы або до старосты, в котором повете хто з них будетъ; а державцы им того боронити не мають и их мають пустити до воеводы, в которых з них поветехъ хто будеть“.

[1]) Что апелляціи на рѣшенія „урядниковъ воеводиных и старостиных“ (т. е. намѣстниковъ воеводъ и старостъ), судившихъ обязательно совмѣстно съ „присяжными земянами“ или „судьями повѣтовыми“, подавались не воеводамъ и старостамъ, а непосредственно направлялись туда же, куда и на рѣшенія этихъ послѣднихъ, т. е. къ вел. князю или радѣ,—это ясно видно изъ р. VI, артикула 24-го, который въ нѣкоторыхъ спискахъ Статута озаглавленъ такъ: „О пересудъ судья (судей?), которыи будутъ судити безъ бытности воеводъ, з намѣстники ихъ“. Въ концѣ означ. артикула стоитъ: „А естли бы дана вина о судъ намѣстнику (изъ предыдущаго текста видно, что рѣчь идетъ о намѣстникѣ воеводы или старосты), тогды судьи (т. е. „присяжные земяне“) повинни з намѣстникомъ на року судовом (въ нѣкот. спискахъ: „на року судомъ положоным“) передъ паны (т. е. передъ радою) отказывати“ (въ латинск. текстѣ: „in termino iudiciario respondere coram consiliariis“). Такимъ образомъ, судъ низшихъ или, точнѣе, подчиненныхъ воеводамъ и старостамъ судей не составлялъ особой инстанціи, какъ то былъ въ Польшѣ (Balzer, op. cit., p. 80—81), гдѣ староста, земскій судья и подкоморій (каждый въ отдѣльности) являлись второй инстанціей по отношенію къ подчиненнымъ имъ судьямъ, которые въ старостинскихъ судахъ назывались гродскими судьями, а въ земскихъ и подкоморскихъ—коморниками (camerarii).

новилъ судебные сеймы, на которыхъ рада вел. княжества Литовскаго, въ отсутствіе вел. князя, должна была фигурировать въ роли высшаго для всего государства судилища.

Такъ какъ Рада въ качествѣ высшаго и вполнѣ самостоятельнаго въ отсутствіе вел. князя судилища занимала въ теченіе всей эпохи перваго Статута важное мѣсто въ ряду другихъ судебныхъ инстанцій и могла бы при нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ играть еще болѣе видную роль, а съ теченіемъ времени превратиться даже изъ временнаго въ постоянное судебное учрежденіе, то необходимо въ интересахъ и настоящаго и послѣдующаго изложенія остановиться на Радѣ, какъ высшемъ въ отсутствіе вел. князя судилищѣ, нѣсколько подробнѣе.

Извѣстно, что вел. князья литовскіе, бывшіе въ то же время королями польскими, часто отлучались въ Польшу и, задержанные тамъ различными дѣлами, по цѣлымъ годамъ не возвращались въ предѣлы вел. княжества Литовскаго. Такъ, не говоря уже о Казимирѣ и Александрѣ [1]), Сигизмундъ I съ начала своего воцаренія (въ 1506 г.) до изданія Л. Статута 1529 г. покидалъ Литву восемь разъ, при чемъ нѣкоторыя

---

[1]) Впрочемъ, король и вел. кн. Казимиръ, насколько извѣстно, распредѣлялъ свое пребываніе въ Литвѣ и Польшѣ болѣе или менѣе равномѣрно, такъ какъ обыкновенно зиму и весну проводилъ въ Литвѣ, а остальное время года въ Польшѣ и вообще совершалъ весьма частые переѣзды изъ одного государства въ другое. См. Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. VIII—XII.

Что касается короля Александра, то въ короткое сравнительно управленіе этого государя Литвой и Польшей одновременно (съ конца 1501 по августъ 1506 г.) отлучки его въ Польшу не могли обратить на себя такого вниманія, какъ отлучки долго царствовавшаго Сигизмунда I. Къ тому же кор. Александръ, повидимому, предпочиталъ пребываніе въ Литвѣ пребыванію въ Польшѣ. Извѣстно, напр., что вскорѣ послѣ коронованія своего въ Краковѣ король надолго покинулъ Польшу, поручивъ управленіе польскому сенату (радѣ), и возвратился въ Польшу лишь въ 1503 г., послѣ долгихъ и настоятельныхъ со стороны членовъ сената приглашеній поскорѣе пріѣхать въ Польшу.

изъ его отлучекъ продолжались около 3—5 лѣтъ [1]). На время этихъ отлучекъ управленіе и охрана Лит.-Русскаго государства поручались королемъ Литовской радѣ, которой онъ давалъ свои инструкціи и съ которой въ нужныхъ случаяхъ сносился письменно и черезъ пословъ.

Вполнѣ естественно, что тѣ самые паны-рада, которые въ отсутствіе господаря были полномочными правителями страны, заботились объ ея охранѣ отъ внѣшнихъ враговъ, вели переговоры съ сосѣдями и пр., должны были являться замѣстителями вел. князя также и въ сферѣ суда. И дѣйствительно, уже въ Судебникѣ 1468 г. радѣ предоставлены были на время отсутствія господаря нѣкоторыя судебныя функціи. Это видно изъ того, что потерпѣвшимъ отъ самоуправнаго возстановленія кѣмъ-либо своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ на спорныя земли Судебникъ предоставляетъ жаловаться въ отсутствіе господаря панамъ-радѣ, а этимъ послѣднимъ предписываетъ разслѣдовать подобныя жалобы и виновныхъ въ „наѣздахъ и порубахъ“

---

[1]) Число отлучекъ кор. Сигизмунда изъ предѣловъ Литвы и продолжительность каждой изъ нихъ можно опредѣлить съ помощью точныхъ указаній, имѣющихся въ Acta Tomiciana (t. I, pp. 11, 14, 15, 19, 22, 31, 45—46, 135, 136, 179; t. II, p. 142, 215; t. III, p. 345, 447; IV, 254; V, 3; VI, 16, 192; X, p. 173—174 и др.), а равно при помощи датъ исходившихъ отъ короля актовъ, которые помѣщены какъ въ названномъ, такъ и въ друг. изданіяхъ документовъ (Arch. ks. Sang., А. З. Р. и пр.). На основаніи этихъ данныхъ получается нижеслѣдующій списокъ, указывающій (съ приблизительною точностью), когда и какъ долго Сигизмундъ I находился внѣ предѣловъ Литовскаго государства: 1) съ янв. до мая 1507 г., 2) съ декабря 1507 до мая 1508 г., 3) съ февр. 1509 до мая 1511 г., 4) съ октября 1511 до іюня 1513 г., 5) съ января (4 февр. король былъ уже въ Краковѣ) до декабря 1515 г. (5 декабря король былъ уже въ Брестѣ), 6) съ конца 1517 (покинулъ Вильну 3 дек., а пріѣхалъ въ Краковъ 1 янв.) до полов. ноября 1518 г., 7) съ января 1519 г. (уѣхалъ изъ Бреста 3 янв., пріѣхалъ въ Краковъ 18 янв.) до конца янв. 1522 г. (выѣхалъ изъ Петрокова 7 янв., пріѣхалъ въ Гродно 2 февраля) и 8) съ декабря 1522 (выѣхалъ изъ Вильны 4 или 9 дек.) до марта (1-го апрѣля король былъ уже въ Вильнѣ) 1528 г.

подвергать предварительному тюремному заключенію впредь до возвращенія вел. князя, который по совѣту съ радой окончательно рѣшаетъ вопросъ о наказаніи [1]). Изъ актовъ же первой четверти XVI в. и вообще предшествующихъ Л. Статуту вытекаетъ далѣе, что судебныя права рады ко времени изданія послѣдняго фактически еще болѣе расширились, очевидно, благодаря слишкомъ продолжительнымъ отлучкамъ Сигизмунда I, принявшимъ характеръ хроническаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ актовъ мы видимъ, что въ однихъ случаяхъ рада судитъ и рѣшаетъ дѣла по порученію вел. князя, а въ другихъ даже и независимо отъ этихъ порученій, какъ вполнѣ самостоятельное судебное учрежденіе, замѣняющее короля и играющее поэтому роль высшаго судилища. Такъ, въ 1524 г. король письменно изъ Кракова поручаетъ „всимъ панамъ", т. е. радѣ въ полномъ ея составѣ, разсмотрѣть и рѣшить: 1) денежную претензію Михеля Езофовича къ сыновьямъ умершаго Авраама Езофовича, и 2) жалобу того же Михеля на маршалка дворнаго Ю. Ильинича объ отнятіи Брестскаго войтовства [2]). Изъ другого затѣмъ акта узнаемъ, что въ декабрѣ 1524 г. послѣ окончанія Брестскаго сейма нѣкій мѣщанинъ жаловался непосредственно радѣ на слугу мытника М. Езофовича, и рада поручила разсмотрѣть дѣло одному изъ своихъ членовъ, а именно виленскому воеводѣ и канцлеру Альбрехту Гаштольду [3]). Далѣе въ мартѣ того же (1524) года Сигизмундъ I изъ Кракова писалъ старостѣ владимірскому кн. Сангушку, чтобы онъ не приводилъ въ исполненіе своего рѣшенія о взысканіи съ Левка Ласковича въ пользу Федковой Ласковичовой нѣкоторой суммы денегъ, а представилъ бы означенное рѣшеніе на ближайшемъ сеймѣ радѣ вел. княж. Литовскаго для обсужденія, согласно ли оно съ „правомъ волынскимъ и обычаемъ права земского" [4]). Нѣсколько позже (въ 1526 г.) тотъ же король

---

1) Л. Судебникъ Казимира, ст. 21; см. также выше, стр. 109—110.

2) Док. и Рег. I, № 83. См. также Arch. ks. Sang. III, № 321.

3) Док. и Рег. I, № 103. См. также ibid. № 120.

4) Arch. ks. Sang. III, № 272.

предписывалъ членамъ комиссарскаго суда по дѣлу между кн. Θ. Чорторыйскимъ и кн. Андр. Сангушкомъ, чтобы они „справедливость наконецъ вчинили, не откладаючи того до насъ господаря, ани до пановъ радъ нашихъ“ [1]), изъ чего ясно видно, что рада разсматривается уже, какъ высшая инстанція, наравнѣ съ вел. княземъ. Приведемъ еще одинъ примѣръ. Земельная тяжба между плебаномъ Кропинскимъ Войтехомъ и госп. дворян. Овсяникомъ, прежде чѣмъ она по иниціативѣ судей попала (въ 1528 г.) на судъ вел. князя, поступила въ его отсутствіе на разсмотрѣніе рады, а эта послѣдняя подобно тому, какъ поступалъ въ аналогичныхъ случаяхъ король, выслала на спорную землю комиссаровъ, при чемъ дала имъ „науку,—хто бы въ земъли был прав, тотъ и въ кгвалтехъ (правъ)“ [2]).

Такимъ образомъ, и до Статута 1529 г. Литовская рада фактически играла роль высшаго суда, замѣняя собою отсутствующаго вел. князя въ области юстиціи такъ же, какъ и въ другихъ сферахъ государственной дѣятельности.

Это, однако, вовсе не избавляло вел. князя отъ обремененія судебными дѣлами: многіе тяжущіеся и въ томъ числѣ всѣ, жаждавшіе непосредственнаго, т. е. личнаго, господарскаго суда, предпочитали обращаться къ королю за предѣлами Литовскаго государства или ожидать его возвращенія, что, конечно, порождало или судебную волокиту и массу издержекъ, или скопленіе дѣлъ, буквально заваливавшихъ вел. князя, какъ только онъ прибывалъ въ Литву. Причинъ для такого во всякомъ случаѣ нежелательнаго явленія было, помимо естественнаго для того времени предпочтенія личнаго суда вел. князя всякому другому, нѣсколько. Впрочемъ, всѣ онѣ сводятся болѣе или менѣе къ одной,—къ отсутствію точной регламентаціи относительно компетенціи рады, какъ судебнаго учрежденія, ея въ указанной роли численнаго состава,

---

[1]) Ibid. №№ 301, 302, 307.

[2]) Лит. Метрика, кн. Зап. XV, лл. 30—31.

мѣста и времени засѣданій и т. д. Какъ извѣстно, рада въ болѣе или менѣе полномъ составѣ собиралась сравнительно рѣдко, а именно на сеймахъ въ томъ или другомъ пунктѣ страны, текущія же государственныя дѣла обсуждались и рѣшались въ Вильнѣ тѣми немногими радными панами, которые имѣли свое пребываніе въ Вильнѣ, Трокахъ и ближайшихъ къ нимъ областныхъ центрахъ. Многіе же изъ тяжущихся, какъ это видно изъ актовъ, не соглашались судиться предъ тѣми немногими радными панами, которыхъ можно было всегда найти въ Вильнѣ, а потому или вовсе отказывались являться на „позвы“, полученные отъ этихъ пановъ [1]), или домогались отъ короля такихъ листовъ (и получали ихъ), на основаніи которыхъ грамотчикъ „не мѣль ся становити не перед всими паны, алежбы вси панове рада были на сойме“ [2]). Кромѣ того, отсутствіе точныхъ правилъ о судебныхъ правахъ рады позволяло отвѣтчикамъ ссылаться на имѣющіеся у нихъ закривальные листы [3]), а истцовъ та же полная неопредѣленность позиціи рады въ ряду другихъ органовъ судебной власти, ея временный и случайный характеръ въ роли высшаго судилища побуждали всячески искать непосредственнаго суда вел. князя, хотя бы цѣною излишнихъ расходовъ и потери времени, сопряженныхъ съ поѣздками въ Краковъ и вообще за предѣлы Литовскаго государства.

Всему этому долженъ былъ положить предѣлъ и дѣйствительно положилъ, по крайней мѣрѣ de jure, Литовскій Статутъ 1529 г., который между прочими задачами задался цѣлью упорядочить тогдашнее судоустройство. Созданіе правилъ о компетенціи рады, какъ высшаго судилища, замѣняющаго судъ вел. князя, о мѣстѣ и времени ея судебныхъ засѣданій и пр. и пр. было тѣмъ болѣе необходимо, что этотъ Статутъ установилъ или только санкціонировалъ рядъ изъятій

---

[1]) Arch Sang. III, № 321.

[2]) Arch. Sang. III, № 320.

[3]) Этимъ и объясняется происхожденіе 8-го артикула VI разд. Л. Статута 1529 г.

отъ областнаго суда, простиравшихся на цѣлые разряды лицъ и дѣлъ, и, такимъ образомъ, узаконилъ такой порядокъ вещей, при которомъ періодическія и весьма, какъ показалъ опытъ, продолжительныя отлучки господаря создавали бы неизбѣжную судебную волокиту и полный застой въ отправленіи правосудія, если бы законъ прямо и ясно не опредѣлилъ, что радѣ въ отсутствіе вел. князя принадлежитъ высшая судебная власть, что она замѣняетъ его и разъ навсегда уполномочена имъ творить правосудіе именемъ отсутствующаго господаря [1]).

Итакъ посмотримъ теперь, что̀ именно содержитъ въ себѣ Статутъ относительно рады, какъ высшаго судилища.

Прежде всего Статутъ, какъ было уже упомянуто сейчасъ, вполнѣ опредѣленно высказался, что рада въ отсутствіе господаря выступаетъ, какъ органъ, замѣняющій вел. князя въ области юстиціи. На этомъ основаніи рада судитъ въ качествѣ первой инстанціи всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по общему правилу изъяты были отъ суда мѣстныхъ правителей, а именно: радныхъ пановъ и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, именуемыхъ княжатами и панятами, великокняжескихъ урядниковъ и пр. [2]). Даже тѣ лица, которыя „мели листы таковые, абы ихъ нихто не судил, кромѣ господара", т. е. обладали несудимыми грамотами, не могли впредь уклоняться отъ суда рады „бо—говорится по этому поводу въ 8 арт. VI р.—мы з рамени нашего господарского оставляем комисарми панов рад наших, абы справедливость подданым нашим чинили" [3]).

---

[1]) Лит. Стат. 1529 г. VI, 8.

[2]) Ibid. VI, 1, 4, 5, 6 и др.

[3]) Статутъ, который опредѣленно говоритъ о подсудности радѣ всѣхъ лицъ, изъятыхъ на томъ или другомъ основаніи отъ юрисдикціи мѣстныхъ правителей, умалчиваетъ, однако,—замѣняла ли рада вел. князя также и въ тѣхъ случаяхъ, когда возникали дѣла, принадлежавшія къ категоріи подсудныхъ вел. князю по самому своему предмету. Основываясь, впрочемъ, на нѣкот. указаніяхъ судебныхъ актовъ, можно думать, что рада судила всѣхъ вообще подданныхъ и по такимъ дѣламъ, за не-

Въ качествѣ апелляціонной инстанціи рада замѣняетъ вел. князя при разсмотрѣніи жалобъ на рѣшенія воеводъ и старостъ [1]) и, такимъ образомъ, въ ряду судебныхъ инстанцій является третьей по порядку инстанціей.

Неизбѣжно при этомъ возникаетъ весьма важный вопросъ, представлялъ ли собою судъ радныхъ пановъ окончательную инстанцію, подобно суду вел. князя, или возможно было апеллировать на рѣшеніе рады къ вел. князю?

Никакого прямого отвѣта, ни утвердительнаго, ни отрицательнаго, на поставленный вопросъ въ текстѣ Л. Статута 1529 г. не содержится. Если же при рѣшеніи этого вопроса принять во вниманіе однѣ лишь причины и цѣль предоставленія радѣ значенія самостоятельнаго и высшаго въ отсутствіе вел. князя судилища, то довольно естественно предположить, какъ это уже и сдѣлано въ литературѣ [2]), что судебныя рѣшенія рады не подлежали апелляціи. Но сдѣлать такое предположеніе — это значитъ признать, что господствовавшій въ то время взглядъ на государя, какъ на фактическаго „сторожа справедливости", или верховнаго блюстителя правосудія и единственнаго высшаго судью, подвергся уже въ первомъ Статутѣ коренному измѣненію; послѣднее же, конечно, трудно допустить, ибо оно совершенно не мирится ни съ духомъ времени, ни со всѣми послѣдующими фактами, которые категорически свидѣтельствуютъ, что до самаго учрежденія Главнаго Литовскаго Трибунала вел. князь оставался единымъ высшимъ апелляціоннымъ судьею. Итакъ, уже приведенныя соображенія заставляютъ не только отказаться отъ указаннаго предположенія,

---

ключеніемъ, несомнѣнно, тѣхъ изъ нихъ, которыя касались признанія за кѣмъ-либо шляхетскихъ правъ или сопряжены были съ лишеніемъ чести.

[1]) Л. Ст. 1529 г., VI, 1, 2, 5.

[2]) Любавскій, op. cit., p. 752—53 (тезисъ 490). Впрочемъ, спѣшимъ выразиться точнѣе: г. Любавскій не предполагаетъ, а утверждаетъ, что рада, производившая судъ въ отсутствіе вел. князя, „рѣшала дѣла безапелляціонно, какъ и самъ господарь"

но и прійти къ противоположному выводу относительно силы судебныхъ рѣшеній рады. Болѣе же близкое и детальное знакомство со всѣми имѣющимися по возбужденному вопросу данными приводитъ насъ къ твердому убѣжденію, что рѣшенія рады ни въ моментъ изданія Статута, ни позже, ни принципіально, ни фактически не считались столь же непреложными, какъ рѣшенія самого вел. князя, а потому и могли быть обжалованы [1]). Правильность этого вывода подтверждается между проч. и всѣми послѣдующими законодатель-

[1]) Не содержа въ себѣ прямыхъ и ясныхъ на то указаній, Л. Статутъ 1529 г. косвенно какъ бы подтверждаетъ только что изложенное въ текстѣ. См., напр., въ VI разд. артикулы 6—7 и 2. Послѣдній изъ этихъ артикуловъ рекомендуемъ сравнить съ тѣмъ изложеніемъ его содержанія, которое находится въ посланіи рады къ королю въ 1538 г. и которое, будучи полнѣе текста даннаго мѣста Статута, еще болѣе подкрѣпляетъ нашу мысль: „У суда—читаемъ тамъ,—нихто ся не маеть *отзывати* на правѣ для отволоки справедливости *отъ пановъ* а ни до вашое милости господаря, а ни до сойму, лечь повиненъ кождый права достояти до конца; а естли бы ся по сказаньи кому кривда видѣла, тотъ маеть взяти выписъ поступу оного права и съ тымъ выписомъ маеть ся по сказаньи *до вашое милости* отозвати...“ (А. Ю. и З. Р. I, стр. 93). Итакъ, повидимому, сама рада въ 1538 г. признаетъ, что, на основаніи Статута, ея рѣшенія могутъ быть обжалованы (такъ смотрѣлъ и самъ король,—ibid., 100); но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, она настаивала въ то же время, что такого рода апелляціи могутъ разсматриваться вел. княземъ только въ предѣлахъ вел. княжества, а не за границами его. Но послѣднее домогательство являлось лишь результатомъ той точки зрѣнія, которую вообще защищала рада, но не раздѣлялъ король, и которая—что самое главное—не осуществлялась на практикѣ, какъ это видно изъ законодательныхъ актовъ, цитованныхъ въ слѣд. примѣчаніи. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ для насъ важно самое признаніе права апелляцій на рѣшенія радныхъ пановъ, а не то, гдѣ онѣ должны были разсматриваться.—Въ дополненіе, а отчасти и въ подкрѣпленіе сказаннаго въ началѣ настоящаго примѣч. не лишне указать на два акта (Arch. ks. Sang. III, № 425, IV, № 145), изъ которыхъ видно, что рѣшенія рады, судившей въ отсутствіе вел. князя, нерѣдко подтверждались имъ, а это, въ свою очередь, указываетъ, что рѣшенія рады могли подвергаться пересмотру со стороны короля.

ными памятниками эпохи перваго Статута [1]), на которыхъ мы будемъ неоднократно останавливаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Ознакомимся теперь съ остальными подробностями относительно рады, какъ высшаго въ отсутствіе господаря судилища, насколько эти подробности выступаютъ какъ въ самомъ Статутѣ, такъ и въ послѣдующихъ законодательныхъ и судебныхъ памятникахъ.

Обыкновенно полагаютъ, что Л. Статутъ, санкціонировавшій судебную дѣятельность рады въ качествѣ высшаго суда, назначилъ для ея судебныхъ засѣданій два срока въ году, на которые всѣ паны-рада должны были съѣзжаться въ Вильнѣ и тамъ отправлять правосудіе вмѣсто отсутствующаго вел. князя [2]). Мнѣніе это основано на прямомъ указаніи того списка Л. Статута 1529 г., который напечатанъ въ 18-ой книгѣ „Временника М. О. И. и Д." и въ которомъ говорится: „Теж уставуем для кривдъ шляхты, которые ся от пановъ деють, або урядников наших (и) панских в землях, в грабежох, у кгвалтех и в головщинах, або теж и межи паны самыми и их поддаными,—для чого ж уставуем на зъехане таковых дел *два роки на годъ*, на которые панове повинни будуть зъежчатися на местце положоное до Вилни ...о семой суботе, а о светом покрове, на которых же речах (рокахъ?), яко на завитых, кождый панъ одинъ одному мает быти правъ; и тежъ кому дадуть вину, иж бы был сужон неводлуг прав, маеть каждому отказывати" [3]). На самомъ

---

[1]) А. З. Р. II, № 222, III № 4, п. 12 (стр. 9—10), № 11, п. 2 (стр. 32—33).

[2]) Бершадскій: Литовскіе евреи, 289; Любавскій: op. cit., 640, 752—753.

[3]) Л. Стат. 1529 г., VI, 5.—То же самое содержится въ Слуцкой рукописи Статута, которая представляетъ собою списокъ тождественный съ напечатаннымъ во „Временникѣ", а равно въ польскомъ (XVI в.) переводѣ Статута (списокъ Свидзинскаго), гдѣ сроки судебныхъ съѣздовъ радныхъ пановъ опредѣляются такъ: „na ziechanie takovich spraw dwa roki na hodu... o swiątkach a o swiętei pokrovie, to iest po swiętym Micha-

же дѣлѣ такихъ судебныхъ съѣздовъ назначено было вначалѣ не по два, а по одному на каждый годъ. Это видно, во-первыхъ, изъ текста нѣкоторыхъ другихъ списковъ Лит. Статута 1529 г., повидимому, болѣе древнихъ, нежели напечатанный во „Временникѣ" [1]), а во-вторыхъ, изъ ряда памятниковъ, относящихся къ 1529—1531 гг., и въ томъ числѣ изъ нѣсколькихъ судебныхъ актовъ [2]) и одного посланія вел. князя къ Литовской радѣ [3]), которое слѣдуетъ пріурочить не къ 1529—30 гг., какъ это сдѣлалъ издатель названнаго документа, а къ самому концу 1531 г. [4]).

---

le trzeci dzien". См. Zbiór praw lit., p. 247 и предисловіе издателя Л. Статута въ XVIII книгѣ „Временника".

[1]) Таковы—русскіе списки Дзялынскаго и Фирлея, а равно латинскій переводъ (XVI в.) Статута (списокъ Порицко-Пулавскій). См. Zbiór praw lit., p. 247. Во всѣхъ названныхъ сейчасъ спискахъ рѣчь идетъ объ одномъ ежегодномъ судебномъ съѣздѣ въ срокъ, указанный ниже въ текстѣ и въ послѣдующихъ примѣчаніяхъ.

[2]) См., напр., Arch. Sang. III, № 375 (1529 г.) и № 406 (1531 г.).

[3]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 525—530: „Посольство отъ короля и вел. князя Сигизмунда I черезъ пана Ив. Горностая къ радѣ Литовской". Документъ этотъ не имѣетъ даты, но, по заявленію издателя, находится въ Лит. Метрикѣ (кн. Зап. XV) среди актовъ 1529—1531 г.

[4]) Г. Довнаръ-Запольскій напечаталъ означенный въ предыдущемъ примѣч. документъ подъ 1528 г., но затѣмъ (Д. М. А. М. Ю. I, p. 569) отказался отъ этой даты и замѣнилъ ее другою, а именно 1529—30 г. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что документъ этотъ не можетъ быть пріуроченъ ни къ 1528, ни даже къ 1529 г., ибо въ немъ упоминаются коронованіе малолѣтняго Сигизмунда Августа и война съ Молдавіей: первое же изъ этихъ событій происходило 20 февр. 1530 г. (Script. rerum Polonic. II, p. 230), а упомянутая война началась также не раньше 1531 г. и продолжалась еще въ 1532 г. (ibid., 231 sq.). Кромѣ того, въ началѣ документа говорится: „Посельство до пановъ радъ вел. князства Литовского послано с Кракова паномъ Горностаемъ, подскарбимъ земскимъ"; извѣстно же, что Иванъ Горностай сдѣлался подскарбіемъ земскимъ не раньше 1530 г. (Wolff: op. cit., 185). Впрочемъ, изъ всѣхъ имѣющихся въ документѣ указаній едва ли не самое опредѣленное и не самое важное для установленія даты документа заключается въ слѣд. словахъ королевскаго посланія: „Што ся дотычеть намъ перемирья зъ великимъ кня земъ московскимъ, то вже *от Божьего Нароженья, што минуло, остаточ-*

Всѣ указанные источники категорически и весьма опредѣленно свидѣтельствуютъ, что для ежегодныхъ судебныхъ съѣздовъ радныхъ пановъ, а равно тяжущихся, ищущихъ у нихъ правосудія, первоначально назначенъ былъ одинъ срокъ въ году, а именно, выражаясь словами великокняжескаго посланія, „уступившы у постъ великій у дву неделяхъ“ [1], т. е. съ наступленіемъ 3-ей недѣли Великаго поста (слѣдующей за недѣлей Православія), или, по терминологіи римско-католической церкви и по латинскому тексту Статута, начиная съ Dominica Reminiscere [2]), что одно и то же.

Что же касается двухъ сроковъ или двухъ ежегодныхъ съѣздовъ, то они были установлены лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ изданія перваго Л. Статута, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго. Въ своемъ посланіи къ Литовской радѣ, отправленномъ черезъ подскарбія Ив. Горностая въ концѣ 1531 г. [3]), король Сигизмундъ I писалъ слѣдующее: „Тежъ што есьмо, будучы въ тамошнемъ паньстве нашомъ великомъ князстве, со всими вашою милостью паны радами нашыми и со всими землями поддаными нашыми, умыслили и вста-

---

ный годъ выходить, и ваша бы милость рачыли на томъ то сойме мыслити и радити, маемъ ли до него пословъ нашыхъ слати о перемирье на колко летъ“. Несомнѣнно, что рѣчь идетъ о томъ перемиріи, которое было заключено съ 25 дек. 1527 по 25 дек. 1532 г. и затѣмъ (въ апрѣлѣ 1532 г.) продолжено до 25 дек. 1533 г. (А. З. Р. II, № 172). Такимъ образомъ, на основаніи всего предыдущаго слѣдуетъ данный документъ пріурочить ко времени послѣ 25 дек. 1531 г., т. е., повидимому, къ самому концу названнаго года. См. также конецъ предыдущаго примѣчанія.

[1]) Док. М. Арх. М. Юст. I, стр. 528. См. также текстъ Статута по спискамъ Дзялынскаго и Фирлея (Zbiór pr. lit., p. 247): „вступивши въ постъ две недели“; Arch. ks. Sang. III, № 375: „вступивши въ великий постъ, въ двухъ неделяхъ“; ibid. № 406: „уступивши в постъ великий две недели“.

[2]) Въ латинскомъ переводѣ Статута время судебнаго съѣзда такъ опредѣлено: „Quod barones ipsi tenebuntur exnunc convenire singulis annis Vilnae ad dominicam reminiscere“. Zbiór pr. lit., 247.

[3]) См. примѣчаніе 4-ое на предыдущ. страницѣ.

повили на кождый годъ съемъ судовый у Вильни мети, уступивши у постъ великий у дву неделяхъ, и виделося намъ, *абы тотъ съемъ на два роки былъ розложенъ* для того, ижъ то будеть без всякое трудности и обтяженья украинныхъ подданыхъ нашыхъ, то есть *первый рокъ о Божъемъ Нароженьи,* ижъ в тотъ часъ праве зимняя добрая дорога бываеть и вси подданыи нашп зъ замковъ украинныхъ: с Полоцка, и з Витебска, с Киева, и з Жомойти, и зъ Волыни, могуть к тому часу на тотъ съемъ за дороги доброе прыехати и жывности собе завести, а бывши на соиме зася до домовъ своихъ тежъ за дорогою доброю отъехати; а *другий съемъ* абы былъ положонъ *о семой суботе* для того, ижъ вжо в тотъ часъ справа будеть, а к тому, чого Боже ховай, людей непрыятельскихъ в паньство наше (приведеть?), ино чымъ бы ваша милость мяли по люди писати и ихъ збирати, а они вси в тотъ часъ будуть на соиме, тогды ваша милость имъ очевисто роскажете, абы на войну поготову были на томъ местце, где потреба вскажеть...". Рекомендуя по вышеприведеннымъ, чисто практическимъ и довольно стороннимъ для правосудія, соображеніямъ вмѣсто одного ежегоднаго судебнаго съѣзда или сейма установить два. пріурочивъ начало ихъ къ празднику Р. Х. и къ „семой суботе", т. е. къ кануну дня св. Троицы [1]), король далѣе предлагаетъ раднымъ панамъ обсудить его проектъ на ближайшемъ сеймѣ и, въ случаѣ одобренія этого проекта, немедленно же о томъ объявить всѣмъ собравшимся, „абы вже подданыи нашы всихъ земль о томъ ведали и до вашоій милости пановъ радъ нашыхъ на тыи роки судовые к тому

[1]) „Семая субота—седьмая суббота по Пасхѣ" (Словарь Горбачевскаго, стр. 328), что, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ кануну Пятидесятницы (дня св. Троицы). Это подтверждается: 1) польскимъ текстомъ Статута, гдѣ слова Слуцкаго списка и списка, напечатаннаго во „Временникѣ: „о семой суботе", переведены: „o świątkach" (Zbiór pr. lit., 247) и 2) указаніями судебныхъ актовъ; см., напр., Arch. Sang. IV, № 270, гдѣ сказано: „по Велицедни о семой суботе".

часу завжды вси на съемъ ся зъеждчали“ [1]). Приведенная выше цитата (см. стр. 174, въ текстѣ) изъ Л. Статута по изданію Москов. Общ. Ист. и Древн., а равно и другія данныя [2]) показываютъ, однако, что возбужденный королемъ проектъ хотя и былъ одобренъ, но не вполнѣ, а именно: изъ предложенныхъ имъ сроковъ для двукратныхъ судебныхъ сеймовъ принятой оказалась лишь „семая субота“, а праздникъ Р. Х., какъ начало другого судебнаго сейма, замѣненъ „святой Покровой“, иначе „третимъ днемъ по святомъ Михайле“, какъ поясняетъ польскій переводъ Статута [3]). Такъ какъ установленіе двухъ судебныхъ сеймовъ могло произойти не раньше 1532 г. [4]), то только съ этого времени радные паны стали съѣзжаться въ Вильну для рѣшенія важнѣйшихъ судебныхъ дѣлъ ежегодно не менѣе двухъ разъ [5]).

Послѣдующіе законодательные памятники свидѣтельствуютъ, что вопросъ о числѣ и времени судебныхъ сеймовъ подвергался еще два раза пересмотру, при чемъ рѣшался неоди-

---

[1]) Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 528.

[2]) Arch. ks. Sang. III, № 444. IV, № 270; А. Ю. и З. Р. I, стр. 93; А. З. Р. II, № 222 и др.

[3]) „...Dwa roki na hodu, na ktore panovie povinni będą zieżdzać się na miescze położone, do Vilna... o swiątkach, a o swiętei pokrovie, to iest po swiętym Michale trzeci dzien“. Zbiór pr. lit., 247. Этимъ объясняется обычное употребленіе въ актахъ наименованія „роки судовые святого Михайла“. См., напр., Arch. ks. Sang. IV, № 411; Док. и Рег. I, № 348 и др.

[4]) Еще въ мартѣ 1531 г. въ одномъ изъ судебныхъ рѣшеній рады говорится: „...позывалъ его передъ насъ (раду) на тотъ-то *съемъ роковый*, который был уступивши в постъ великий две недели...“ Arch. ks. Sang. III, № 406. Первое упоминаніе о томъ, что рада судила въ „семую суботу“ намъ встрѣтилось лишь въ актѣ 1533 г.: Arch. Sang. III, № 444. См. также ibid., IV, № 270 и др.

[5]) Говоримъ „не менѣе двухъ разъ“ потому именно, что „роки судовые, вступившы въ постъ въ двухъ неделяхъ“, въ теченіе которыхъ судила рада, встрѣчаются и въ позднѣйшихъ актахъ (1539 и др. годовъ). См., напр., Arch. ks. Sang. IV, № 145, 412 и др. Не извѣстно, служили ли эти „роки“ замѣной роковъ „о семой суботе“, или имѣли мѣсто независимо отъ послѣднихъ.

наково, а именно: въ 1551 г. было постановлено, что „роки судовые великіе... мають быти одинъ разъ въ году сужоны, то есть на день св. Мартина“ (11 ноября) [1]), а три года спустя, въ 1554 г., въ отмѣну этого правила установлено было новое: „Рачитъ его королевская милость складати двои роки судовые, то есть на семую суботу и на день святого Мартина, и на тые роки передъ господаря его милость, а въ небытности господаря передъ пановъ радъ ихъ милость позывати и судитися будуть“ [2]).

Установленіе для судебныхъ засѣданій рады точно опредѣленныхъ сроковъ, которые назывались „роками судовыми“, „земскими роками“ [3]), иногда „роками судовыми великими“ [4]), съ одной стороны, предоставляло возможность всѣмъ тяжущимся по дѣламъ, превышающимъ компетенцію мѣстныхъ правителей, а равно и апеллирующимъ на рѣшенія послѣднихъ находить правосудіе въ предѣлахъ своего отечества безъ проволочекъ и ожиданій, неизбѣжныхъ при съѣздѣ радныхъ пановъ въ неопредѣленные сроки, а, съ другой, придавало радѣ на все время отсутствія короля характеръ постояннаго, хотя и періодически функціонировавшаго высшаго судебнаго учрежденія. Добавимъ, что въ тѣ же сроки—а это придавало имъ еще болѣе устойчивости и опредѣленности—производилъ судъ по апелляціоннымъ и инымъ дѣламъ и самъ вел. князь [5]), когда онъ возвращался въ предѣлы Литвы и когда вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалась самостоятельная судебная роль рады.

---

[1]) А. З. Р. Ш, стр. 33.

[2]) А. З. Р. Ш, стр. 52. См. также Акты Вил. Арх. Ком. томъ XXII, № 47.

[3]) Л. Стат. 1529 г. VI, 1, 8, 9, 24; Arch. Sang. III, №№ 375, 444, IV, №№ 336, 366, 409, 411, 412; Док. и Рег. I, № 348; А. З. Р. II, № 222, 234; Ш, № 13 (стр. 51).

[4]) А. З. Р. Ш, стр. 32—33.

[5]) См., напр., Arch. Sang. IV, 270, 301, 302, 366, 411, 412; Док. и Рег. I, № 348; Zbiór praw. lit., p. 411; А. З. Р. т. III, стр. 32 — 33, 51 — 52 и др. Впрочемъ, король производилъ свой судъ и въ другіе сроки, независимо отъ упомян. „роковъ судовыхъ“, чтó особенно отчетливо указано въ Arch. Sang. IV, № 409.

Литовскій Статутъ не оставилъ безъ соотвѣтственныхъ опредѣленій также и вопроса о численномъ составѣ рады, какъ судебнаго учрежденія, а равно о мѣстѣ и продолжительности ея засѣданій.

Ежегодные, сначала однократные, а затѣмъ двукратные, съѣзды или собранія радныхъ пановъ для производства суда назывались: „соймами“, „сьемами роковыми“, „съемами судовыми“ [1]), иногда „соймами на рокахъ судовыхъ“ [2]), и происходили въ Вильнѣ, какъ столицѣ государства [3]). Мы видѣли, что до Статута многіе домогались получить отъ господаря и дѣйствительно получали отъ него такіе листы, которые предоставляли отдѣльнымъ лицамъ право судиться лишь передъ радой in pleno corpore. Предвидя, что не всѣ радные паны будутъ являться на установленные періодическіе судебные сеймы аккуратно, и что обстоятельство это можетъ, какъ показалъ прежній опытъ, служить для нѣкоторыхъ тяжущихся предлогомъ для уклоненія отъ правосудія и для судебной волокиты, Л. Статутъ установилъ правило, по которому для открытія судебныхъ засѣданій и законности ихъ не требовалось присутствіе всѣхъ или какого-либо опредѣленнаго числа членовъ рады: всякое наличное число ихъ, всѣ, кто только успѣлъ или имѣлъ возможность пріѣхать на сеймъ, въ правѣ отправлять правосудіе, и никто изъ тяжущихся не можетъ „отзыватися“ отъ такого суда „до всих панов рад“, но долженъ „права достояти перед тыми паны, которые ся к тым рокомъ зберут“ [4]). Постановленіе это не осталось мертвой буквой. Изъ судебныхъ актовъ мы узнаемъ, что рада производила судъ въ различномъ составѣ,

---

[1]) Л. Стат. 1529 г. VI, 1, 2, 7 (заголовокъ); Arch. Sang. III, №№ 375, 380; IV, № 145, 270, 279; Док. и Рег. I, № 134; А. Ю. и З. Р. I, стр. 93; Zbiór pr. lit., p. 411; Arch. Sang. III, № 406 („сьемъ роковый“); Док. Моск. Арх. Мин. Юст. I, стр. 528.

[2]) А. З. Р. II, № 234 (1544 г.).

[3]) Л. Стат. 1529 г. VI, 5, 6; Arch. Sang. IV, № 145; Док. и Рег. I № 134 и др.

[4]) Л. Стат. 1529 г. VI, 7.

иногда даже въ весьма ограниченномъ [1]), и не вызывала въ послѣднемъ случаѣ никакихъ протестовъ или возраженій со стороны тяжущихся.

Продолжительность судебныхъ сеймовъ, засѣданія которыхъ должны были происходить „нигде инде... одно на палацу (in aula) господарскомъ у Вилни“ [2]), не была ограничена въ законѣ какимъ-либо заранѣе опредѣленнымъ срокомъ; Статутъ требуетъ только, чтобы съѣхавшіеся на судебный сеймъ радные паны не разъѣзжались до тѣхъ поръ, пока не повершатъ всѣхъ поступившихъ дѣлъ и не удовлетворятъ такимъ образомъ всѣхъ тяжущихся [3]).

Предыдущее наше изложеніе, надѣемся, въ достаточной степени обрисовываетъ обликъ Литовской рады, какъ высшаго и вполнѣ самостоятельнаго въ отсутствіе вел. князя судилища, насколько этотъ обликъ въ его наиболѣе существенныхъ чертахъ выясняется съ помощью текста Статута и нѣкоторыхъ послѣдующихъ памятниковъ. Для большей полноты представленнаго краткаго очерка намъ остается коснуться еще вопроса, какъ сама литовская рада относилась къ своимъ судебнымъ правамъ и обязанностямъ. Не имѣя въ виду полной и всесторонней исторіи рады, какъ высшаго судилища, ибо таковая не входитъ въ наши задачи и для нея не имѣется пока достаточно матеріала, ограничимся для характеристики рады въ указанномъ отношеніи лишь тѣми данными, которыя заключаются въ весьма любопытныхъ и богатыхъ содержаніемъ документахъ, явившихся результатомъ сношеній вел. князя литовскаго съ его радой въ 1538 г., т. е. спустя примѣрно 9 лѣтъ послѣ изданія для „всей земли“ или „всих подданых великого князства“ „писаного права“ въ формѣ Перваго Л. Статута. Документы эти тѣмъ интереснѣе, что они въ то же время знакомятъ насъ съ от-

---

1) Arch. Sang. III, № 406, IV, № 270; Док. и Рег. II, № 15 и 16.

2) Л. Стат. 1529 г. VI, 5.

3) Ibid. VI, 6.

ношеніемъ къ суду рады самого вел. князя, а равно и тяжущихся, какъ оно выразилось па первыхъ же порахъ дѣятельности установленныхъ Статутомъ судебныхъ сеймовъ.

Осенью 1538 г., по случаю набѣга татаръ, подъ Новгородкомъ собралось земское ополченіе. Бывшіе тамъ радные паны отъ своего и всего шляхетства имени составили и отправили въ Краковъ къ королю и вел. князю Сигизмунду I посланіе, въ которомъ между прочимъ горько жаловались на нарушеніе королемъ и тяжущимися постановленій Статута, воспрещающихъ обращеніе къ господарю помимо существующихъ въ Литовскомъ государствѣ органовъ судебной власти и въ томъ числѣ рады, замѣняющей въ извѣстныхъ случаяхъ судъ вел. князя. Отмѣтивъ, что вызовы тяжущихся за границы Литвы, не имѣвшіе мѣста при предшественникахъ Сигизмунда I и даже при немъ самомъ вплоть до 1537 г., когда назв. король по жалобѣ кн. Ильи Острожскаго не только вызвалъ въ Польшу къ своему суду пана Виленскаго (Юрія Радивила), но даже послалъ за нимъ дѣтскаго, радные паны весьма краснорѣчиво доказываютъ въ своемъ посланіи большой вредъ, причиняемый вызовами за предѣлы Литовскаго государства не только княжатамъ, панятамъ и земянамъ, справедливо жалующимся на этотъ „шкодливый звычай", но и всему государству. Означенные вызовы, по словамъ цитуемаго посланія, вводятъ отвѣтчиковъ въ большіе расходы, превышающіе иногда цѣну иска, подвергаютъ тѣхъ же лицъ опасностямъ, сопряженнымъ съ далекимъ путешествіемъ, и отрываютъ ихъ весьма нерѣдко отъ земской службы; все же это далеко не безразлично для всего государства, ибо, во 1-хъ, суммы, расходуемыя тяжущимися, остаются за предѣлами ихъ отечества — въ чужой Польшѣ, а въ 2-хъ, земская служба терпитъ въ такихъ случаяхъ неминуемый ущербъ; въ результатѣ, особенно если „позвы до Коруны" сдѣлаются хроническимъ явленіемъ, государство Литовское, какъ въ томъ убѣждены радные паны, обнищаетъ и придетъ въ упадокъ отъ этихъ позвовъ больше, чѣмъ отъ любого нашествія враговъ. Не довольствуясь

приведенными соображеніями, радные паны находятъ нужнымъ обратить вниманіе вел. князя также и на то, что „вызыванія“ за предѣлы Литовскаго государства представляютъ собою нарушеніе „права посполитого“, т. е. Статута, по смыслу котораго какъ апелляціонныя жалобы, такъ тѣмъ болѣе всякаго рода иныя жалобы и тяжбы, попавшія къ вел. князю мимо надлежащихъ инстанцій, не могутъ быть предметомъ его судебнаго разбирательства, коль скоро господарь находится за предѣлами Литовскаго государства.

Радные паны, которые такъ горячо и краснорѣчиво отстаивали общій принципъ непроизводства суда надъ подданными Литовскаго государства за предѣлами его (т. е. въ Польшѣ, какъ то прямо указано въ посланіи), несомнѣнно, имѣли въ виду между прочимъ защиту нарушаемаго, по мнѣнію авторовъ посланія, какъ королемъ, такъ и тяжущимися, хотя и санкціонированнаго Статутомъ права рады производить, въ отсутствіе господаря, судъ по различнымъ дѣламъ и въ томъ числѣ по апелляціоннымъ жалобамъ. Это особенно ясно видно изъ дальнѣйшихъ словъ цитуемаго посланія, посвященныхъ опроверженію справедливости жалобъ на радныхъ пановъ о томъ, что они „на роки судовые незъѣждчалися и справедливости чинити омѣшкивали“. На эти же жалобы указано было незадолго передъ тѣмъ самимъ королемъ (въ его предыдущемъ посланіи), какъ на главнѣйшую, если не единственную причину, почему многіе подданные „вызывалися до Польски“. Вотъ что писали радные паны по поводу указанныхъ обвиненій: „На то ихъ милость такъ казали вашой милости, пану своему, повѣдити, *же жадныхъ роковъ судовыхъ николи не омѣшкали, лечъ сильно тыхъ мало, которые бы ся мѣли передъ ихъ милостью справовати,* бо изъ роковъ судовыхъ частокроть дѣцкіе многихъ тамъ, до Польски, выводять, а иньшіе на позвы ставши листы вказывають, абы ихъ панове не судили; которыхъ листовъ—выразительно прибавляютъ паны—ачъ кольвекъ бы ихъ милость не повинни подлѣ права пріймовати...“, однако „ихъ милость—говорится нѣсколько ниже—яко повольные

слуги, и таковые *листы праву своему противные* пріймують" (т. е. радные паны, подчиняясь требованіямъ господаря, отсылали къ его суду всѣхъ предъявителей неправильно выданныхъ королемъ листовъ). Отмѣтивъ неосновательность предъявленныхъ къ нимъ обвиненій и вмѣстѣ съ тѣмъ незаконность дѣйствій самого господаря, нарушающаго соотвѣтственныя постановленія Статута, а съ ними и судебныя права рады, члены послѣдней усердно далѣе просятъ „абы все великое князство при своемъ посполитомъ правѣ было заховано" и еще разъ увѣряютъ господаря, что они всегда старательно исполняли и будутъ исполнять въ его отсутствіе свои судебныя обязанности [1]).

Что болѣе справедливо,—упомянутыя ли жалобы на раду, или представленное ею опроверженіе этихъ жалобъ и утвержденіе совершенно противнаго имъ,—сказать съ увѣренностью трудно. На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, не даетъ надлежащаго, т. е. не оставляющаго никакихъ сомнѣній, отвѣта и королевскій „отказъ" на цитованное выше посланіе радныхъ пановъ,—„отказъ", въ которомъ король не только не соглашается съ нѣкоторыми доводами рады противъ „позвовъ до Коруны", но также энергично и властно заявляетъ свое право и даже обязанность производить судъ всюду, на всякомъ мѣстѣ, и давать правосудіе всѣмъ, кто только ищетъ его. Въ этомъ-то „отказѣ" господарь по поводу представленнаго радой опроверженія говоритъ лишь, что сдѣланное имъ въ свое время замѣчаніе раднымъ панамъ о неаккуратномъ или небрежномъ исполненіи ими своихъ судейскихъ обязанностей было „не безъ причины... одно за великими жалобами и докуками тамошнихъ подданыхъ его милости, которые частокроть повѣдили, ижъ бы панове рада на роки судовые николи ся зъѣждчали и, зъѣхавши, справедливости имъ не дѣлали, и завжды многіе съ нихъ короля его мил. просили, абы самъ рачилъ его милость имъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I, стр. 94—95.

справедливость чинити..." [1]) Итакъ, указанный королемъ источникъ свѣдѣній его о неаккуратности и небрежности радныхъ пановъ при отправленіи правосудія—не вполнѣ надежный, а именно заявленія заинтересованныхъ лицъ, т. е. тяжущихся, добивавшихся, быть можетъ, во что бы то ни стало непосредственнаго суда вел. князя. Можно, однако, думать, что указанныя жалобы на раду были хотя и сильно преувеличены, но не вполнѣ безосновательны; иначе король, имѣвшій полную возможность какъ обойти молчаніемъ щекотливый пунктъ (что́ неоднократно и дѣлалось въ „отказахъ"), такъ и провѣрить жалобы, едва ли бы повторилъ эти послѣднія въ своемъ новомъ посланіи. Если же это такъ, если жалобы на раду были справедливы хотя даже отчасти, то нельзя не признать, что рада не всегда оказывалась на высотѣ своего призванія и, въ частности, на первыхъ же порахъ не вполнѣ оправдала возлагаемыхъ на нея надеждъ. Какъ бы то ни было, но случаи неаккуратности или небрежности рады при отправленіи правосудія, дававшіе основаніе для жалобъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, бывали, повидимому, весьма не часто и во всякомъ случаѣ никогда не принимали характера постояннаго или, такъ сказать, хроническаго явленія. По крайней мѣрѣ, извѣстные намъ судебные акты не позволяютъ прійти къ иному выводу.

III.

Изъ изложеннаго въ предыдущемъ параграфѣ настоящей главы [2]) вытекаетъ между прочимъ, что, на основаніи Статута 1529 г., каждое дѣло изъ числа подсудныхъ областнымъ судамъ могло пройти отъ двухъ до четырехъ инстанцій [3]). Послѣднее было въ томъ случаѣ, когда дѣло посту-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. I, стр. 100.

[2]) См. въ особенности стр. 163—165 и 172—174.

[3]) Спѣшимъ пояснить, что во всѣхъ разсмотрѣнныхъ ниже комбинаціяхъ мы не принимали во вниманіе тѣхъ случаевъ, когда обраща-

пало на судъ державцы и затѣмъ по апелляціи переносилось сперва къ воеводѣ или старостѣ, потомъ къ радѣ (при отсутствіи вел. князя) и, наконецъ, отъ нея къ самому господарю. Но такъ какъ не всѣ державцы обладали такой же компетенціей, какъ воеводы и старосты [1]), и нѣкоторыя дѣла начинались непосредственно у этихъ послѣднихъ, то указанное сейчасъ число инстанцій могло сократиться до трехъ (судъ воеводы или старосты, рады и господаря). Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда господарь пребывалъ въ Литвѣ и когда вслѣдствіе того прекращалась самостоятельная судебная роль рады, число судебныхъ инстанцій, черезъ которыя дѣло могло пройти, сводилось въ первомъ случаѣ (когда оно начиналось у державцы) также къ тремъ, а во второмъ (когда оно начиналось у воеводы или старосты)—даже къ двумъ [2]).

лись къ вел. князю, минуя всѣ или лишь нѣкоторыя изъ низшихъ инстанцій. А то и другое, какъ мы знаемъ (см. стр. 93—94, 163), было вполнѣ возможно, такъ какъ Статутъ воспрещалъ лишь „отзываться" до рѣшенія той инстанціи, куда дѣло уже поступило, но вовсе не заключалъ въ себѣ запрещенія обращаться къ вел. князю непосредственно или въ обходъ нѣкоторыхъ низшихъ инстанцій. См. также слѣд. примѣч.

[1]) Тѣ изъ державцевъ, которые назывались раньше тивунами, не имѣли, какъ мы уже знаемъ, права судить шляхтичей безъ ихъ согласія. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что нѣсколько позже, а именно закономъ 1542 г. (А. З. Р. II, № 222), даже прямо разрѣшалось миновать низшій изъ областныхъ судовъ, т. е. судъ державцевъ, къ которымъ означ. законъ приравнялъ также и старостъ (см. подробн. ниже). Отсюда можно съ нѣкот. основаніемъ предположить, что и раньше на практикѣ бывали частые случаи обращенія непосредственно къ воеводамъ и старостамъ въ обходъ державцевъ.

[2]) Пользуемся случаемъ указать нѣкоторыя особенности Жмудской земли по части судоустройства на основаніи „Уставы для посполитого люду земли Жомойтской" отъ 20 января 1529 г., напечатанной въ Zbiór pr. lit. (pp. 131—138), а также (по друг. списку и подъ датой 8 января 1529 г.) въ А. З. Р. II, № 160 (подъ заглавіемъ: „Уставная грамота державцамъ и тіунамъ жмудьскихъ королевскихъ волостей"). Судебная власть въ отдѣльныхъ волостяхъ Жмудской земли (за исключеніемъ 4-хъ господарскихъ дворовъ съ волостями, которыя отдавались королемъ въ

Указанный только что, на основаніи Л. Статута 1529 г., порядокъ судебныхъ инстанцій не остался даже въ ближайшее время безъ измѣненій, если не въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ, то въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Эти измѣненія въ связи съ нѣкоторыми другими реформами въ области судоустройства и судопроизводства были вызваны отчасти слабой вообще разработкой въ первомъ Статутѣ многихъ вопросовъ, относящихся къ указанной области, и желаніемъ самого правительства улучшить судебные порядки,

---

управленіе державцамъ) принадлежала тивунамъ, которые должны были производить судъ и расправу дважды въ годъ въ опредѣленные сроки. Вторую судебную инстанцію, или высшій областной судъ, составляли судебные съѣзды тивуновъ подъ предсѣдательствомъ жмудскаго старосты, которые имѣли мѣсто 4 раза въ годъ въ г. Крожахъ. Означенная инстанція вѣдала: во 1-хъ, дѣла, перенесенныя за „отозваніемъ" (въ его до-статутовомъ значеніи) изъ низшей инстанціи (т. е. суда отдѣльныхъ тивуновъ), а равно жалобы „посполитыхъ людей" на тивуновъ „о втискѣ и кривдахъ"; а во 2-хъ, дѣла, неподсудныя низшему суду по соціальному положенію тяжущихся, а именно—„естли бы хто съ шляхты которое мѣлъ дѣло до тивуна, а тивунъ до шляхтича, або тивунъ до тивуна". Судъ старосты на судебномъ съѣздѣ былъ окончательный по дѣламъ „посполитыхъ людей" и въ частности даже тогда, когда въ роли отвѣтчиковъ передъ послѣдними фигурировали шляхтичи или тивуны, которымъ, подъ страхомъ уплаты штрафа, воспрещалось въ такихъ случаяхъ „отзыванье" къ королю. Что же касается прочихъ дѣлъ, а именно (по буквальному смыслу „уставы"): дѣлъ какъ между шляхтичами и тивунами, такъ и между самими тивунами, то „отозваніе" въ этихъ случаяхъ къ вел. князю допускалось, но лишь при условіи, чтобы пренія сторонъ въ судѣ не начинались и самое рѣшеніе не было постановлено. См. Zbiór pr, lit. стр. 131--138, ст. X, XI и XII (ср. А. З. Р. II, № 160, ст. 12, 14—16).—Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ данными для сужденія, какое именно вліяніе оказалъ на изложенные сейчасъ судебные порядки Жмудской земли Л. Статутъ 1529 г., вступившій въ дѣйствіе во второй половинѣ того же года, въ началѣ котораго была издана цитованная выше „устава". Намъ извѣстно, однако (см. между проч. цитату на стр. 177), что власть судебнаго сейма въ Вильнѣ простиралась въ соотвѣтственныхъ случаяхъ также и на Жмудскую землю и что, такимъ образомъ, судъ рады, въ отсутствіе вел. князя, являлся высшей инстанціей и по отношенію къ названной землѣ.

а главнымъ образомъ домогательствами шляхты, стремившейся къ уравненію всѣхъ слоевъ шляхетскаго сословія относительно подсудности и къ введенію въ Литовскомъ государствѣ судоустройства по польскому образцу. Домогательства эти начались съ 40-хъ годовъ XVI ст. и обусловливались не столько недостатками областного судоустройства, сколько проникновеніемъ въ среду сплотившейся къ тому времени рядовой шляхты польской идеи равноправности всѣхъ шляхтичей, безъ различія тѣхъ слоевъ или разрядовъ, на которые распадалось западно-русское шляхетское сословіе, а равно стремленіемъ той же шляхты, явно обнаружившимся уже на сеймахъ 40 и 50-хъ годовъ, принять дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ мѣстномъ управленіи [1]). Хотя, безспорно, всѣ домогательства шляхты объ уравненіи подсудности и полной реорганизаціи судебныхъ мѣстъ оставались до 1564 г. безуспѣшными, тѣмъ не менѣе на каждомъ новомъ сеймѣ шляхта не уставала вновь и вновь повторять свои желанія и тѣмъ побудила вел. князя еще задолго до судебной реформы, санкціонированной вторымъ Статутомъ, сдѣлать рядъ существенныхъ улучшеній въ областномъ судоустройствѣ. Какъ настойчива была шляхта въ своихъ домогательствахъ и какъ въ то же время она мало удовлетворялась и даже пользовалась тѣми частичными измѣненіями и уступками, на которыя соглашался вел. князь, а равно и болѣе крупными судебными реформами,—объ этомъ лучше всего можетъ свидѣтельствовать королевскій отвѣтъ на просьбу всей шляхты о томъ „абы судьи въ кождомъ хоружствѣ уставлены были и писарь присяглый, обираючи ихъ водлѣ звычаю Подляшскоѣ земли, которые нжьбы судили кождого стану особу одинако“. Отвѣтъ этотъ, данный королемъ на Виленскомъ сеймѣ 1554 г., гласитъ слѣд.: „На то его королевская милость казалъ вамъ

---

[1]) См. рядъ сеймовыхъ петицій („прозьбъ“) шляхты, напечатанныхъ въ 3-мъ томѣ А. З. Р., въ 1-мъ т. Док. и Моск. Арх. Мин. Юст. и въ Zbiór praw litewskich. См. также Бершадскій: op. cit., pp. 306—310.

повѣдити, ижъ отъ выданья статуту черезъ отца его милости, славноѣ памяти Жикгимонта короля и вел. князя, на каждомъ соймѣ о таковыхъ правныхъ потребахъ змѣнки чините; а што коли на соймѣ постановлено около справедливости, то зъ ухвалы и прозьбъ васъ всихъ". Оставляя рѣшеніе вопроса о судебной реформѣ на новыхъ началахъ до изданія второго Статута, король затѣмъ прибавляетъ: „А до того часу будете ся справовати по тому, яко на прошломъ соймѣ (т. е. въ 1551 г.) ухвалено и постановлено около судей и вижовъ присяжныхъ" [1]).

Не имѣя въ виду слѣдить шагъ за шагомъ и во всѣхъ подробностяхъ, какъ зарождалась и осуществлялась судебная реформа, санкціонированная Статутомъ 1566 г., ибо это составляетъ уже предметъ исторіи областного судоустройства и не входитъ въ нашу задачу, мы остановимся на сеймовомъ законодательствѣ 40—60-хъ годовъ лишь постольку, поскольку оно знакомитъ съ общимъ направленіемъ и характеромъ всѣхъ реформъ въ области судоустройства со времени перваго Статута и поскольку оно въ частности касается интересующаго насъ вопроса о числѣ и порядкѣ судебныхъ инстанцій до учрежденія Трибунала.

Первое извѣстное намъ измѣненіе въ порядкѣ инстанцій, установленныхъ Л. Статутомъ 1529 г., относится ко времени Берестейскаго сейма въ маѣ 1542 г. 23-го мая названнаго года состоялось весьма важное королевское постано-

---

[1]) А. З. Р. III, №13, п. 3. Тамъ же, но нѣсколько ниже, король выражаетъ убѣжденіе, что означ. „ухвала прошлого (1551 г.) сойму" вполнѣ удовлетворитъ шляхту, если она потрудится лучше ознакомиться съ нею при помощи копіи этой „ухвалы", взятой изъ королевской канцеляріи. Таковая копія, по мнѣнію короля, будетъ весьма полезна и для всей прочей не бывшей на сеймѣ шляхты („братьи вашое"), такъ какъ король убѣдился, что она не освѣдомлена на счетъ содержанія ухвалы: онъ пришелъ къ такому убѣжденію на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ воеводъ „ижъ на которыхъ мѣстцахъ ново суды засадили, тамъ ся не справують".

вленіе [1]), въ силу котораго всѣмъ подданнымъ, безъ различія сословія и состоянія, воспрещалось на будущее время переносить тяжебныя дѣла въ Польшу въ обходъ мѣстныхъ судовъ. Удовлетворивъ, такимъ образомъ, просьбу радныхъ пановъ и „всего рыцерства“, выраженную въ ихъ посланіи изъ-подъ Новгородка еще въ 1538 г. [2]), король вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ указать порядокъ судебныхъ инстанцій, который надлежало соблюдать на будущее время и который нѣсколько отличается отъ установленнаго Статутомъ 1529 г. Порядокъ этотъ слѣдующій: 1) судъ старостъ (изъ нихъ выдѣляется староста жмудскій, который приравненъ къ воеводамъ) и державцевъ, 2) судъ воеводъ (а равно жмудскаго старосты), 3) судъ радныхъ пановъ на „рокахъ судовыхъ“ (въ отсутствіе господаря) и 4) судъ самого господаря. Такимъ образомъ, старосты (кромѣ жмудскаго) приравнены не къ воеводамъ, какъ было раньше (по Статуту 1529 г.), а къ державцамъ: судъ какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ составляетъ низшую инстанцію. Подобно Статуту, „постановенье“ 1542 г. допускаетъ „отзываніе“ къ высшей инстанціи лишь послѣ „сказанья“, т. е. рѣшенія дѣла, въ низшей; другими словами, законъ 1542 г. разрѣшаетъ переносъ дѣла изъ низшаго въ высшій судъ только по апелляціонной жалобѣ. Исключеніе изъ этого правила допущено лишь по отношенію къ первой инстанціи: отъ суда старостъ и державцевъ можно было „отозватися“ до воеводы и до „сказанья“ при усло-

---

[1]) Актъ этотъ напечатанъ во 2-мъ томѣ А. З. Р. подъ № 222 и названъ редакторомъ означ. изданія „уставомъ королевскимъ“. Самъ же документъ именуетъ себя „ухвалой и постановеньемъ у Берестьи“, а послѣдующіе акты сеймоваго законодательства называютъ его то „ухвалой сойму прошлого Берестейского“, то „постановеньемъ Берестейскимъ“ (см. А. З. Р. III, № 4, стр. 9—10).

[2]) Впрочемъ, удовлетвореніе это не было полно: законъ 1542 г., запрещавшій обращенія къ королю за предѣлами Литовскаго государства съ тяжебными дѣлами, не простирался, какъ это видно отчасти изъ текста даннаго закона, а еще болѣе изъ послѣдующихъ памятниковъ, на апелляціонныя жалобы, поданныя на рѣшенія рады.

віи, если это сдѣлано „передъ правомъ, не вступаючи въ рѣчь“, т. е. до наступленія судебнаго разбирательства. Такая специальная оговорка относительно суда старостъ и державцевъ, дававшая возможность тяжущимся избѣжать суда низшей изъ инстанцій и тѣмъ сократить число послѣднихъ, въ связи со всѣмъ содержаніемъ разсматриваемаго постановленія, позволяетъ прійти къ заключенію, что законъ 1542 г. имѣлъ въ виду восполнить и дѣйствительно восполнилъ пробѣлъ, допущенный Статутомъ, а именно—воспретилъ вчиненіе тяжбъ въ обходъ какъ воеводъ или рады въ отдѣльности, такъ равно той и другой степени суда одновременно, или совмѣстно. Вообще все содержаніе закона 1542 г. обнаруживаетъ стремленіе правительства устранить на будущее время нарушенія подсудности и порядка инстанцій; а это, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ объ упроченіи къ тому времени правильнаго понятія объ этихъ послѣднихъ.

Указанный въ законѣ 1542 г. порядокъ инстанцій и организація этихъ послѣднихъ, какъ она отмѣчена въ Л. Статутѣ, оставлены безъ измѣненій и въ 1544 и въ 1547 гг., несмотря на различныя домогательства шляхты на Берестейскомъ (1544 г.) и Виленскомъ (1547 г.) сеймахъ [1]. Впрочемъ, на первомъ изъ этихъ сеймовъ король, согласно ходатайству шляхты, воспретилъ воеводамъ, старостамъ и державцамъ производить судъ по частнымъ ихъ имѣніямъ и предписалъ всѣмъ мѣстнымъ органамъ судебной власти отправлять правосудіе „на своих мѣстцах в поветех“, т. е. въ

---

[1]) Такъ, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г. шляхта просила короля, чтобы воеводы, старосты и державцы судили совмѣстно съ выбранными самою шляхтою (а не названными урядниками, какъ по Статуту) „судьями повѣтовыми и с писаром“ и притомъ не только рядовую шляхту, но и „кождого князя и пана и духовных“. Король на это отвѣтилъ, что онъ „тую реч коло справ и судов в поветех рачил зоставити подле первшаго постановеня (т. е. закона 1542 г.) и статуту земского“. Zbiór pr. lit., p. 411, § 21. Просьба о разрѣшеніи шляхтѣ избирать повѣтовыхъ судей повторена была и столь же безуспѣшно на сеймѣ 1547 г. А. З. Р. Ш, № 4. п. 9.

главномъ пунктѣ данной областной единицы (воеводства, староства и пр.) [1]). Кромѣ того, на Виленскомъ сеймѣ 1547 г. король Сигизмундъ Августъ не только подтвердилъ законъ 1542 г., но и приказалъ занести этотъ послѣдній „въ статутъ свой господарьскій" (т. е. въ принадлежавшій королю экземпляръ рукописнаго статута), рекомендовавъ сдѣлать то же „паномъ радамъ ихъ милости, и старостамъ, и державцамъ, и всимъ княжатомъ и панятомъ въ статутѣхъ своихъ, для лѣпшое вѣдомости ихъ, яко ся въ томъ справавати маютъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду ходатайства шляхты, чтобы законъ 1542 г., воспрещавшій переносъ дѣлъ въ Польшу, не имѣлъ никакихъ исключеній, а именно простирался бы также и на апелляціонныя жалобы на рѣшенія рады, состоявшіяся въ отсутствіе короля, этотъ послѣдній на томъ же сеймѣ 1547 г. категорически заявилъ: „Нижьли гдѣ бы ся дотыкало отзыванья вашого отъ суда пановъ радъ ихъ милости до зверхности господарьскоѣ, то завжды вамъ вольно быти маетъ отзыватися до господаря его милости отъ суда пановъ радъ ихъ милости, по сказанью, и до коруны Польскоѣ и гдѣ-кольвекъ его милость на онъ часъ особою своею господарьскою быти рачитъ" [2]).

Въ 1551 г. на Виленскомъ сеймѣ шляхта вновь обратилась къ королю съ просьбой „абы въ кождомъ повѣтѣ были судья и писарь присяжныи". Эта коротенькая просьба хотя и не была удовлетворена въ томъ смыслѣ, какъ того желала шляхта, побудила однако короля заняться подробной регламентаціей устройства областныхъ судовъ и порядка инстанцій. Въ королевскомъ постановленіи, посвященномъ этимъ вопросамъ и состоявшемся на означенномъ сеймѣ, обращаютъ на себя вниманіе прежде всего слѣд. два обстоятельства: во-первыхъ, что требованіе еще перваго Статута относительно „присяжныхъ земянъ" или „повѣтовыхъ судей", которыхъ должны были избирать воеводы, старосты и державцы, оче-

---

[1]) Zbiór pr. lit. p. 411, § 22.

[2]) А. З. Р. III, № 4, п. 12 (стр. 9).

видно, или вовсе не было исполнено, или приведено въ исполненіе лишь въ немногихъ мѣстахъ [1]); а во-вторыхъ, что при новой попыткѣ —несомнѣнно, самой серьезной изъ всѣхъ предыдущихъ — упорядочить существующіе областные суды едва ли не самое главное вниманіе было обращено на то, чтобы сдѣлать эти суды вполнѣ доступными и правильно функціонирующими учрежденіями (послѣднее, какъ мы увидимъ, достигалось введеніемъ точно опредѣленныхъ сроковъ судебныхъ засѣданій). Оба указанныя обстоятельства весьма достопримѣчательны: первое изъ нихъ объясняетъ и даже оправдываетъ недовольство шляхты мѣстными судами, а второе показываетъ, что правительство, хотя и не отступило отъ старыхъ началъ, положенныхъ въ основу областнаго судоустройства, сдѣлало однако съ своей стороны все, чтобы устранить замѣченные въ немъ недостатки и тѣмъ предупредить возможность дальнѣйшихъ нареканій.

Сущность постановленія 1551 г. сводится къ нижеслѣдующему. Первую инстанцію составляютъ „въ повѣтѣхъ, такъ воеводскихъ, яко тежъ и въ старостиньскихъ“, т. е. въ отдѣльныхъ воеводствахъ и староствахъ, судъ намѣстника воеводы или же подстаросты совмѣстно съ „судьями“ („присяжными земянами“ Статута 1529 г.), избранными, согласно Статуту („яко есть въ Статутѣ описано“), изъ мѣстной шляхты самимъ воеводою или старостою. Судъ этотъ долженъ засѣдать тамъ, гдѣ будетъ указано главнымъ областнымъ правителемъ (воеводою или старостою), и имѣть четыре въ теченіе года четырехнедѣльныя сессіи, которыя начинались: въ „семую суботу“ (канунъ Троицы), „на святый Крыжъ“ (14 сентября), „на святую Луцыю“ (13 декабря) и съ первой недѣли Великаго поста [2]). Суду этому подсудна

[1]) Къ тому же заключенію приводятъ и сеймовые акты 1547 и 1551 гг. См. А. З. Р. Ш, № 4, п. 9 и № 13 (стр. 51—52 и 64).

[2]) Изъ XXII т. А. Вил. Ком. видно, что постановленіе это не осталось мертвой буквой и что „повѣтовый“ Слонимскій судъ засѣдалъ въ періодъ съ 1556 по 1566 г. въ указанные въ текстѣ сроки (за исключеніемъ, впрочемъ, одного, начинавшагося со „святого Крыжа“).

вся рядовая шляхта [1]); „отзываніе“ отъ него до постановки рѣшенія воспрещается. Вторую инстанцію составляетъ судъ воеводы или старосты [2]), функціонирующій *„для справованья апеляцый“* дважды въ годъ, всякій разъ въ теченіе 4-хъ недѣль,—начиная со дня св. Михайла (29 сентября) и съ „семой суботы“. Въ видахъ избавленія шляхты отъ излишнихъ расходовъ, потери времени и другихъ затрудненій, сопряженныхъ съ поѣздками тяжущихся въ частныя имѣнія воеводъ или старостъ, постановлено, что эти послѣдніе должны разсматривать поданные имъ апелляціи въ указанные выше сроки непремѣнно въ своихъ резиденціяхъ („на мѣстцу столечьномъ воеводскомъ“). Недовольные рѣшеніемъ воеводы или старосты могутъ жаловаться на „кривду“ господарю, а въ отсутствіе его панамъ-радѣ, судъ которыхъ составляетъ въ такомъ случаѣ третью инстанцію и притомъ не послѣднюю, такъ какъ на рѣшеніе радныхъ пановъ, признаваемое одною изъ сторонъ кривдою, можно апеллировать къ господарю. И господарь, какъ и рада, разсматриваетъ апелляціонныя жалобы разъ въ году—на „рокахъ судовыхъ великихъ“, начинающихся со дня св. Мартина (11 ноября),—изъ чего можно заключить (хотя это прямо и не указано), что Сигизмундъ Августъ уже въ 1551 г. отказался отъ защищаемаго имъ еще въ 1547 г. права разсмотрѣнія апелляціи за предѣлами Литовскаго государства. Законъ 1551 г. заканчивается общимъ указаніемъ, что переносъ дѣла изъ

---

[1]) Новое, на сеймѣ 1551 г., домогательство шляхты, чтобы лица, изъятыя Статутомъ отъ суда мѣстныхъ правителей и въ томъ числѣ радные паны, были сравнены въ отношеніи подсудности съ рядовой шляхтой, было вновь отвергнуто королемъ. А. З. Р. Ш, № 11, п. 12 (стр. 37).

[2]) Въ данномъ мѣстѣ постановленія 1551 г. говорится собственно лишь о воеводахъ; но, съ одной стороны, выше, когда рѣчь идетъ о назначеніи судей и мѣста суда, упоминается о старостахъ наравнѣ съ воеводами, а съ другой, нѣсколько ниже читаемъ слѣд.: „А кому бы ся отъ пановъ воеводъ, альбо отъ старостъ видѣло быти съ кривдою, тотъ можетъ по сказанью отозватися до господаря...“

одной инстанціи въ другую можетъ имѣть мѣсто лишь послѣ„ сказанья“, т. е. послѣ постановки и объявленія рѣшенія, и при условіи, если это послѣднее представлялось той или другой сторонѣ рѣшеніемъ „съ кривдою“ [1]).

Такимъ образомъ, минимальное число инстанцій, черезъ которыя то или другое дѣло (изъ категоріи подсудныхъ мѣстнымъ или областнымъ судамъ) могло пройти, было уже не двѣ, какъ по Л. Статуту 1529 г. и закону 1542 г., а три, при чемъ ни одной изъ этихъ инстанцій, не исключая и самой низшей, нельзя уже было миновать, или обойти. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ не только объ окончательномъ водвореніи твердаго, т. е. ничѣмъ уже не нарушаемаго порядка инстанцій, нѣкоторое отступленіе отъ котораго допускалъ еще законъ 1542 г., но также, повидимому, и о стремленіи законодателя, съ одной стороны, болѣе правильно и равномѣрно распредѣлить судебныя обязанности между низшими и высшими областными органами судебной власти и тѣмъ сдѣлать трудъ ихъ болѣе успѣшнымъ, а съ другой, нѣсколько облегчить бремя судебныхъ функцій, лежавшихъ на вел. князѣ. Первое достигалось тѣмъ, что воеводы и старосты были освобождены отъ дѣлъ, которыя имъ раньше приходилось разрѣшать въ качествѣ суда первой инстанціи, а второе—тѣмъ, что между низшими судами и вел. княземъ была создана постоянная промежуточная апелляціонная инстанція въ видѣ суда воеводъ или старостъ, благодаря чему часть апелляціонныхъ жалобъ (особенно если имъ приходилось пройти еще черезъ судъ рады) могла вовсе не дойти до вел. князя.

Вообще, оцѣнивая законъ 1551 года, реформировавшій существовавшіе областные суды, со стороны его содержанія, нельзя не признать, что онъ ввелъ весьма важныя улучшенія въ судебные порядки, господствовавшіе дотолѣ и вызывавшіе болѣе или менѣе справедливыя нареканія со сторо-

---

[1]) А. З. Р. III, № 11, п. 2 (стр. 32—33).

ны шляхты. Въ самомъ дѣлѣ, означенный законъ не только потребовалъ осуществленія на дѣлѣ того, что оставалось въ Л. Статутѣ мертвой буквой (участіе въ судѣ низшей инстанціи присяжныхъ земянъ, или повѣтовыхъ судей изъ шляхты), но и ввелъ, какъ мы видѣли, рядъ новыхъ очевидныхъ и серьезныхъ улучшеній въ мѣстномъ судоустройствѣ и вообще постарался устранить все, что раньше влекло за собою для тяжущихся потерю времени, излишніе расходы и судебную волокиту. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя также отказать системѣ судовъ, санкціонированной закономъ 1551 года, въ извѣстной стройности и послѣдовательности. Добавимъ къ сказанному, что законъ 1551 г., какъ о томъ можно судить по имѣющимся даннымъ, не остался лишь на бумагѣ, а получилъ практическое осуществленіе [1]).

Но всѣ положительныя стороны закона 1551 г. или, точнѣе, вновь реформированныхъ имъ областныхъ судовъ не удовлетворяли уже шляхту. Имѣя своимъ идеаломъ въ области мѣстнаго судоустройства и по вопросу о подсудности „звычай Подляшскоѣ земли“, гдѣ существовали выборные суды (земскіе), которымъ подсудны были „кождого стану особы одинако“, литовская шляхта упорно добивалась того же и для себя. Новое ходатайство ея въ этомъ смыслѣ было сдѣлано на сеймѣ 1554 г. Однако король, какъ мы уже имѣли случай упомянуть [2]), отложилъ всякую новую судебную реформу до окончательной выработки редакціи второго Статута и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ судебные порядки, санкціонированные на сеймѣ 1551 г., съ тѣмъ лишь отличіемъ, что вмѣсто однихъ „роковъ судовыхъ“ установлены попрежнему „двои роки судовые“ (а именно: „на семую суботу и на день святого Мартина“), въ теченіе которыхъ должны были производить судъ господарь или, въ его отсутствіе, рада [3]).

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ документы, напечатанные въ XXII томѣ Актовъ Виленской Комиссіи. См. также А. З. Р. Ш, стр. 52.

[2]) См. выше, стр. 189.

[3]) А. З. Р. Ш, № 13, п. 3 (стр. 51—52).

Законъ 1551 г., подтвержденный вновь въ 1554 г., сдѣлалъ послѣднюю попытку реформировать мѣстные суды и установить систему инстанцій, не отступая отъ основныхъ началъ судоустройства, санкціонированныхъ Статутомъ 1529 г., а лишь давая имъ дальнѣйшее развитіе и улучшая тѣ порядки, которые были созданы какъ Статутомъ, такъ и послѣдующими за нимъ актами сеймоваго законодательства. Указанная закономъ 1551 г. система инстанцій (число и порядокъ ихъ), а равно и организація каждой инстанціи въ отдѣльности не подвергались дальнѣйшимъ измѣненіямъ или перемѣнамъ вплоть до 1564 г., когда на Бѣльскомъ сеймѣ былъ впервые разсмотрѣнъ новый Статутъ и когда, наконецъ, литовская шляхта, выражаясь словами одной записи въ судебныхъ книгахъ, добилась того, что она была „захована однакою справедливостью и свободою з братьею а суседы своими, паны поляки“ [1]).

На Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г., какъ намъ уже извѣстно изъ предыдущаго, всѣ „старые врады“, всѣ должностныя лица, начиная съ сановниковъ, или радныхъ пановъ, и кончая всякимъ вообще урядникомъ, которому могла принадлежать судебная власть, торжественно отказались отъ принадлежавшей имъ дотолѣ юрисдикціи надъ шляхтою и сопряженныхъ съ этой юрисдикціей судебныхъ доходовъ и тѣмъ, по словамъ Бѣльскаго привилея, устранили главное препятствіе къ введенію „судовъ новымъ порадкомъ учиненыхъ, постановеныхъ и въ (новомъ) статутѣ описаныхъ“, а именно земскихъ судовъ, состоявшихъ исключительно изъ выбранныхъ шляхтою судебныхъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же всѣ „князи, панове, маршалки, панята и якимъ кольвекъ обычаемъ званые врадники господарскіе“ добровольно отреклись отъ принадлежавшихъ имъ дотолѣ судебныхъ приви-

---

[1]) Акты Вил. Ком., т. XXII, стр. 148.

легій: всѣ чины Бѣльскаго сейма торжественно заявили, что они „въ одно ровное право, въ однакій а не инакшій судъ, моцъ и поступки судовые и послушенства, а порадокъ врадовъ, на суды выбраныхъ и высажоныхъ, сами и (съ) потомки своими (ся) поддали и поддаютъ". Такимъ образомъ, на Бѣльскомъ сеймѣ шляхта не только добилась активнаго участія въ производствѣ мѣстнаго суда, но и достигла столь желательнаго для нея равенства всѣхъ и каждаго „отъ старшого ажъ до наименшого" въ отношеніи подсудности, безъ чего судебная реформа на новыхъ началахъ имѣла бы мало смысла и не достигала бы своей цѣли.

Посмотримъ теперь, какіе новые суды были призваны къ жизни Бѣльскимъ привилеемъ 1564 г. и вторымъ Литовскимъ Статутомъ на смѣну „врадовъ старыхъ", которымъ принадлежала судебная власть въ эпоху перваго Статута.

По Статуту 1566 г. областными судами или судами первой инстанціи, между которыми распредѣлены были различнаго рода судебныя дѣла, вѣдавшіяся прежде мѣстными правителями, являются слѣдующіе три вида судовъ: замковые, именуемые впослѣдствіи гродскими [1]), земскіе и подкоморскіе.

Во главѣ каждаго замковаго (гродскаго) суда стоялъ мѣстный правитель или администраторъ (воевода, староста или державца), котораго въ судебныхъ засѣданіяхъ обыкновенно замѣнялъ его намѣстникъ (при старостахъ—подстароста); въ составъ этого суда, кромѣ того, входили: судья и писарь, избранные главою замковаго суда изъ мѣстной шляхты [2]). Очевидно, что замковый судъ являлся во всѣхъ суще-

---

[1]) Терминъ—„врядъ (судъ) замковый", Л. Статута 1566 г. (IV, 20, 21, 40—42, 61 и др.) въ Статутѣ 1588 г. замѣняется терминомъ—„врядъ кгродскій", „судъ кгродскій" (IV, 33 и др.). Впрочемъ, и въ актахъ судебныхъ и въ памятникахъ законодательства уже тотчасъ послѣ вступленія въ силу Л. Статута 1566 г. „замковый" судъ именуется обыкновенно гродскимъ. См., напр., Док. М. Арх. М. Юст. I, № XIX, п. 32 и ссылки, приведенныя ниже, въ примѣч. на слѣд. стр.

[2]) Л. Статутъ 1566 г. IV, 20, 21. Относительно писарей замковыхъ и земскихъ судовъ лишь въ Л. Статутѣ 1588 г. опредѣленно сказано, что

ственныхъ чертахъ своихъ учрежденіемъ старымъ, извѣстнымъ намъ изъ Лит. Статута 1529 г. и послѣдующихъ законодательныхъ актовъ, а въ частности закона 1551 г. Вся разница въ его организаціи сводится лишь къ тому, что вмѣсто двухъ присяжныхъ земянъ или повѣтовыхъ судей фигурируетъ одинъ судья, избираемый такимъ же порядкомъ и именуемый замковымъ (гродскимъ) судьею [1]). Болѣе существеннымъ представляется то, что разносторонняя прежде компетенція даннаго суда въ отношеніи предметовъ вѣдомства значительно сократилась вслѣдствіе передачи многихъ дѣлъ (такъ назыв. „земскихъ речей") ново-учрежденнымъ судамъ, функціонировавшимъ параллельно съ замковымъ — судамъ земскому и подкоморскому.

Иною представляется генеалогія этихъ послѣднихъ: подобныхъ судовъ дотолѣ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (за исключеніемъ Подляхіи) не было, и они учреждены по образцу существовавшихъ въ Польшѣ (съ тѣми же наименованіями и функціями), а потому, дѣйствительно, являлись судами совершенно новыми.

Земскій судъ, предметъ долго-безуспѣшныхъ домогательствъ литовской шляхты и вѣнецъ ея желаній въ области судоустройства, былъ выборный чисто шляхетскій судъ,

---

они „моцы до чиненья выроковъ не мають" (IV, 40); по Статуту же 1566 г. писарь также, какъ намѣстникъ (подстароста) и замковый судья, является отвѣтственнымъ за состоявшееся рѣшеніе (IV, 21).

[1]) Л. Статутъ 1566 г. IV, 20—21. Изъ актовыхъ книгъ Кіевск. Центр. Арх. начала 60-хъ годовъ (№№ 2035—2039) видно, что въ составъ луцкаго замковаго суда (книги этого суда именуютъ себя „замковыми"), называемаго просто „врядомъ" („врядомъ здѣшнимъ") или „врядомъ его корол. милости", „врядомъ господарскимъ", „врядомъ замку господарского Луцкого", входили: подстароста, два „судьи повѣту Луцкого" и „писарь замку Луцкого". Тотъ же судъ, въ составѣ подстаросты, одного „судьи кгродского замку господарского" и писаря, съ конца 1566 года именуется попрежнему то „врядомъ его корол. милости" или „врядомъ замковымъ", то „судомъ кгродскимъ", а книги этого суда—то „замковыми", то „кгродскими". См., напр., кн. К. Ц. Арх. № 2040, лл. 408 об., 480 об., 404 об., 460 об., 488 об.; № 934, л. 137 об.; № 2041, л. 506 и др.

совершенно независимый отъ мѣстной администраціи. Онъ состоялъ изъ судьи, подсудка и писаря, избираемыхъ (пожизненно) въ каждомъ повѣтѣ мѣстной шляхтой изъ своей среды и утверждаемыхъ королемъ [1]). Судъ этотъ функціонировалъ періодически: три раза въ году (весною, осенью и зимою), каждый разъ не свыше двухъ недѣль [2]), въ опредѣленные сроки [3]). Власть земскаго суда, согласно Бѣльскому привилею 1564 г. и 2-му артикулу IV разд. Статута 1566 г., простиралась въ сферѣ дѣлъ, подсудныхъ означенному суду, на представителей всѣхъ, не исключая и радныхъ пановъ, разрядовъ шляхетскаго сословія, разъ эти лица владѣли имѣніями въ данномъ повѣтѣ.

Третью категорію мѣстныхъ или областныхъ судовъ составляли суды подкоморскіе, которые не имѣлись въ виду на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г. и не фигурировали въ первоначальномъ текстѣ второго Статута, обсуждавшемся на означенномъ сеймѣ, а установлены на Виленскомъ сеймѣ въ декабрѣ 1565 г. [4]). Въ составъ подкоморскаго суда входили под-

---

[1]) На каждую должность (судьи, подсудка и писаря) повѣтовая шляхта избирала по 4 кандидата, изъ которыхъ король утверждалъ одного по своему выбору. Л. Стат. 1566 г., IV, 1.

[2]) Л. Статутъ 1566 г, IV, 27; Статутовыя Поправы 1578 г. (въ изд. М. О. И. и Д.), стр. 202. Эти „Поправы" ввели новое правило: „роки земскіе" должны продолжаться не 2 недѣли, а сколько потребуется для рѣшенія всѣхъ поступившихъ дѣлъ.

[3]) Сроки эти по Статуту 1566 г. наступали: 1) „отъ святое Троицы, рымского свята", т. е. съ начала недѣли Всѣхъ Святыхъ, называемой у католиковъ недѣлею Sanctissimae Trinitatis; 2) со „дня св. Михайла, рымского свята", т. е. съ 29 сентября, и 3) „о трехъ кролехъ, святѣ рымскомъ", т. е. съ 6 января.

[4]) Док. М. Арх. М. Юст. I, № XIV, п. 24 (стр. 170). Что подкоморскіе суды первоначально не имѣлись въ виду и установлены лишь при новомъ пересмотрѣ и исправленіи второго Статута, это доказываетъ и текстъ означеннаго Статута, напечатанный въ 23-й книгѣ „Временника" и отражающій въ себѣ, такъ сказать, исторію его составленія и разновременныхъ поправокъ; см., напр., конецъ 22-го артик. IX разд. *), откуда ясно видно, что обширный 70-ый арт. IV разд. („о подкоморыхъ и о ихъ врядѣ") явился результатомъ позднѣйшаго дополненія, т. е. не имѣлъ

коморій, назначаемый пожизненно самимъ господаремъ и по его усмотрѣнію изъ мѣстной шляхты [1]), и одинъ или два коморника, избираемые подкоморіемъ изъ мѣстной же шляхты и являвшихся его помощниками и замѣстителями [2]).

мѣста въ редакціи, разсматривавшейся на Бѣльскомъ сеймѣ. Къ тому же выводу приводятъ и другіе артикулы IV разд., которые опредѣляютъ кругъ подлежавшихъ земскому суду дѣлъ и которые относятъ къ числу послѣднихъ также и дѣла, переданныя позже подкоморскому суду. Наконецъ, о томъ же свидѣтельствуетъ и королевскій наказъ („наука господарская"), данный Лаврину Войнѣ передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 г. См. А. Ю. и З. Р. I, стр. 158.—Считаемъ не лишнимъ прибавить, что и въ Подляшскомъ воеводствѣ, гдѣ издавна дѣйствовало польское право и существовали земскіе суды, судовъ подкоморскихъ не было до 1547 г., когда они были впервые учреждены. См. Док. М. Арх. М. Юст. I, стр. 534.

*) Пользуемся случаемъ представить болѣе полный и интересный варіантъ даннаго мѣста Статута 1566 г., на основаніи Почаевской рукописи 2-го Статута (краткія свѣдѣнія объ этой рукописи, см. въ нашемъ очеркѣ: „Луцкій Трибуналъ", стр. 55). Въ названной рукописи это мѣсто (конецъ 22-го артик. IX разд.) изложено такъ:

„В том розделе ач суды земленые взложоны на судьи поветовые, вед же иж на том сойме с поправы господаря его мил. придати рачил уряд подкоморего ку тым справам судов земленыхъ, а то для болшое а споспешнейшое отправы въ справедливости людской; про то, што судъ земъский мел отправовати коло границъ и всякихъ кгрунтов земленыхъ, то мают отправовати подкоморые водле артикулов врядовних, нижей (sic!) описаных в том же статуте" (Рукопись Почаевской Лавры, л. 83).

[1]) При введеніи подкоморскихъ судовъ шляхта просила, чтобы король разрѣшилъ ей избирать подкоморіевъ такъ же, какъ и земскихъ урядниковъ (судью, подсудка и земскаго писаря), но король не уважилъ этого ходатайства: „даванье подкоморихъ поветовыхъ рачить его кр. милость при воли своей господарской зоставовати, и кого где воля его кр. милости будеть подкоморыхъ, людей добрыхъ, въ томъ повете оселыхъ, подавати рачить такъ, яко и в Коруне Полской подкоморыхъ самъ господаръ король его милость подавати рачить" (Док. Моск. Арх. М. Юст. I, стр. 173). Однако, уже по Статуту 1588 г. (IX, 1) подкоморіе избираются шляхтой на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и члены земскаго суда.

[2]) Л. Статутъ 1566 г. IV, 70. По существу своему судъ подкоморскій—судъ единоличный: судилъ или самъ подкоморій, или заступавшій его коморникъ.

Всѣ три названные вида судовъ, изъ которыхъ гродскіе вѣдали преимущественно уголовныя дѣла, земскіе—гражданскія, а подкоморскіе—межевыя [1]), являлись судами первой инстанціи. Апелляціонной же инстанціей по отношенію ко всѣмъ перечисленнымъ судамъ являлся судъ великокняжескій, или господарскій. Впрочемъ, это безусловно справедливо лишь относительно земскихъ и подкоморскихъ судовъ, апелляціонныя жалобы на рѣшенія которыхъ поступаютъ, согласно Статуту 1566 г., непосредственно къ господарю [2]). Что же касается замковаго суда, то въ томъ случаѣ, когда онъ судилъ въ обычномъ составѣ (намѣстникъ или подстароста, судья и писарь), между этимъ судомъ и вел. кня-

[1]) Не имѣя ни возможности, ни надобности подробно останавливаться на компетенціи названныхъ судовъ, мы ограничились лишь самой общей характеристикой вѣдомства каждаго изъ нихъ. Прибѣгая въ этой характеристикѣ къ выраженію „преимущественно“, мы хотѣли тѣмъ показать, что съ современной намъ точки зрѣнія гродскіе суды не могутъ быть названы судами исключительно уголовными, а земскіе—гражданскими. Не лишне при этомъ замѣтить, что законъ въ формѣ Статута 1566 г. не проводитъ строгаго разграниченія круга дѣлъ, подсудныхъ гродскому и земскому суду въ отдѣльности, хотя и стремится сдѣлать это между проч. въ концѣ 2-го и въ 20-мъ арт. IV разд. (см. также 25 арт. того же раздѣла).

[2]) Л. Статутъ 1566 г. IV, 61, 62, 64, 65, 70. Послѣдній изъ указанныхъ сейчасъ артикуловъ, трактующій между проч. объ апелляціяхъ на рѣшенія подкоморскаго суда, поясняетъ, что подобнаго рода жалобы разрѣшаются господаремъ съ помощью высланныхъ имъ комиссаровъ, которые, выѣхавъ на спорную землю, провѣряютъ основательность состоявшагося рѣшенія и поданной на него жалобы. Первоначальная редакція второго Статута, которая не имѣла еще въ виду подкоморскихъ судовъ, устанавливала иной порядокъ подачи апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія по земельнымъ спорамъ: 7-ой арт. IX разд. предписываетъ апелляціи въ такихъ случаяхъ подавать радѣ. Такъ какъ уже въ декабрѣ 1565 г., т. е. еще до введенія Статута 1566 г. въ дѣйствіе во всемъ его объемѣ, рѣшено было учредить подкоморскіе суды, результатомъ чего и явился 70-й артикулъ IV разд., трактующій объ организаціи и компетенціи подкоморскихъ судовъ и объ апелляціяхъ на ихъ рѣшеніяхъ, то, очевидно, что 7-ой артикулъ IX разд. утерялъ raison d' être и никогда не получалъ практическаго осуществленія. См. также А. Ю. и З. Р. I, стр. 158.

земъ существовала промежуточная инстанція въ видѣ непосредственнаго суда мѣстнаго правителя, а именно [1]): сторона, находящая состоявшееся рѣшеніе замковаго суда въ его обычномъ составѣ несправедливымъ, или несогласнымъ съ закономъ [2]), можетъ апеллировать („отозваться") къ подле-

---

[1]) Вопросъ о порядкѣ инстанцій для дѣлъ, подсудныхъ замковому суду, разрѣшается 21-мъ артикуломъ IV разд. Статута 1566 г. Средняя часть этого артикула въ текстѣ Статута, напечатанномъ въ 23-й книгѣ „Временника", обнаруживаетъ несомнѣнные искаженія и пропуски, обратившіе на себя вниманіе редактора „Временника" и побудившіе его въ особомъ примѣчаніи признать вышеозначенный артикулъ „темнымъ и сбивчивымъ". Благодаря Почаевской рукописи второго Л. Статута, мы имѣемъ возможность возстановить текстъ 21-го арт. IV разд. въ его полномъ и неискаженномъ видѣ. Середина и конецъ этого артикула (мы опускаемъ начальныя строки, напечатанныя правильно и во „Временникѣ") въ рукописи Почаевской лавры изложены такъ (мѣста, искаженныя или пропущенныя въ напечатанномъ текстѣ, набраны курсивомъ):

„... А если бы што *за* недойзрѣньемъ ихъ на томъ урядѣ въ справѣ ихъ поблудило, тогды за отозваньемъ стороны на таковыхъ врядниковъ, яко *на* намѣстника своего и *на* судью замкового и *на* писара, воеводове, старостове и державцы повѣтовые *без всякое проволоки, але от жалобы с тым принесеное за две недели мают право дати и з ними справедливост учинити; а если бы воеводове, старостове и державцы наши поветовые* съ тыми вышейописаными врядниками своими замковыми справедливости учынити не хотѣли, або сами *судом своим кому въ* справедливости его *надъ право* уближене учинили, тогды таковый врядъ нашъ маеть перед насъ листом нашимъ позван быти, на который рок тотъ уряд нашъ, сам або через умоцованого своего *повинен будет перед нами* стати, а мы на томъ року таковому укривжоному безъотволочную справедливость учынити маемъ. А рокъ таковому позванью, естли будемъ въ здѣшнемъ панствѣ нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ, чотыри недѣли, а если въ Коурнѣ Польской, тогды осмь недѣль складанъ быти масть".

[2]) Основаніе для подачи „отозва", или апелляціонной жалобы, на рѣшеніе замковаго суда изложены (см. текстъ 21-го арт. IV р., приведенный въ предыдущемъ примѣч.) въ словахъ: „А если бы што за недойзрѣньемъ ихъ на томъ урядѣ въ справѣ ихъ поблудило". Истинный смыслъ этихъ словъ, какъ было уже замѣчено выше (стр. 154, примѣч. 1).

жащему воеводѣ, старостѣ или повѣтовому державцѣ, а эти послѣдніе обязаны въ двухнедѣльный срокъ со времени подачи жалобы „право дати“ и „съ тыми врядниками своими замковыми справедливость учинити“. Недовольные на томъ же основаніи рѣшеніемъ главы замковаго суда, или областнаго правителя, а равно и въ случаѣ отказа его разсмотрѣть поступившую на замковый судъ жалобу, обращаются непосредственно къ самому господарю [1]).

Таковы инстанціи, явившіяся результатомъ судебной реформы средины 60-хъ годовъ XVI ст. и установленныя вторымъ Л. Статутомъ. Не трудно видѣть, что все вниманіе законодателя устремлено было на лучшую и наиболѣе удовлетворявщую шляхту организацію областныхъ судовъ, которая дѣйствительно имѣла много преимуществъ передъ судоустройствомъ предшествовавшей эпохи. Не говоря уже объ установленіи одинаковой подсудности для всѣхъ разрядовъ шляхетскаго сословія и привлеченіи повѣтовой шляхты къ

уясняется при сравненіи съ аналогичнымъ мѣстомъ Л. Статута 1588 г. (IV, 37): „А если бы се . . . што недозреньемъ на томъ уряде и въ справѣ ихъ поблудило, а зъ статутомъ бы се права посполитого незгожало и што бы се стороне которой с кривдою отъ нихъ видело, тогды... etc.“.

[1]) Примѣрами для иллюстраціи сказаннаго нами о переносѣ дѣлъ изъ замковаго суда по апелляціямъ тяжущихся на судъ воеводы или старосты могутъ служить нѣкоторые изъ напечатанныхъ Бершадскимъ актовъ, на которые мы уже имѣли случай ссылаться выше; см. Док. и Рег. II, №№ 298, 300 и 302 (въ виду допущенныхъ издателемъ этихъ документовъ неточностей въ заголовкахъ какъ отмѣченныхъ сейчасъ актовъ, такъ и того, на который мы ссылаемся нѣсколько ниже, считаемъ весьма не лишнимъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ актахъ подканцлеръ Остафій Воловичъ выступаетъ въ роли апелляціоннаго судьи не какъ подканцлеръ, а какъ староста Берестейскій). Помѣщенный тамъ же, подъ № 303, документъ можетъ служить доказательствомъ, что не только по буквѣ закона, но и на практикѣ дѣла, подсудныя замковому суду, переходили по апелляціонной жалобѣ тяжущихся изъ этого послѣдняго сначала на судъ мѣстнаго правителя, а затѣмъ на судъ господаря; др. словами, для дѣлъ этого рода (подсудныхъ замковому или гродскому суду) существовало 3 судебныхъ инстанціи.

отправленію правосудія, Статутъ 1566 г. создалъ на ряду съ старыми замковыми судами еще два новыхъ вида низшихъ судовъ (земскіе и подкоморскіе), т. е. увеличилъ число судебныхъ мѣстъ, и тѣмъ не только облегчилъ судебную роль областныхъ правителей, но и далъ возможность распредѣлить болѣе или менѣе равномѣрно судебныя дѣла между отдѣльными органами судебной власти. Словомъ, все направлено было къ тому, чтобы ускорить отправленіе правосудія въ областяхъ и сдѣлать судъ близкимъ, доступнымъ и, кромѣ того, въ отличіе отъ предыдущей эпохи, равнымъ для всѣхъ.

Но судебная реформа, санкціонированная Л. Статутомъ 1566 г., кромѣ только что отмѣченныхъ положительныхъ сторонъ, имѣла и свою отрицательную сторону. Таковой, безъ сомнѣнія, являлось то обстоятельство, что для громаднаго большинства дѣлъ, подсудныхъ низшимъ судамъ, не существовало промежуточной инстанціи между этими послѣдними и судомъ вел. князя, или, другими словами, что для названныхъ дѣлъ вел. князь былъ не только окончательный, но и единственный апелляціонный судья. Остановимся на указанномъ обстоятельствѣ съ цѣлью сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, безъ которыхъ все сказанное нами о судебныхъ инстанціяхъ по Статуту 1566 г. будетъ не полно и не дастъ достаточно матеріала какъ для сравненія порядковъ предшествовавшей эпохи съ порядками, санкціонированными вторымъ Статутомъ, такъ и для оцѣнки этихъ послѣднихъ.

Передъ инціаторами судебной реформы и составителями Статута 1566 г. было два образца для установленія будущей системы инстанцій: система, существовавшая въ Польшѣ, и та, которая имѣла мѣсто въ дореформенный періодъ въ самой Литвѣ и изъ которой кое-что могло быть сохранено и на будущее время.

Въ Польшѣ, откуда заимствованы были земскіе и подкоморскіе суды, существовала весьма пестрая система судовъ, разнообразившаяся по отдѣльнымъ частямъ государства (Великая Польша, Малая Польша и Мазовія) и вообще отличав-

шаяся множествомъ судебныхъ инстанцій (для нѣкоторыхъ составныхъ частей Польскаго королевства ихъ можно насчитать до шести)[1]). Это обиліе инстанцій, среди которыхъ вѣче всюду играло роль промежуточной—между гродскими, земскими и подкоморскими судами, съ одной стороны, и судами королевскими, съ другой, составляло существенный недостатокъ польскаго судоустройства и вызывало проекты объ уничтоженіи нѣкоторыхъ промежуточныхъ инстанцій, а на практикѣ къ примѣненію такъ назыв. appellatio per saltum[2]). Не удивительно поэтому, что составители второго Статута, безъ сомнѣнія, отлично освѣдомленные относительно борьбы польскаго общества съ указаннымъ недостаткомъ польскаго судоустройства, порождавшимъ длинную судебную волокиту или стремленіе обойти нѣкоторыя изъ инстанцій, удержались отъ заимствованія изъ Польши такихъ судовъ, какими были, напр., вѣча, и ограничились лишь введеніемъ въ Литовскомъ государствѣ земскихъ и подкоморскихъ судовъ по польскому образцу.

Но избѣжавъ недостатковъ польскаго судоустройства въ видѣ излишняго обилія или множества инстанцій, составители Статута впали въ противоположную крайность. Это выразилось въ отношеніи Статута 1566 г. къ радѣ съ ея судовыми сеймами, которые играли такую видную роль въ эпоху перваго Статута. Правда, своего прежняго значенія въ качествѣ судебнаго учрежденія рада уже не могла сохранить, такъ какъ съ отмѣной судебныхъ привилегій и установленіемъ одинаковой подсудности исчезло одно изъ главныхъ основаній существованія въ лицѣ рады самостоятельнаго судилища, замѣнявшаго вел. князя. Но она могла бы сохранить значеніе апелляціонной инстанціи и притомъ не только въ отсутствіе вел. князя, какъ то было прежде, но уже въ качествѣ судебнаго учрежденія, функціонирующаго въ указан-

---

[1]) Подробности см. Balzer: op. cit. p. 80—81.

[2]) См. ниже, примѣч. на стр. 208.

ной роли постоянно и по общему правилу, независимо отъ усмотрѣнія или порученія вел. князя. Конечно, о радѣ, какъ окончательной апелляціонной инстанціи, не могло быть рѣчи: она такого значенія и раньше не имѣла и не могла получить его также въ эпоху описываемой реформы вслѣдствіе твердаго убѣжденія и главы государства и его подданныхъ (и не только въ Литвѣ, но и въ Польшѣ), что высшимъ или окончательнымъ судьею можетъ быть лишь государь [1]). Но, повторяемъ, ничто, казалось бы, не мѣшало оставить за радой, или судебными сеймами радныхъ пановъ, значеніе первой (для земскихъ и подкоморскихъ судовъ) апелляціонной инстанціи. Между тѣмъ Статутъ 1566 г. уже ни словомъ не упоминаетъ о судовыхъ сеймахъ, или съѣздахъ радныхъ пановъ для суда, и въ своей окончательной редакціи не признаетъ уже за радой никакого самостоятельнаго судебнаго значеніе ни во время пребыванія вел. князя въ Литвѣ, ни даже въ его отсутствіе [2]). Чѣмъ же это объяснить? Тѣмъ ли, что рада не сумѣла сдѣлаться популярнымъ судебнымъ учрежденіемъ и не оправдала той миссіи, которая на нея возложена была Статутомъ 1529 г. и послѣдующими законодательными актами; или тѣмъ, что и собственный опытъ

---

[1]) Въ дополненіе къ сказанному нами неоднократно выше о томъ, какъ смотрѣли оба послѣдніе Ягеллона на свои судебныя права, приводимъ нижеслѣдующее характерное мѣсто изъ привилегіи, данной Ливоніи въ 1561 г. Сигизмундомъ Августомъ: „Quamvis inficias ire non possumus, appelationis remedium ad tribunal regium, superioritatem Sacrae Regiae Majestatis maxime respicere, neque nostri instituti sit, illam attenuare velle, tamen...“ Vol. leg. VI, 519.

[2]) Правда, въ IX разд. Л. Стат. 1566 г. сохранилось два—три упоминанія о судѣ рады въ отсутствіе господаря (IX, 7, 16 и отчасти 15 арт.), но эти упоминанія, попавшія по вполнѣ понятнымъ причинамъ въ первоначальный текстъ Статута (поступившій на разсмотрѣніе Бѣльскаго сейма), сохранились послѣ поправокъ его на Бѣльскомъ и послѣдующихъ сеймахъ лишь по недосмотру редакторовъ или позднѣйшихъ переписчиковъ, такъ какъ уже утратили всякое значеніе послѣ судебной реформы, произведенной на Бѣльскомъ 1564 и Виленскомъ 1565—66 г. сеймахъ. См. выше, примѣч. 2 на стр. 202 и А. Ю. и З. Р. I, стр. 158.

составителей Статута 1566 г., а еще болѣе тотъ практическій урокъ, какой давали польскіе судебные порядки, убѣждали въ безполезности или нежелательности существованія посредствующихъ инстанцій между низшими судами и королемъ, какъ высшимъ судьею[1]); или, наконецъ, тѣмъ, что шляхта, которая съ такими усиліями добилась реформы мѣстныхъ судовъ на новыхъ началахъ, стремилась обезпечить себя на будущее время отъ всякой зависимости въ судебныхъ дѣлахъ отъ радныхъ пановъ? Какое изъ перечисленныхъ обстоятельствъ играло, если не исключительную, то рѣшающую роль при установленіи во время реформы 1564—66 гг. числа и порядка инстанцій,—сказать съ увѣренностью трудно. Кажется, однако, такую роль сыграло послѣднее изъ указанныхъ обстоятельствъ.

Какъ бы то ни было, но достопримѣчательно то, что на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г. воеводы, старосты и прочія важнѣйшія должностныя лица, перечисленныя въ Бѣльскомъ привилеѣ и входившія въ составъ рады, добровольно „от-

---

[1]) Хотя въ Польшѣ на практикѣ дѣла проходили отъ 4-хъ до 6-ти инстанцій, но это порождало лишь тягостную для всѣхъ судебную волокиту, вполнѣ оправдывавшую изобрѣтеніе средствъ въ родѣ appellatio per saltum (т. е. обращеніе съ апелляціей въ высшую инстанцію, минуя среднія), и притомъ волокиту тѣмъ болѣе безцѣльную и ненужную, что въ концѣ концовъ всякое дѣло, независимо отъ степени его важности и числа аналогичныхъ рѣшеній низшихъ и среднихъ инстанцій, поступало на окончательное рѣшеніе къ королю, что́ было почти неизбѣжно, разъ господствовала идея о королѣ, какъ единомъ высшемъ судьѣ. Если, однако, даже аналогичность рѣшеній нѣсколькихъ инстанцій по какому-либо дѣлу не преграждала ему доступа на окончательный судъ короля, то практическій выводъ отсюда былъ одинъ — необходимость уничтоженія нѣкоторыхъ посредствующихъ инстанцій между судами низшими и королемъ, какъ высшимъ судьею. Въ Польшѣ до конца эпохи Ягеллоновъ не рѣшались по тѣмъ или другимъ соображеніямъ упразднить нѣкоторыя промежуточныя инстанціи, но составители Статута 1566 г. при полной реорганизаціи литовскаго судоустройства были вполнѣ свободны въ своихъ проектахъ и могли осуществить и дѣйствительно осуществили на дѣлѣ то, что въ Польшѣ было лишь pium desiderium.

ступили и выреклись" не только отъ принадлежавшей имъ юрисдикціи и сопряженныхъ съ нею судебныхъ доходовъ вообще, но и отъ разсмотрѣнія „отозвовъ" или „апеляцый" въ частности [1]). Если даже принять во вниманіе, что на Бѣльскомъ сеймѣ принципіально рѣшался вопросъ именно объ учрежденіи земскихъ судовъ и что, такимъ образомъ, всѣ сановники и вообще должностныя лица, которымъ принадлежало право разсмотрѣнія апелляцій, отказываясь отъ этого права, имѣли въ виду лишь тѣ дѣла, которыя предполагалось предоставить вѣдѣнію земскихъ судовъ и которыя нѣсколько позже были распредѣлены между этими послѣдними и подкоморскими судами [2]),—то даже и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что на Бѣльскомъ сеймѣ былъ провозглашенъ въ качествѣ господствующаго тотъ принципъ, въ силу котораго апелляціоннымъ судьею признавался лишь одинъ государь. Такъ понимали этотъ пунктъ Бѣльскаго привилея (руководившій составителями окончательной редакціи Статута 1566 г. при установленіи инстанцій для всѣхъ дѣлъ, кромѣ подсудныхъ гродскому суду) и шляхта и вел. князь [3]).

Упомянутый пунктъ Бѣльскаго привилея, оказавшій непосредственное вліяніе на уничтоженіе прежняго значенія рады, какъ особой судебной инстанціи въ отсутствіе вел. князя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на сокращеніе прежняго числа инстанцій, важенъ еще и въ другомъ отношеніи: онъ, повидимому, сыгралъ роль и позже, а именно—когда предстояло рѣшить вопросъ, кто долженъ выступить въ качествѣ выс-

---

[1]) См. Бѣльскій привилей (напечатанный въ 23-й кн. „Временника", передъ текстомъ Статута), стр. 7.

[2]) Это подтверждается и Статутомъ, допустившимъ для дѣлъ, подсудныхъ гродскому суду, не двѣ, а три инстанціи и сдѣлавшимъ воеводъ и старостъ первой апелляціонной инстанціей въ тѣхъ случаяхъ, когда они не участвовали въ постановкѣ обжалованныхъ рѣшеній гродскаго суда.

[3]) Док. Моск. Арх. М. Юст. I, стр. 482—83. Подробнѣе объ этомъ см. ниже, гдѣ идетъ рѣчь о первыхъ послѣ изданія Статута 1566 года проектахъ ускорить отправленіе правосудія.

шаго судьи взамѣнъ вел. князя по тѣмъ дѣламъ, отъ которыхъ господарь былъ освобожденъ послѣдующей судебной реформой и среди которыхъ почти исключительно фигурировали дѣла апелляціонныя.

Дѣйствительно ли, однако, сокращеніе Статутомъ 1566 г. числа инстанцій для большинства дѣлъ до возможнаго минимума слѣдуетъ считать отрицательной стороной реформы 1564—66 г., какъ мы выразились выше? Какъ ни подкупаетъ съ перваго взгляда это обстоятельство въ свою пользу, нельзя, однако, не признать, что отсутствіе для дѣлъ, подсудныхъ земскимъ и подкоморскимъ судамъ, промежуточной инстанціи между этими судами и господаремъ, заставлявшее всю массу апелляцій направляться непосредственно къ вел. князю, составляетъ дѣйствительно слабый пунктъ реформы. Несомнѣнно, что существованіе такой (средней) инстанціи значительно облегчило бы роль господаря въ качествѣ апелляціоннаго судьи, ибо часть дѣлъ могла бы въ такомъ случаѣ вовсе не доходить до вел. князя (вслѣдствіе, напр., удовлетворенія апелляторовъ), а другая поступала бы къ нему въ болѣе подготовленномъ видѣ. Невыгодныя послѣдствія отсутствія какого-либо суда съ значеніемъ первой апелляціонной инстанціи, предварявшей судъ вел. князя, и вообще чрезвычайнаго обремененія этого послѣдняго апелляціонными дѣлами должны были усилиться еще вслѣдствіе того, что Статутъ 1566 г. категорически подтвердилъ установленное, повидимому, уже на сеймѣ 1551 г. правило, по которому король не могъ разсматривать апелляціонныхъ жалобъ (а равно и другихъ судебныхъ дѣлъ) за предѣлами Литовскаго государства [1]).

IV.

Представленный выше краткій очеркъ инстанціоннаго порядка въ его историческомъ развитіи показываетъ съ не-

---

[1]) Л. Стат. 1566 г. IV, 61 и 64.

сомнѣнностью, что вел. князь во все разсматриваемое время, и притомъ независимо отъ числа существовавшихъ въ ту или другую эпоху инстанцій, оставался неизмѣнно единымъ высшимъ апелляціоннымъ судьею [1]). Въ этомъ отношеніи право западно-русское не знало никакихъ колебаній и никакихъ исключеній, подобныхъ тѣмъ, какія существовали въ Польшѣ [2]). Отсюда естественный выводъ, что разсмотрѣніе апелляцій должно было въ значительной степени увеличить тяжесть судебныхъ обязанностей вел. князя, обремененнаго, какъ мы видѣли, и безъ того массой судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ ему приходилось выступать въ качествѣ первой и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательной инстанціи.

Бремя апелляціонныхъ дѣлъ было тѣмъ значительнѣе, что въ Литовско-Русскомъ государствѣ не существовало до второго Статута почти никакихъ ограниченій относительно пользованія правомъ апелляціи: всякое, даже самое маловажное, дѣло могло пройти всѣ существовавшія инстанціи и дойти до вел. князя. Скажемъ даже больше: ни маловажность дѣла, ни число пройденныхъ имъ инстанцій, ни тождественность всѣхъ состоявшихся въ нихъ судебныхъ рѣшеній не преграждали этому дѣлу доступа къ вел. князю. Правда, сначала обычай, а затѣмъ и законъ въ формѣ Статутовъ обусловливалъ подачу апелляціи не простымъ недовольствомъ

---

[1]) Это подтверждается и словами, имѣющимися въ предисловіи къ уставу Гл. Лит. Трибунала: „Мы господаръ зложивши з особы своее тые вси суды, которые за отозвами або за апеляцыями по вси тые часы, водлугъ статуту и правъ великого князства Литовъского, намъ, Господару, судити и справовати належало...“ etc.

[2]) Литовско-Русское государство во все время существованія въ немъ инстанціонныхъ отношеній между органами суда вплоть до учрежденія Трибунала не переживало, какъ мы видѣли, ни одной эпохи, когда бы роль высшаго апелляціоннаго судьи принадлежала какому-либо другому органу, а не вел. князю. Между тѣмъ въ Польшѣ наблюдается иное: тамъ, напр., вѣчевые суды еще въ XIV—XV вв. являлись не только апелляціонными, но и окончательными инстанціями, т. е. такими, рѣшенія которыхъ не подлежали обжалованію.

состоявшимся рѣшеніемъ и желаніемъ тяжущагося передать свое дѣло на новое разсмотрѣніе высшей инстанціи, а явной несправедливостью, несогласіемъ рѣшенія съ существовавшими нормами права, т. е. съ „обычаемъ права земского“ или съ „правомъ писанымъ“, о которомъ впервые говоритъ Статутъ 1529 г. Но это само по себѣ не могло, конечно, служить какимъ-либо серьезнымъ препятствіемъ для предъявленія апелляціонной жалобы, хотя бы уже потому, что основательность или неосновательность ея съ указанной точки зрѣнія открывалась лишь послѣ пересмотра рѣшенія въ высшей инстанціи. Съ другой стороны, всякому тяжущемуся, почему-либо недовольному рѣшеніемъ низшей инстанціи, свойственно больше руководиться своимъ недовольствомъ даннымъ рѣшеніемъ и надеждой на иной исходъ дѣла, чѣмъ степенью основательности своей апелляціи, особенно, когда для этой послѣдней достаточно было заявить, хотя бы и голословно, что судья судилъ „не водлѣ права“.

Единственной дѣйствительной преградой для широкаго пользованія правомъ апелляціи являлся лишь тотъ штрафъ, который влекла за собою неосновательная апелляція и который, повидимому, впервые установленъ былъ Статутомъ 1529 г.: на основаніи 1-го артикула IV разд. этого кодекса, тяжущійся въ томъ случаѣ, когда жалоба его признавалась неосновательной и рѣшеніе низшей инстанціи подтверждалось высшей, уплачивалъ въ пользу обжалованнаго судьи штрафъ въ размѣрѣ 12 рублей. Хотя сумма эта не вносилась заранѣе въ видѣ залога при подачѣ апелляціи подобно тому, какъ это было въ Польшѣ съ такъ называемыми *коцами* (koc, kocy—vadia) [1]), а уплачивалась въ подлежащихъ случаяхъ лишь послѣ разсмотрѣнія апелляціонной жалобы [2]),

---

[1]) О „коцахъ“, которые шли въ пользу судьи при „моціи“ или противной стороны при „апелляціи“, подробнѣе см. у проф. Бальцера: op. cit. 90—92.

[2]) Обстоятельство это, не возбуждающее, впрочемъ, никакихъ сомнѣній по отношенію къ эпохѣ 1-го и 2-го Статутовъ, вполнѣ подтверждается яснымъ указаніемъ Л. Статута 1588 г. (IV, 40).

тѣмъ не менѣе самая перспектива уплаты штрафа и размѣръ этого послѣдняго [1]), несомнѣнно, должны были способствовать уменьшенію количества совершенно неосновательныхъ апелляцій. На это и только на это, повидимому, и расчитывалъ законодатель при установленіи даннаго закона, если разсматривать его съ точки зрѣнія публичныхъ интересовъ. Любопытно, однако, что современники, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, смотрѣли на цѣль означеннаго закона другими глазами: они видѣли въ этомъ штрафѣ чуть ли не средство лишить тяжущихся права апелляціи. Такъ, напр., извѣстный намъ Михалонъ, указывая на 1-й артикулъ VI разд. Статута 1529 г., рѣшительно восклицаетъ: „Апелляція у насъ отнята наложеніемъ огромнаго штрафа“ [2]). Едва ли, впрочемъ, съ этимъ мнѣніемъ, которое, очевидно, было мнѣніемъ не одного только автора цитованныхъ словъ, можно согласиться и признать вмѣстѣ съ Михалономъ, что при установленіи штрафа законъ имѣлъ въ виду не предупрежденіе лишь совершенно или завѣдомо неосновательныхъ апелляцій, а лишеніе тяжущихся возможности апеллировать. Въ самомъ дѣлѣ, упомянутые 12 рублей имѣли, какъ уже сказано, характеръ штрафа или, точнѣе, вознагражденія въ пользу обжалованнаго судьи, но отнюдь не залога, предварительнымъ представленіемъ котораго обусловливалось дальнѣйшее движеніе апелляціи. А это обстоятельство являлось, конечно, весьма немаловажнымъ вообще и въ частности для бѣдныхъ и малосостоятельныхъ людей, которымъ, такимъ образомъ, ничто не преграждало дороги для апелляціи въ моментъ подачи ея. Еще менѣе имѣлъ значенія этотъ штрафъ для людей бога-

---

[1]) 12 литовск. рублей времени изданія 1-го Статута составляютъ сумму около 85 нашихъ рублей (Словарь Горбачевскаго, стр. 318) и превышаютъ, такимъ образомъ, въ 8—10 разъ обычный размѣръ польскихъ koców (3 гривны).

[2]) Михалонъ: op. cit., p. 38: „Et quod appellationis remedium sublatum sit nobis, enormi poena apposita, ut est in Stat. Lit. dist. 6, art. 1“.

тыхъ: если онъ, дѣйствительно, могъ удержать отъ неосновательныхъ апелляцій людей бѣдныхъ или малоимущихъ, то рѣшительно и ни въ какомъ случаѣ онъ не былъ въ состояніи испугать людей богатыхъ, которые всегда и всюду давали наибольшій процентъ тяжущихся. Мнѣніе Михалона окажется еще менѣе справедливымъ и въ то же время весьма одностороннимъ, если мы взглянемъ на цѣль закона, установившаго штрафъ за неосновательную апелляцію, съ точки зрѣнія не публичныхъ, а частныхъ интересовъ, которые, несомнѣнно, имѣлись въ виду этимъ закономъ, если не исключительно, то преимущественно. Дѣло въ томъ, что упомянутые 12 рублей составляли не залогъ, установленный съ цѣлью сдержать наплывъ апелляцій, и не пеню, или денежное взысканіе, за утружденіе высшей судебной власти неосновательной жалобой, а штрафъ который шелъ въ пользу неправильно обжалованнаго судьи въ качествѣ вознагражденія за его безчестье (за „легкость его", по выраженію Статута). Послѣднее вполнѣ понятно и послѣдовательно, разъ апелляція представляла собою не что иное, какъ обвиненіе судьи въ умышленномъ неправосудіи: всякая неосновательная апелляція являлась въ такомъ случаѣ преступленіемъ противъ чести данного судьи. Но апелляція, какъ извѣстно, могла имѣть и другой исходъ: если оказывалось, что жалоба была правильна, то судья, постановившій несправедливое рѣшеніе, въ свою очередь, вознаграждалъ апеллятора за его убытки и протори. Такимъ образомъ, судья не пользовался какими-либо преимуществами сравнительно съ апелляторомъ и законъ одинаково заботливо относился къ интересамъ какъ одного, такъ и другого.

За недостаткомъ данныхъ, намъ неизвѣстно, какъ долго удержался означенный штрафъ въ указанномъ выше размѣрѣ и какъ примѣнялось на практикѣ постановленіе перваго Статута, установившее этотъ штрафъ, въ томъ случаѣ, когда дѣло по апелляціи разсматривалось не въ одной, а послѣдовательно въ двухъ или даже трехъ высшихъ инстанціяхъ. Что же касается послѣдующихъ законодательныхъ па-

мятниковъ, то второй Статутъ хотя и говоритъ о подобномъ штрафѣ, но не всегда въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ. Насколько можно судить по имѣющимся въ этомъ Статутѣ указаніямъ, онъ во всякомъ случаѣ устанавливаетъ означенный штрафъ въ размѣрѣ болѣе низкомъ, нежели первый Статутъ, и притомъ неодинаковомъ для различныхъ судовъ. Такъ, въ пользу подкоморія, если его рѣшеніе оказывалось правильнымъ, а жалоба на него неосновательной, апелляторъ уплачивалъ всего лишь двѣ копы литовск. грошей [1]); въ пользу же иныхъ судей, т. е. членовъ замковаго или земскаго судовъ, въ такихъ случаяхъ взыскивалось, повидимому, 6 копъ грошей [2]).

---

[1]) Копа литовскихъ грошей (60 грошей) была менѣе литовскаго рубля (100 грошей) въ $1^{2}/_{3}$ раза.

[2]) Мы уже имѣли случай упоминать, что постановленія Статута 1566 г. объ апелляціи и ея послѣдствіяхъ страдаютъ неполнотою и неясностью, и въ частности, что они вовсе умалчиваютъ о послѣдствіяхъ для судьи его неправильнаго рѣшенія, т. е. если жалоба на него будетъ признана основательной, а рѣшеніе несогласнымъ съ закономъ. Къ числу этихъ неясныхъ или неполныхъ постановленій названнаго Статута принадлежитъ также и то, которое трактуетъ объ интересующемъ насъ штрафѣ за неосновательную апелляцію. Относящійся сюда 64-й арт. IV разд. выражается столь неопредѣленно, что уплачиваемыя апелляторомъ 6 копъ грошей можно почти съ равнымъ основаніемъ считать и штрафомъ въ пользу судьи и вознагражденіемъ въ пользу противной стороны (послѣднее и притомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ уже, несомнѣнно, извѣстно и уставу Гл. Лит. Трибунала и Статуту 1588 г.). Принимая, однако, во вниманіе, что въ означенномъ артикулѣ эти 6 копъ названы „виной" и что штрафъ въ пользу неправильно обжалованнаго судьи фигурируетъ не только въ послѣдующихъ законодательныхъ памятникахъ (см. Л. Статутъ 1588 г., IV, 40, гдѣ онъ опредѣленъ въ прежнемъ размѣрѣ—12 рублей), но и въ самомъ Статутѣ 1566 г. (относительно подкоморскаго суда),—можно прійти къ заключенію, что упомянутыя въ 64-мъ арт. IV разд. 6 копъ представляютъ собою штрафъ въ пользу членовъ замковаго или земскаго суда. Какъ бы то ни было, но въ виду всего сказаннаго нѣтъ никакихъ основаній полагать, что штрафъ въ пользу неправильно обжалованнаго судьи былъ уничтоженъ вторымъ Статутомъ, если и можетъ быть к.-л. сомнѣніе, то только о размѣрѣ этого штрафа.

Кромѣ указаннаго штрафа, Л. Статутъ 1529 г. и другіе памятники эпохи этого Статута не содержатъ въ себѣ, какъ было уже замѣчено, никакихъ другихъ ограниченій права апелляціи. Зато Статутъ 1566 г. дѣлаетъ въ этомъ направленіи нѣсколько новыхъ шаговъ. На основаніи этого кодекса, апелляція не допускается въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: 1) если предметомъ иска было какое-либо обязательство, выраженное въ правильномъ и безспорномъ документѣ, и если искъ рѣшенъ на основаніи именно этого документа; 2) если апелляція основана лишь на спорѣ противъ опредѣленія суда, касающагося формальныхъ или побочныхъ вопросовъ (позвовъ и сроковъ), а не „головное речи" (т. е., другими словами, апелляція до рѣшенія дѣла по существу и независимо отъ этого послѣдняго не допускается), и 3) если апелляторомъ является тотъ, кто самъ на судѣ добровольно призналъ предъявленныя къ нему обвиненіе или претензію правильными [1]).

Безспорно, что, освободивъ апелляціонныя инстанціи, т. е. главнымъ образомъ короля, отъ апелляцій по такимъ дѣламъ, которыя не вызывали никакихъ сомнѣній, а потому могли безъ всякаго ущерба для правосудія довольствоваться одной инстанціей (каковы — обозначенныя въ 1 и 3-мъ пунктахъ), Статутъ 1566 г. сдѣлалъ, особенно по сравненію съ тогдашнимъ общимъ польскимъ правомъ [2]), большіе успѣхи на по-

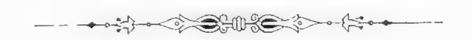

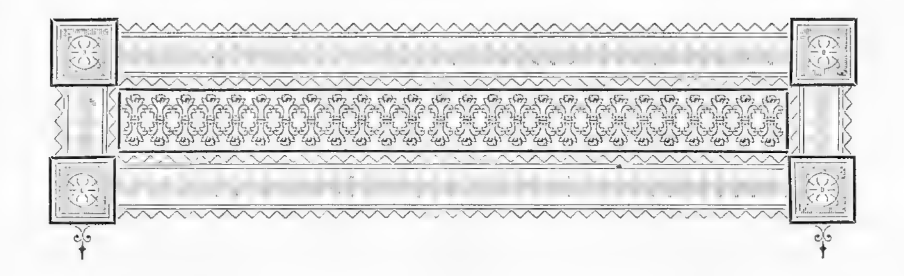
[1]) Л. Статутъ 1566 г. IV, 63. „Статутовыя поправы" 1578 г. дополняютъ число случаевъ, въ которыхъ апелляція не допускалась, слѣд. двумя: 1) „хто бы на якомъ злочинствѣ на горячомъ учынку былъ пойманъ", и 2) если дѣло шло „о выбити шляхтыча з упокойного держаня з ымеия его" (Л. Статутъ 1588 г. IV, 88 поясняетъ: „где бы стороне жалобной присужоно именье, люди або кгрунтъ який, о который она позывала о выбитье и отнятье зъ спокойного дерьжанья, тогды сторона отъпорная апелевати въ такой речы не можеть"). См. „Временникъ" кн. 23, стр. 210.

[2]) См. Balzer: op. cit., 86—90, откуда видно, что въ Польшѣ (за исключеніемъ Мазовіи) не существовало и тѣхъ ограниченій (кромѣ, впрочемъ, отмѣченнаго во 2-мъ пунктѣ 63 арт. IV р. Л. Статута 1566 г.), которыя получили санкцію во второмъ Л. Статутѣ.

прищѣ ограниченія почти безграничнаго прежде права апелляціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что даже и этихъ ограниченій было слишкомъ недостаточно, чтобы трудъ вел. князя въ роли апелляціоннаго судьи (и притомъ для большинства дѣлъ судьи съ такимъ значеніемъ единственнаго) сдѣлать если не легкимъ, то по крайней мѣрѣ посильнымъ. А послѣдняго, конечно, не могло быть, разъ и послѣ Статута 1566 г. даже маловажныя по своему значенію дѣла могли попасть на судъ вел. князя, какъ апелляціоннаго судьи, разъ этотъ Статутъ уничтожилъ почти всѣ (за исключеніемъ суда воеводъ, старостъ или державцевъ, являвшагося апелляціоннымъ по отношенію къ дѣламъ, подсуднымъ гродскому суду) посредствующія или промежуточныя между низшими судами и вел. княземъ инстанціи и сдѣлалъ судъ послѣдняго второй и лишь въ немногихъ случаяхъ третьей инстанціей.

Печальныя послѣдствія чрезвычайнаго обремененія вел. князя апелляціонными дѣлами не могли не сказаться и, дѣйствительно, сказались довольно скоро и вызвали настоятельную потребность новой реформы, которая должна была не только надлежащимъ образомъ увѣнчать реформу областныхъ судовъ, санкціонированную Л. Статутомъ 1566 г., но и уничтожить тѣ обстоятельства, которыя могли вконецъ парализовать всѣ ея хорошія стороны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Учрежденіе Главнаго Литовскаго Трибунала.

I.

Все сказанное нами въ двухъ предшествующихъ главахъ въ достаточной, надѣемся, степени уяснило намъ, какая масса дѣлъ должна была приходиться на долю вел. князя, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ фигурировалъ въ роли первой и окончательной инстанціи, такъ и въ тѣхъ, когда онъ выступалъ въ качествѣ высшаго, а иногда и единственнаго апелляціоннаго судьи. Уже на основаніи приведенныхъ данныхъ можно безошибочно заключить, что вел. князья не могли, при всемъ добромъ желаніи, справиться съ возложенными на нихъ и обычаемъ и закономъ судебными функціями, и что вслѣдствіе этого должны были страдать и правосудіе и интересы тяжущихся. Но помимо представленныхъ нами очерковъ компетенціи великокняжескаго суда въ области обѣихъ названныхъ сейчасъ категорій судебныхъ дѣлъ, въ томъ же насъ убѣждаетъ рядъ прямыхъ указаній памятниковъ, свидѣтельствующихъ съ достаточной краснорѣчивостью, что скопленіе дѣлъ, остававшихся безъ движенія многіе и многіе годы, и вообще крайняя медленность великокняжескихъ судовъ въ отправленіи правосудія, очевидно, вслѣдствіе главнымъ образомъ обремененія вел. князей мас-

сой дѣлъ, составляли въ Литовско-Русскомъ государствѣ обычное и довольно древнее зло. Такъ, еще въ земскомъ привилеѣ 1492 г. мы встрѣчаемся съ обѣщаніемъ вел. кн. Александра удовлетворить судомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ, всѣхъ домогавшихся правосудія еще при жизни его отца Казимира [1]). Спустя много лѣтъ, преемникъ Александра Сигизмундъ I заноситъ подобное же обѣщаніе въ текстъ изданнаго имъ Л. Статута: „Тежъ которые се колвекъ за живота отца нашего (т. е. Казимира) на права свои справедливости жадали, а за Александра короля упоминали и листы упоминальные *отца* и *брата нашего* вказали, тымъ хочем и будемъ повинъни съ порадою радъ наших всякую справедливость чинити безъ отволоки, а от права тежъ ничего брати не маемъ... але просто кождому справедливост давати и чинити будем повинни...“ [2]). Такимъ образомъ, оказывается, что король Александръ, несмотря на торжественное свое обѣщаніе, не успѣлъ повершить всѣхъ дѣлъ, начатыхъ еще въ царствованіе его отца, и оставилъ нѣкоторую ихъ часть въ наслѣдіе своему брату и преемнику, который, въ свою очередь, спустя 20 съ лишнимъ лѣтъ послѣ своего воцаренія и почти черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти Казимира вынужденъ былъ вновь обѣщать учинить рѣшенія какъ по дѣламъ, поступившимъ еще при названномъ государѣ, такъ и по тѣмъ, которыя были начаты, но не разрѣшены при вел. кн. Александрѣ.

Итакъ, уже въ первой четверти XVI в. были судебныя дѣла, которыя ожидали какой-либо развязки или рѣшенія около 40 лѣтъ. Передъ этой цифрой блѣднѣютъ тѣ данныя, которыя имѣются объ аналогичномъ явленіи въ Польшѣ, а именно тѣ „kilkanaście lat“ или „multi jam retroacti anni“, о которыхъ упоминалъ на сеймѣ 1553 г. король Сигизмундъ

---

[1]) Zb. pr. lit., p. 64 § 34: Item quicunque in vita genitoris nostri super juribus suis et justitia ministranda postulabant, illis volumus et delimus, cum dominis de consilio nostro, aequitatem facere omnimodam, sine dilationibus.

[2]) Л. Стат. 1529 г. I, 14.

Августъ, когда говорилъ о неразрѣшенныхъ еще дѣлахъ, и даже тѣ 20 съ лишнимъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, по словамъ знаменитаго польскаго публициста пол. XVI в. Модржевскаго, многія дѣла оставались безъ движенія [1]).

Если уже въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. имѣлось не мало, повидимому, дѣлъ, которыя ожидали развязки въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, то можно себѣ представить, какъ сильно должно было возрасти количество такихъ дѣлъ въ теченіе продолжительнаго правленія Сигизмунда I и вслѣдствіе роста населенія, а съ нимъ и количества тяжбъ, и вслѣдствіе многихъ войнъ, которыя пришлось вести Сигизмунду I и на время которыхъ прекращалось отправленіе правосудія, и вслѣдствіе частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ этого государя въ Польшу, когда ему приходилось volens-nolens удѣлять вниманіе тяжущимся изъ Литвы лишь урывками, и вслѣдствіе отвлеченія другими болѣе важными государственными дѣлами [2]), и, наконецъ, вслѣдствіе болѣзни, различныхъ случайныхъ причинъ, а подъ конецъ правленія названнаго короля также и вслѣдствіе его старости и слабости.

Постепенному накопленію неразрѣшенныхъ дѣлъ, въ свою очередь, не мало содѣйствовали и такъ наз. лимитаціи [3]),

---

[1]) Scriptores rerum polonic. I, p. 11 и 89.; Balzer: op. cit. 96, n. 3. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что дѣла эти относятся къ первымъ годамъ царствов. Сигизмунда Августа и что, по свидѣтельству источниковъ и по мнѣнію польскихъ историковъ, эпоха застоя въ отправленіи правосудія началась лишь со второй половины царствов. Сигизмунда I. (См. Balzer: op. cit. p. 96; Bobrzyński: „Decreta Sigismundi I“, p. 14.

[2]) Такъ въ 1522 г. Сигизмундъ I отсрочилъ разборъ одного дѣла по слѣдующимъ соображеніямъ: „якож мы въ тот час будучи в справах наших земскихъ и для скорого выѣханья нашого до Коруны Польское, на тотъ часъ наконецъ тому справедливости есьмо не вчинили, и отложили то есьмо ажъ, дасть Богъ, до приѣханья нашого къ вел. князству Литовскому“. Археогр. Сборн. I, № 12.

[3]) Limitatio (limitacya) отъ limitare (limitować) дословно значитъ: отсрочка. Въ Польшѣ, по опредѣленію проф. Бальцера, „limitacya (или

которыя вызывались какъ многими перечисленными выше обстоятельствами (отъѣздомъ въ Польшу, болѣзнью, войнами, необходимостью заняться важными государственными дѣлами и пр.), такъ и независимо отъ нихъ—физической для короля невозможностью справиться въ ту или другую сессію великокняжескаго суда съ тѣмъ громаднымъ количествомъ дѣлъ, какое приходилось пріурочивать къ каждой данной сессіи. Хотя терминъ „лимитація“ (limitacya) въ западнорусскихъ памятникахъ до второго Статута включительно не встрѣчается [1]), но пріемъ, извѣстный подъ этимъ именемъ въ польскомъ правѣ и возведенный въ Польшѣ, подъ вліяніемъ необходимости, въ цѣлую систему, практиковался (прав-

---

odklad) представляла собою постановленіе короля чаще всего совмѣстно съ сенатомъ (на сеймѣ 1565 г. этотъ порядокъ былъ санкціонированъ), гласящее, что всѣ судебныя дѣла, которыя на опредѣленной сессіи судовъ надворныхъ или сеймовыхъ не могли быть разрѣшены, должны быть разсмотрѣны на ближайшей затѣмъ сессіи тѣхъ же судовъ; такимъ образомъ, различались лимитаціи судовъ надворныхъ и судовъ сеймовыхъ“ (Balzer: op. cit. 97). Вредныя послѣдствія системы лимитацій нѣсколько ослаблялись или уменьшались съ помощью такъ назыв. 1) эксцепцій (ekscepcye), или изъятія нѣкоторыхъ категорій дѣлъ (causae exceptae) изъ общей лимитаціи, и 2) ремиссій (remisye), или отправки нѣкот. дѣлъ для разсмотрѣнія въ друг. инстанціи. См подр. Balzer: op. cit. 100—103. О ремиссіи по отношенію къ Литовскому государству мы уже имѣли случай упомянуть выше, см. стр. 14. Добавимъ здѣсь только, что о ней упоминается и въ посланіи рады отъ 1538 г., см. Ак. Ю. и З. Р. I, № 101. Что касается эксцепціи, то съ нею намъ не приходилось встрѣчаться ни въ одномъ изъ извѣстныхъ въ печати памятниковъ вплоть до 1581 г. Впервые упоминаніе о ней встрѣчается въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ тяжебному дѣлу о расторженіи брака кн. Курбскаго съ его супругою кн. М. Гольшанскою (А. З. Р. III № 100, II), и въ уставѣ Лит. Трибунала. Вообще лимитаціи въ Л.-Русск. государствѣ, по крайней мѣрѣ въ разсматриваемое время и въ частности до 2-го Лит. Статута, не получили такого развитія и не обставлялись такими формальностями, какъ это было въ Польшѣ.

[1]) Изъ законодательныхъ памятниковъ этотъ терминъ впервые встрѣчается въ ухвалѣ Городенскаго сейма 1568 г. (см. Док. М. Арх. Мин. Юст. I, стр. 482) и въ „Поправахъ Статутовыхъ“ 1578 г.

да, не въ такихъ, повидимому, размѣрахъ, какъ въ Польшѣ) и въ Литовско-Русскомъ государствѣ и притомъ издавна. Такъ, напр., уже въ одной изъ судебныхъ записей конца XV в. упоминается по поводу нѣкоторой тяжбы, что вел. князь „на тотъ часъ того не смотрѣлъ и отложилъ на иншый часъ, и иншымъ часомъ его мил. того хочетъ смотрѣти...“ [1]). Вотъ нѣсколько примѣровъ частныхъ и общихъ лимитацій при Сигизмундѣ I. Въ 1518 г. на Берестейскомъ сеймѣ нѣкоторыя дѣла король „отложил на другий часъ“, пообѣщавъ тяжущимся „часомъ подобнымъ справедливость вчинити“ [2]). На одномъ изъ вальныхъ сеймовъ начала 30-хъ годовъ „король его мл. всякии справы судовые и позвы рачилъ завесити“ [3]). Въ декабрѣ 1533 г. „господаръ его мл. всякие дела судовые рачил завесити по Трех Кролехъ, у двух неделях“ [4]). Въ январѣ 1536 г. опять „жадная справедливость ся не стала для того, иж господаръ его мл. въ тотъ час для службы земское всякии справы судовыи и позвы рачил былъ отложити на иншиі часъ“ и т. д. [5]).

Весьма понятно, что лимитаціи, временно облегчавшія вел. князя, но въ концѣ концовъ усложнявшія и безъ того затруднительное положеніе его, какъ судьи, составляли въ то же время настоящее бѣдствіе для частныхъ лицъ, или тяжущихся, такъ какъ принуждали ихъ къ неоднократной явкѣ въ судъ по одному и тому же дѣлу [6]) и тѣмъ приводили ихъ къ потерѣ времени и большимъ расходамъ.

---

[1]) Акты Леонт. № 406 (1498 г.).

[2]) Arch. Sang. III, № 190.

[3]) Ibid. № 442.

[4]) Ibid. № 472.

[5]) Ibid. IV, № 29. См. также ib. № 155. 203; Арх. Сб. I, № 12; IV, 62.

[6]) См., напр., Arch. Sang. IV, № 29, откуда видно, что по одной земельной тяжбѣ стороны должны были являться къ королю 4 раза и въ концѣ—концовъ означенное дѣло было передано королемъ на рѣшеніе комиссаровъ. Неудивительно поэтому, что въ Польшѣ, гдѣ лимитаціи стали явленіемъ постояннымъ и развились въ цѣлую систему, на сеймахъ раздавались крики: „Лимитація—злой обычай и врагъ правосудія“. См. Balzer: op. cit., p. 103.

Мы видѣли, однако, что правительство и общество въ лицѣ повѣтовой шляхты не оставались равнодушными къ печальному положенію правосудія въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Сознавая все зло, происходившее отъ недостатковъ судоустройства и судопроизводства, правительство и по собственному почину и подъ давленіемъ шляхты уже издавна старалось въ предѣлахъ, доступныхъ тому времени и тогдашнимъ взглядамъ на отправленіе правосудія, устранить или уменьшить замѣченные недостатки. Можно сказать безъ преувеличенія, что едва ли не самое видное мѣсто въ законодательной работѣ удѣлялось именно процессу [1]) и что весь періодъ времени, начиная съ первой четверти XVI в. и до установленія Трибунала, представляетъ собою періодъ болѣе или менѣе значительныхъ судебныхъ реформъ.

Не ради повторенія, а съ цѣлью подвести итогъ всему сказанному нами въ различныхъ мѣстахъ предшествующихъ главъ о тѣхъ мѣрахъ, какія предпринимались въ Литовскомъ государствѣ для борьбы съ медленностью правосудія, сдѣлаемъ краткій хронологическій обзоръ всѣхъ судебныхъ реформъ, произведенныхъ въ этихъ видахъ въ теченіе почти 40 лѣтъ, т. е. до изданія второго Статута включительно. Этотъ обзоръ наглядно покажетъ, что́ было сдѣлано въ эпоху

---

[1]) Нагляднымъ доказательствомъ того, какъ много удѣлялось вниманія судоустройству и судопроизводству, можетъ служить уже внѣшній видъ всѣхъ трехъ редакцій Л. Статута. Ознакомленіе съ ихъ составомъ показываетъ, что раздѣлъ (глава) „о судьяхъ и о судахъ", являющійся во всѣхъ редакціяхъ самымъ большимъ и по числу статей и по объему изъ всѣхъ имѣющихся въ нихъ раздѣловъ, съ каждой новой редакціей возрастаетъ въ значительной прогрессіи и занимаетъ все больше и больше мѣста въ кодексѣ. Такъ, въ Л. Статутѣ 1529 г. раздѣлъ VI, посвященный судоустройству и судопроизводству, занимаетъ 16 печатн. страницъ и содержитъ въ себѣ 37 артикуловъ, или статей; во 2-мъ Статутѣ раздѣлъ „о судьяхъ и о судехъ" (IV) занимаетъ уже 41 стран. (70 артик.), а въ Статутѣ 1588 г. тотъ же раздѣлъ разростается до 110 стр. (105 артик.). По отношенію же ко всему тексту Статута означенный раздѣлъ въ 1-ой редакціи составляетъ 1/8, во 2-й—болѣе 1/5 и въ 3-ей болѣе чѣмъ 1/4 общаго объема каждой данной редакціи.

Сигизмунда I и Сигизмунда Августа и что оставалось сдѣлать, чтобы задачи правосудія не терпѣли ущерба. Мы увидимъ отсюда, что всѣ реформы, осуществленныя въ правленіе названныхъ государей, въ сущности направлены были такъ или иначе, прямо или косвенно, къ облегченію судебныхъ функцій вел. князей, и что хотя въ данномъ направленіи было сдѣлано много, но это многое почти не достигало главной своей цѣли—ускоренія правосудія, и не могло достигнуть ее, пока господарь оставался не только принципіально, но и фактически высшимъ судьею. Отсюда также не трудно будетъ видѣть, что циклъ почти безпрерывныхъ судебныхъ реформъ долженъ былъ по необходимости завершиться радикальной реформой, сопровождавшейся весьма значительнымъ сокращеніемъ королевской юрисдикціи, и что эта радикальная и неизбѣжная въ интересахъ правосудія реформа была лишь вопросомъ времени.

Мы уже знакомы изъ предыдущаго съ различными фактами, указывающими, что первые и довольно важные шаги на поприщѣ судебныхъ реформъ относятся еще ко времени изданія перваго Статута. Сюда принадлежатъ слѣд. мѣры, санкціонированныя названнымъ Статутомъ: упорядоченіе мѣстныхъ судовъ и порядка переноса дѣлъ на судъ вел. князя посредствомъ „отзыванія“, назначеніе штрафа за неосновательныя апелляціонныя жалобы и, наконецъ, установленіе судовыхъ сеймовъ и предоставленіе радѣ значенія самостоятельнаго, въ отсутствіе вел. князя, судилища. Нельзя не признать, что эти мѣры составляли большой прогрессъ по сравненію съ тѣмъ положеніемъ вещей, при которомъ, какъ это было передъ введеніемъ Статута, не существовало инстанціоннаго порядка и самая малочисленность органовъ судебной власти сильно давала себя чувствовать особенно въ отсутствіе вел. князя. Несомнѣнно также, что однѣ изъ этихъ мѣръ должны были содѣйствовать уменьшенію количества дѣлъ, поступавшихъ на судъ вел. князя (постановленія объ отзываніи, или апелляціи), а другія (установленіе судовыхъ сеймовъ) — предупреждать чрезмѣрное въ отсутствіе великаго князя скопленіе дѣлъ,

ожидавшихъ его возвращенія въ предѣлы Литвы. Къ сожалѣнію, Статутъ 1529 г. остановился на полдорогѣ, а отчасти самъ въ значительной степени ослабилъ успѣшность принятыхъ имъ мѣръ. Такъ, онъ мало обратилъ вниманія на лучшую организацію мѣстныхъ судовъ, ибо ограничился только введеніемъ присяжныхъ земянъ, которые, судя по послѣдующимъ законодательнымъ актамъ, если и были избраны, то, повидимому, лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, Статутъ 1529 г., хотя и поставилъ въ должныя рамки право „отзыванія“, не воспретилъ, однако, категорически обращеній къ суду вел. князя въ обходъ низшихъ судовъ. Это же послѣднее обстоятельство давало возможность обращаться непосредственно къ господарю, совершенно минуя низшія инстанціи, т. е. обременять его массой судебныхъ дѣлъ, не превышавшихъ компетенціи мѣстныхъ правителей. Самымъ же кореннымъ недостаткомъ судебныхъ порядковъ, санкціонированныхъ Лит. Статутомъ, являлось, безспорно, обиліе лицъ, изъятыхъ отъ подсудности мѣстнымъ правителямъ и подчиненныхъ непосредственному суду вел. князя или замѣнявшей его рады.

Устраненіе указанныхъ недостатковъ, при наличности которыхъ всѣ прочія мѣры Статута 1529 г. мало облегчали судебную роль вел. князя, и составляетъ предметъ дальнѣйшихъ судебныхъ реформъ, предпринятыхъ уже съ начала 40-хъ годовъ по иниціативѣ повѣтовой или рядовой шляхты, страдавшей отъ малочисленности и плохой организаціи областныхъ судовъ и терпѣвшей большія неудобства отъ существованія неодинаковой для различныхъ слоевъ шляхетскаго сословія подсудности.

Такъ какъ недостатки областнаго судоустройства были очевидны для центральнаго правительства и значительная доля домогательствъ шляхты въ этомъ направленіи не могла встрѣтить отпора со стороны членовъ рады и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то, естественно, что реформа областныхъ судовъ была поставлена на очередь довольно рано, еще въ концѣ правленія Сигизмунда I. Законы 1542, 1544, 1547,

1551 и 1554 гг., на которыхъ мы не будемъ здѣсь вновь останавливаться въ виду всего сказаннаго о нихъ раньше, весьма много сдѣлали для упорядоченія и значительнаго улучшенія областнаго судоустройства. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ строго проведенъ принципъ (хотя пока лишь для повѣтовой шляхты) территоріальной подсудности и указанъ вполнѣ опредѣленный порядокъ инстанцій; а то и другое не только пополнило процессуальные законы Статута вполнѣ цѣлесообразными правилами, но, несомнѣнно, должно было содѣйствовать уменьшенію дѣлъ, поступавшихъ къ вел. князю, ибо предупреждало обращеніе къ высшимъ инстанціямъ и въ томъ числѣ къ господарю мимо низшихъ.

Какъ извѣстно, шляхта не удовлетворилась реформами областного судоустройства, произведенными въ первую половину правленія Сигизмунда Августа, и добилась ко времени изданія второго Статута полной реорганизаціи мѣстныхъ судовъ на новыхъ началахъ, а равно передачи въ исключительное вѣдѣніе вновь учрежденныхъ земскихъ и подкоморскихъ судовъ всѣхъ такъ назыв. „земскихъ речей“, т. е. земельныхъ и иныхъ гражданскихъ тяжбъ, въ которыхъ вел. князь нерѣдко выступалъ прежде въ роли судьи, на ряду съ областными правителями. Тогда же шляхта достигла осуществленія и другого своего завѣтнаго желанія — уничтоженія сословныхъ и личныхъ привилегій въ сферѣ подсудности. То и другое—и реформа мѣстныхъ судовъ и уничтоженіе судебныхъ привилегій—уже прямо и непосредственно содѣйствовало значительному сокращенію судебныхъ функцій вел. князя, т. е. освобожденію господаря отъ множества дѣлъ, поступившихъ прежде къ нему непосредственно, а въ его отсутствіе, предварительно на судъ рады. Въ этомъ, безспорно, состоитъ главная, по крайней мѣрѣ по отношенію къ суду вел. князя, заслуга судебной реформы, санкціонированной вторымъ Статутомъ.

Впрочемъ, Статутъ 1566 г. удачно справился лишь съ первой половиной программы судебной реформы, какая была необходима для ускоренія правосудія, а именно съ рефор-

мой мѣстныхъ судовъ, освободившей вел. князя отъ массы дѣлъ, которыя по существу своему должны были подлежать вѣдѣнію низшихъ судовъ. Оставалась другая половина этой програмы, для удовлетворительнаго выполненія которой еще не достаточно была подготовлена почва, а именно организація апелляціонныхъ инстанцій. Въ этомъ направленіи Статутъ 1566 г. не только ничего не сдѣлалъ для облегченія великаго князя, но даже затруднилъ его положеніе, какъ апелляціоннаго судьи. Такъ какъ на этомъ обстоятельствѣ мы останавливались съ достаточной подробностью въ предыдущей главѣ, то нѣтъ никакой надобности дѣлать это вторично. Замѣтимъ только, что роль вел. князя, какъ единственнаго апелляціоннаго судьи по громадному большинству дѣлъ, была самой главной причиной того печальнаго положенія правосудія, которое уже вскорѣ послѣ изданія второго Статута стало наблюдаться и которое выражалось въ аналогичныхъ явленіяхъ съ тѣми, какія замѣчались еще въ первой четв. XVI в., т. е. до всякихъ судебныхъ реформъ. Рядъ фактовъ подтверждаетъ справедливость сказаннаго сейчасъ. Не говоря уже о лимитаціяхъ, къ которымъ король долженъ былъ все чаще и чаще прибѣгать, вынужденный къ тому не только массой дѣлъ, но и неотложностью поѣздокъ въ Польшу, съ отбытіемъ въ которую прекращались, согласно Статуту 1566 г., судебныя функціи короля по отношенію къ его литовскимъ подданнымъ [1]),—мы имѣемъ категорическое въ пользу сказаннаго свидѣтельство Стефана Баторія, занесенное на страницы устава Литовскаго Трибунала. Въ числѣ дѣлъ, пере-

---

[1]) Такъ, напр., въ 1567 г. было прервано дальнѣйшее разсмотрѣніе даже уже начатыхъ разборомъ дѣлъ и отложено „на иншій часъ, т. е. по пріѣхани его корол. милости съ коруны Польское до панства его мил. господарского вел. князства Литовского“, т. е. на весьма неопредѣленное время, вслѣдствіе того „ижъ ся выѣздъ его корол. милости до коруны Польское приближилъ“. Док. и Рег. II, № 254. Составъ и содержаніе судныхъ книгъ Лит. Метрики показываетъ, что туда послѣ 1566 г. заносятся уже очень часто записи о лимитаціяхъ. См., напр., Лит. Метрика, Кн. Судн. дѣлъ, № 56 и др.

данныхъ въ вѣдѣніе послѣдняго, названы между прочимъ „вси справы прошлые, которыхъ мы, *Государъ и продки наши* не отъсудили есмо“. Что главный контигентъ этихъ „неотсуженныхъ справъ“ составляли со времени второго Статута именно апелляціи, это подтверждается не только сущностью тѣхъ мѣръ, которыя проектировались для ускоренія правосудія уже въ концѣ 60-хъ годовъ, но и прямыми свидѣтельствами, какъ послѣдующихъ законодательныхъ актовъ, такъ и современниковъ. Оставляя пока въ сторонѣ прочія указанныя сейчасъ данныя, съ которыми мы ознакомимся ниже, ограничимся здѣсь приведеніемъ свидѣтельства одного изъ современниковъ Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, а именно Андрея Любенецкаго [1]). Это свидѣтельство тѣмъ любопытнѣе, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понятіе о количествѣ неразрѣшенныхъ королями и вел. князьями судебныхъ дѣлъ и вообще о неуспѣшной дѣятельности королевскаго суда одинаково, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ: „Раньше (до Стефана Баторія)—говоритъ названный писатель—къ королямъ на сеймы апелляціи шли изъ различныхъ судовъ какъ по важнымъ, такъ и по самымъ ничтожнымъ дѣламъ; посему въ царствованіе Сигизмунда Августа накопилось такъ много неразрѣшенныхъ дѣлъ, что впослѣдствіи трибуналы едва разобрали и повершили эти дѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; въ числѣ неразрѣшенныхъ апелляціонныхъ жалобъ находились такія, которыя оставались безъ всякаго движенія около 40 лѣтъ“ [2]).

Итакъ, главное зло послѣдующаго за изданіемъ Статута 1566 г. времени въ области правосудія выражалось въ скопленіи массы неразрѣшенныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ апелляцій. Обстоятельство это дало толчокъ для послѣдующей судебной реформы и опредѣлило ея направленіе и ха-

---

[1]) Авторъ историческаго труда: „Poloneutichia albo Polskiego królestwa szczęscie, a przytym y W. Xięstwa Lit.“, написаннаго въ 1616 г. и изданнаго во Львовѣ въ 1843 г. институтомъ Оссолинскихъ.

[2]) Означ. выше соч., стр. 106.

рактеръ. Мало по малу сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, что для ускоренія правосудія необходимо создать учрежденіе, которое должно было замѣнить вел. князя при разсмотрѣніи апелляціонныхъ жалобъ на рѣшенія низшихъ судовъ и вполнѣ освободить его отъ этой категоріи дѣлъ. Такимъ учрежденіемъ и явился „головный судъ“, иначе Главный Литовскій Трибуналъ, къ ближайшей исторіи установленія котораго мы и переходимъ.

II.

Въ то время, какъ въ Литвѣ все вниманіе великаго князя и шляхты (или, лучше сказать, шляхты и великаго князя, такъ какъ всѣ реформы въ этой области, начиная съ съ 40-хъ годовъ XVI ст., были предприняты подъ давленіемъ шляхты) устремлено было главнымъ образомъ на болѣе совершенную организацію низшихъ судовъ, въ Польшѣ въ это самое время бились надъ разрѣшеніемъ вопроса о реформѣ королевскихъ судовъ, съ цѣлью ограничить или сократить королевскую юрисдикцію, безъ чего немыслимо было устранить чрезмѣрную медленность въ отправленіи правосудія. И король, и сенатъ, а позже и шляхта, какъ это видно изъ капитальнаго труда проф. Бальцера о происхожденіи Короннаго Трибунала, попеременно, а иногда и одновременно выступали съ различными проектами этой реформы на томъ или другомъ сеймѣ. Не было недостатка также и въ литературныхъ проектахъ реформы, исходившихъ отъ различныхъ общественныхъ дѣятелей и публицистовъ, настойчиво проводившихъ въ печати мысль о необходимости реформы и предлагавшихъ болѣе или менѣе удачные способы разрѣшенія назрѣвшаго вопроса. Въ виду существованія названнаго труда проф. Бальцера, труда, большая часть котораго посвящена обзору и оцѣнкѣ упомянутыхъ проектовъ, намъ нѣтъ надобности останавливаться, въ свою очередь, на томъ же сюжетѣ, какъ бы тѣсно ни были связаны нѣкоторые изъ этихъ проектовъ съ занимающимъ насъ во-

просомъ. Весьма не лишне, однако, въ интересахъ послѣдующаго изложенія, ознакомиться, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ, съ общимъ ходомъ означенной реформы въ Польшѣ. Принимая во вниманіе достигнутые результаты и характеръ отношенія различныхъ чиновъ коронныхъ сеймовъ къ судебной реформѣ, всѣ три съ половиною десятилѣтія, посвященныя въ Польшѣ на разрѣшеніе вопроса о реформѣ королевскихъ судовъ, можно раздѣлить на двѣ эпохи: съ начала 40-хъ годовъ до 1569 г. и съ этого послѣдняго до 1578 г. Въ первую изъ этихъ эпохъ инициатива реформы исходила преимущественно отъ короля (всякій разъ въ довольно ограниченныхъ размѣрахъ), во вторую же—дѣло реформы беретъ въ свои руки шляхта. Первая эпоха дала весьма ограниченные результаты, благодаря противодѣйствію судебной реформѣ главнымъ образомъ со стороны шляхты, большинству которой трудно было разстаться съ идеей, что высшимъ судьею можетъ быть только глава государства; во вторую же эпоху всѣ болѣе или менѣе радикальные проекты реорганизаціи высшихъ судовъ, исходившіе уже отъ шляхты, встрѣчали противодѣйствіе или сильныя возраженія со стороны сената, духовенства и самого короля. Неудивительно поэтому, что при послѣднемъ Ягеллонѣ удалось лишь осуществить (на сеймѣ 1563 г.) проектъ объ устройствѣ во всѣхъ земляхъ или воеводствахъ временныхъ судовъ, которые должны были повершить всѣ, залежавшіяся въ королевскихъ судахъ, дѣла и затѣмъ прекратить свое существованіе; неудивительно также, что всѣ, съ конца правленія Сигизмунда Августа, попытки шляхты провести болѣе или менѣе радикальную, на одинаковыхъ для всего Польскаго государства началахъ, реформу долго оставались безрезультатными и увѣнчались успѣхомъ лишь при Стефанѣ Баторіи, на Варшавскомъ сеймѣ 1578 г.

Хотя и относительно Польши не всѣ отдѣльные моменты періода усилій осуществить судебную реформу могутъ быть описаны съ одинаковой полнотой и достовѣрностью, благодаря недостатку или неполнотѣ данныхъ, тѣмъ не ме-

нѣе исторія реформы высшихъ судовъ въ Польшѣ располагаетъ довольно значительнымъ матеріаломъ, количественное богатство котораго не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми немногочисленными, скудными и отрывочными данными, какими располагаемъ мы для ближайшей исторіи установленія Глав. Литов. Трибунала.

Можно ли, однако, отсюда дѣлать выводъ, что Литва спокойно сидѣла и выжидала, чѣмъ кончится творческая работа, предпринятая въ Польшѣ, чтобы затѣмъ воспользоваться результатами этой работы, что она параллельно не вела подобной же работы на свой личный страхъ и рискъ, что она ничего съ своей стороны не внесла въ работу своихъ „братьевъ и сосѣдей"—поляковъ? Думаемъ и не безъ основаній, что на этотъ вопросъ можно дать лишь отрицательный отвѣтъ. Ни существовавшіе въ Литовскомъ государствѣ судебные порядки, порождавшіе застой въ отправленіи правосудія, ни энергія, съ какою литовская шляхта относилась къ вопросу о реорганизаціи судовъ, начиная съ 40-хъ годовъ XVI ст., ни, наконецъ, тѣ данныя—правда, немногія,—которыя имѣются относительно первыхъ годовъ послѣ изданія второго Статута (и съ которыми мы познакомимся ниже), не позволяютъ думать, что литовская шляхта, добившись въ половинѣ 60-хъ годовъ желанной реформы областныхъ судовъ, почила на лаврахъ и вполнѣ удовлетворилась достигнутыми результатами. Нѣтъ также основанія думать, что эта шляхта съ своей стороны ничего не внесла въ общее (съ 1569 г.) дѣло реформы королевскихъ судовъ. Послѣднему предположенію противорѣчитъ уже самое положеніе вещей, какое было создано Люблинской уніей: вальные сеймы, неоднократно обсуждавшіе вопросъ о реформѣ, и въ томъ числѣ Варшавскій сеймъ 1578 г., которому принадлежитъ честь установленія Короннаго Трибунала, были уже не сеймами однихъ поляковъ, а общими для обоихъ, соединенныхъ парламентской уніей, государствъ, т. е. и для поляковъ и для литовцевъ. Наконецъ, если бы все дѣло сводилось къ тому, чтобы лишь воспользоваться результа-

тами чужихъ трудовъ и заимствовать „уже готовое учрежденіе", и притомъ учрежденіе, обладателямъ котораго можно было, по выраженію одного польскаго ученаго, лишь завидовать [1]), то отчего это не было сдѣлано уже на сеймѣ 1578 г., и зачѣмъ потребовалось для Литвы еще болѣе года [2]) для того, чтобы выработать проектъ устава будущаго „головного суда", учрежденнаго только черезъ три года послѣ Короннаго Трибунала?

На такія размышленія, сомнѣнія и возраженія наводятъ мысли, выраженныя двумя почтенными польскими историками, проф. Бальцеромъ и Бобржинскимъ [3]), въ особенности же первымъ изъ нихъ, который въ предисловіи къ своему труду о происхожденіи Короннаго Трибунала говоритъ: „Дѣло судебной реформы, какъ ее осуществила конституція 1578 года, есть заслуга Короны; иныя провинціи не имѣли въ этомъ дѣлѣ никакого или почти никакого участія, онѣ только заимствовали позже уже готовое учрежденіе" [4]).

Обратимся, однако, къ тѣмъ немногочисленнымъ и скуднымъ даннымъ, какими въ настоящее время наука располагаетъ для ближайшей исторіи установленія Литовскаго Трибунала. Данныя эти, въ отличіе отъ аналогичныхъ данныхъ относительно Короннаго Трибунала, не только малочисленны, но и не позволяютъ съ увѣренностью сказать, что̀ именно такъ долго—съ 1566 до 1581 г.—тормозило дѣло созданія въ вел. княжествѣ Литовскомъ высшаго суда, который долженъ былъ освободить короля хотя отъ части его непосильнаго бремени, а именно отъ многочисленныхъ апелляціонныхъ дѣлъ. Едва ли мы, однако, ошибемся, если, на основаніи нѣкоторыхъ намековъ и болѣе опредѣленныхъ указаній имѣющихся источниковъ, въ связи съ извѣстными

---

1) Balzer: op. cit., 338.

2) См. объ этомъ ниже.

3) Bobrzyński: „Dzieje Polski" t. II, p. 147.

4) Balzer: op. cit., 6.

намъ фактами предшествовавшаго времени, скажемъ, что до 1569 г. дѣло это, помимо его трудности, тормозилъ преимущественно король, а позже оно задерживалось общимъ ходомъ событій (смерть Сигизмунда Августа, двукратное безкоролевье, войны), а равно тѣми препятствіями, которыя встрѣчали на вальныхъ сеймахъ польскіе проекты реформы и которыя, несомнѣнно, должны были отражаться и на литовскихъ проектахъ или планахъ и намѣреніяхъ.

Обращаясь же отъ общихъ причинъ къ мѣстнымъ—литовскимъ, можно, впрочемъ, думать и, кажется, не безъ основаній, что едва ли паны-рада и духовенство въ Литвѣ занимали столь оппозиціонное положеніе по отношенію къ судебной реформѣ, какое наблюдается въ Польшѣ. Повидимому, этой оппозиціи даже и вовсе не было; по крайней мѣрѣ какихъ-либо не только опредѣленныхъ указаній, но и намековъ на такую оппозицію не встрѣчается [1]). Вѣрнѣе предположить, что сама шляхта, которую вопросъ о разрѣшеніи апелляцій заботилъ уже съ первыхъ годовъ существованія новыхъ областныхъ судовъ, долго не могла согласиться относительно, если не сущности, то деталей потребной реформы.

---

[1]) Извѣстные намъ факты свидѣтельствуютъ лишь въ пользу нашего предположенія. Такъ, не говоря уже объ отказѣ еще на Бѣльскомъ сеймѣ (1564 г.) радныхъ пановъ отъ принадлежавшаго имъ права разсматривать апелляціонныя дѣла, послѣдующіе памятники свидѣтельствуютъ какъ бы о полномъ единеніи всѣхъ „княжатъ, панятъ, врядниковъ земскихъ и дворныхъ и пословъ земскихъ“ на сеймахъ 1567—1569 гг., когда предлагались королю различные проекты объ ускореніи правосудія (объ этихъ проектахъ см. ниже). Изъ вступительной статьи устава Лит. Трибунала также видно, что проектъ этого устава и ходатайства объ его утвержденіи исходили одновременно и совмѣстно отъ радныхъ пановъ и пословъ земскихъ. Что же касается духовенства, то оппозицію могло составить только католическое духовенство. Но объ оппозиціи съ этой стороны ничего не извѣстно, а то, что извѣстно, можетъ привести лишь къ заключенію, чта такой оппозиціи вовсе не было. Сюда относится слѣд. любопытный фактъ: на сеймѣ 1581 г., когда обсуждался и утверждался уставъ Литовскаго Трибунала, „nikogo z stanu duchownego W. X. L. nie było“. Vol. leg. II, 1021.

На послѣднее отчасти указываетъ почти трехлѣтній промежутокъ между сеймомъ Варшавскимъ 1578 г., когда реформа была осуществлена въ Польшѣ, и 1581 г., когда, наконецъ, былъ изданъ законъ объ учрежденіи Главнаго суда, или Литовскаго Трибунала [1]).

Какъ бы то ни было, но имѣющіяся данныя отмѣчаютъ три стадіи или эпохи въ исторіи реформы высшаго суда въ Литовскомъ государствѣ со времени изданія второго Статута, конечные пункты которыхъ можно отмѣтить слѣд. годами: 1569, 1578 и 1581. До перваго изъ этихъ годовъ литовская шляхта трудилась надъ реформой совершенно самостоятельно, до 1578 г.—совмѣстно съ поляками, а время съ 1578 до 1581 года было посвящено разработкѣ вопроса о мѣстномъ примѣненіи началъ, принятыхъ на вальномъ Варшавскомъ сеймѣ 1578 г. и уже осуществленныхъ по отношенію къ Польшѣ, а равно хлопотамъ по проведенію на вальныхъ сеймахъ выработаннаго детальнаго проекта закона объ организаціи и компетенціи Литовскаго Трибунала.

Первымъ (если не считать проекта, предложеннаго Жмудью и имѣвшаго въ виду лишь ее самое) [2]) шагомъ, сдѣланнымъ въ видахъ ускоренія разсмотрѣнія апелляціонныхъ дѣлъ, явилось то ходатайство шляхты на Городенскомъ сеймѣ

---

[1]) Впрочемъ, на выработку деталей реформы потребовалось изъ этого времени не болѣе года.

[2]) На Берестейскомъ сеймѣ въ августѣ 1566 г. шляхта земли Жмудской обратилась къ королю между прочимъ съ просьбою, чтобы апелляціи на рѣшенія мѣстныхъ судовъ не шли за Нѣвяжу (граница Жмудской земли), т. е. къ королю, а чтобы разсмотрѣніе апелляціонныхъ дѣлъ поручено было особому съѣзду жмудскаго старосты, каштеляна и „иныхъ (мѣстныхъ) врядниковъ земскихъ“, съ предоставленіемъ старостѣ права въ извѣстныхъ случаяхъ (при желаніи стороны отозваться до господаря) обращаться „за наукою господарскою“. Д. М. Арх. М. Ю. I, 200—201. Проектъ Жмудской земли (отклоненный, впрочемъ, королемъ) долженъ быть разсматриваемъ, какъ проектъ единичный, объясняемый отчасти прежними особенностями судоустройства въ этой землѣ (см. о нихъ выше, стр. 186).

1567 г., о которомъ мы имѣли случай упоминать по другому поводу [1]). Въ началѣ января 1567 г. всѣ чины Городенскаго сейма просили короля объ установленіи нѣсколькихъ, по усмотрѣнію его, должностей референдаріевъ, или докладчиковъ, „для отправованя апеляцый" [2]). Фактъ этотъ маленькій, но съ очевидностью показывающій, что медленность въ разрѣшеніи апелляцій обратила на себя вниманіе шляхты и вызвала съ ея стороны первое и пока робкое предложеніе средства (правда, слишкомъ палліативнаго) для ускоренія производства по апелляціямъ.

Новое и болѣе удачное средство для ускоренія разрѣшенія не только апелляціонныхъ, но и всѣхъ вообще залежавшихся и не дождавшихся еще господарскаго вырока судебныхъ дѣлъ было предложено королю чинами на слѣдующемъ Городенскомъ же сеймѣ 1568 года, какъ это видно изъ слѣдующей просьбы ихъ, изложенной въ первомъ артикулѣ господарскихъ „отказовъ повѣтамъ и землямъ": „Што просите господара его милости, ижъ которие справы людские, передъ тымъ зачатые у суду его милости господарского за позвы и мандаты его королевское милости передъ выданьемъ статуту нового на сойме Виленскомъ [3]) не докончилися,

[1]) См. выше стр. 27—28 и прим. 1 на стр. 28.

[2]) См. соотвѣтственную выдержку изъ напечатанной ухвалы этого сейма, находящуюся въ 1-мъ примѣчаніи на стр. 28.

[3]) Такъ какъ 2-ой Статутъ былъ санкціонированъ и окончательно введенъ въ дѣйствіе на Виленскомъ сеймѣ 1565—66 г., то можно заключить, что рѣчь идетъ о дѣлахъ, неразрѣшенныхъ королемъ на упомянутомъ сеймѣ. Впрочемъ, такъ какъ второй Статутъ разсматривался еще на Бѣльскомъ сеймѣ 1564 г. и тогда же былъ рѣшенъ утвердительно и вопросъ объ учрежденіи новыхъ судовъ и такъ какъ въ грамотѣ отъ 30 дек. 1565 г. (А. З. Р. Ш, № 38) говорится: „для способу лѣпшого и отправы поспѣшнѣйшоѣ въ справедливости людской, статутъ новый, отъ насъ господаря на соймѣ вальномъ у Бѣльску року прошлого выданый и привильемъ нашимъ утвержоный, въ скутечное уживанье привели и тымъ статутомъ суды отправовати казали".,—то ничего нѣтъ невозможнаго и въ томъ, что рѣчь идетъ еще о Виленскомъ сеймѣ, предшествовавшемъ Бѣльскому и бывшемъ въ 1563 г.

а за лимитацыями и до сихъ местъ конца своего не взяли, а где бы ся и на семъ теперешнемъ сойме за иншими большими справами доконати не могли, тогды просите, абы его королевская милость рачилъ то вложити на ихъ милость пановъ-радъ, жебы ихъ милость, на часъ отъ его королевское милости зложоный зъехавшися до места столечного Виленского, таковыхъ справъ досудили и кончачи и отправуючи ихъ водле статуту старого; ведже моцю теперешнего сойму, ижъ бы то было з ласки его королевское милости обваровано, ижъ бы тое отсуживанье прошлыхъ справъ черезъ пановъ радъ ихъ милости жадное образы и нарушенья вперед Статуту новому не несло" [1]).

Итакъ, шляхта констатируетъ медленность разрѣшенія дѣлъ, поступившихъ на судъ вел. князя и начатыхъ еще при дѣйствіи Статута 1529 г., указываетъ на лимитаціи, какъ на причину этой медленности (лимитаціи же, какъ извѣстно, были результатомъ невозможности для государя справиться со всею массою дѣлъ), и, понимая, что король не можетъ повершить всѣхъ накопившихся и накопляющихся дѣлъ, предлагаетъ ему покончить, по крайней мѣрѣ, съ указанной категоріей дѣлъ путемъ передачи ихъ на судъ радныхъ пановъ, которые должны съѣхаться для разрѣшенія означенныхъ дѣлъ въ Вильну на судебный сеймъ, подобный существовавшимъ въ эпоху перваго Статута. Какъ же отнесся король къ этой просьбѣ чиновъ сейма и преимущественно, конечно, шляхты? Не долженъ ли онъ былъ въ своихъ интересахъ, т. е. въ интересахъ сбереженія своихъ силъ и времени, ухватиться за сдѣланное ему предложеніе и дать на него свое согласіе, и притомъ съ тѣмъ большею охотой, что предлагаемая мѣра имѣла характеръ лишь временной мѣры и слѣдовательно не стѣсняла короля на будущее время? Не должны ли были поддержать эту просьбу ближайшіе совѣтники короля—его рада, лишенная Бѣльскимъ привилеемъ и Статутомъ 1566 г. самостоятельной судебной роли? Казалось бы—

---

[1]) Д. М. Ар. М. Ю. I, ст. 482—83.

да и да. Между тѣмъ, король отвѣчаетъ: „то господаръ его милость на тотъ часъ зоставовати рачить водле привилья белского“. Другими словами, король отказываетъ шляхтѣ въ ея просьбѣ, ссылаясь на Бѣльскій привилей, въ которомъ заявлено, что радные паны, въ угоду шляхтѣ, отреклись отъ принадлежавшихъ имъ дотолѣ судебныхъ правъ и въ частности отъ права разсматривать и разрѣшать апелляціи. Чѣмъ же объяснить, что король выступаетъ передъ шляхтой въ роли защитника ея же правъ или, точнѣе, неприкосновенности тѣхъ уступокъ, которыя были сдѣланы ей панами-радами? Ясно, что король на самомъ дѣлѣ оберегаетъ лишь свои судебныя прерогативы и не желаетъ освободиться даже временно отъ принадлежащей ему юрисдикціи, хотя и замаскировываетъ истинные мотивы отказа ссылкой на Бѣльскій привилей. Прибавимъ, что поведеніе короля въ данномъ случаѣ нельзя объяснить и желаніемъ его оставаться на строго-законной почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ петиціи шляхты рѣчь идетъ исключительно о дѣлахъ, начатыхъ при дѣйствіи перваго Статута, когда радные паны являлись еще по закону замѣстителями великаго князя при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Такое ревнивое отношеніе короля къ своимъ судебнымъ правамъ и къ попыткѣ шляхты изыскать хотя бы временное средство для ускоренія правосудія не лишне имѣть въ виду: оно подтверждаетъ то, что сказано нами нѣсколько выше объ отношеніи короля къ реформѣ высшаго суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ одну изъ главныхъ причинъ медленности дѣла этой реформы.

Приведенный выше проектъ временныхъ мѣръ ускоренія правосудія заслуживаетъ вниманія еще и въ другомъ отношеніи. Въ дневникѣ Люблинскаго сейма (подъ 19 апрѣля) читаемъ: „Послы обсуждали вопросъ о правосудіи, т. е. разсуждали по предложенію сенаторовъ о томъ, чтобы властью настоящаго сейма назначить для суда другой сеймъ, на которомъ бы король съ сенаторами рѣшилъ всѣ судебныя дѣла“ [1]).

---

[1]) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. (изд. Археогр. Коммисіи), стр. 311. Изъ дальнѣйшаго видно, что рѣчь шла о сеймѣ исключительно

Такимъ образомъ, почти вполнѣ аналогичный проектъ съ тѣмъ, какой былъ предложенъ въ Литвѣ на Городенскомъ сеймѣ лѣтомъ 1568 г., былъ годомъ позже внесенъ по инициативѣ польскаго сената на обсужденіе Люблинскаго сейма (въ то время, когда на немъ еще не засѣдали чины литовскіе). Фактъ во всякомъ случаѣ любопытный и не лишенный значенія при оцѣнкѣ доли участія и степени самостоятельности литовской шляхты въ области плановъ и проектовъ объ ускореніи правосудія, которые привели въ концѣ концовъ къ радикальной реформѣ высшихъ судовъ въ обоихъ государствахъ.

Переходимъ къ послѣднему извѣстному намъ факту изъ эпохи самостоятельной работы литовской шляхты надъ вопросомъ о реформѣ высшихъ судовъ. Въ 1569 г. въ Люблинѣ засѣдалъ тотъ, столь знаменательный въ судьбахъ обоихъ государствъ, сеймъ, на которомъ чины Литовскаго государства должны были признать и признали, что „королевство Польское и великое княжество Литовское отнынѣ составляютъ уже одно нераздѣльное тѣло, а также одну общую рѣчь-посполитую, въ которой два государства и два народа соединились и слились въ одинъ народъ и въ одно государство...“, что „у этого двойного государства всегда должны быть общіе сенатъ и сеймы подъ предсѣдательствомъ ихъ государя—короля польскаго“ и т. д. и т. д.[1]). Къ концу этого сейма, король въ своей рѣчи указалъ на необходимость реформы. Обращаясь къ чинамъ посольской избы, онъ сказалъ между прочимъ: „вамъ слѣдуетъ

для рѣшенія накопившихся судебныхъ дѣлъ и притомъ такомъ, который долженъ былъ засѣдать безъ пословъ. Интересно, что означенный проектъ поддерживала лишь часть (меньшая) шляхты, по мнѣнію которой было бы большимъ зломъ освободить короля отъ отправленія высшаго правосудія; большинство же шляхты возражало противъ этого проекта, находя его лишь полумѣрой и требуя болѣе радикальныхъ мѣръ, имѣющихъ характеръ дѣйствительной и прочной реформы. См. также Balzer: op. cit., 173—175.

[1]) Привилей относительно уніи: Дневникъ Люблинскаго сейма, приложеніе, стр. 718 и слѣд.; Vol. leg, II, 766 sq. (§§ 3 и 8).

обсудить, какъ бы обезпечить ускореніе правосудія, потому что при старомъ порядкѣ вещей, существующемъ въ Коронѣ, и при вышеупомянутыхъ затрудненіяхъ (раньше король указывалъ на увеличеніе государства и невозможность ему одному справиться съ судебными дѣлами) скораго и удовлетворительнаго суда для всѣхъ быть не можетъ" [1]). Сообразно съ этимъ, и въ конституцію означеннаго сейма въ число вопросовъ, предназначенныхъ для обсужденія на будущемъ вальномъ сеймѣ, между прочимъ занесенъ и вопросъ объ ускореніи правосудія („o obyczaiu sprawiedliwości, aby się tym prędzey odprawować mogła") [2]).

Имѣло ли какое-либо отношеніе къ Литовскому государству содержаніе упомянутой королевской рѣчи и приведенной конституціи, или оно касалось только Польши? На послѣднее какъ бы указываетъ ссылка короля на порядки, существующіе въ Коронѣ. Но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что рѣчь обращена была не только къ посламъ польскимъ, но и литовскимъ (которые уже съ іюля засѣдали на сеймѣ сообща съ поляками). Впрочемъ, всякое сомнѣніе относительно того, предстояло ли чинамъ Литовскаго государства размышлять о судебной реформѣ, или нѣтъ, разрѣшаетъ одинъ изъ пунктовъ „отказа отъ господара короля е. м." на просьбы литовскихъ чиновъ, который былъ данъ на Люблинскомъ сеймѣ [3]): „Просили тежъ есте, абы его королевская

---

[1]) Днев. Любл. сейма, 594, см. также ibid., 634.

[2]) Vol. leg. II, 795 (§ 88).

[3]) „Отказъ" этотъ напечатанъ въ I т. Док. М. Арх. М. Ю. подъ № 20 (стр. 497 и слѣд.). Издатель названнаго документа г. Довнаръ-Запольскій въ примѣчаніи къ нему говоритъ: „Помимо общаго польско-литовскаго сейма, засѣдавшаго въ Люблинѣ въ 1569 г. и утвердившаго унію Литвы съ Короной, тамъ же въ Люблинѣ засѣдалъ и отдѣльный литовскій сеймъ, обсуждавшій свои мѣстныя дѣла" (стр. 497). Мы не знаемъ, на чемъ основано мнѣніе г. Довнаръ-Запольскаго объ „отдѣльномъ литовскомъ сеймѣ" въ Люблинѣ, но думаемъ, что это лишь недоразумѣніе. Помимо всѣхъ прочихъ соображеній, въ пользу нашего сомнѣнія говоритъ и дата разсматриваемаго документа: онъ помѣченъ 12 августа

милость на соймикахъ поветовыхъ пропоновати о томъ казати рачилъ, жебы обычай справедливости за апеляцыями намовляти вольно было. Тогды его королевская милость и на то, яко въ речи слушной, зезволяти рачить; и што межи собою намовите, то на съемъ валный отнести маете". Приведенная цитата, сверхъ сказаннаго, обращаетъ на себя вниманіе еще въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, она съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что иниціатива судебной реформы въ Литовскомъ государствѣ исходила именно отъ представителей его, въ лицѣ княжатъ, панятъ и шляхты; а во 2-хъ, что эти представители не стремились къ полной реформѣ великокняжескаго или господарскаго суда, въ смыслѣ возможно большаго сокращенія королевской юрисдикціи, о какомъ уже стали помышлять въ Польшѣ, а заботились лишь объ измѣненіи порядка разрѣшенія апелляціонныхъ дѣлъ или, точнѣе, о мѣрахъ къ ускоренію разсмотрѣнія дѣлъ указаннаго рода. Это точно выраженное желаніе, указывая весьма опредѣленно на объектъ предстоящей реформы, подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ то, что неоднократно указывалось нами выше, а именно: что медленность въ разрѣшеніи апелляцій составляла самую слабую сторону судебныхъ порядковъ, существовавшихъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ со времени изданія второго Статута, тотъ недостатокъ ихъ, который, какъ мы видѣли, не переставалъ заботить литовскую шляхту чуть ли не съ первыхъ дней послѣ введенія новыхъ областныхъ судовъ.

Къ чему привели „намовы" на сеймикахъ „объ обычаѣ справедливости за апеляцыями"—намъ, за недостаткомъ данныхъ, не извѣстно, какъ неизвѣстны по той же причинѣ

1569 г., т. е. послѣднимъ днемъ засѣданій общаго польско-литовскаго сейма въ Люблинѣ (см. Дневникъ Любл. сейма, стр. 630 и слѣд.). Несомнѣнно, что просьбы были поданы въ письменной формѣ во время общаго сейма и, по обсужденіи ихъ съ радными панами, король далъ отвѣтъ въ таковой же формѣ (на такой порядокъ указываетъ и запись въ „Дневникѣ", стр. 594—95). Это подтверждается и отдѣльными выраженіями даннаго документа.

и подробности дальнѣйшаго хода дѣла судебной реформы. Одно можно утверждать, что со времени объединенія сеймовъ польскаго и литовскаго наступила на нихъ совмѣстная работа по вопросу о судебной реформѣ, несмотря на то, что, въ силу санкціонированной на Люблинскомъ сеймѣ отдѣльности статутовъ и судоустройства для обоихъ государствъ [1]), этимъ послѣднимъ предстояло отдѣльно же или порознь осуществить подготовлявшуюся реформу. На эту совмѣстную работу по одинаково важному для Польши и Литвы вопросу на будущихъ сеймахъ, которой должны были предшествовать, такъ сказать, параллельныя (въ обоихъ государствахъ) предварительныя работы на сеймикахъ, указываютъ и извѣстныя намъ королевскія инструкціи посламъ на повѣтовые сеймики, собиравшіеся въ обоихъ государствахъ передъ каждымъ вальнымъ сеймомъ. Такъ, въ инструкціи королевскимъ посламъ на провинціальные сеймики передъ вальнымъ сеймомъ Варшавскимъ, который долженъ былъ собраться въ началѣ 1572 г., читаемъ слѣд.: „На справедливости, которіи естъ кгрунтомъ всякое Рѣчи посполитое, яко много корунѣ Польской и великому князству Литовскому належить, каждый то добрѣ зъ васъ розумѣеть, которую король его милость, водлѣ повинности своее а зъ великою хутью, радъ чинить; вѣдже ижъ за тымъ покоемъ, которого коруна Польская зъ ласки Божое за фуртунного панованья его королевской милости много лѣтъ уживаеть, намножило розмаитыхъ а незличоныхъ справъ межи людми, снаднѣ то кождый мудрій а бачный зрозумѣеть и у себе уважить, естли его королевская милость той повинности своей во всемъ досыть учинити можеть; для чого се слушнѣ можеть на томъ соймѣ радити, яковый бы обычай для прудшое справедливости людское могъ быти знайденъ и постановенъ“ [2]). Подоб-

---

[1]) Vol. leg. II, 771 § 9.

[2]) А. Ю. и З. Р. II, № 148 (стр. 175). См. Balzer: op. cit. 177, гдѣ находимъ упоминаніе объ этой инструкціи на основаніи польскаго ея текста, напечатаннаго въ Bibl. Ord. Kras. (rok 1871, стр. 448 и слѣд.).

ные же пункты находимъ въ соотвѣтственныхъ королевскихъ инструкціяхъ передъ вальными сеймами въ Торунѣ (1576) и въ Варшавѣ (1578 г.)[1]).

Вальный сеймъ 1572 г., на которомъ, повидимому, послы польскіе, т. е. представители польской шляхты, выступали съ проектомъ реформы королевскаго суда[2]), былъ послѣдній въ царствованіе Сигизмунда Августа, скончавшагося въ томъ же году. Наступило затѣмъ безкоролевье, которое послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ правленія Генриха Валуа смѣнилось новымъ безкоролевьемъ.

Эпоха двухъ названныхъ безкоролевій, несомнѣнно, сыграла громадную роль въ дѣлѣ реформы королевскаго суда какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ—одинаково[3]). Без-

---

[1]) Pawiński: Zródla dziejowe, IV, №№ XXI и CLX.

[2]) Balzer: op. cit., 178 sq. Считаемъ не лишнимъ въ поясненіе сказаннаго въ текстѣ прибавить, что содержаніе упомянутаго проекта въ точности не извѣстно и о немъ можно лишь догадываться. Самый фактъ представленія проекта судебной реформы на сеймѣ 1572 г. установленъ проф. Бальцеромъ на основаніи неопредѣленнаго въ хронологическомъ отношеніи указанія одной брошюры временъ перваго безкоролевья и ряда соображеній, приведшихъ названнаго историка къ выводу, что означ. указаніе слѣдуетъ пріурочить именно къ сейму 1572 г.

[3]) Проф. Бальцеръ въ своемъ трудѣ о происхожденіи Короннаго Трибунала, признавая за безкоролевьемъ значеніе поры наиболѣе удобной для судебной реформы, поскольку эта послѣдняя могла касаться ограниченія королевской юрисдикціи, приходитъ къ заключенію, что эпоха безкоролевья не благопріятствовала и не могла благопріятствовать надлежащему осуществленію реформы, и что вслѣдствіе этого главная цѣль реформы не была вовсе достигнута (op. cit. 184, 287 и др.). Безспорно, пора безкоролевья—пора непригодная для спокойной и обдуманной реформы; безспорно и то, что воеводскіе суды высшей инстанціи, появившіеся въ первое безкоролевье въ отдѣльныхъ воеводствахъ, могли въ будущемъ затормозить надлежащее разрѣшеніе вопроса о реформѣ въ смыслѣ созданія центральнаго трибунала. Слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе и на другую сторону. Данная эпоха, не говоря уже о ея реальныхъ результатахъ въ дѣлѣ реформы, болѣе чѣмъ какая-либо другая содѣйствовала крупной перемѣнѣ взгляда на короля, какъ единаго высшаго судью, прежде всего у самой шляхты, а безъ этого, конечно, не возможна была и та реформа, которой суждено было осуществиться въ недалекомъ будущемъ.

спорно, главными причинами, которыя тормозили и могли тормозить въ будущемъ всякую болѣе или менѣе радикальную реформу королевскихъ судовъ, являлись: 1) противодѣйствіе со стороны представителей королевской власти, которые смотрѣли на свои судебныя функціи, какъ на право, неразрывно связанное съ прочими правами верховной власти [1]), а на всякій проектъ, значительно сокращавшій королевскую юрисдикцію, какъ на попытку ограничить означенную власть [2]), и 2), сильно распространенное среди самой шляхты воззрѣніе, что верховнымъ судьею можетъ быть только король [3]). Смерть послѣдняго Ягеллона временно устранила первую изъ этихъ причинъ и дала возможность не только появиться, но отчасти и осуществиться такимъ проектамъ, которые въ значительной степени ограничивали судебную власть королей [4]). Но эпоха безкоролевья не осталась безъ сильнаго вліянія, если не на полное уничтоженіе, то по крайней мѣрѣ на значительное ослабленіе дѣйствія второй изъ указанныхъ причинъ.

---

[1]) Иллюстраціей могутъ служить слова Сигизмунда Августа, приведенныя выше, см. примѣч. 1 на стр. 207.

[2]) Исторія Короннаго Трибунала показываетъ, что короли польскіе, хотя нерѣдко и сами выступали съ проектами судебной реформы, освобождавшими ихъ отъ маловажныхъ дѣлъ, всегда однако возражали противъ такихъ проектовъ, которые имѣли въ виду сократить королевскую юрисдикцію въ значительной степени. Мы видѣли, что той же въ общихъ чертахъ политики держались послѣдніе Ягеллоны и по отношенію къ Литовско-Русскому государству.

[3]) Проф. Бальцеръ во многихъ мѣстахъ своего труда приводитъ факты, доказывающіе, какъ сильно это воззрѣніе было распространено среди шляхты и какъ оно тормозило дѣло реформы. Такъ, напр., еще на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. представители нѣкотор. воеводствъ заявляли: „Намъ нѣтъ дѣла до суда; это во власти короля и сенаторовъ; дурно было бы, если бы мы задумали снять эту обязанность съ короля“. Дневн. Любл. сейма, 311; Balzer: op. cit., 174. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что упомянутое воззрѣніе пользовалось еще бо́льшимъ распространеніемъ, чтобы не сказать полнымъ господствомъ, въ Литвѣ.

[4]) Такое значеніе за эпохой безкоролевья признаетъ, какъ упомянуто выше, и проф. Бальцеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, смерть короля, прекратившая полномочія всѣхъ дѣйствовавшихъ при немъ и отъ его имени судебныхъ органовъ, привела къ созданію временныхъ или такъ назыв. каптуровыхъ судовъ, безъ которыхъ не только произошелъ бы полный застой въ отправленіи правосудія, но и исчезли бы всякія гарантіи общественнаго порядка и частной безопасности. Въ качествѣ чрезвычайныхъ, суды каптуровые были судами безапелляціонными. Самый фактъ существованія подобныхъ судовъ, т. е. рѣшавшихъ дѣла въ окончательной формѣ, въ связи съ болѣе или менѣе продолжительнымъ отсутствіемъ короля (эпоха двухъ безкоролевій, раздѣленная весьма кратковременнымъ правленіемъ Генриха, продолжалась въ общей сложности свыше 3-хъ лѣтъ), долженъ былъ мало по малу пріучить къ мысли о возможности и даже цѣлесообразности такихъ порядковъ, при которыхъ не всѣ нити правосудія сосредоточены непремѣннно въ рукахъ одного лишь короля, и, въ частности, привести къ убѣжденію, что въ роли окончательнаго, или безапелляціоннаго, судьи, сверхъ короля, могутъ выступать также и другія лица или учрежденія.

Указанными сейчасъ обстоятельствами объясняется значительный успѣхъ дѣла реформы въ эпоху обоихъ безкоролевій, а затѣмъ и благополучное завершеніе этого дѣла въ правленіе Стефана Баторія.

Пользуясь безкоролевьемъ, нѣкоторыя воеводства въ началѣ 1573 г. установили для себя (независимо отъ каптуровыхъ судовъ) суды высшей инстанціи, которые должны были функціонировать не только во время безкоролевья, но и послѣ избранія новаго короля [1]). Бытіе этихъ судовъ (они носили названіе: judicia generalia ultimae instantiae, judicia generalia ordinaria и т. д.), а равно появленіе такихъ же судовъ и въ другихъ воеводствахъ, какъ въ Польшѣ, такъ, по-

---

[1]) Vol. leg. II, 900 (§ 14); Balzer: op. cit., 221.

видимому, и въ Литвѣ [1]), было гарантировано 14-й статьей такъ назыв. Артикуловъ Генриха, которые были составлены на элекціонномъ сеймѣ 1573 г. при участіи сенаторовъ и пословъ коронныхъ и литовскихъ и которые послѣ бѣгства Генриха были вновь подтверждены сначала на конвокаціонномъ сеймѣ въ сентябрѣ 1574 г. [2]), а затѣмъ въ февралѣ 1576 г. новоизбраннымъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ [3]).

Но установленіемъ упомянутыхъ судовъ, съ появленіемъ которыхъ осуществилось, хотя и въ неоднообразной и нераціональной формѣ, на практикѣ то, что доселѣ оставалось лишь въ области проектовъ, не ограничились реальные результаты безкоролевій въ дѣлѣ реформы высшихъ судовъ вообще и въ Литвѣ въ частности.

Вторая половина означенной выше 14-й статьи Артикуловъ Генриха [4]) уполномочивала „пановъ радъ и станы всего князства Литовского“ заняться выработкой проекта организаціи высшихъ судовъ, который заранѣе объявлялся обязательнымъ для верховной власти, разъ этотъ проектъ будетъ выработанъ согласно желанію большинства; вмѣстѣ съ тѣмъ населенію, „которое правомъ литовскимъ судится“,

---

[1]) Фактическое существованіе судовъ высшей инстанціи въ отдѣльныхъ воеводствахъ коронныхъ, какъ это видно изъ ряда данныхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что же касается подобныхъ судовъ въ воеводствахъ литовскихъ, то на существованіе ихъ указываютъ, повидимому, документы, которыми мы лично не могли пользоваться, но которые мимоходомъ цитуетъ проф. Бальцеръ въ примѣч. 8 на стр. 244 своего труда о Коронномъ Трибуналѣ. Въ этихъ документахъ упоминается, что 20 октября 1574 г. въ Вильнѣ былъ сеймикъ „для постановленія справедливости и покою посполитого“, а въ февралѣ 1575 г. посолъ Генриха къ „станамъ литовскимъ“ велъ рѣчь о судахъ высшей инстанціи въ Литвѣ.

[2]) Balzer: op. cit., 242.

[3]) Vol. leg. II, 897—903.

[4]) Вторая половина 14-ой статьи трактуетъ исключительно о вел. княж. Литовскомъ и воеводствахъ Волынскомъ, Кіевскомъ и Браславскомъ.

гарантировано право измѣненій судоустройства и въ дальнѣйшемъ будущемъ [1]). Неудивительно поэтому, что 14 статья означ. Артикуловъ послужила опорнымъ пунктомъ для реформы высшихъ судовъ не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Послѣднее видно изъ того, что уставъ Литовскаго Трибунала, изданный въ 1581 г., начинается между прочимъ ссылкой на „артыкулы, при обиранью короля Генърика постановеные и черезъ насъ (т. е. короля Стефана) поприсяженые“.

Какую позицію занимали чины Литовскаго государства на бурномъ Торунскомъ сеймѣ 1576 г. (первомъ вальномъ сеймѣ въ правленіе Стефана Баторія, если не считать коронаціоннаго), когда польская шляхта выступила съ проектомъ учрежденія центральнаго для всей Польши трибунала (съ весьма широкой компетенціей), встрѣтившимъ возраженія преимущественно со стороны короля и духовенства, (а потому и не принятымъ [2]), —намъ не извѣстно, какъ неизвѣстно и то, выработала ли къ тому времени литовская шляхта какой-либо отдѣльный проектъ [3]). Принимая, однако, во вниманіе все предшествующее и послѣдующее, едва ли можно сомнѣваться, что литовская часть посольской избы шла рука объ руку съ польскими послами и всячески поддерживала представленный ими проектъ, принятіе котораго обезпечивало и реформу для Литвы.

Прошло еще около двухъ лѣтъ, и въ началѣ 1578 г. въ Варшавѣ собрался новый вальный сеймъ, который, какъ это видно изъ королевской предсеймовой инструкціи, долженъ былъ заняться преимущественно двумя вопросами: обороной государства, въ виду предстоявшей войны съ Москвою, и су-

---

[1]) Vol. leg. II, 900—901.

[2]) О Торунскомъ сеймѣ и отдѣльныхъ проектахъ шляхты и сенаторовъ, обсуждавшихся на немъ, см. подробнѣе Balzer: op. cit. 294 sq.

[3]) Изъ королевской предсеймовой инструкціи видно (о чемъ мы упоминали выше), что вопросъ о реформѣ высшаго суда былъ поставленъ па очередь.

дебной реформой[1]). Путемъ компромиссовъ, на этомъ сеймѣ удалось, наконецъ, провести судебную реформу, сущность которой заключалась въ томъ, что для окончательнаго рѣшенія апелляцій, а равно нѣкоторыхъ другихъ (менѣе важныхъ) дѣлъ, которыя находились прежде въ вѣдѣніи королевскихъ судовъ, былъ созданъ для Великой и Малой Польши высшій судъ или такъ назыв. Коронный Трибуналъ, состоявшій изъ избранныхъ шляхтою отдѣльныхъ воеводствъ судей. Тогда же была издана ординація (уставъ) Коронnаго Трибунала, подробно опредѣлявшая его организацію и компетенцію и послужившая образцомъ для составителей устава Главнаго Литовскаго Трибунала[2]). Одновременно съ Короннымъ Трибуналомъ, для трехъ воеводствъ, отторгнутыхъ отъ великаго княжества Литовскаго и присоединенныхъ къ Коронѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. (воеводства Волынское, Кіевское и Браславское), былъ учрежденъ на тѣхъ же основаніяхъ отдѣльный Луцкій Трибуналъ[3]).

Всѣмъ этимъ, однако, не ограничились результаты Варшавскаго сейма 1578 г. На томъ же сеймѣ состоялась и была занесена въ сеймовую конституцію особая статья, касавшаяся вел. княжества Литовскаго и гласившая слѣд.[4]): „А в великом князстве Литовскомъ при своих правах, подле присяженя унии, зоставуемъ поправу Статуту своего подле констытуцеи, въ Люблине въ року 69 учиненое, (и) подле поприсяженя короля его мил, Генрика и нашого[5]), вцале заховы-

---

1) Pawiński: Zródla dziejowe, IV, p. 241 sq., 244 sq.; Balzer: op. cit. 307.

2) Vol. leg. II, 962—968. Западно-русскій XVI в. переводъ устава Коронnаго Трибунала напечатанъ въ приложеніи къ нашему очерку: „Луцкій Трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Вол., Брацл. и Кіевск. воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.“, К. 1900 г.

3) Подробныя свѣдѣнія о Луцкомъ Трибуналѣ см. нашъ очеркъ, указанный въ предыдущемъ примѣчаніи.

4) Vol. leg. II, 969. Приводимъ данное мѣсто конституціи Варшавскаго сейма 1578 г. по тексту западно-русскаго перевода (XVI в.), о которомъ упомянуто выше.

5) Рѣчь идетъ о 14 § Генриховыхъ Артикуловъ, подтвержденныхъ и кор. Стефаномъ. См. выше, стр. 244—245.

ваючи. Якож ку поправе тых справ судовых великого князства Литовского и соймики въ воеводствахъ князства Литовского назначаемы в том року 78, месеца мая 23 дня; а с тых соймиков большиі зъездъ мают мети станы великого князства Литовского для тиж поправы статуту прав их в Новгородку на певный час, на ден святого Михала, в том же то року теперишнем. А оттол тую поправу мают принести на с(ъ)емъ коронный першиі ку потверженью пашому".

Не надо даже и сравнивать приведенную сейчасъ статью конституціи 1578 г. съ предшествующей ей, которая касается еще одной составной части Рѣчи-Посполитой—королевской Пруссіи, и которая гарантируетъ за послѣдней сохраненіе прежняго судебнаго порядка („не трибунал, але Мы сами судити будемъ",—говоритъ король относительно королевской Пруссіи), чтобы видѣть, какъ относились къ основнымъ началамъ судебной реформы, принятымъ Варшавскимъ сеймомъ по отношенію къ Польшѣ и тремъ названнымъ юго-западнымъ воеводствамъ, чины литовскіе. Ссылка на статьи Генриха, точное опредѣленіе времени (и притомъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ) для воеводскихъ сеймиковъ[1]) и „большого съѣзда" или генеральнаго сеймика, которые должны были обсудить „поправу справ судовых" въ вел. княж. Литовскомъ, и наконецъ, предположеніе, что все дѣло можетъ быть покончено къ ближайшему вальному сейму, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что упомянутыя основныя начала были столь же желанны для литовской шляхты, какъ и для польской. Да иначе и быть не могло. Потребность реформы, съ цѣлью ускорить отправленіе правосудія и въ частности разсмотрѣніе апелляцій, сдѣлалась очевидной для литовской шляхты еще до Люблинской уніи. Лишь вопросъ, какъ эту реформу осуществить, представлялъ не легкую задачу. И въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, гдѣ этимъ вопросомъ

---

[1]) Варшавскій сеймъ 1578 г. окончился въ мартѣ, а сеймики назначены на май.

стали заниматься гораздо раньше, не сразу могли прійти къ убѣжденію, что для реформы необходимо, чтобы король отказался если не отъ всѣхъ, подсудныхъ ему дѣлъ, то, по крайней мѣрѣ, отъ значительной ихъ части, а особенно отъ дѣлъ апелляціонныхъ. Но разъ это убѣжденіе, столь идущее въ разрѣзъ со старымъ и прочнымъ воззрѣніемъ на главу государства, какъ на естественнаго и наилучшаго высшаго судью, сдѣлалось подъ вліяніемъ различныхъ причинъ болѣе или менѣе всеобщимъ, не трудно уже было рѣшить, кто могъ или долженъ былъ замѣнить короля въ роли высшаго судьи. Въ Польшѣ, если имѣть въ виду существовавшія уже учрежденія, эта роль могла быть предоставлена сенату (радѣ) или вѣчамъ, въ Литвѣ—только радѣ. Но дѣятельность асессорскаго и вѣчевыхъ судовъ слишкомъ разочаровала польскую шляхту, чтобы она могла помышлять о возвращеніи стараго порядка [1]); для литовской же шляхты возстановленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличеніе судебныхъ правъ рады равносильно было почти полному отказу отъ началъ, санкціонированныхъ Бѣльскимъ привилеемъ, и движенію назадъ, а не впередъ по той дорогѣ, на которую литовская шляхта прочно стала еще въ 1564 г. Если затѣмъ принять во вниманіе, что рѣшеніе вопроса о роли шляхты въ томъ высшемъ судѣ, который надлежало создать, рѣшало вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о политическомъ значеніи шляхетскаго сословія, то понятно будетъ, что литовская и польская шляхта должна была стремиться къ созданію если не исключительно, то преимущественно шляхетскаго (по своему составу) суда. Такимъ образомъ, все заставляло шляхту обоихъ государствъ идти рука объ руку и стремиться къ одной—указанной сейчасъ, цѣли. Достиженіе этой цѣли, встрѣчавшей оппозицію въ другихъ элементахъ сейма, и есть главный результатъ совмѣстнаго сеймованія поляковъ и литовцевъ.

---

[1]) Въ Польшѣ, какъ извѣстно, асессорскій судъ и вѣча имѣли нѣкогда значеніе судовъ окончательныхъ.

Что касается деталей реформы, то онѣ, конечно, нуждались въ разработкѣ примѣнительно ко всѣмъ условіямъ каждаго государства въ отдѣльности. До насъ не дошелъ „діарій“, или дневникъ, сейма 1578 г., а потому мы не знаемъ всѣхъ подробностей. Очевидно, однако, что указанныя детали въ Литвѣ еще не были выработаны, а потому реформа по отношенію къ ней не могла быть осуществлена уже на сеймѣ 1578 г. и пока—впрочемъ, на самое непродолжительное время—отсрочена. Фактъ этотъ не представляетъ ничего удивительнаго: Литва и не могла выступить съ детальнымъ планомъ судебной реформы, пока не выяснились результаты сейма по отношенію къ данной реформѣ вообще и въ частности въ Польшѣ, которой по всѣмъ основаніямъ должна была принадлежать первая очередь.

Переходимъ къ третьей и послѣдней изъ отмѣченныхъ выше стадій, черезъ которыя прошло Литовское государство въ дѣлѣ реформы высшаго суда, а именно—къ тому времени, въ теченіе котораго чины великаго княжества Литовскаго трудились надъ вопросомъ о мѣстномъ примѣненіи основныхъ началъ реформы, санкціонированныхъ на Варшавскомъ сеймѣ 1578 г.

Свѣдѣнія наши и относительно этой кратковременной эпохи довольно скудны. Всѣ данныя, которыми мы располагаемъ, содержатся лишь во вступленіи въ такъ называемый „Способъ правъ трибунальскихъ“, или уставъ Гл. Литовскаго Трибунала, да въ двухъ статьяхъ сеймовыхъ конституцій 1578 и 1581 гг., изъ которыхъ одну мы уже привели нѣсколько выше.

Мы видѣли изъ означенной статьи, что уже на Варшавскомъ сеймѣ 1578 г. былъ опредѣленъ въ общихъ чертахъ порядокъ будущихъ работъ по составленію детальнаго проекта судебной реформы въ вел. княж. Литовскомъ: литовская шляхта для указанной цѣли должна была собраться на воеводскіе сеймики въ маѣ 1578 г., а затѣмъ на общій съѣздъ (генеральный литовскій сеймикъ) въ Новгородѣ-Литовскомъ (Новогрудкѣ), назначенный на конецъ сентября

того же 1578 г.[1]); отсюда изготовленный и одобренный всѣми „станами“ проектъ въ его окончательной формѣ долженъ былъ поступить на утвержденіе ближайшаго вальнаго сейма.

Безъ сомнѣнія, вся эта программа была точно выполнена, ибо изъ вступленія къ уставу Главн. Лит. Трибунала видно, что уже на вальномъ Варшавскомъ сеймѣ 1579 года былъ представленъ королю изготовленный проектъ закона „около порядку справедливости, то есть отправованья апеляцый“, отъ которыхъ король долженъ быть освобожденъ и разсмотрѣніе которыхъ должно быть передано „особамъ“, избраннымъ „всими станами вел. князства Литовского“. Этотъ законъ, или уставъ Литовскаго Трибунала, какъ видно изъ того же вступленія, хотя даже и былъ подписанъ королемъ, не получилъ, однако, полной санкціи вслѣдствіе того, что „конъстытуцыя соймовая на ономъ Варшавскомъ сойме жадная не дошла, окромъ универсалу соймового“. Въ виду этого чины Литовскаго государства, съѣхавшіеся по приглашенію короля въ Вильнѣ въ апрѣлѣ 1580 г. на „конвокацію ку намовамъ въ справахъ и потребахъ военныхъ“ (по случаю войны съ Москвою), или, по выраженію другого акта[2]), на „съѣздъ“, обратились къ королю съ новою просьбой объ изданіи уже одобреннаго имъ въ 1579 г. „нового порядку справедливости около отправованья и отсуживанья апеляцый“. Это ходатайство побудило короля дать не только словесное, но и письменное обѣщаніе исполнить просьбу объ изданіи устава будущаго Трибунала на ближайшемъ сеймѣ съ занесеніемъ его въ сеймовую конституцію.

Такой ближайшій вальный сеймъ имѣлъ мѣсто въ началѣ 1581 г. На этомъ сеймѣ представленный еще въ 1579 г. проектъ устава Гл. Литовскаго Трибунала послѣ нѣкоторыхъ

---

[1]) Такъ, повидимому, надо понимать слова: „на день Святого Михаала“, т. е. на 29 сентября.

[2]) См. А. З. Р. III, № 119, откуда видно, что виленская „конвокація“, упоминаемая въ началѣ устава Литовскаго Трибунала безъ обозначенія времени ея, была назначена королемъ на 17 апрѣля 1580 г.

исправленій [1]) былъ, наконецъ, утвержденъ, о чемъ и занесено упоминаніе въ сеймовую конституцію 1581 г. съ указаніемъ, что изображенные „русскимъ письмомъ“ „артикулы“ (т. е. уставъ Трибунала), подъ печатью вел. княжества Литовскаго и за королевскою подписью, выданы всѣмъ воеводствамъ и повѣтамъ вел. княжества Литовскаго [2]).

Такимъ образомъ, потребовалось ровно три года, чтобы вполнѣ и давно назрѣвшая реформа, осуществленная въ Польшѣ уже въ 1578 г., получила санкцію также и по отношенію къ вел. княжеству Литовскому. Можно ли послѣ этого удивляться, что со времени изданія второго Статута и первыхъ попытокъ со стороны чиновъ государства ускорить отправленіе правосудія и главнымъ образомъ разсмотрѣніе и разрѣшеніе апелляціонныхъ дѣлъ потребовалось цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, пока судебная реформа 1564—66 гг. была надлежащимъ образомъ завершена; пока для всѣхъ, не исключая самого короля, стало вполнѣ очевиднымъ, что, въ видахъ, „абы долгимъ задеръжаньемъ розсудку и справедливости люди укривжоные не были утиснены, а своволеньство погамовано и завъстегнено быти могло“ [3]), необходимо, чтобы господарь „зложилъ з особы своее тые вси суды, которые за отозвами, або за апеляцыями, по вси тые часы, водлугъ Статуту и правъ вел. князства Литовского, ему судити и справовати належало“; словомъ, пока, наконецъ, былъ учрежденъ для великаго княжества „головный судъ“, или Главный Литовскій Трибуналъ.

---

[1]) Это указано въ слѣд. словахъ вступительной статьи устава Литовскаго Трибунала: „Порядокъ новый... даемь, з *объясненьемъ и поправою на теперешнемь сойме некоторыхь артыкуловъ на сойме прошломъ поданыхъ*“. Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ данныхъ, изъ которыхъ видно было бы, чѣмъ именно проектъ, принятый на сеймѣ 1581 г., отличался отъ проекта, представленнаго на сеймъ 1579 г.

[2]) Vol. leg. II, 1020.

[3]) Слова вступительной статьи устава Литовскаго Трибунала.

Что представлялъ собою этотъ „головный судъ“, созданный, какъ и слѣдовало того ожидать на основаніи всего извѣстнаго намъ изъ предыдущаго, преимущественно для окончательнаго рѣшенія апелляціонныхъ дѣлъ,—каковы были организація и компетенція Главнаго Литовскаго Трибунала,—это составитъ предметъ послѣдующаго нашего изложенія.

Замѣченныя опечатки.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
60	15 св.	Александръ	Александромъ
64	17 сн.	его царствованія,	его царствованія.
„	5 „	Актъ Л. М.	Акты Л. М.
91	11 „	„своего повѣта)“	„своего повѣта“)
201	4 св.	являвшихся	являвшіеся
203	1 сн.	(стр. 154, примѣч. 1).	(стр. 154, примѣч. 1),
215	2 „	вторымъ Статутомъ,	вторымъ Статутомъ;
222	8 „	IV, 62	IV, № 62
224	6 „	чувствовать особенно	чувствовать, особенно
240	14 „	со времени, изданія	со времени изданія

Того же автора:

Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства (Изслѣдованіе съ приложеніемъ систематическаго свода этихъ грамотъ). К. 1889 г.

Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи. К. 1890 г.

Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи. К. 1893 г.

Матеріалы для исторіи судоустройства и судопроизводства въ Литовско-Русскомъ государствѣ.—Акты о копныхъ и панскихъ судахъ. Т. I. К. 1897 г., стр. 846.

Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. Вып. I. К. 1898 г.

Луцкій Трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в. (Изслѣдованіе съ приложеніемъ архивныхъ матеріаловъ). К. 1899—1900 г.

ЦѢНА 2 РУБ. 50 КОП.

